

ТЕЛЕСКОПЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ шѣмъ , чшобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва , Окшября 21 го дня 1832 года.**

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

РИМСКОЕ ПРАВО.

Tu regere imperio populos, Romane, memento,
 Hae tibi erunt artes, pacisque imponere morem;
 Parcere subjectis et debellare superbos.

Aeneidos. VI;

Воспокъ изъ нѣдръ вѣчной пребываемости воздвигъ идею челоуѣчества, на разнородныхъ лицахъ эквапора и полюса опсвѣчивающую единствомъ крови и духа. Египеть, какъ корень, глубоко лежащій въ земль, далъ оппрыски на свободномъ Греческомъ воздухѣ; образовательная сила государствъ созрѣла на Аѳинской площади и въ Академіи Платона; Греческіе нравы дали бышіе философіи. Ипакъ творческія и образовательныя силы законодательствъ уже исполнили мѣру своего напряженія;

надлежало опыскапть вѣщество , на копоромъ бы онѣ показали ихъ образовашельное могущество. Вѣщество для великаго законодательсшва опкрылось въ нравахъ народа малочисленнаго , медленно образуемаго , но подающаго надежды мужеспвеннаго и прочнаго образованія. Сей народъ , дивный въ лѣшописяхъ міра , супъ Римляне.

Римъ еспъ міръ , въ копоромъ всѣ прошивуположныя силы природы человѣческой вспуающъ въ рѣшительную борьбу и оканчивающъ великую драму древняго міра. Здѣсь геній востока съ величеспвеннымъ спокойспвіемъ возлежипъ на колоннахъ Капиполія , и посмѣваелся плебейской свободѣ , шумно полкущейся на Римской площади (forum). Геніи Египта и Греціи спояпъ лицомъ къ лицу , и споряпъ о владычеспвѣ надъ гражданскимъ міромъ. Измѣрипъ средствъ сихъ прошивниковъ , видѣпъ ихъ взаимную борьбу , испощаніе силъ и окончательное примиреніе , значипъ предспавипъ посшепенное образованіе Римскаго Законодательсшва. Ипакъ приспупимъ.

Первое испорическое явленіе на Европейской землѣ супъ Пелазги , занимавшіе берега Эгейскаго , Адриашического и Тир-

ренскаго морей. Изъ Греціи ихъ выпѣсни-ли (а нѣкопрыхъ покорили) Эллины и на ихъ жилищахъ развили Греческую цивилизацію. Въ Италіи они не болѣе имѣли счастья. Съ сѣверной стороны Альповъ являюся, (вѣроятно , пѣснимые Кельшами и Германцами), горные обитатели, Этруски, вшоргаюся въ земли Палазговъ-Тирренцевъ, и производящъ шумное колебаніе въ народахъ всей Италіи. Этруски на берегахъ Арно, въ нынѣшней Тосканѣ, копорой они дали свое имя (Tuscus, Etruscus), унвердиди постоянное мѣспопребываніе, проявели спиль гражданспвенности, копорый ни съ какимъ другимъ не имѣетъ родспвеннаго сношенія. Сами Этруски всѣ испины, къ общежишію и религіи относящіяся, приписывающъ ошкровенію карла (pain) *Tagessa* а), возникшаго изъ нѣдръ земли и обладавшаго всѣми знаніями. Сей вымысль показываешъ оригинальность или шуземность Этрусской цивилизаціи б). Сія до-

а) Этрускій Тагесъ ешъ выкопанный изъ земли мальчикъ съ спарческою мудросію — изъ нѣдръ земли изнесшій даръ пророчества — сынъ генія и внукъ Юпитера, училель двенадцати народовъ Италіи. Онъ ешъ Гермесъ Италійскій — гражданское разумѣніе. Kreuzers Symbolik.

б) Niebuhr, Römische Geschichte. II. 925—929. I. 156.

слѣдняя достигла полной зрѣлости въ прешьемъ вѣкъ Римской Имперіи, и имѣла характеръ религіозно-образованный, являющій сходство съ Греческою, особенно же съ Египетскою. Слѣды ея открываются даже теперь въ памятникахъ архипектуры и ваянія. Благородное Римское юношество до времени впрорженія въ опечество Греческихъ наукъ и искусствъ воспитывалось въ Эпрусскихъ знаніяхъ, заключавшихся въ астрономическомъ календарѣ, богослужебныхъ обрядахъ, гаданіи по внутренностямъ живошныхъ и полешу пшницъ, въ Медициѣ и Еспеспвенной Имперіи. Эпруски имѣли книги, кои подобно книгамъ Моусея, содержали жреческое право, правила архипектуры, публичное право, раздѣленіе жипелей на куріи, прибы, ценсуріи, и военныя правила а). Но гораздо для Имперіи Римскаго законодательства важнѣе извѣстія объ Эпруской конституціи. Воя земля ихъ, по свидѣтельству Рим-

а) Niebuhr, Römische Geschichte. I. 157, 158. Примѣч. До времени Императоровъ волшебники и скороходы Эпрускіе ходили по Италіи, и привлекали къ себѣ суевѣрную любознательность ея обитателей, точно также, какъ по завоеваніи Египта аспрологи и гадатели сей земли рассѣались по всей Римской Имперіи. Ibid.

скихъ испориковъ, раздѣлена была на двѣнадцать городовъ или округовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свои храмы, своихъ боговъ и законы; и всѣ округи вмѣстѣ соспавляли федеративную республику, соединявшуюся во времена общей опасности, но чаще раздираемую междусобіями. Каждый городъ соспавлялъ особую республику военныхъ жрецовъ, называемыхъ *Лукумонами*. Сіи жрецы-воины образовали изъ себя могущественный паприціанъ и властвовали надъ народомъ, имѣвшимъ права несравненно ниже правъ Греческой черни или Римскихъ плебейцевъ. Вся власть городскихъ паприціевъ сосредоточивалась въ Сенатѣ, коего члены обыкновенно назывались *Principes Etruriae*. Сколь ни велико было разспояніе сей военно-жреческой касты опъ проспаго народа, но сама въ себѣ она была чиста демократическая; посему олигархія не замедлила укоренишься въ ихъ конспициіи, а съ симъ вмѣстѣ начались изгнанія слабѣйшихъ благородныхъ домовъ. Такъ цѣлый родъ (*gens*) Тарквиніевъ былъ изгнанъ изъ опечества и принужденъ искать убѣжища въ Римѣ. Съ другой споронь сильный деспотизмъ господствующей касты, убивая силы народа, сдѣлалъ его

неспособнымъ къ отраженію свободной Римско - плебейской пѣхопы. Римляне скоро явились повелителями Эпхуріи. Оскорбленная гордоспъ Лукумоновъ хотѣла воспановитп независимоспъ націи дарованіемъ вольности народу; но было уже поздно. Римскіе легіоны подѣ предводителеспвомъ Силлы положили конецъ ея сущеспванію а). Мы увидимъ, что побѣдоносный Римъ не избѣгнулъ вліянія имъ побѣжденной Эпхуріи.

До Нибура никто не сомнѣвался, что Римъ основанъ Ромуломъ за 753 года до Рождества Христова б); но съ появленія его Римской Исторіи всѣ начали пребывать опчелпа въ основныхъ и необходимыхъ причинахъ возникновенія и исполинскаго могущеспва Рима. Хотя предначертанія и воля одного человека много значатъ въ историческихъ событіяхъ; но сущеспвенная сила, движущая ими, еспъ сложная сила

а) Niebuhr, Rom. Gesch. R. I. c. 140, 141.

б) Одинъ Ж. Б. Вико, Неаполитанскій ученый, за 90 лѣтъ до Нибура чувствовалъ недостаточность сего мнѣнія. Въ своей Scienza Nuova онъ даже утверждалъ, что Римскіе Цари были одицеспверенныя силы Рима. Онъ глубоко видѣлъ начала Римской Конституціи, кои Нибуромъ только развиты и уяснены. Ошкрышіе принадлежатъ Вико, а повѣрка Нибуру.

времени, мѣспа и народа. Геній не имѣеть законодательной власти въ произшествіяхъ; ему принадлежишь только власть исполнительная: и попому голая мудрость и воля Ромула по законамъ новѣйшей крипки приемятся только въ объясненіе ближайшихъ причинъ сооруженія Рима. Самое лице Ромула по предположенію Нибура ешь не болѣе какъ символъ первобытнаго Рима. *Повѣсть временъ старыхъ, дѣла минувшихъ лѣтъ!!*

Roma, говоришь онъ, слово не Лацинское а), означалъ не большой городъ Сикуловъ, или Тирренцовъ, построенный на Палапинской горѣ, и основываясь на преданіи, предполагалъ, что онъ, въ качествѣ свободнаго округа, признавалъ надъ собою верховную власть Альбы Лонги.

Римъ занималъ Палапинскую гору и, отдѣляясь отъ Эпруріи рѣкою Тибромъ, имѣлъ въ сосѣдствѣ другія высоты: Авентинъ, Целіусъ и ближайшую изъ нихъ Квириналь. Слово *Quirinal* Нибуръ производишь не отъ *Quires* (мечъ), а отъ горы *Cures*, по которой и городъ, стоящій на

а) Такъ думали сами Римляне.

ней назывался *Curium* или *Quirium*. Сей послѣдній, по всей вѣроятности, былъ обитаемъ Сабинянами. Не смотря на весьма близкое разстояніе одного города отъ другаго, они первоначально не составляли одного цѣлаго, какъ нѣкогда старыи Данцигъ съ новымъ, или старыи Кёнигсбергъ съ новымъ Кёнигсбергомъ. Но какъ они оба соприкасались одинъ другому спѣна объ спѣну; по между ими не избѣжны были частыя сношенія, взаимныя споры, совѣщанія и нерѣдко обоестороннее ополченіе противъ общихъ враговъ. Междуградїе, куда сходились для совѣщанія дипломатическіе чиновники, называлось поему *comitia* (сходка). Для взаимной коммуникаціи каждый городъ прорубилъ въ своей стѣнѣ дверь — *januam*, копорая во время мира обыкновенно была заперта, (ибо юноши Палапинской горы были удалые молодцы, противъ копорыхъ опцы Сабинскихъ семействъ были весьма оспорожны), а при общей опасности во время войны была опворена для взаимнаго вспомошествованія. Вопъ, по мнѣнію Нибура, историческое значеніе двулицаго *Януса*, копораго богошворили Римляне до позднѣйшихъ временъ. Ипакъ двулицыи Янусъ естъ символъ двуглаваго

Рима. Кромѣ сего, самое названіе Рима имѣетъ значеніе двуполаго царства, что было совершенно въ духѣ Римскаго національнаго мышленія. У Римлянъ вездѣ встрѣчается законъ двойственнаго пола: *animus et anima* есть общая формула ихъ представлений о всѣхъ предметахъ природы а). Римъ назывался *Romus*, а другой городъ, меньшій его братъ, *Romulus*. Вопросъ почему — (Нибуръ полагаетъ) — мнимый *Romulus* по пре-

а) Римъ въ самомъ основаніи есть двуполное царство. Ромулъ запахалъ чершу города запряженными въ одинъ плугъ (*conjugium*) коровой и воломъ, какъ символами внутръ-семейственнаго и вѣ-семейственнаго плодородія :

Inde premens stivam designat moenia sulco
Alba jugum nives cum bove vacca tulit.

Ovid. Fast. IV. 825. 19.

Въ этомъ же смыслѣ Ромулъ проситъ покровительсва городу у Марса и Весты:

Vox fuit haec Regis:
Condenti, Jupiter, urbem
Et genitor Mavors! Vestagem
Mater ades!

Ovid. Fast. IV. 827, 19.

Въ Капиноліи на щитѣ, посвященномъ невѣдомо-му божеству — хранищелю города — была слѣдующая надпись: „Genio urbis Romae, sive mas sit, sive foemina.“ *Conjugium* вола и коровы въ политическомъ отношеніи знаменуетъ, что основаніе Рима есть семейство, супружество мужа и жены, выразившееся въ словахъ: „Ubi tu Cajus, ego Cajs.“ — *Patria et ropulus*. — Семейственный и политическій бытъ Рима. Kreuzers Symbolik. В. II. 1000, 1001.

селеніи къ небожипелямъ, велѣлъ себя чпипшь подъ именемъ *Quirinus*. Эпо было моменпомъ соединенія *Romus* и *Quirium* въ одно нераздѣльное цѣлое — соединеніемъ души и тѣла. Но, какъ въ поже время въ словѣ *Romulus* заключаешся и *Romus*, по первое и припяпо за значеніе цѣлаго. Послѣ сего взаимнаго соединенія произошло совершенное препвореніе двухъ народовъ въ одинъ. Оба города соспавили одинъ Сенапъ, и начали имѣшь одного Царя. Съ сихъ поръ сей двуглавый народъ спалъ называпшься *Populus Romanus et Quirites*, и проспо безъ союза: *Populus Romanus Quirites*. Два народа соспавили двѣ шрибы, изъ коихъ первая называлась Ромуловою (*Rampenses*), впо-рая Таціевою (*Tatienses*). Но вспупаешъ на пресполь Тулъ Госпилій, и — съ нимъ вмѣспѣ появляешся шрешья шриба, коей члены назывались *Luceres*. Мнѣнія о сихъ послѣднихъ различны. Одни называли ихъ Эпрусками, другіе Тирренцами, а Нибуръ видипъ въ нихъ жипелей города *Люцера*, кошорый должно искашь на горѣ *Caelius*, сосѣдней двумъ первымъ высокопамъ; но какъ Тулъ Госпилій, по сказанію древнихъ, былъ основапелемъ города на сей высокопѣ, заселеннаго Албанскими фамидіями

(gentes): по по всей вѣроятности *Luceres* были не что иное, какъ Туллова триба, соспоющая изъ Албанцевъ. Тѣ, кои приписывающъ симъ премъ царямъ раздѣлъ Римскихъ полей, ошибающся только въ томъ, что раздѣлъ сей принимающъ за раздачу земли, кошорой будшобы у жителей не доспавало, тогда какъ онъ былъ напрошивъ соединеніемъ прехъ разныхъ земель (territiores) въ одну Римскую, и законнымъ признаніемъ владѣнія шѣхъ, кой и безъ того уже владѣли.

Три народа соспавили при трибы, но съ неравными преимуществами. Первые двѣ считали себя старшими (*majores gentes*), а Люцеровъ младшими (*minores gentes*); сихъ послѣднихъ сперва не допускали имѣшъ своихъ членовъ въ Сенатъ, не давали участія въ общей сходкѣ (*comitium*), а Римляне считали ихъ даже подвласными себѣ. Въ сіе - по время началось развитіе двойспвеннаго начала Римскаго Государства: 2 трибы, 200 Сенапоровъ, 4 первосвященника подъ начальствомъ пятаго Великаго Первосвященника (*Pontifex Maximus*), избираемаго поочереди изъ двухъ трибъ, 4 Веспалки, 2 Фламина, 20 Феціаловъ, 2 *Duumviri perdullionis*

и п. д. Помомъ когда приба Luceres получила право посылать опть себя 100 членовъ въ Сенапъ; по развитіе и другихъ чиновъ началось происшествіемъ шагомъ, и продолжалось въ видѣ 3 и 3х10. Первые двѣ сошни сенаторовъ удержали однакожь прежній эписепъ и назывались *patres majores*, а прешья *patres minores*; причемъ предсѣдательство въ Сенапѣ принадлежало 10 декуріонамъ изъ Римскихъ семей. Сенапъ раздѣленъ былъ на 30 декурій (декадь, десяшковъ), и каждая декурія соотвѣтствовала куріи, составляющей десяшую часть трибы, отсюда слово *decurio* — сенаторъ. Во время междуцарствія первые десяшь сенаторовъ — *decemviri* опправляли должностъ царя; цари избирались пакъ, что одна приба избирала въ другой, а прешья утверждала выборъ. Трибы состояли изъ *gentes*. Подъ словомъ *gentes* разумются роды семей — коихъ члены безъ различія чиновъ назывались *patres*, отсюда общее названіе семей *patricii*. Организация родовъ была ли у Римлянъ естественною или искусственною, утвердительно сказать нельзя. Во первыхъ можно полагать, что каждый родъ образовался опдѣльно опъ другаго, каждый опдѣль-

но отъ своего родоначальника, и былъ общес-
ствомъ родспвенниковъ ; во впорыхъ , мо-
жесть бысть , въ древнїя времена приба
раздѣлилась на разныя роды по мѣспнымъ
опношенїямъ , пакъ чпо произвольно об-
межеванный учаспокъ земли содержалъ мно-
гіе не родспвенные роды , подобно какъ
въ Аѣинахъ Клицеенъ изъ 4 коренныхъ
прибъ сдѣлалъ 10. Въ шомъ и въ дру-
гомъ случаѣ слѣдспвія одинаковы. *Gentes* ,
соспавленные изъ семейспвъ нерод-
спвенныхъ , могли перероднипсь между
собою и соспавипсь какъ бы опрасль одного
родоначальника. Они имѣли общїй храмъ ,
общихъ боговъ, празднеспва и пр. Опсюда
въ Римѣ являющся *gentiles* на взаимно род-
спвенныхъ опношенїяхъ. Въ случаѣ несо-
спояпельности одной фамилїи къ понесенїю
повинностей государспвенныхъ, взносовъ въ
казну, въ случаѣ плѣна и шому подобныхъ об-
спояпельспвъ, всѣ фамилїи одного рода (*gens*)
опвѣщспвовали за несоспояпельнаго , од-
накожь подѣ условїемъ : если кліенпы
несоспояпельной фамилїи равно были не-
соспояпельны. Кромѣ шягоспей были обо-
юдныя выгоды. Имущеспво послѣ без-
дѣшныхъ или неоспавившихъ близкихъ род-
спвенниковъ шло къ однородцамъ (*gentiles*).

Каждая приба имѣла 10 родовъ (*gentes*) а), каждый родъ 10 фамилій, ипого всѣхъ паприціанскихъ фамилій было 300. Все, что было внѣ сихъ родовъ, считалось безфамильнымъ, неимѣющимъ предковъ (*novus homo*). Одни паприціи имѣли фамиліи.

Въ Римскихъ *gentes* усмаприваешся зародышь государспва, неподвижныя почки, на копорыхъ сновалась органическая матерія Рима. Первое явленіе сего членопворенія сушь Римскіе кліеншы (*clientes*). Происхождение ихъ, по сознанію Нибура, споль же безвѣсно, какъ и начало самаго Рима. Между шѣмъ еспь поводъ предполагать, что происхождение кліеншовъ находипся въ связи съ бывшимъ погда въ упошребленіи Ипалійскимъ правомъ *jus applicationis et jus exulandi* (правомъ приписи и правомъ выселенія). На основаніи сего права граждане Ипалійскихъ городовъ, соспоящихъ съ Римомъ на опношеніяхъ народнаго права (*jus gentium*), могли основать жипельспво въ Римъ, но съ обязанностію найпи себѣ папрона между природными гражданами. Исторія подшверждаешъ, что большая часть сихъ пересе-

а) *Gens* однознаменательно съ *genus*, γένος.

ленцевъ были пресупники, избѣгающіе родспвенной меспи, (чпò весьма часпо бывало въ Аѣинахъ), коихъ не могли удерживашь въ опечеспвенномъ городѣ. Къ словію кліенповъ должно опнеспи оппущенниковъ *per vindictam et censum*, вмѣспѣ съ иноспранцами соспавлявшихъ масперовыя гильдіи (*maîtrises*), коихъ при Нумѣ счипалось до девяти а). Соспояніе Римскаго кліенпа можно сравнишь съ невыгоднымъ соспояніемъ Германскаго вассала, или Аѣинскаго мешека, копорый самъ собою никакъ не могъ опносипься въ судебныя мѣспа, а избиралъ папрона (*προβάτης*), копорый всѣ судебныя его дѣла велъ опѣ своего имени и защищаль его въ судѣ. По праву первобыпному, всѣ несчастныя, гонимыя судьбою, счипались за опверженныхъ богами. Кшо не имѣль своихъ боговъ, своего рода, шопѣ искаль покровипельспва у чуждыхъ пенашовъ, у чуждыхъ семейспвѣ. Въ шакомъ случаѣ онѣ допускался къ семейспвеннымъ празднеспвамъ, но вмѣспѣ съ симъ

а) Niebuhr, Römische Geschichte. I. 659—662. Иноспранцы и оппущенники, записанныя въ ценсъ, по изъясненію его первоначально не имѣли полнаго права гражданспва, и назывались *acarii*.

подвергался всей власти отца семейства, законодательной и судебной. Римские папроны имѣли полную судебную власть надъ своими кліентами. Обязанности папрона: кровнисьство, дарованіе участка земли кліенту, наставленіе въ законахъ, ходатайство предъ судомъ; права: право опеческой власти, наследованіе послѣ бездѣшнаго кліента, право на уваженіе, на денежные и всякаго рода пособія для уплаты долга, для выдачи дочери замужъ и пр.; обоюдная обязанность: опеческое попеченіе и сыновняя преданность, обоюдная вѣрность, освященная правомъ божественнымъ. Посему папронъ и кліентъ въ гражданскомъ отношеніи составляли одно лице, и всякаго рода судебныя дѣла между ими запрещались. Въ случаѣ злоснаго нарушенія обязанностей шопъ и другой предавались проклятію: „Папронъ, дѣйствующій во вредъ кліента, и наоборотъ, да будетъ проклятъ а).“

Еслибъ составныя силы Рима заключались въ однихъ паприціяхъ и кліентахъ; по Исторія Рима ни чѣмъ не опличалась бы опъ Исторіи федеративной Эпрури. Но

а) XII. tabb. —

священный паприціашъ Рима ожидала другая учась. Вспомнимъ , что къ Палапинской горѣ сперва присоединился Квириналь , потомъ висопа Целіусъ , и каждый разъ присоединеніе изображено преемствомъ государей. Мы видѣли , что Туллъ Госпилій покорилъ Альбу , а Паприціевъ сего города переселилъ на гору *Caelius*. За Туллою Госпилиемъ слѣдуетъ Анкъ Марцій , которому также приписываютъ раздѣлъ Римскихъ полей , и сверхъ сего утверждение плебейскаго обычнаго права. Сіе преданіе Нибуръ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Когда Туллъ Госпилій покорилъ Альбу , по кромѣ выведенныхъ паприціанскихъ фамилій оставались въ ней многіе благородные дома , а сверхъ того Альбѣ повиновался обширный округъ *Latium* , заключавшій въ себѣ двадцать городовъ ; земля Албанская принадлежала въ собственность Риму , съ предоставленіемъ однакожъ владѣнія ея жителямъ. Анкъ Марцій предпринялъ еще переселить часть ея жителей на гору Авеншинъ , но какъ прибыли уже полный комплектъ : то сіи переселенцы принуждены были оспаривать на просныхъ правахъ , и напрошивъ Римскаго паприціаша образовали просный Рим-

скій народъ (*plebs Romana*). Съ сихъ поръ Авенпинъ спалъ главною кварширой плебейскихъ силъ; и какъ права его были ниже правъ паприціевъ (*populus Romanus*), шо между паприціями и плебейцами началась продолжительная, шакшическая борьба, а съ симъ вмѣстѣ начало исполнскаго возрастанія Рима. Сія *plebs*, принимаемая за Римскую чернь, имѣла однакожъ великій характеръ, ибо въ нее вошли многія благородныя фамиліи Альбы; посему она скоро обнарушила великіе шаланпы и явила себя достойной соперницей достопочшеннаго паприціаша. Жипели Альбы, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, удержали навсегда Латинскія права: муниципальную свободу, религію, законы, безъ учаспія однакожъ въ Римскихъ комиціяхъ; а переселенные на Авенпинъ сосшавили народъ Анка Марція, и приложились къ народу Ромула, Нумы или Тація и Тулла Госпилья. (а).

а) Чшо касается до послѣднихъ Римскихъ Царей: Тарквинія Древняго, Сервія Туллія и Тарквинія Гордаго, шо мѣнше Нибура колеблется между двумя предположеніями. Въ имени Тарквинія Приска, разсматривая слово *Priscus*, онъ видить въ немъ имя народа (Присковъ), смѣшаннаго съ Албанцами; слѣдовательно самаго Тарквинія считаешь не лицомъ, а благород-

ніе Нибура, оправдываемое памятниками древняго Рима, что Римскій паприціалъ былъ организованъ по образцу Эпрусскому легко можемъ себѣ предсавить непреклонную волю паприціевъ, которые всегда и во всемъ хопяшъ господствовать надъ народомъ безфамильнымъ, незнающимъ Эпрусскаго календаря и законодательства.

ными фамиліями, переселенными Тулломъ на гору *Caelius* вмѣстѣ съ Люцерами. Симъ объяснешъ онъ и десцозиамъ Тарквинія Гордаго, который опираясь на паршію Присковъ, недовольную правомъ *minorum gentium*, могъ легко утѣснить старшія шрибы (*gentes majores*). Съ другой стороны, Нибуръ расматривая въ имени Тарквинія Приска слово *Tarquinius* — имя Эпрусскаго города — и то, что Тарквиній по преданію назывался Лукумоцъ (т. е. Эпрусскій Паприцій), и наконецъ принимая гору *Caelius*, на которой поселились *Luceres*, за имя одного Эпрусскаго бандиша *Caelès Vibenna*, сходнаго съ Италіанскими *Condottieri* среднихъ вѣковъ, пришедшаго на помощь Римскому царю и занявшаго вышину *Caelius*, Нибуръ полагаетъ, что въ основаніи Рима лежишь важная доля Эпрусскаго элемента. Временемъ пришествія Эпрусскаго вождя, который могъ бышь самъ Тарквиній Древній, онъ полагаетъ эпоху мнимаго Ромулова царствованія. Изъ сего предположенія Нибуръ выводитъ второсепенныя предположенія, что самый Римъ могъ бышь завоеванъ Эпруссками, поселившимися на горѣ *Caelius*, и образовавъ имя на Эпрусскій шциль. Симъ объяснешъ онъ исторію Сервія Туллія, пришедшаго вмѣстѣ съ Вибенной и основавшагося на горѣ *Caelius*; Эпрусскій характеръ Римскаго Паприціата, священнаго Римскаго права, цензури Сервія Туллія, шрибы, куріи, воспитанія юношества, и коренныя законы Римскаго народа, Niebuhr. I. 417—430.

Съ другой стороны Римская *plebs*, часпію благородная, большею часпію свободная, всегда возраспающая въ вещественныхъ силахъ, никакъ не могла пресмыкашья предъ паприціями. Первоначально вся земля принадлежала паприціямъ, а народъ безмолвно повиновался ихъ законамъ и учрежденіямъ. Вскорѣ народъ, получивъ внутреннюю организацію по образцу паприціанской, вспуилъ въ полипическое соединеніе съ паприціями. Сіе послановленіе, приписываемое Сервію Туллію, раздѣлившее весь Римскій народъ на прибы и ценшуріи, не уничтожило первоначальнаго двойства Государственныхъ началъ. Сила паприціанская заняла первыя ценшуріи, а плебейская послѣднія, весьма спѣсенныя въ своихъ правахъ, и попому въ ценшуріальныхъ собраніяхъ перевѣсь всегда оказывался на споронѣ паприціевъ. Паршіи долго ожеспочались; наконецъ оскорбленные плебеицы рѣшишельно опказались повиновашья паприціямъ, если они не ушвердятъ закона, въ слѣдшвіе копорого защищеніе правъ народныхъ возложено на прибуновъ съ власпію оспанавливатъ всякое покушеніе паприціевъ пропиву правъ плебейскихъ. Эпоха поста-

новленія трибуновъ была началомъ торжества плебейцевъ надъ патриціями. Съ сихъ поръ аристократія постоянно ослабѣвала, а демократія постепенно возвышалась въ своихъ силахъ. Плебейское могущество возраспало въ хронологическомъ порядкѣ а).

-
- а) Въ 245 г. установленны апелліаціи къ народу (ad plebem),
- 260 — — — — Трибуны Народа (plebis).
 - 309 — — — — приобрѣшены права на супружество съ Патриціями,
 - 353 — — — — на Квесторство,
 - 380 — — — — на Консульство.
 - 385 издавъ законъ прошивъ непомярнаго увеличения помѣстныхъ владѣній.
 - 389 — — — — Курульный Эдилитетъ,
 - 399 — — — — Диктаторство,
 - 409 — — — — Цензорство,
 - 418 — — — — Преторство.
 - 452 — — — — Первосвященство,
 - 660 — исключительное право избирать жрецовъ.

При семъ должно замѣтить, что Римская plebs была слишкомъ положительна и умна, чтобы вышатаься до безразсуднаго требованія *déclaration des droits de l'homme*. Она любила дѣло и никогда не вышупала изъ границъ размѣренныхъ цѣлей; она дѣйствовала изподоволь, разрушая патриціанскія привилегіи медленно, вѣрно, опчешливо. Посему весьма справедливо вѣкошорые думаютъ, что все законодательство Рима есть рядъ отрицательныхъ величинъ — отъ перваго народнаго Трибуна до совпаденія сей грозной власти съ властію Первосвященника и Консула. Патриціямъ принадлежишь *rogatio*, Плебейцамъ *veto*, всегда упорное, твердое, неутомимое. На сторонѣ Патриціевъ было положительное законодательство, созрѣвшее въ шворческій періодъ семейственнаго быта Римлянъ. Они имѣли

Послѣднія времена республики ознаменованы кровавыми триумфами плебейцевъ надъ патриціями. Вся великіе паланпы спанились на спорону народа, который разпочалъ верховную власшь своимъ любимцамъ. Августъ былъ величайшій и послѣдній демагогъ, сосредоточившій въ себѣ всѣ влассти республики.

Образованіе Римскаго Права шло совершенно вровень съ побѣдами плебейцевъ. Римскія сказанія гласящъ, что Ромуль далъ своему городу при имени: 1) паниспвенное, извѣстное однимъ богамъ и ихъ любимцамъ на землѣ, 2) жреческое, извѣстное однимъ жрецамъ, 3) политическое, или народное. Первое имя любовь, анаграмма (по изъясненію нѣкоторыхъ) слову *Roma* (Амор), второе *Flora* — цвѣшущій

уже все, и постепенно должны были не приобращать, но терять, слѣдственно исторія Римскаго законодательства есть исторія отрицанія Патриціанскихъ привилегій. Уравненіе отрицательнаго права съ положительнымъ есть эпоха Имперіи, и Римскій Императоръ, если угодно, есть шождество или безразличіе плебейца и патриція — Первосвященника и Трибуна. *Princeps legibus solutus est*, абсолютная величина! Римъ есть міръ войны: хотя неарочно, но удивительно вѣрно сказалъ Цицеронъ въ рѣчи своей ва Марцелла: „Цезарь, шы побѣдилъ войну“ ш. е. шы побѣдилъ существенную силу Рима, ш. е. шы побѣдилъ Римъ.

Римъ ; прешье , полипическое имя *Roma* (*ρῶμη*) *Valentia Roma* — могущеспвенный Римъ а). Кпо усомнипся , чпо сие пройсшвенное имя Рима еспь символъ развишя могущеспва Римскаго по шремь прешеспвеннымъ періодамъ ; семейспвенному , подь владычеспвомъ любви , какь шашпспвеннаго начала общеспвь , папприціанско - полипическому , цвѣшущему героическими подвигами , полипическому , какь шоржеспвенному опкровенію народной силы (*Valentia Roma*) и власпи, Сія миспико - философическая формула Рима еспь первообразъ его испорического сипшеза,

а) Было сказаніе у Римляпъ , чшо Римъ первоначально назывался *valentia* , или *valeria* , чшд на Греческомъ языкѣ значпшь *Рῶμη*. Новѣйшій филологъ А. В. Шлегель пронзводитпшь *roma* ошь *ruma* (шашпа — млекопшающіе сосцы). Ппшающая близнецовъ волчица сошвѣшшствуетъ дпкой смоковницѣ , кошорая олужпда символомъ Италійскихъ городовъ *) ; ибо и волчица приходила ппшашь Ромула и Рема подь фпговое дерево , кошорое называлось *figus ruminalis*. Еспь шакже преданіе , чшо Рпмъ первоначально назывался *Saturnia* ; но *Saturnus* ошь *Satur* , шакже означаетъ мужеспвеннаго , сильнаго : слѣд. *Saturnia* шождеспвенно съ *Рῶμη*. Kreuzers Symbolik. В. II. 1004.

*) У Римляпъ фпгы употреблялись для подарковъ въ новый годъ въ ознаменованіе сшасшливаго начала и конца , подобно какъ у Хрпстіанъ прпвѣшшствуютъ другъ друга въ Свѣшлый День краснымъ лпцомъ , кошорое имѣетъ шакже шашпспвенное знаменованіе. Kreuzers Symb. II. 914.

Историческое образованіе Римскаго права можно раздѣлить на подобныя періоды :

Первый періодъ — отъ начала Государства до изданія XII таблицъ — съ характеромъ жреческимъ , семейственнымъ.

Второй періодъ — отъ изданія XII таб. до Т. Корунканія или до появленія юриспруденцовъ — съ характеромъ ослабввающимъ патриціанскимъ.

Третій періодъ — отъ начала юриспруденцовъ до Августа съ характеромъ возвышающимся демократическимъ.

Четвертый періодъ — отъ Августа до Константина Великаго — съ характеромъ монархическимъ.

Отъ Константина В. до Юстиніана и п. д. количество законовъ умножалось , но система законодательства не возвышалась , а юриспруденція постепенно упала.

Первый періодъ можно назвать семейственнымъ , Римскимъ; второй продолженіемъ его въ періодъ политическомъ ; третий былъ совершенно политическій , Италійскій ; четвертый — гражданскій , философскій , вселенскій.

Разсмотримъ сіи періоды :

Періодъ жреческій. Древнѣйшій памятникъ Римскаго законодательства есть право Папіріево (jus Papirianum). Мнѣнія о составленіи сего кодекса различны. Діонисій Галикарнасскій а) повѣспвуелтъ, чпо Анкъ Марцій возобновилъ жреческое право (jus Pontificium) Нумы Помпиля, и издалъ его для всеобщаго употребленія; но оно скоро пришло въ забвеніе: и потому первосвященникъ Кай Папірій собралъ его вновь и издалъ въ свѣтъ. Помпоній въ сочиненіи о происхожденіи права (de origine juris) утверждаетъ, чпо по изгнаніи царей народъ хопѣлъ лучше управляться неположительными законами (jure incerto), нежели положительными, но для него ненавистными, и потому рѣшился предать законы и все царское забвенію. Въ семъ случаѣ первосвященникъ Секстъ или Публій Папірій, зная важность царскихъ постановленій, въ копорыхъ содержалось и жреческое право, предпринялъ ихъ собрать и вмѣстѣ съ *Leges Curiatae et Centuriatae*, изданными при царяхъ, предохранить опъ совершеннаго забвенія а). Германскій профессоръ Цим-

а) Denys Halic. II. 36.

а) Mackeldey, Lehrbuch des Röm. Recht. B. I, s. 25.

мернѣ а), основываясь на томъ, что жрецы паприціи, твердо державшись полиптики всячески упрямятъ народъ отъ знанія законовъ, не могли издашь въ свѣтъ подлинныхъ царскихъ законовъ, и что Папиріево Право вѣроятно составлено въ началѣ республики или позднѣе самими паприціями въ пользу своего сословія, но для большей важности издано подъ именемъ царскихъ законовъ. Во времена Цезаря юристъ *Granius Faccus* писалъ комментаріи на сіе право; но какъ подлинникъ, такъ и комментаріи до насъ не дошли. Все, что теперь имѣемъ отъ сего права, состоитъ въ отрывкахъ, собранныхъ западными юристами б). Изъ отрывковъ, собранныхъ въ одно цѣлое, извѣстное подъ именемъ Папиріева Права, должно заключить, что законодательство во времена царей имѣло исключительно священный характеръ, а Маккельдей с) называетъ его даже пребникомъ жреческимъ (*Formularbuch*). Главное его содержаніе составляютъ семейственные

а) *Geschichte des Röm. privat. - Rechts.* B. I. c. 90.

б) *Terrasson, Histoire de la Jurisprudence Rom.* 22. утверждаетъ, что Пап. Право писано на языкѣ Италійскаго народа Осковъ.

с) *Lehrbuch des R. R. S.* 25

законы : опеческая власпъ , супружеспво , усыновленіе , папронапъ ; всѣ сіи виды права шекупъ изъ религіознаго испочника , не изключая даже межеваго права а).

Не смолря на первоначальное господство священнаго права , скоро опкрываешся двойспенное его происхождение . Первый испочникъ еспъ право религіозныхъ преданій , современное Риму , и соспоявшее въ родспвенныхъ связяхъ съ Эпрусскимъ богослуженіемъ и съ ихъ военно-жреческой конспиуціей . Сіе право облечено было въ священныя обряды и содержало всё , что опносилось къ знанію природы и высшему управленію государства (*à la haute politique*) : теорію гаданій и пророчества о судьбѣ Рима . Но подлѣ сего шаинспеннаго испочника Римскаго Права являешся другій , свѣплый , опкрыпый для низшаго разумнія . Это *leges majores* (обычаи предковъ) , коихъ начало перяешся во мракѣ незапамныхъ временъ , и облечено піипическимъ , прозрачнымъ покровомъ . Какъ попъ , шакъ и другій испочникъ соспавляющъ не-

а) „Si quis terminum exarasset, ipse bovesque sacri sunt.“
Lex III Numaе Pompil.

подвижное основаніе, паприціапъ Римскаго законодательства.

Еслибъ законодательство Рима основывалось на неподвижномъ основаніи религіознаго и обычнаго права, по оно было бы священо - пійпическимъ, національнымъ, но никогда не разрѣшилось бы въ многосложную послѣдовательную испорію его усовершенствованія, точно также, какъ одинъ паприціапъ не соспавилъ бы испоріи Рима. Но къ симъ священнымъ памяникамъ права привилась живая, плебейская опрасль права, называемаго Римлянами *jus gentium*. Въ началѣ своемъ оно имѣло весьма ограниченный объемъ. Его не должно приниматъ въ первомъ періодѣ за *jus gentium* вѣка юриспруденца Муція Сцевола, еще менѣе Ульпіана, Папиніана и Павла, напропивъ оно было запасомъ чуждыхъ преданій, припомъ заимствованныхъ не опъ обширныхъ и образованныхъ государствъ, но опъ незначущихъ племень, родовъ (*gentes*) и фамилій, сосѣдственныхъ Риму а). Главное его достоинство состояло въ томъ, что оно могло измѣняться,

а) Zimmern, Geschichte des Röm. Privat. - Rechts. B. I. S. 45—51.

улучшались и отбрасывались по обстоятельству Рима, без всякого оскорбленія памяти предковъ Римскихъ. Это было право ходячее, условное или произвольное, принятіе котораго предполагаетъ сравненіе, выборъ, мышленіе: изъ него Римляне развивали историческую систему права, попомъ теорію положительныхъ законодательствъ, наконецъ философію права и науку правовѣденія. Оно совершило также при періода развитія: 1) преданія, 2) исторіи, 3) философіи, и во всѣхъ періодахъ удержало характеръ *juris gentium*. Исторія Римскаго законодательства есть проивоборство права Римскаго съ народнымъ. Первое на всемъ спремилось положишь печать жречества, паинственности; второе — самое священное право вскрышь взорамъ народа и обратишь въ предметъ свободнаго мышленія: первое спремилось основати движеніе законодательства на твердыхъ формулахъ; второе сообщишь ему дѣятельнѣйшее развитіе и вынести его за предѣлы Италіи.

Плебейское начало права народнаго, присоединившись къ священно - пипическому, не замедлило обнаружитъ свою силу. По изгнаніи царей вся власть респуб-

лики оспалась въ рукахъ паприціевъ. Судебная власшь, наравнѣ съ другими, опчасу болѣе приобрѣшала характеръ жречесшва, по кошорому дѣла, рѣшаемыя даже по обычаямъ предковъ, или, пакъ названому плебейцами, праву неположипельному, подверглись спрожайшей дисциплинѣ жреческаго календаря, всѣмъ ухищреннымъ обрядамъ, формамъ и формуламъ выдуманымъ паприціями а). Одни паприціи и ихъ кліенны могли веспи порядочно свои дѣла, а плебейцы опъ совершеннаго незнанїя сокровенной юриспруденціи подвергались опасноспи пошеряшь процессъ и придши въ совершенное разоренїе. Все, чпò здравый смыслъ плебейцевъ прошивупосшавлялъ нарядному авпорипешу законодашельсшва, было опражаемо шарлашанскою премудроспїю паприціевъ. Они всячески прошивились письменноспи, редакціи и обнародыванїю законовъ, предшавляя, чпо законы гласные никогда немогушь бышь пакъ полны, какъ опышносшь и мудросшь, досшапочныя на всякїй случай, на всѣ времена. Наконецъ негодованїе свободнаго народа опшрилось

а) Dabelow, Römische Staats - und Rechts Geschichte. X. 5. Ss.

въ законъ Трибуна К. Теренція Арсы (въ 293 году) слѣдующаго содержанія: „Нарядить пятерыхъ выборныхъ людей съ Консульскою властію для написанія законовъ, и что народъ (populus) укажетъ, то Консуль приведетъ въ исполненіе, дабы съ сихъ поръ никто свою волю не считалъ закономъ“ а). Діонисій Галикарнасскій б) распространяетъ сіе обстоятельство совъшомъ къ паприціямъ бывшаго Консуломъ Ромилія: „Послашь выборныхъ людей въ Испалійскіе Греческіе города и въ Аѳины для собранія наилучшихъ законовъ, различныхъ республикъ. Сей совѣтъ принявъ опредѣленіемъ Сенапа (Senatus consulto) и указомъ народа (plebiscita). Помпоній в) упоминаетъ, что число выборныхъ проспиралось до 10. Они отправились въ 300, а возвратились назадъ въ 302 году. Вскорѣ постановлено избрать децемвировъ для редакціи, а когда она приведена къ окончанію, выславишь законы на X таблицахъ публично, дабы всякій могъ ихъ видѣти и дѣлать свои замѣчанія. Законы были раз-

а) Liv. III. 9.

б) Denys Halyc. X, 52.

в) De origine juris, lib. II. § 4.

смаприваемы всѣми , и когда никшо уже не имѣлъ ничего прошивъ нихъ сказаць , по Сенапъ опредѣлилъ ушвердиць сїи законы. Народъ со всею священною церемонією конфирмоваль уложеніе X таблицъ. Въ слѣдующіе выборы власпъ децемвировъ продолжена еще на годъ , дабы они осмошрѣлись , и чего не доспавало въ кодексъ , дополнили своими соображеніями. Въ слѣдспвіе сего Апшій Клавдій , одинъ изъ искуснѣйшихъ редакторовъ , прибавилъ къ X еще II таблицы , изъ коихъ одною запрещены навсегда браки паприціевъ съ плебейцами. Такимъ образомъ соспавились славныя XII таблицъ , на коихъ основалось величеспвенное зданіе Римскаго законодательсства а).

Римляне позднѣйшихъ временъ сполько уважали сїе уложеніе , что предпочипали

а) Омъ XII таблицъ мы не имѣемъ ни подлинника ни копій. Подлинникъ сгорѣлъ во время нашеспвіа Галловъ. Но поеліку XII табб. ходили по рукамъ въ безчисленныхъ копіяхъ , а Римское юношеспво съ младенчеспва учило ихъ на изусщъ *uti carmen necessest*, и писатели основывали на нихъ свои мнѣнія, по множеспво положеній сего драгоценнаго законодательсства разспано въ сочиненіяхъ Римскихъ юриспруденсовъ , историковъ и ораторовъ. Они пошеряли оригинальность, получили подновленный двыкъ, обороты , а въ нѣкоторыхъ сохранилось шолько по одному слову изъ цѣлаго предложенія. *Zimmern, Geschichte des Röm. Rechtes...* Ч. I. с. 106.

его всѣмъ существующимъ сочиненіямъ. Цицеронъ совѣдуетъ оратору наиболее изучать XII таблицъ а): „Законы XII таблицъ суть живой и вѣрный образъ древности; въ нихъ хранился образъ выраженія, нравы, обычаи предковъ. Кто хочетъ научиться юриспруденціи, тотъ найдетъ въ нихъ мудрыя правила по всѣмъ отраслямъ права и управленія; кто любитъ высшую философію, тотъ найдетъ въ нихъ начала и основанія для философскихъ собесѣдованій. Пусть другіе говорятъ объ нихъ что угодно, а я не промѣняю ихъ на всѣ существующія библіотеки. Въ нихъ памятникъ древности, обширность знаній, любовь къ добродѣтели и казнь преступникамъ.“ Ливій называетъ ихъ источникомъ публичнаго и частнаго права б). Юстинианъ отдаетъ справедливую похвалу XII таблицамъ за безчисленное добро, сдѣланное ими роду человѣческому, за ихъ благородную простоту, которая одна достойна законодательства с).

Благородная Римская гордость нисколько не оскорблялась тѣмъ, что предки ихъ

а) De Oratore, cap. XLIII.

б) L. III. 34.

с) Terrasson, Hist. de la Jurispr. Rom. p. 94.

считали себя ниже Грековъ въ наукѣ законодательства, и съ воспоргомъ вѣряють, что въ XII табб. содержитсяъ вся мудрость современныхъ законодательствъ. Они вѣряють, что законы Солона, Залевка и Харонда положены въ основаніе ихъ безсмертнаго уложенія. Между тѣмъ юриспруденцы XVІІІ вѣка Вико а), Бонами б) и послѣдователи Исторической Школы XIX вѣка оспаривають или подлинность посольства въ Грецію, или включеніе Греческихъ законовъ въ XII табб. или наконецъ, признають маловажность вліянія Греческихъ законовъ на Римскіе в).

а) Science Nouvelle, traduite par Michelet. с. 31.

б) Terrasson, р. 77—79. Cic. de leg. lib. II. сар. XXIII.

в) Нибуръ объясняетъ изданіе XII таблицъ слѣдующимъ образомъ. Съ 281 по 295 годъ Римъ подверженъ былъ великимъ физическимъ бѣдствіямъ: въ 282 году обнаружилась сильная язва, голодь и землетрясенія и около 292 года страшныя знаменія на небѣ; многіе знаменитыя патриціанскіе дома и фамиліи вымерли. Въ то время, когда плебейскія трибы по прекращеніи бѣдствій комплексовали себя прительцами со всѣхъ сторонъ и быстро возстановляли народонаселеніе, потеря патриціанскихъ домовъ ничѣмъ не вознаграждалась. Слѣдствіемъ сего было то, что между фамиліями, потерявшими равновѣсіе, начала возникать олигархія, и сильно налегла на плебейскія трибы. Второе слѣдствіе бѣдъ, постигшихъ Римъ, было важнѣе перваго. Для народа не всегда вредно имѣть хотя и сильныхъ враговъ, но такихъ, коимъ онъ можеть прошивупосла-

Законы XII таблицъ суть не столько гражданское уложеніе, какъ коренный го-

вишь свои силы; онъ можешь ими изощрять и даже совершенствовать свой характеръ; но бѣдствія физическія, противъ которыхъ всѣ чѣловѣческія силы ничего не значать, ожесточаютъ народъ, а если онъ суевѣренъ, заставляющъ его изыскивать виновниковъ народныхъ бѣдствій, и часто наводятъ всю ярость его на слабую сторону правительствва. Во время общесіенныхъ бѣдствій народъ ищетъ, на чемъ бы ему сорвать свою досаду, и большею частію находить. Плебейцамъ не нравилась конституція, особенно обширная власть консуловъ, недоспашокъ обезпеченій въ уголовномъ правѣ и жестокость законовъ противъ должниковъ, кои чрезвычайно размножились во время бѣдствій. Ихъ цѣль была прояская: стѣснить связать и уравнивать сословія, на мѣсто консуловъ поставивъ чиновниковъ съ меньшею властію, и наконецъ постановивъ для всѣхъ шрибъ общее гражданское право. Главный недоспашокъ тогдашняго Римскаго законодательствва состоялъ въ неписьменности, безгласности и зависимости обычнаго права отъ произвола консуловъ. Последнее въ сіе время производило у Римлянъ стѣ же замѣшательствва, какія терпѣли Италіанскіе города среднихъ вѣковъ отъ поколѣннаго разнозаконія. Римъ составленъ изъ разныхъ народовъ; посему Римляне имѣли свои законы, Сабинцы свои, шрибы свои; роды, фамиліи также — каждая *gens* имѣла наследственный обычай, равно какъ наследственное нарѣчіе и богослуженіе. 292 годъ былъ эпохой перерожденія Римскихъ *gentes* въ политическое бытіе; слѣд. почувствована вполнѣ необходимость обобщенія, единообразія необходимости развитія семейственного права въ политическое. Восемь лѣтъ патриціи упорствовали дать конституцію плебейцамъ; наконецъ въ 500 году утвердили указъ объ обнародованіи гласнаго законодательствва. Нибуръ не отвергая посольствва въ Грецію и Аенны, не признаешь никакого сходства между Римскимъ и Аеннскимъ правомъ; а замѣшвованіе частнаго права рѣ-

сударственный актъ или договоръ между патриціями и плебейцами, утверждающій равенство ихъ предъ закономъ, предѣлы судебной власти, и образъ судопроизводства а). Между тѣмъ изъ него же почерпаемы были въ послѣдствіи всѣ начала частнаго гражданскаго права б). Всѣ XII табб. можно раздѣлить на законы публичнаго, и приватнаго (семейственнаго и вещественнаго) и наконецъ, уголовнаго права.

*Jus triplex, tabulae quod ter sanxere quaternae;
Sacrum, privatum, populi commune, quod usquam est.*“
Auson. Idyll. X. V. 61. sqq.

Извлечемъ важнѣйшія положенія законовъ XII табб.

А. По праву публичному:

Привилегіи запрещаются.

Между патриціями и плебейцами браки запрещаются.

Судъ о лишеніи жизни, свободы гражданина и семейственныхъ правъ долженъ

шишелою опровергаетъ. Если Римскіе посланные что-либо заимствовали изъ Аенія, то вѣрно изъ права публичнаго, припомъ не Солонова, а позднѣйшаго. Учасіе Ефесянца Гермодора въ редакціи законовъ XII табб. Нибуhrъ не опровергаетъ. Niebuhr, Römische Geschichte, Ч. II. с. 34308—320, 9—349. —

а) Mackeldey, Ч. I. Zimmern, Ч. I. с. 98.

б) Tit. Liv. III. 34.

быть производимъ въ центуріальныхъ собраніяхъ народа.

Судьи уголовные должны быть определяемы народомъ , а гражданскія дѣла рѣшаетъ преторъ.

Б. По праву частному: а) семейственному.

Женщина , цѣлый годъ прожившая съ мужчиной не опсупсшвовавъ и шрехъ ночей, даже безъ совершенія обряда, да принадлежишь ему какъ жена.

Опець надъ законными дѣпymi имѣеть право живоша и смерши и проекрапной продажи а).

Какъ опець завѣщаетъ о своемъ имуществѣ и объ опекахъ , такъ пому и бышь.

Если опець умеръ безъ завѣщанія , шо наследующь дѣпи , а если ихъ нѣтъ , *agnati* , (родственники съ мужеской спороны) а если и сихъ нѣтъ , *gentiles*.

Послѣ бездѣпнаго опнущенника наследуетъ папронъ и его дѣпи.

б). По праву вещественному.

Если будетъ у претора спорное дѣло о имѣніи , шо преторъ рѣшишь дѣло

а) Т. Ливій опеческую власшь называетъ *majestas patria* (опеческое величество). Ульпіанъ самихъ опцевъ — *principes familiae*: IV, I. и ш. д. Senec. de beneficiis, III. II.

въ пользу того , кто владееть , а въ дѣлѣ свободы въ пользу ищущаго свободы (разуметься , въ случаѣ равновѣсія правъ).

Бревно приспавленное къ зданію или къ виноградѣ да не пребуется и да не опнимается.

Помѣстья приобрѣтающіяся двухлѣпнымъ владѣніемъ , а движимыя вещи годовымъ.

в) По праву обязашельствъ.

Кто какое обязашельство далъ на свою вещь , или опчуждилъ , то согласно его рѣчамъ , такъ и бытъ.

Если чье четвероногое животное нанесло кому убышокъ , то хозяинъ да заплашишь за убышокъ , или опдаешь животное.

Если кто обидишь другого , заплашишь ему шпрафу 25 ассовъ.

В. По праву уголовному.

Папронъ , дѣйствующій во вредъ кліента , да будеть проклятъ.

Кто волхвованіемъ или ядомъ кого умерпвишь , пошь повинень смерти.

Кто изломаешь у кого какой - либо членъ , у того самаго изломашь такой же членъ.

Убившій ночнаго вора на дѣлѣ не подлежитъ наказанію а).

Изъ приведенныхъ положеній XII таблицъ явствуетъ, что онѣ суть формулы, или слишкомъ общія, или слишкомъ частныя; посему при первомъ поступленіи впередъ Римской образованности встрѣялись неудобства или отъ общности, или чрезмерной частности закона. Необходимо развитіе законодательства. Оно совершается или внутреннимъ или внешнимъ способомъ — относительно содержания, или относительно формы. Въ то время, какъ право по содержанию своему развивается во все стороны, родственныя черты законовъ изглаждаются, связь между ними слабѣетъ, въ то время усиливается внешняя спорность права; разсѣяныя нормы вводятся въ общія правила, а изъ сихъ возникаютъ простѣйшія начала юриспруденціи.

Недостаточно имѣть хорошіе законы, нужно владѣть средствомъ ими воспользоваться. Для сего необходимы новыя законы — судопроизводства. Паприціи чувствовали сію необходимость; они не замедлили каж-

а) См. Истор. Рим. Права, Г. Цвѣшчаева.

дѣйствительность закона оградишь приличной формой, и исполнили сіе шѣмъ охотнѣе, что въ семь родѣ законоположенія они провидѣли возможность опиять опъ гласности XII табб. всю пользу, какой опъ ней чаяли плебейцы. На сей разъ они имѣли *legis actiones*, кои не что иное значили, какъ опредѣленный и общій для каждаго способъ опыскивать или передавать другимъ права. Соблюденіе сихъ формулъ требовалось во всѣхъ актахъ: въ контрактахъ, опущеніи на волю, усыновленіи, въ опдѣлѣ, въ опчужденіи, во всѣхъ случаяхъ договора очнаго *stipulationis* а). При чемъ требовалось, что опъ шшилъ во всѣхъ актахъ, порядокъ мыслей, расположеніе словъ и обороты упошреблялись спрочайше по предписанному образцу. Наконецъ требовалось, что опъ всякій дѣйствоваль въ шоржешвенныхъ актахъ самъ за себя, а не спавилъ на свое мѣспо спряпчато, и что сдѣлано, шо не поворачивалось, дабы порядокъ дѣлопроизводства симъ не нарушался, и не было излишней проволочки. Съ распроспра-

а) Сін обряды состояли не только въ формѣ актовъ, но въ движеніяхъ, хожденіи, удареніи, и весьма походили на символич. дѣйствія богослуженія. Zimmern: Ч. II. 110—115.

неніемъ граждан. частныхъ отношеній появились *формулы* для законныхъ дѣйствій, неизбѣжныя для дѣйствительности правъ. Квинтилианъ выразилъ характеръ Римскихъ обрядовъ въ двухъ словахъ : *qui virgulâ cadit, causâ cadit*. Кромѣ сихъ юридическихъ церемоній въ рукахъ патриціевъ былъ календарь, въ копоромъ всѣ дни года раздѣлялись на судебныя, несудебныя и полусудебныя, т. е. когда позволялось и когда не позволялось совершать акты и вещи свои дѣла. Такимъ образомъ патриціи снова захватили разумѣніе плебейцевъ и держали его въ строгой зависимости отъ своего сословія.

Въ 446 году, когда число судебныхъ формулъ накопилось такъ, что сами изобрѣшатели въ нихъ начали путаться, Сенатъ поручилъ Аппію Клавдію Слъпому купно съ жрецами сіи формы собрать и привести въ порядокъ. Редакторамъ показалось мало собрать то, что было введено отъ изданія XII табб. Они вознамѣрились поискать образцовъ въ жреческихъ архивахъ и собрать составивъ полный кодексъ формулярной юриспруденціи. Къ счастью плебейцевъ, въ обществѣ редакторовъ открылся измѣнникъ, именно секре-

шарь главнаго редактора, опущенникъ Кай Флавій. Онъ тайно списалъ копию съ Аппіева кодекса и издалъ его въ народъ, а Тишъ Ливій упоминаетъ, что онъ сдѣлавшись эдилемъ, выспавилъ на доскъ (in albo) и календарь, дабы всякій могъ съ нимъ справляться по своимъ дѣламъ. Сенапоры, услышавъ о сей измѣнѣ, до такой степени огорчились, что сбросили кольца съ рукъ своихъ, а благодарный народъ произвелъ Флавія въ трибуны народа, попомъ въ курульные эдилы и въ сенапоры. Кодексъ, похищенный Флавіемъ, называется *Jus Flavianum* а).

Паприціи не теряли надежды сдѣлать бесполезными болѣе и болѣе распространяющіяся въ народъ свѣдѣнія. Они весьма справедливо думали, что вся власть ихъ держишя на высокоомъ мнѣніи народа объ ихъ мудрости и самомъ невѣжествѣ народа, и — должно опдашь справедливоспъ Римскимъ паприціямъ за ихъ швердое полипическое поведеніе. Они снова занялись формулами и соспавили знаки (*notae, sigla*) а). Они были совершенно условныя, такъ что безъ ключа не лзя было понимашъ ихъ :

а) Онъ до насъ не дошелъ.

а) Zimmerm, Ч. I. с. 419.

Въ 553 году Элій Кашъ, курульный эдиль, обнародовалъ ихъ и шѣмъ заключилъ періодъ паприціанской юриспруденціи а). Сколь ни спранно, и, можешь бышь, предосудительно неблагопріятство паприціевъ къ плебейцамъ; но его не должно рѣшительно и безусловно осуждать. Имъ обязана позднѣйшая юриспруденція швердоспію своего національнаго характера, именемъ науки, а республика славою и счастливымъ равновѣсіемъ вѣрованія и мышленія. Плебейцы, уничпоживъ священный паприціанъ, въ свою очередь подпали желѣзному жезлу Иллирійскихъ солдашь.

(до слѣдующей книжки).

—*~*~*~—

II.

Д У Ж И.

Ишакъ, она меня любила!
Она со мной разлучена...
Непоспизижимой шайной силой
Меня влекла къ себѣ она.

Намъ рокъ коварно улыбался;
Мы были радости полны...
И, Ангель свѣша намъ являлся
И намъ дарилъ злашые сны!..

а) Terrasson, 205.

Но демонъ темный, духъ сомнѣнья,
 На насъ незримо нападалъ,
 Смущаль онъ наши наслажденья,
 Онъ наши радости смущаль!..

Безумный, я спую у гроба...
 Но вошь ударить скоро часъ!
 Узнаю, духи, кто вы оба,
 И кто сильнѣй шеперь изъ васъ!

* * *

III.

ИСПАНСКІЙ ГРАНДЪ.

(БАЛЬЗАКА)

Въ 1823 и 24 годахъ, послѣ экспедиціи въ Испанію Людовика ХVІІІ для спасенія Фердинанда VII отъ конспируціи, мнѣ случилось быть въ Турѣ, по пути за Пиренеи.

Наканунѣ отъѣзда былъ я на балѣ у одной любезнѣйшей женщины въ этомъ городѣ, гдѣ веселялся гораздо лучше чѣмъ въ провинціальныхъ столицахъ. Передъ ужиномъ — (шамъ еще ужинають) — я подошелъ къ нѣсколькимъ разговаривавшимъ мущинамъ, копорымъ незнакомый мнѣ человекъ что-то рассказывалъ.

Онъ приѣхалъ сюда, кажется съ объѣда у окружнаго Генерала и съѣлъ за экар-

те , часпо пасоваль наконецъ побѣжденный карабинернымъ подпоручикомъ , кончилъ къ большому удовольствію проигрывавшихъ за него закладчиковъ , и съ горя вмѣшался въ разговоръ объ Испаніи, обыкновенный предметъ безконечныхъ и бесполезныхъ разсказовъ.

Въ продолженіе разговора съ невольнымъ любопытствомъ вглядывался я въ лицо и осанку разсказчика. Онъ былъ изъ числа тѣхъ на всѣхъ похожихъ существъ, которыя оставляютъ наблюдателя въ сомнѣніи — причислишь ли ихъ къ незамѣченнымъ геніямъ или обыкновеннымъ пройдохамъ.

Къ тому же онъ носилъ красную ленточку , хошя эпошь пышный значекъ ничего не придавалъ его особѣ. Плащѣ зеленое , когда приличіе велишь бышь въ черномъ ; на башмакахъ вмѣсто баншиковъ спальные пряжки ; казимировые испасканные панталоны и галстухъ небрежно повязанный. Словомъ все говорило, что онъ не слишкомъ занимался нарядомъ , словно арписпъ.

Ухвалки его были какъ-то пошлы; лицо , побагровѣвшее отъ пруднаго пищева-ренія , ни одною рѣзкою чершой не возвышало его посредственности; лобъ открытый,

волось мало. Судя по всему эпому, я не зналъ, почесшь ли его Совѣшникомъ Префекшурь или спарымъ Военнымъ Комисаромъ; но лишь онъ поподъячески положиль руку на рукавъ сосѣда, я спушилъ его въ класъ писарей, канцелярисповъ и ябедниковъ.

Наконецъ я совершенно убѣдился въ почности наблюдений моихъ, замѣпя, что его слушали полько за разказъ его, и никпо не дариль его шѣми внимательными, искашельными взглядами, копорыми пользуюшся люди уважаемые.

Предсавъше себѣ челоука безпреспанно нюхающаго табакъ, копорый говоришь пороцливо боясь что его не дослушающъ, но говоришь легко, плавно, выражаешъ однимъ словомъ, и шупливъ какъ полковой весельчакъ.

Чтобъ избѣжашъ скуки безпрерывныхъ опшущлений, позволяю себѣ оспавишь разговорный слогъ и дашь моему разказу повѣсповашельный, необходимый, когда бѣглый разговоръ переходишь къ печашь.

Вскоръ по занятіи Мадриша, Великій Герцогъ Бергскій пригласиль значительныхъшихъ жипелей на праздникъ, данный Французскою арміею завоеванной сподиць. Не смопря на шумъ пиршеспва, Испанцы

были не слишкомъ веселы, дамы ихъ панцовали мало, вообще госпи играли, выигрывали и проигрывали много.

Сады были освѣщены ярко, и дамы могли прогуливаться пакже безопасно, какъ среди дня. . . . Праздникъ былъ царскій; ничего не было упущено, чшобы дашь Испанцамъ высокое поняпіе объ Императорѣ, если бь они спали судишь о немъ по его воинамъ.

Въ одной бесѣдкѣ, близъ палатъ, часу во вшоромъ ночи, многіе Французскіе офицеры шолковали о бивачныхъ походе-ніяхъ и не слишкомъ пріятной будущности, копорую предсказывала имъ самая наруж-ность Испанцевъ на пышномъ праздникѣ.

— „Правду сказать“ — говорилъ одинъ Французъ, повидимому корпусной докшоръ — „вчера я рѣшительно просилъ увольненія у Мюрапа. Хотя я и не боюсь положить за Пиренеями голову, но предпочитаю опшравиться лечишь раны, наносимыя добрыми нашими сосѣдями Нѣмцами: ихъ оружіе не шакъ глубоко входишь въ тѣло, какъ кинжалы Каспильскіе. . . . Припомъ спрахъ Испанцевъ обра-щилъ у меня почши въ суевѣріе. . . Съ дѣтства чипалъ я Испанскія книги, эшо сборище мрачныхъ приключеній и повѣстей,

которое поселило во мнѣ отвращеніе отъ страны сей и ея нравовъ. И вопль, со вспугленія нашего въ Мадридъ, мнѣ уже случилось бытъ, если не героемъ, по крайней мѣрѣ учаспникомъ въ произшествіи мрачномъ и паинспвенномъ, какъ романъ Леди Радклифъ. . . . Какъ я сильно вѣрю предчувствіямъ, по завтра же отсправляюсь. . . . Мюрапъ вѣрно мнѣ не откажетъ, ибо у нашей братаи, благодаря особеннымъ пайнымъ услугамъ, бываетъ всегда сильное покровительство. “ . . .

„Такъ, какъ ты уносишь отсюда свою башку, по раскаи намъ свое приключеніе!“ — закричалъ одинъ Полковникъ, старый республиканецъ, не гонявшійся за красотами языка и придворными учпивостями.

Тутъ корпусной хирургъ, внимательнo осмопръвшисъ, какъ бы вглядываясь въ окружающихъ, и не замѣпя ни одного Испанца, началъ говорить :

— „Здѣсь кажется все Французы — извольте, Полковникъ :

Дней съ семь пому назадъ, часовъ въ 11 ~~вечера~~, спокойно шелъ я домой отъ Генерала Лапура, живущаго близехонько въ одной со мной улицѣ; мы вмѣстѣ были у дежурнаго Генерала, гдѣ порядкомъ подгуляли.

Вдругъ, на углу улицы, двое незнакомыхъ, или лучше два чорпа, бросились на меня и окупали руки съ головой въ огромный плащъ. Я закричалъ, какъ бѣшеная собака; но сукно перехватило мнѣ горло... потомъ перешагнули меня съ чудесною быстротою въ карету... и когда мои поварихи освободили меня изъ-подъ проклятаго плаща, я услышалъ женскій голосъ, который на дурномъ Французскомъ языкѣ заговорилъ слѣдующія не очень ласковыя слова:

„Если вы закричите или вздумаете бѣжать, если сдѣлаете одно сомнительное движеніе, то господинъ, который сидитъ напроливъ, немедленно пронзитъ васъ. Сидите жъ смиренно! Теперь скажу о причинѣ вашего похищенія... Если вы поспуритесь просянуть ко мнѣ руку, то между насъ ощущаете свои хирургическіе инструменны, которые мы взяли у васъ же, опъ вашего имени — они безъ сомнѣнія вамъ понадобятся. — Мы веземъ васъ въ домъ, гдѣ ваше присутствіе необходимо. Должно спасти честь одной дамы. Она даритъ своего любовника ребенкомъ — безъ вѣдома мужа. Хотя сей послѣдній рѣдко покидаетъ жену, въ которую влюбленъ спрасшно, и надзираетъ за ней со всею заботливостію Испанской ревности, она успѣла ушайтъ

ощь него свою беременность. Онъ почишаетъ её больною. Мы веземъ васъ принять. Ипакъ вы видите, что здѣсь нѣтъ для васъ ничего опаснаго: полько будьте послушны — или другъ этой дамы, копорый сидитъ прошиву васъ и ни слова не знаетъ по Французски, заколетъ васъ при малѣйшей неоспорожности.“ . .

— А кто вы? — спросилъ я говорившую, схвативъ руку ея, копорую нашель обернушую въ мундиръ.

„Я камариспка ея, повѣренная, и гопова наградишь васъ хопя собою, если вы искусно пособиете въ нашемъ положеніи.“

— Охотно, — отвѣчалъ я, видя себя сильно завлеченнымъ въ это опасное приключеніе.

Тогда, благодаря шемнопѣ, я началъ повѣрять, согласнали наружность повѣренной съ идеею, копорую внушилъ мнѣ звукъ ея голоса.

Казалось, она напередъ приготопилась ко всѣмъ случайностямъ эшаго спраннаго произшествія, ибо хранила самое снисходительное молчаніе, и десяти минутъ не пробъжали мы по Мадрипу, какъ она получила и возвратила мнѣ спраспный поцѣлуй.

Господинъ, сидѣвшій напрошивъ, совсѣмъ не обижался нѣсколькими полчками, копорые совершенно невольно я подарилъ ему ногою; но какъ онъ не понималъ по Французски, то полагаю не обратилъ на то вниманія.

„Только съ условіемъ я могу быть вашею любовницею!“ сказала мнѣ камариска въ отвѣтъ на глупости, съ копорыми приспуналъ я къ ней, увлекаясь пылкостью нечаянной спраси, коей все мѣшало.

— Съ какимъ?

„Вы не спанете разыскиваецъ, кому я принадлежу.“ —

Между тѣмъ кареша подѣхала къ садовой спѣнѣ.

„Дайте мнѣ завязать вамъ глаза“ — сказала она — „держишесь за мою руку, я сама поведу васъ.“

Тутъ завязала она мнѣ полспымъ плашкомъ глаза и накрѣпко спянула его на запылкѣ.

Я услышалъ, что оспорожно вложили ключъ въ замѣкъ небольшой двери; безъ сомнѣнія это сдѣлалъ молчаливый любовникъ, ѣхавшій прошивъ меня, и вскорѣ ловкая горничная повела меня по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ сада и доведя куда-то оспановилась.

„По звуку шаговъ нашихъ мнѣ казалось, что мы подошли къ дому.

Теперь молчите жь“ — сказала она мнѣ на ухо — „и берегите сами себя!.. Не спускайте съ меня глазъ, наблюдайте каждый мой знакъ, потому что мнѣ нельзя больше говорить; это намъ обоимъ опасно; опятъ пеперешней минушы зависить жизнь ваша.“

Попомѣ тихонько прибавила :

„Госпожа въ нижнемъ этажѣ, но къ ней пройди надобно чрезъ комнашу мужа, мимо его поспели; идите смирно, не кашляйте, держитесь за меня, чтобы не спыкнувшись на мебель или не сосупишь съ ковра, который я нарочно послала.....“

Тутъ любовникъ заворчалъ глухо, какъ будто недовольный эшимъ замедленіемъ, Камариска замолкла, опворилась дверь, пахнуло тепломъ изъ комнашы, и мы пошли на цыпочкахъ, крадясь, какъ воры.

Наконецъ нѣжная ручка сняла съ меня плашокъ. Я очутился среди большой, высокой комнашы, пускло освѣщенной одною дымною лампою. Окошки были опкрышы, но съ толстыми желѣзными рѣшетками, по милосши ревниваго мужа; я чувствовалъ,

что попалъ въ мѣшокъ , изъ котораго вы-
лѣзъ прудно.

На полу , на пюфякъ , лежала пре-
спная женщина ; голова ея была накрыта
кисейнымъ покрываломъ ; полные слезъ
глаза блиспали сквозь , какъ звѣзды. Крѣп-
ко держала она въ рпу баписповый пла-
шокъ , и шакъ сильно его списнула, что
прокусила зубами насквозь. . . . Она кор-
чилась опъ боли , какъ спруна , брошен-
ная въ огонь. Несчастлиная уперлась нога-
ми въ комодъ и держалась за ножку спула
обѣими руками , коихъ жилы спрашно на-
пружились. Она походила на подсудимаго
въ мученіяхъ пышки.

Впрочемъ , ни крику , ни шуму , кромѣ
глухаго хруспѣнія суспавовъ ; мы спояли
всѣ прое безмолвные , неподвижные.

Мужъ храпѣлъ съ упѣшишельною пра-
вильносцію.

Мнѣ хотѣлось разспомрѣшь камарисп-
ку, но она надѣла маску, которую вѣрно спи-
мала дорогою , и я видѣлъ шолько цару
черныхъ глазъ и роскошныя формы , охва-
ченныя мундиромъ. Любовникъ былъ шакже
замаскированъ. Взошедши онъ шопчасъ на-
бросилъ салѣетку на ноги спраждуцей и
двое сложилъ покрывало на ея лицѣ.

Внимательно посмопрѣвъ на нее, я призналъ, по нѣкоторымъ припадкамъ, замѣченнымъ мною прежде при подобномъ несчастномъ случаѣ, что ребенокъ уже умеръ, и склонился къ служанкѣ сказать ей это.

Тотчасъ недовѣрчивый любовникъ выхватилъ кинжалъ: но я успѣлъ уже уведомить горничную и она шопотомъ быспро сказала ему два слова.

Услышавъ мое замѣчаніе, любовникъ вздрогнулъ; дрожь пробѣжала по немъ съ ногъ до головы, какъ молнія, и мнѣ казалось, что лице его поблѣднѣло подъ черною, бархатною маскою.

Служанка, пользуясь мгновениемъ, когда онъ въ опчяніи глядѣлъ на умирающую, уже посинѣвшую, показала мнѣ на спаканы лимонада, близъ стоявшіе, и сдѣлала оприцательный знакъ.

Я понялъ, что не должно было пить, не взирая на спрашный жаръ, обдавший меня потомъ.

Въ ту же минушу любовникъ жадно схватилъ одинъ спаканъ и опшилъ половину.

Тутъ дама сдѣлала судорожное усиліе, ругавшееся за благопріятный оборотъ... я взялъ ланцетъ и пушилъ ей изъ правой

руки кровь весьма удачно. Служанка приняла на салфетку кровь, сильно пошедшую, и больная впала въ безчувствіе, благопріятное моей операціи. . . Я ободрился и успѣлъ въ теченіе часа вынуть ребенка по часпямъ.

Испанецъ не думалъ болѣе оправить меня; чувствуя, что я спасъ жизнь его любовницѣ, онъ рыдалъ подѣ своею маскою и крупныя слезы выкапывались на черный плащъ его.

Она не испустила ни малѣйшаго вопля; только грызла плащокъ, изгибаясь, какъ пойманный звѣрь, и пощѣ выстуцалъ по ней крупными каплями.

Въ одну спрашно рѣшишельную минушу она сдѣлала движеніе, указывая на компану мужа: онъ пошевелился на постелѣ; изъ чепырехъ насъ только она одна услышала шорохъ одѣяла, шелестъ занавѣса.

Мы остановились. . . служанка и любовникъ, сквозь опверспія масокъ своихъ, обмѣнялись огненными взглядами. . .

Въ эшу минушу спрашнаго бездѣйствія я пропянулъ руку къ спакану, опшипому любовникомъ; но онъ вообразивъ, что я хочу взять одинъ изъ полныхъ спакановъ, прыгнулъ; какъ кошка, пропянулъ длинный кинжалъ на оба оправленные спакана и подаль свой; давая знакъ, чтообы я допилъ

оспальное. Въ эпомъ знакъ , въ эпомъ быспромъ движеніи сполько было мыслей и чувспвъ , чпо я почти проспиль ему спрашное намѣреніе убійства , для совершеннаго испребленія всякой памяти объ эпомъ приключеніи.

Онъ пожалъ мнѣ руку , когда я переспаль пишь; попомъ съ судорожною дрожью самъ щцательнo свернулъ часпи своего младенца ; и когда послѣ двухъ часовъ работы и спрѣха, мы съ служанкою уложили госпожу, онъ снова сжалъ мнѣ руку и опуспиль шихонько въ карманъ свершокъ бриліаншовъ. Но , сказавъ мимоходомъ, пакъ какъ я незналъ объ его богапомъ подаркѣ, слуга мой по упру обокралъ меня — и бѣжалъ.

Высказавъ на ухо служанкѣ всѣ предспорожностпи , какія должно наблюдать съ больною , я объявилъ желаніе бышь свободнымъ. Служанка оспалась при госпожѣ ; эпо меня поспревожило , но я рѣшился бышь топовымъ на все. Любовникъ взялъ дпши , окровавленное бѣлье , и , крѣпко свернувъ все , спряпалъ подъ плащъ , закрылъ мнѣ глаза рукою — какъ бы говоря , чпобъ я зажмурился — и пошелъ впередъ , приказавъ державъ ему за полу — чпо я и сдѣлалъ , взглянувъ еще разъ на служанку.

Видя, что Испанецъ выходитъ, она сняла маску, и я увидѣлъ прелестнѣйшее личико.

Я проходилъ за любовникомъ чрезъ рядъ комнаць и выбравшись въ садъ на свѣжій воздухъ, почувствовалъ, что у меня гора съ плечь свалилась.

Я шелъ на благородномъ распояннѣи ошъ моего пупеводителя, щцательнѣо наблюдая малѣйшя его движеня.

Подошедши къ калишкѣ, онъ взялъ меня за руку и приложилъ къ губамъ моимъ печать, бывшую у него въ перснѣ на лѣвой рукѣ. Я понялъ всю силу этого краснорѣчиваго знака. Мы вышли на улицу, гдѣ вмѣсто кареты ждали насъ двѣ верховыя лошади. Мы сѣли на лошадей, Испанецъ схватилъ поводъ свой зубами, взялъ лѣвою рукою мой, а въ правой держалъ окровавленный сверпокъ — и мы пустились какъ вихрь. Я не успѣлъ замѣнить нимальшаго признака, по которому бы могъ узнать дорогу. Къ разсвѣту я очутился у дверей своего дома, а Испанецъ поскакалъ къ Апошскимъ ворошамъ. “

— „И вы ничего не примѣнили, почему бы можно было узнать даму?“ спросилъ оператора нѣкто изъ офицеровъ.

— „Одно полько.“ .. опвѣчалъ онъ. „Когда я пускалъ ей кровь, шо замѣшилъ почли на серединѣ руки маленькое родимое пяпнышко, съ горошинку — обросшее черными волосами. . . . Домъ мнѣ показался великолѣпнымъ, огромнымъ, ему не видашь было конца.“ ..

Тутъ нескромный докпоръ оспановилъся и поблѣднѣлъ. Взоры всѣхъ слѣдовали за направлениемъ его глазъ, и Французы увидѣли Испанца, завернушаго въ плащъ; глаза его сверкали въ шемногѣ, посреди померанцовыхъ кусповъ.

Онъ исчезъ съ быспропою привидѣнiя, какъ одинъ молодой подпоручикъ бросился къ нему.

— „Кончено, друзья мои!“ вскричалъ докпоръ: „эшошъ змѣиный взглядъ леденишь меня. У меня звенишь въ ушахъ, прощайте. . . вы меня здѣсь схороните.“

„Трусъ!“ .. сказалъ Полковникъ Шаррень. „Лекамушь погнался за Испанцемъ, онъ развѣдаешъ все.“

— Ну чпо, Лекамушь? — закричали офицеры запыхавшемуся подпоручику.

„Чоршъ возьми.“ .. опвѣчалъ сей послѣднiй . . . „онъ словно прошелъ сквозь спѣну . . . я не думаю, чшобъ эшо былъ колдунъ. . .

но вѣрно здѣшній, копорый знаетъ всѣ закоулки.“ . .

— „Я погибъ!“ сказалъ докторъ мрачнымъ голосомъ.

— Полно, будь спокоенъ! — вскричали офицеры — мы поочереди спанемъ караулишь себя до самага опѣзда. . . и проводимъ шеперь же! —

Въ самомъ дѣлѣ прое молодыхъ проигравшихся офицеровъ, копорымъ дѣлалъ было нечего, проводили доктора до дому и оспались у него ночевать.

Назавтра онъ получалъ опшускъ во Францію и гоповилъ ѣхать съ одною дамою, копорой Мюрашъ далъ значительное прикрытие. На прощальномъ обѣдѣ съ пріятелями, слуга сказалъ, что его хочеть видѣть одна молодая женщина. Докторъ съ преме офицерами вышелъ, но незнакомка успѣла только вскричать: берегись! и упала мершвая.

Это была камаристка, копорая чувствуя себя оправленною, спѣшила спасти доктора.

Оправа совершенно ее обезобразила.

— Чорпъ побери! — вскричалъ Лекамусъ: — вопъ что называется любить!

Только Испанка можетъ бѣжать къ любовнику оправленная!..

Докторъ сдѣлался очень грустенъ. Пошомъ, чтобы заглушить мучительную тревогу, съѣлъ за сполъ и началъ пить съ поварищами круговую. Наконецъ всѣ полупьяные легли на покой.

Ночью докторъ проснулся опть рѣзкаго визга колець занавѣса, сильно рванушаго. Онъ привспалъ на постелѣ, дрожа всѣмъ шломя, опть механическаго сопрясенія нервовъ, при нечаянномъ пробужденіи, и увидалъ прямо передъ собой Испанца, закушаннаго въ плащъ. Онъ бросалъ на него пѣ же самыя огненные взгляды, копорые оцѣпенили его на праздникъ.

— „Спасите. . . поварищи!“ . . . вскричалъ докторъ. . .

На сей вопль опчаянія Испанецъ опвѣчалъ горькою улыбкою.

„Опиумъ расшешъ для всѣхъ!“ примолвилъ онъ.

Пошомъ, произнесши сей родъ приговора, указалъ на проихъ, глубоко заснувшихъ поварищей, быспро выдернулъ изъ-подъ плаща опрѣзанную женскую руку, и подспавивъ ее доктору, указалъ на признакъ, такъ неоспорожно имъ описанный.

„Топъ ли?“ спросилъ онъ.

При свѣтѣ фонаря, поспавленнаго на кровати, докторъ, охолодѣвшій отъ страха, утвердительно кивнулъ головою, и мужъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ погрузилъ кинжалъ ему въ сердце.

„Повѣсть ваша“ — сказалъ кто-то изъ слушавшихъ — слишкомъ жестока и — вмѣстѣ невѣроятна; ибо скажите пожалуйста, кто жъ вамъ ее пересказывалъ: убійца, или Испанецъ? .

— Милоспивый государь — отвѣчалъ говорунъ, оскорбленный замѣчаніемъ — шакъ какъ по счастью ударъ кинжала, данный мнѣ, проскользнулъ немного вправо, вмѣсто того чтобъ идти влево, то позвольте мнѣ лучше васъ знать собственное мое приключеніе... Божусь вамъ, что и теперь иногда ночью чудящая мнѣ эти сверкающіе глаза...

Старый докторъ вдругъ замолкъ, поблѣднѣлъ и ошановился, разиня ротъ, какъ пораженный аполексическимъ ударомъ.

Мы оборотились къ залѣ. Въ дверяхъ стоялъ высокій Испанецъ, *afrancesados* въ изгнаніи, недѣли съ двѣ тому назадъ прибывшій съ семействомъ своимъ въ Туръ. Онъ въ первый разъ явился въ обществѣ; и, пріѣхавъ поздно, проходилъ залу съ женой, у которой кофрой правая рука не шевелилась.

Мы молча разсупились , чпобы дашь дорогу эшой чепть , на копорую смопрѣли съ глубокииъ учаспиеиъ.

То была испинная карпина Мурилло ! Мужъ съ пламенными , глубоко ввалившимися глазами . . . лицо изсохшее , голова плѣшивая , ужасно пощій . . . Жена ! . . . предспавьте себѣ . . . но нѣшь . . . эшого нелзя предспавить ! . . . Спанъ чудесный ; блѣдная , но все еще прекрасная ; цвѣшь лица , чпо рѣдко бываешъ между Испанками , бѣлизны ослѣпительной ; взгляды жгли , какъ брызги расплавленнаго мешалла ; прелестное чело , украшенное жемчугомъ , походило на надгробный мраморъ — мершвецъ шаился въ сердць ! Эшо была горешъ Испанская во всей роскоши !

Не нужно сказывать , чпо докшоръ исчезъ мгновенно .

Къ концу бала , я спросилъ Графиню : какииъ образомъ лишилась она руки ?

„Въ войнѣ за независимоспъ!“ — отвѣчала она мнѣ .

IV.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

ДАНТА.

(изъ вильмена).

Уже пяць вѣковъ, какъ оспроумнѣвшая нація Европы, созданная исключительно для изящныхъ искусствъ, гордится Божественной Комедіей Данша. Поэма сія оспалась образцовымъ и досель не подражаемымъ памятникомъ. Подражали Шекспиру, соспавляли трагедіи по образцу его драматическихъ піесъ. Шиллеръ иногда равнялся съ нимъ. Но никто не слѣдовалъ по стопамъ Данша; сей наперсникъ поэзіи ни кому не оставилъ своей милоши и не одушевилъ ни одного генія своимъ вдохновеніемъ.

Какого же рода эпозъ возвышенный, недоспунный геній, копорый явился только одинъ разъ? Къ какому роду поэпическихъ произведеній должно опнести Даншова твореніе? Можно ли назвапъ его эпическою поэмю? Сущеспвуютъ ли разные виды эпическихъ поэмъ? Могупъ ли онѣ быпъ свойспвенны различнымъ эпохамъ государспва, или развиваютсп только во время юности и просподущія, во

дни пылкости воображенія народовъ , по прошествіи коихъ исчезающъ невозвратно? Въ какіе умозрипельные вопросы возбуждаетъ швореніе Данша! Къ нимъ надлежитъ присовокупить множество литературныхъ изысканій объ искусствѣ , изобрѣшательности , естественности , поэзіи мыслей и выраженій поэта.

Изслѣдуемъ прежде всего, можно ли называть Даншову комедію эпическою поэмою? Чтò есть эпическая поэма? Въ чемъ состоитъ сущность и отличительныя черты ея? Моншеске , любившій рѣшать вопросы шулками , насмѣхается надъ всѣми , которые думаютъ , что сущесствують только двѣ эпическія поэмы и что не возможно произвестъ ихъ болѣе ; но мнѣ кажется , что люди сіи совершенно правы. По моему мнѣнію эпическая поэма есть самый полный памятникъ всѣхъ умственныхъ и религіозныхъ идей народа. Въ семъ отношеніи она можетъ быть свойственна единственно вѣкамъ небогатымъ познаніями , вѣкамъ , въ кои умѣющъ только сильно чувствовашъ и пламенно воображать. Подобное швореніе должно быть энциклопедіею своего времени и своего народа. Можно ли сославить въ наше время

эпическую поэму изъ сего безконечнаго множества разнообразныхъ свѣденій и умспвенныхъ заняпій , сдѣлавшихся поспребноспью для нашего дѣяптельнаго многосложнаго общеспва ? Какъ изобрѣспи идеаль , копорой бы преврапился въ предметъ върованія ? Какъ изложипь спкое множество идей и фактовъ ? Въ самой продолжипельной поэмѣ не возможно предспавипь даже часпши спѣхъ мыслей , спѣхъ изобрѣспеній , спѣхъ наукъ , кои занимающъ нашихъ современниковъ , нельзя удовлеспворипь ихъ ненасыпимому любопытспству. Посему - по Иліада и Одиссея , обширныя какъ міръ , когда онъ еще не казался безспредѣльнымъ , должны считапьяся единспвенными эпическими поэмами ; признаемъ ли оныя съ Аристошелемъ и всею древноспію за швореніе одного генія ; или вмѣспь съ Вико почтемъ случайнымъ , неподражаемымъ соединеніемъ всѣхъ поэпическихъ произведеній погдашняго вѣка. Какъ бы по ни было , въ Иліадѣ соединены всѣ идеи , всѣ чувспва Гомерова времени ; начиная отъ выпспрней есогопій до самопрсптѣйшихъ ремеспь ; отъ возвышенной нравспвенности , дышащей въ молишвахъ , до искусствва позлащапья рога жершвеннаго шельца. Свя-

щенные книги Евреевъносяпъ оппечатокъ древней эпопеи. Опъ мѣлочныхъ и спрогихъ обрядовъ, коими надлежало обуздывать буйство народа, до религіозныхъ, поэпическихъ воспорговъ; опъ земледѣльческихъ и паспушескихъ упражненій до художеспвъ, заимспвованныхъ Евреями во время спорговли съ Офиромъ, даже до спруднаго искусствва вырѣзывавъ на драгоценныхъ камняхъ: словомъ все, чпѡ было предметомъ ихъ заняпій, находисп въ Еврейской эпопее.

Но заключающа ли въ Энеидѣ всѣ познанія Римлянъ? Въ царспвованіе Августа могла ли она бытъ выраженіемъ мыслей и свѣденій Римскаго народа, переродившагоса среди междоусобныхъ войнъ и развращенія? Нѣтъ! она еспъ ученое развлечение и спрудъ чисто липературный. Забопливоспъ Виргилія исправисп и очисписп грубыя сказанія Гомеровѡй миеологій и сблизисп онья съ Римскою образованноспью, не доказывающъ ли, чпѡ вѣкъ сего поэта не еспъ вѣкъ эпическій? Чпѡ же сказапъ о поэмахъ во время упадка Латинской Липературы? Всѣ онѣносяпъ на себѣ слѣды подражанія, а не печашъ генія. Человѣкъ, копорый не могъ

возникнушь, въ продолженіе многихъ вѣковъ, со временъ Гомера, человекъ, который бы зналъ все извѣстное его современникамъ, умѣлъ всѣ сіи познанія довести до созерцанія, высшаго изящества, могъ ли таковою человекъ родиться въ среднихъ вѣкахъ? Явился ли онъ въ сію эпоху или никогда уже не можешь возникнуть: ибо не должно ожидать его въ наше время? Для рѣшенія сихъ вопросовъ обратимся къ психологической исторіи рода человеческого, въ изслѣдованіе коей углублялась Германская Литература. Проницательная и таинственная, она любитъ восходить къ источнику мыслей не только каждаго недѣлимаго, но цѣлыхъ поколѣній въ различныхъ эпохи міра. Принявъ опъ созерцательной философіи религіозное направленіе, она утверждаетъ, что при началѣ міра существовалъ періодъ божественныхъ вдохновеній и власти духовенства: сей періодъ названъ божественнымъ. Когда жъ со властію вѣры соединилось могущество силы, когда завоеватели раздѣлили оную со жрецами; когда люди, еще грубые, начали получать вдохновеніе не изъ одного святилища алтарей, но почувствовали въ себѣ порывы къ великимъ предпріятіямъ:

погда начался періодъ героическій. Наконецъ наспушилъ вѣкъ человѣческой, въ которомъ мы живемъ и который продолжается неопредѣленно.

Въ сей системѣ, въ семъ опвлеченномъ созерцаніи духовнаго развитія человѣчества эпическая поэзія поставлена принадлежностію божественнаго періода или, лучше сказать, она помѣщена между предѣлами эпохъ божественной и героической. Гомеръ явился въ такое время, когда вниманіе народа поражаемо было не одними священными гимнами. Пѣсни о подвигахъ Героевъ мѣшались съ шамиспвенными преданіями о богахъ. Сіе соединеніе осприлось въ Иліадѣ.

Ссылаясь на сей примѣръ, Нѣмецкіе крипики ушверждаютъ, что въ новѣйшія времена повпорилось сіе явленіе. Имъ кажется, что въ средніе вѣки возобновились различныя эпохи древности. Власпъ духовенства, ушвержденная на развалинахъ Имперіи, довѣренность къ житіямъ свящыхъ и чудесамъ, по ихъ мнѣнію, составляютъ періодъ божественный; феодализмъ и различныя ордена рыцарства изображаютъ вѣкъ героическій. Не оприцаая правдоподобія такихъ сравненій, при-

знаемъ, что духъ человѣческій, свободный и разнообразный въ своихъ дѣйствіяхъ, не можетъ быть связанъ узами системы. Онъ не можетъ идти неуклонно по одному пути; въ печеніе многихъ вѣковъ не явилось двухъ произведеній совершенно сходныхъ. Возвышаясь, онъ никогда не оспанавливается: упавъ, сохраняетъ нѣкоторыя воспоминанія о прошедшемъ. Въ семъ смыслѣ мы можемъ сказать утвердительно, что ни одинъ пропекшій періодъ не можетъ возродиться со всеми своими признаками. Такимъ образомъ, въ проспонародномъ баснословіи легендъ, въ воинспвенныхъ нравахъ Бароновъ предспвляется только наружное сходство съ божеспвеннымъ и героическимъ періодами Греціи. Между нами существуетъ великое различіе: средніе вѣка богаты воспоминаніями и оспантками Римской образованности. Нашъ божеспвенный и героическій періоды вспутили въ наслѣдіе любознапельныхъ Грековъ и Лапинъ. Опъ сего - по вы вспрѣчаете здѣсь ученые и упонченныя формы мышленія среди порывовъ и грубости возникающаго общеспва. Средніе вѣка не могли изгладить слѣдовъ ученой и глубокомысленной древности, имъ пред-

шествовавшей, не могли помрачить лучей просвѣщенія, ошвсюду проникавшихъ во мракъ ихъ. Древняя философія облѣклась въ формы схоластики; съ нравственностью Платона, высочайшимъ произведеніемъ мудрости человѣческой, доведенной до божественнаго идеала въ Евангеліи, смѣшались варварскія привычки: но сіе соединеніе дало среднимъ вѣкамъ новую физиономію; ошъ сего-шо не возможно сравнивать ихъ ни съ какимъ другимъ періодомъ. Средніе вѣка предспавляютъ смѣсь разнородныхъ элементовъ, неспройбую массу, въ коей оспашки Римской образованности, подобно допотопнымъ ископаемымъ, пережили наводненіе варварства и сохранились цѣлыми, ошущипельными среди новыхъ произведеній. Здѣсь соединены два общества: одно мертвое и распавшееся; но его языкъ, его законы, его писанія вошли въ составъ возникающаго общества и при всей юности онаго, передали ему воспоминаніе и опытность старинной гражданственности.

Такимъ образомъ въ сочиненіяхъ XIII вѣка вы примѣтили искры древней философіи, копорыя можно назвать зарею новѣйшей образованности. Эгинардъ мыслишь

и выражается, какъ добродѣшельнѣйшій человекъ просвѣщеннаго вѣка. Онъ по своимъ воспоминаніямъ и по своей образованности принадлежишь не къ своему вѣку. По оспашкамъ Римской образованности онъ предугадалъ нашу. Вопшь чпò наслѣдовали средніе вѣки и чего не сущеспвовало для героическаго періода Греціи! Опсюда видно, чшо первобытная простота, плодовишная, но не обширная оригинальность, воображеніе, объемлющее весь современный міръ и незнающее ничего болѣе, свойспвенныя первому періоду древности, не принадлежашь вѣкамъ новѣйшимъ. Ежели бы Гомеръ сущеспвовалъ въ средніе вѣки, ему бы надлежало бышь исполковашелемъ не одной феодальной жизни, предспавишелемъ не шолько божеспвеннаго и героическаго періода; ему надлежало бы пробудишь въ умѣ своемъ воспоминанія объ опжившей Римской Имперіи, о Цезарѣ, Августѣ, Конспаншинѣ, Цицеронѣ, Виргилии. Ему надлежало знашь прошедшее. Посему онъ не могъ бышь проспосердечнымъ живописцемъ одного шолько своего времени. Какъ бы ни была велика сила его генія и свѣжеспшь выраженія, онъ не могъ бы совершенно свертнушь съ себя иго подража-

нія. Онъ не могъ бы освободиться отъ ученыхъ оборотовъ, копорыми испещрена новѣйшая лишература. Ибо онъ родился въ такомъ вѣкѣ, копорый загроможденъ воспоминаніями.

Хотя героическій періодъ не могъ возродиться въ средніе вѣка, но въ нихъ раскрылось множество явленій благопріятныхъ для поэпического вдохновенія. Одно число ученое предпріяііе воспѣшь предъ другими повѣсть о чудесныхъ происшествіяхъ, будетъ слабо, безжизненно. Въ средніе вѣка, не смотря на смѣшеніе двухъ общеспвенныхъ организацій, не смотря на Римскія преданія, вредившія проспошь; умы людей были полны внуспренняго огня и вѣры. Все, что заимспвовали они изъ прошедшаго, облекалось въ формы ихъ времени. Мы уже видѣли, что Александръ былъ у нихъ первымъ рыцаремъ; Виргилій, спихи копорого не переспавали приводить въ свидѣпельство въ самыхъ безспмысленныхъ хроникахъ, былъ не проспо поэпомъ, но пророкомъ, чародѣемъ. Сіи мечпы начались съ III столѣтія Христіанской эры. Констанціанъ въ первый день Пасхи, говоря слово въ Каедральной Цареградской церкви, полковалъ, какъ про-

рочество о рожденіи Мессіи, слѣдующіе стихи.

Ultima Cumaei venit jam carminis aetas!
Сія мечта, которую предразсудокъ соединилъ съ гениемъ великаго поэта, существовала во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Было сочинено житіе Виргилія. Повѣспивують, что онъ имѣлъ волшебное зеркало, въ которомъ видѣлъ будущее.

Итакъ вы видите сходство и различіе среднихъ вѣковъ съ героическими временами древности. Первые не имѣли сей проспошы, сего невѣжества, у котораго нѣтъ ни какихъ воспоминаній; они были окружены предшествовавшею образованностью; но, подобно послѣднимъ, были проникнуты энтузіазмомъ и поэпическимъ легковѣріемъ.

Еслибы для шакого энтузіазма, который при созерцаніи наспоющаго проникнуть воспоминаніями прошкаго, нашелся предметъ, имѣющій высокую занимательность для современниковъ; по возникло бы образцовое, хотя бъ по было ученое, сочиненіе. Таковымъ предметомъ для среднихъ вѣковъ была будущая жизнь. Всѣ дѣйствія людей спремались къ сей жизни. Слѣ-

ды ея видны повсюду. Вельможи давали свободу рабамъ, дѣлали вклады въ монастыри, для избѣжанія спрашнаго суда Божія (*propter proximum Dei iudicium*). Кончина міра, воскресеніе мертвыхъ болѣе всего занимали воображеніе людей. Несправедливое изъясненіе Евангельскаго текста долго ужасало людей близкимъ разрушеніемъ вселенной. Какимъ образомъ жили въ это время? Какъ въ государствѣ, по коему пронеслась кровавая революція или опустошительная язва. Когда непрерывный страхъ слабѣлъ отъ долговременности, тогда люди спремительно предавались наслажденіямъ и забавамъ жизни, потомъ снова возвращались къ ужаснымъ господствующимъ мыслямъ: кончина міра, числилицу, аду.

Въ началѣ моего курса я привелъ свидѣтельство, показывающее, какъ церковное краснорѣчіе и полипика Папъ пользовались легковѣріемъ народа для утвержденія своей власти. Проповѣди XI и XII столѣтія непрерывно предшавляющъ взорамъ людей изображенія Спрашнаго Суда. Гениальный поэтъ, обладая почти всеми современными свѣдѣніями, естествененно долженъ былъ изъ

братъ таковой предметъ. И если въ душѣ его шайлась пламенная меланхолія, то сей предметъ сдѣлался бы для него еще приличнѣе. Я не буду подражать Италіянскимъ кришикамъ, копорые, допусивъ въ себѣ любовь къ опечеспву, искали слѣдовъ Дантова сочиненія въ Провансальскомъ романѣ: Несчастный Герикъ и въ другихъ спихойворныхъ сказкахъ. Не буду также изслѣдовать, чѣмъ обязанъ онъ прежнему своему учипелю Брюнешпо-Лашини. Последній въ аллегорической поэмѣ рассказываетъ что, онъ узнавъ объ изгнаніи друзей своихъ Гвельфовъ, омраченный скорбію, заблудился въ лѣсу и пришелъ къ подошвѣ горы, покрытой безчисленнымъ множеспвомъ людей и живошныхъ, копорыя по гласу жены, досязавшей до небесъ главою, непрерывно раждались и умирали. Сія жена, изображающая природу, объяснила ему шайну шворенія, показала путь, ведущій изъ лѣсу и средспва доспигнуть философіи и любви. Поэшь повинуется и встрѣчаетъ Виргилія, копорый дѣлается его пупеводителемъ. Не буду изслѣдовать, могла ли сія холодная выдумка воспламенить Данта. Я разберу лучше произведенія его юноши, дабы опыскашь въ нихъ при-

знаки генія, которому предоставлено было начертать картину неба и ада, оппечашокъ коихъ нашель онъ въ духъ своего времени. Если вы хопите узнатьъ что вдохновило Мильтона, по найдете въ его сочиненіяхъ, въ его Тетраходъ, подъ безобразною кучею схоластики, блистательный очеркъ Поперяннаго Рая. Поэтъ пробуждается: Вы увидите, что эпошъ человекъ, среди гражданскихъ и религиозныхъ войнъ, среди сваръ и преній Парламента, непрерывно занявъ размышленіемъ о высокомъ швореніи, которое носить въ душъ своей. Подобнымъ образомъ я ищу въ прежнихъ сочиненіяхъ Данша шайны и слѣдовъ его вдохновенія. Первое оригинальное произведеніе Данша, въ которомъ можно узнать человека, долженшвовавшаго создать Рай, Чиспилице и Адъ, ешъ Новая Жизнь (la Vita Nuova). Эпо любовная повѣспъ; эпо исповѣдъ поэта, не только пишашаго сильную и нѣжную любовь, но имѣющаго способности и ученость. Здѣсь вы увидите въ немъ оппечашокъ погдашняго вѣка, силранную смѣсь энпузіазма и педантизма. Сюда же надлежитъ опнести 14 сонетовъ, сочиненныхъ Даншомъ въ честь Беаприксы. Каждый сонетъ имѣетъ опличительный при-

знакъ. Въ нихъ можно видѣшь жизнь Флореншинцевъ въ концѣ XIII столѣтія около 1295 года. Терзаемая раздорами Гвельфовъ и Джибелиновъ, Флоренція кипѣла веселосью и праздниками. Собранія, прогулки, шанцы, свиданія въ храмахъ, были главнѣйшими занятіями ихъ сладоспρασной жизни. Трогательные обряды, подобные ново-Греческимъ, мѣшались съ погребальными церемоніями. Они-по развернули поэпическій паланшъ и меланхолическую наклонность Данша. Ибо гений сего великаго поэта ознаменованъ не печатью Испаліи, но печатью мечшательности, унынія, выспренности. Ежели бы онъ не былъ пакъ просшь, я назвалъ бы его Германскимъ.

Предспавлю вамъ одинъ изъ его сонешовъ :

„Творцу угодно было призвать въ храмъ
 „славы своей одну изъ прекраснѣйшихъ и
 „любезнѣйшихъ женъ нашего града. Я зрѣлъ
 „во гробъ ошанки ея, оплакиваемые подру-
 „гами самымъ прогательнымъ образомъ.
 „Вспомнивъ, что она была другомъ мо-
 „ей красавицы, я не могъ удержать слезъ
 „и, спеная, рѣшилсѣ сказать нѣсколькo словъ
 „въ память пош, которая была неразлуч-
 „на съ моей красавицей!“

Но всего болѣе обнаруживаетъ душу Данта и показываетъ, что онъ былъ проникнутъ пѣщическимъ вдохновеніемъ, продолжительная повѣсть, помѣщенная въ *Vita Nuova*, изъ которой я не смѣю ничего выбросить. Такъ оригинальны, такъ доспашочны для изображенія его Генія, помѣщенные въ ней выраженія. Нѣтъ нужды, какъ вы ихъ назовете ее, сномъ, думою, или просто грезой. Ежели вы найдете въ ней что нибудь необычайное, несообразное съ требованіями разсудка; то замѣтите, что съ холоднымъ и черспвымъ чувствомъ не возможно было приспустить къ созданію выпренихъ сценъ Божеспвенной Комедіи. Вспомните слова Сенеки, что во всякомъ великомъ умѣ есть примѣсь глупости. *Nullum est magnum ingenium sine mixtura demenciae*. Сильное воображеніе, живая чувспвительность, составляющія душу поэзи, не могутъ выходить изъ обыкновенныхъ предѣловъ, не погружаясь въ грезы. Вамъ надобно познакомиться съ симъ геніемъ; и вы увидите, что у него были свои минушы безумія.

„Спустя нѣсколько дней, я почувспво-
„валъ болѣзненную слабость въ шѣлѣ. Въ

„продолженіе многихъ дней безцрерывно
 „чувспвоваль жеспочайшую боль, копорая
 „довела меня до такоаго расслабленія, чпо
 „я какъ человѣкъ, немогущій двинушься,
 „принужденъ былъ лежать въ постель. Въ
 „девятый день болѣзнь моя сдѣлалась нес-
 „перпимою, я началъ думать о своей воз-
 „любленной. Помечпавъ о ней нѣсколько
 „времени, обрапилъ я мысли на угасающую
 „жизнь мою и, видя сколь она сомнипель-
 „на, даже въ здоровомъ соспояніи, пожа-
 „лъль опъ всего сердца о ея брениости.
 „Попомъ, вздохнувъ болѣзненно, сказалъ:
 „прекрасная Беакприса также умрешъ нѣ-
 „когда!“ — Послѣ сего я впалъ въ такое не-
 „исповспво, чпо, закрывъ глаза, началъ
 „бросашься подобно сумасшедшему въ раз-
 „ныя спороны, и воображаешъ тысячу при-
 „видѣній. Въ мечпахъ распроеннаго вообра-
 „женія мнѣ предспавились привидѣнія жен-
 „щинъ съ распрепанными волосами, копорыя
 „кричали: „и ты также умрешъ!“ Послѣ сего
 „явились другіе чудовищные призраки жен-
 „щинъ и бормопали: „ты умерь!“ Воображе-
 „ніе мое такъ распроилось, чпо я не
 „зналъ, гдѣ нахожусь. Мнѣ казалось, чпо
 „женщины съ распрепанными волосами ис-
 „пускающъ вой и показывающъ неизьяснимую

„печаль ; чпо солнце меркнеть , звѣзды
„превращающся въ кровь , и земля колеб-
„лется въ своемъ основаніи. Изумясь и
„ужаснувшись такого видѣнія , я узрѣлъ
„друга, копорый мнѣ говорилъ : „швоя воз-
„любленная переселилась изъ сего міра.“ Я
„зарыдалъ и не въ одномъ шолько во-
„ображеніи , но дѣйствительнo обливал-
„ся слезами. Пошомъ возвелъ глаза къ
„небу и узрѣлъ сонмы Ангеловъ восходя-
„щихъ. Надъ ними неслоь бѣлое облако ;
„они пѣли хвалебный гимнь ; я слышаль
„осанна въ вышнихъ ! Послѣ сего почувств-
„воваль, чпо мое, исполненное любви серд-
„це шепшало : „ипакъ швоя возлюбленная
„умерла !“ Мнѣ казалось , чпо я пошель
„взглянушь на шѣло , въ кошоромъ обита-
„ла сія благородная , блаженная душа ; об-
„манъ воображенія былъ шакъ живъ , чпо
„я , казалось , видѣлъ женщину , прикры-
„вавшихъ главу моей возлюбленной бѣлою
„пканию ; лице ея было шакъ спокойно ,
„чпо повидимому выражало : ‘я пересели-
„лась въ жилище вѣчнаго мира. Во времени
„сихъ мечпаній я звалъ смерть : „при-
„ди ко мнѣ предметъ моихъ желаній ;
„сжался надъ шѣмъ, коего уже заклемила
„шы своей печашью!“ Когда кончились всѣ

„плачевные обряды, совершаемые надъ мер-
 „швыми, я казалось возвратился въ свое
 „жилище и возвелъ на небо глаза свои:
 „моя мечша была шакъ жива, чпо я на-
 „чалъ кричать громкимъ голосомъ; „святая
 „душа! какъ блаженъ шопъ, кпо видишь
 „шебя!“

„Между шѣмъ какъ испуская болѣзнен-
 „ные стоны, я произносилъ слова сіи и
 „звалъ смерть, юная дѣва, сидѣвшая въ
 „опдаленіи отъ моей кровати, думая, чпо
 „слова и вопли мои происходятъ отъ не-
 „спершимой боли, начала рыдать отъ ужа-
 „са. Подруги вывели изъ комнапы юную
 „мою родспвенницу и возвращаясь спара-
 „лись пробудишь меня, думая, чпо я гре-
 „жу. „Проснись и не унывай!“ говорили онѣ.
 „Въ сіе время я гошовъ былъ воскликнуть:
 „о Беатрикса! да будешь миръ съ шобою!“
 „Я уже произнесъ: „о Бектрикса!“ повер-
 „нулся, открылъ глаза и узналъ мое заблуж-
 „деніе; хопя я вымолвилъ имя сіе, но
 „слова мои, задушаемыя вздохами и рыда-
 „ніями, кажешся, ни кѣмъ не были раз-
 „слышаны.“

Сіе благовѣйное испушленіе, сіе таин-
 спвенное видѣніе, сіи Ангелы, являющіеся
 шри воспоминаніи о Беатриксѣ, все сіе не

показываетъ ли источникъ , изъ котораго почерпнуто вдохновеніе для Божественной Комедіи ? Нужно ли искасть его въ какихъ-то стихотворныхъ повѣспяхъ ? Не ясно ли, что Дантъ носилъ его въ себѣ самомъ, даже во время горячки, въ часы умоизсупленія ?

Вы знаете главнѣйшя мечпанія , набожныя видѣнія, служившія поэту основою его шворенія ; теперь надлежитъ показатъ шехническіе элементы науки или лучше сказатъ схоластику поэзіи среднихъ вѣковъ , которую заимствоваль Дантъ у своихъ современниковъ.

Мы ошибаемся , почитая сочиненія среднихъ вѣковъ случайными произведеніями внутренняго чувства и мгновеннаго вдохновенія. Они были слѣдствіемъ прудолубивой учености. Я покажу вамъ черпы, опшичающія сіи шворенія опъ древнихъ Греческихъ, черпы повсюду видимыя. Какимъ образомъ писалъ сей опецъ новѣйшей поэзіи , сей Дантъ , споль изобрѣшательный во время пламенныхъ воспорговъ юности ? При всей оригинальности , при всей необузданности генія онъ пишеть по правиламъ , по образцамъ. Онъ совѣшуется съ Библіею , съ Аристошелемъ , Виргилиемъ ,

Схоласпиками! Любовь и мечшательность пробудили въ немъ идею о Дѣвѣ, окруженной сонмомъ Ангеловъ; изученіе Христіанскихъ догматовъ преобразило ее въ символъ Богословской Науки, кошорая руководспвовала его въ спранспвованіяхъ небесныхъ. Онъ подражаетъ поэпическимъ пвореніямъ древнихъ, приводя въ порядокъ созданія, досель невѣдомыя. Онъ размышляетъ о заглавіи и расположеніи своей поэмы по ихъ правиламъ. Онъ не случайно назвалъ ее Комедіею. Въ одномъ письмѣ его, могущемъ служипъ предисловіемъ къ его сочиненію, онъ изъясняетъ причины сего названія.

„Комедія“ — говоритъ онъ — „естъ „поэпическое произведепіе, опличное опъ „всѣхъ другихъ. Она опличается опъ Трагедіи пѣмъ, что послѣдняя, изящная и спокойная при началѣ, оканчивается ужаснымъ. „Напротивъ того Комедія, начинаясь по„ложеніями запруднищельными, опчаянными „ми, оканчивается счастливою развязкою, „что можно видѣть въ сочиненіяхъ Теренція. Опъ сего-то нѣкошорые поэпы въ „дружескихъ привѣщспвіяхъ желаютъ пра„гического начала и комического окончанія. „Онъ различаются шакже слогомъ. Языкъ

„Трагедіи, по словамъ Горація, долженъ ды-
 „шашь величіемъ и высокоспью; а слогъ
 „Комедіи проспошоу. По сей причинъ на-
 „споящее сочиненіе названо Комедією. На-
 „чало въ ней ужасно, чудовищно: эпо
 „Адъ! но конецъ счастливъ, восхипипе-
 „лень; эпо Рай! Слогъ въ ней не напыщен-
 „ный, а проспой: ибо она писана проспо-
 „народнымъ нарѣчіемъ, кошорымъ выража-
 „юшся женщины.“

Сіе умспшованіе покажется слишкомъ
 упонченнымъ при всей проспошѣ своей.
 Спранно видѣшь сравненіе рая съ оконча-
 ніемъ Комедіи. Но въ семъ безобразномъ
 смѣщеніи мыслей вы увидише, съ какою
 силою владычеспшовала древность надъ ума-
 ми ученыхъ среднихъ вѣковъ. Опъ ней
 были свободны одни полько проспые пру-
 бадурь, сочинившіе нѣсколькo спиховъ въ
 чеспъ своихъ дамъ, и не заботившіеся ни
 о чѣмъ болѣе на свѣшѣ. Но какъ скоро пред-
 принимали чпо либо важное, шо подверга-
 лись вліянію древности. Спранно видѣшь,
 чпо Дантѣ для подкрѣцленія своихъ фанпа-
 спическихъ идей ссылаешся на Горація;
 изслѣдуемъ предметъ, дѣйспвіе, форму,
 цѣль, названіе сочиненія и философичес-
 кія понятія. Аббатъ Боссю, разбирая И-

ліаду , поступиль шакимъ же образомъ. Но думаете ли вы , что Гомеръ принимался за свое швореніе съ подобною схоластическою осмопришельностью ? Не ясно ли видны опличительныя чершы между просшою и сердечною оригинальностью спарины и между запушанною и кропошливою ученостью средниъ вѣковъ ?

Замѣшивъ всѣ сіи опличія , мы увидимъ , что самое произведеніе , сей памятникъ шворческаго генія , спановипись гораздо оригинальнѣе по своей сущности и мечшательности , чѣмъ по изобрѣшенію , выражая высочайшую ненависть и любовь , объемля всѣ испочники изящнаго , заключаая въ себѣ сѣмена всѣхъ современныхъ спрасшей и познаній : богословіе и междуособныя войны. Одаренный двоякимъ душевнымъ расположеніемъ , съ одной спороны шонкимъ и пламеннымъ , съ другой кропошливымъ и схоластическимъ , Дантъ могъ произвести свое швореніе. Въ семь-шо расположеніи скрывается причина выпреннихъ красотъ , пакже спранныхъ и ушопительныхъ для пошомспва подробностей , наполняющихъ его пѣсни.

Для споль подробнаго изображенія Ада необходимо было занимашь воображеніе симъ

предметомъ долгое время. Геній поэта воспоржесповалъ надъ симъ запрудненіемъ. Ему предспояла еще большая прудность въ послѣдствіи. Для воображенія пруднѣе изображають блаженство, чѣмъ мученія человѣка. Поэтъ находить менѣе предметовъ для описанія Рая, чѣмъ Ада. Его воображеніе испощаетса и онъ вдаетса въ ученую схоластику, излагаетса ее съ удивительною выразишельноспію; но при всемъ помъ конецъ поэмы дѣлаетса для насъ скучнымъ и упомишельнымъ. Я говорю для насъ: ибо пребованія нашего вѣка пропивоположны пребованіямъ времени Данпа. Миспическія понкоспи, умспованія С. Бонавенпуры и С. Оомы, имѣли высочайшую дидакпическую назидательность для современниковъ Данпа. Хотя сіи подробности уже не прогають; но мы не менѣе должны удивлятьса великому и простому пворенію поэта и возвышенному единспву его прилогіи.

Воспоминанія древности, знаніе богословія, пылкость воображенія и спраспей, вопъ опличишельныя принадлежность Данпа, вопъ элеменпы его поэмы! Они соединяются и поддерживають себя взаимно съ невыразимою непринужденностью.

Обожапель Виргилія , онъ находиль самымъ приличнымъ предспавиль сего языческаго поэпа первенцемъ горняго Христіанскаго міра. Но превыше Виргилія , превыше самой поэзіи , онъ помѣщаетъ Богословіе , науку священную. И въ какомъ видѣ она ему предспавляется? Въ видѣ Беаприксы , изображенной въ его Vita Nuova. Его аллегоріи вообще холодны. Пламенный Дантъ предспавляетъ въ нихъ апошеозъ вѣры и любви! Воспоминаніе , непобѣдимое чувствво прежней любви его , напечатлѣло во всей поэмѣ образъ Беаприксы. Невидимая при началѣ , она покровишельспвуеетъ Данша издалека , посылая къ нему Виргилія. Но при врапахъ Рая сама вспрѣчаетъ его. Сіе прекрасное видѣніе естъ первое изъ всѣхъ небесныхъ наслажденій , описанныхъ поэпомъ. Беаприкса , одѣянная свѣпомъ , успремляетъ взоры свои на солнце. Поэпъ , влекомый непреодолимою силою , воспаряетъ къ Беаприксѣ. Тайнспвенная и возвышенная аллегорія , дышущая прогашельною поэзією !

Чшобы облечь въ слово сіи новыя и возвышенныя созданія , чшобы сдѣлать сей идеаль еспеспвеннымъ и поняшнымъ , надлежало оживиль ихъ изящеспвомъ и вѣрно-

спію выраженія. Можешъ бышь сіе самое и сосставляешъ опличительнѣйшій характеръ Данша. Онъ обезсмертилъ себя совершенствомъ языка, полько-что возникшаго, и сдѣлалъ оный споль плодовитымъ и богатымъ, что его твореніе служилъ неизчерпаемымъ источникомъ для Испаліанскихъ нарѣчій. Не возможно передашь или воссоздашь на иносстранномъ языкѣ сіе совершенство, споль привлекательное для соопечесвенниковъ. Я предложу вамъ нѣкоторыя опыты буквального перевода. Языкъ Данша имѣешъ великое сходство съ Провансальскимъ. Въ немъ шъ же обороты, ша же просная живосшь. Чрезъ вто связующся и сближающся наши изслѣдованія о среднихъ вѣкахъ. Слогъ Данша еспъ языкъ генія между всѣми современными языками, о копорыхъ мы упоминали въ предыдущихъ изысканіяхъ. Но сіе превосходство не изшребляешъ сходства, копорое мы посшараемся передашь въ переложеніи. Языкъ Данша часшо сходенъ со стариннымъ Французскимъ, имѣя какую-шо крапкосшь, выразишельносшь, огонь, о копорыхъ сожалѣлъ Фенелонъ и копорыхъ мы не можемъ воссоздашь.

Возмемъ въ примѣръ самое начало сочиненія. Дантъ повѣшшвуесть, что, находясь на половинѣ жизненнаго пуши, онъ заблудился въ шемномъ лѣсу и ждалъ нападенія люшыхъ звѣрей; вдругъ предспаляется ему нѣкто, поперявшій, по видимому, ошъ долговременнаго молчанія, даръ слова.

„Когда я узрѣлъ его въ сей великой
 „дебри, шо воскликнулъ: — „кто бы ты ни
 „былъ, привидѣнїе или человекъ, сжался
 „надо мною!“ — „Я щеперь не человекъ,
 „но былъ человекомъ. Родители мои были.
 „Ломбардцы изъ Мантуи. Я родился не
 „задолго до смерти Цезаря; жилъ во вре-
 „мена милосердаго Августа и вѣрилъ лож-
 „нымъ богамъ. Я былъ поэтъ; воспѣлъ
 „благочестиваго сына Анхизова, копорый
 „удалился изъ Трои, когда былъ сожженъ
 „Иліонъ. Но для чего ты блуждаешь по
 „сему роковому лѣсу? Для чего не спре-
 „мишься на сію прелестную гору, на-
 „чало и причину всякаго воспорга?“ —
 „Ишакъ, эшо ты, Виргилій, пошъ ис-
 „почникъ, изъ копораго излилась величе-
 „спвенная рѣка краснорѣчія!“ воскликнулъ
 „я, весь покраснѣвши. „О слава! О свѣсило
 „поэшовъ! Съ какою неупомимоспью, съ

„какою любовію изучаль я твои творенія!
 „Ты мой наставникъ, ты мой образецъ,
 „у тебя научился я изяществу слога, ко-
 „шорымъ прославился.“

Виргилій общается руководствоваться
 его въ царствѣ вѣчноспи. Они пускаются
 въ путь. „День склонился къ вечеру, по-
 темнѣвшій воздухъ навѣялъ успокоеніе опъ
 прудовъ на земныхъ жителяхъ.“ Тогда
 Виргилій открылъ причину, приведшую
 его къ Данту.

„Я находился“ — говорилъ онъ — „въ
 „числѣ тѣхъ, коихъ участь была нерѣшена.
 „Вдругъ прекрасная и свѣтая жена призы-
 „ваетъ меня. Я ждалъ ея вѣнчанной. Очи ея
 „блистали ярче звѣздъ. Она ангельскимъ
 „голосомъ, на своемъ языкѣ, произнесла
 „слова сіи :

„Великодушный сынъ Мантуи! твоя
 „слава оглашаетъ міръ и будетъ всегда
 „оглашать его! Мой другъ, гонимый судь-
 „бою, оспановленъ въ непроходимой деб-
 „ри и опъ ужаса дошовъ возвратишься
 „вспяшь.

„Его мольбы, слышанныя мною съ не-
 „беси, заставляють опасаться что онъ
 „зашелъ слишкомъ далеко и что я опозда-
 „ла приди къ нему на помощь. Иди и

словомъ своимъ и всѣмъ, чѣмъ можешь спасти его, помоги ему и успокой меня. Я Беатрикса, повелѣваю идти тебѣ. Я пришла опшуда, куда желаю возвратиться; любовь привела меня и засавила говорить. Когда я предстану предъ Господомъ, буду о тебѣ молить Его.“ Она замолчала.“

Виргилій оканчиваетъ сей рассказъ, въ которомъ участвуютъ еще двѣ главныя женщины, одна безумная, а другая подъ именемъ Люціи, представляющая Благодать Божію. Онъ - по извѣстии Беатрисы объ опасности, въ которой находится ея возлюбленный.

Вотъ прелестное вступленіе, которымъ начинается Тосканскій поэтъ. Вождемъ его напомянувъ о вышесказанныхъ женахъ, говоритъ ему: „По чему ты не имѣешь смѣлости и довѣрія, когда при священныхъ женахъ покровительствуешь тебѣ свыше!“ Какая неизъяснимая прелесть въ сихъ выраженіяхъ и какую проповѣдательность представляютъ онѣ въ послѣдствіи! Подъ мадеринскимъ покровительствомъ прехъ небожителей, осѣняющихъ поэта, при крошкѣмъ гласѣ Виргилія, пересказывающаго Данту слова ихъ, вдругъ раздается го-

лось, выходящій изъ ада: „Здѣсь пупъ въ жилище плача!“

„Per me si va nella cita dolente!“

„Мною доспигають жилища плача; мною идушь въ муку вѣчную; мною проникають къ стѣнямъ осужденныхъ. Правосуденъ, великъ шворецъ мой! я созданіе божеспвеннаго могущесшва, высочайшей премудросши и чиспгѣйшей любви! Пржеде меня сущесшвовала одна полько вѣчностъ; я безсмерпенъ. Оспавыше здѣсь надежду, всѣ вспуающіе!“

Такимъ-по образомъ поэтъ непрерывно поражаетъ насъ прошивуположными изображеніями и производишь удивительное разнообразіе въ моношоніи своего ужаснаго предмета. Не вѣрьте легкомысленному Вольперу, копорый утверждаетъ, что въ цѣлой чудовищной поэмѣ Данпа находяпся полько два или при опривка, написанные прекраснымъ слогомъ. Безъ сомнѣнія гений, особливо при возрожденіи наукъ, имѣетъ особенную возвышенностъ и паденіе, особенную выпренностъ и слабость, но Данпъ блескомъ своихъ выраженій непрерывно поддерживаепъ самага себя и рѣдко ослабѣваепъ. Кромѣ эпизодовъ, копорымъ сполько удивлялись, кромѣ необы-

кновенной прошивоположности восхищительного и ошвращительного, кромѣ Франчески Римини и Уголино, поэма Данша на каждой страницѣ наполнена удивительными красошами. Съ проспыми формами новаго слога счасливо переплепаешся обрабопанность древнихъ. Такимъ образомъ Даншь смѣло можешъ посшавить себя въ число шѣхъ великихъ людей, произведенія коихъ онъ изучилъ. Ничшо не можешъ бышь оспроумить и прелеснить вспуления Данша въ подземное жилище, гдѣ содержашся души великихъ язычниковъ. Въ шо мгновение, когда Виргилій вспушилъ въ среду ихъ :

„Я услышалъ слова сіи“, говорилъ Даншь: „воздайте почтение великому поэту; шѣнь его возврапилась.“ Когда умолкъ сей голосъ, чѣтыре великія цѣни къ намъ приблизились. Въ нихъ не замѣпно были ни веселости ни печали. Мой руководитель сказалъ мнѣ: „Посмотри на того, копорый съ мечемъ въ рукѣ предшесвуешъ другимъ; это Гомеръ, величайшій поэтъ; вшорой сапирикъ Гораций, шретій Овидій, послѣдній Луканъ.“ Такимъ образомъ я узрѣлъ всѣхъ собратовъ великаго наспавника высокой поэзіи,

„копорый, подобно орлу, парить, выше
 „всѣхъ поэтовъ. Поговоривъ нѣсколько вре-
 „мени между собою, они обратились ко
 „мнѣ съ дружескимъ привѣтомъ. Мой руко-
 „водитель улынулся; они удостилили меня
 „еще большей честью: они приняли меня
 „въ свое общество; я занялъ шестое мѣс-
 „то между семи великими гениями.“

Въ семъ - по училищѣ древнихъ, Бого-
 словъ, Схоластикъ, неуспрашиваемый вождь
 Бѣлыхъ (Blanchi), мстителный изгнанникъ,
 изучилъ науку стихотворства. Опъ сего-
 по соединенія учености съ гениемъ произо-
 шла чудная выразительность слога, иногда
 проспаго, невозвышеннаго, подобно слогу
 Гомерову; иногда сапирического, подобно
 Гораціеву; превосходящаго богатствомъ и
 разнообразіемъ слогъ Овидія; швердостью
 и выпренностью слогъ Лукана.

(окончаніе слѣдуетъ).

Л Ъ Т О П И С К И

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— ПОВѢСТИ МИХАИЛА ПОГОДИНА. *Три Части. Москва, въ Тип. С. Селивановскаго, 1832.*

— ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Вторая Книжка. СПб. въ тип. А. Плюшара, 1832.*

— АНДРЕЙ БЕЗЫМЯННЫЙ. *Старинная Повѣсть. СПб. въ тип. III. Отд. Собств. Е. И. В. Канцел. 1832.*

— ДОСУГИ ЦНВАЛИДА. *Часть Первая. I. Машушка Мадамъ. II. Марихень. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1832.*

Въ современныхъ Европейскихъ литерашурахъ повѣсти играютъ роль весьма важную. Кромѣ журналовъ и альманаховъ, для копорыхъ онѣ служатъ, можно сказать, насущнымъ хлѣбомъ, книжныя лавки ежедневно наполняются ими, въ отдѣльныхъ брошюркахъ и многопомныхъ собраніяхъ. Писатели, болѣе или менѣе посвящающіе на литерашурную славу, отъ паркетныхъ мажандоровъ, волнующихъ госпинья и будуары, до суровыхъ государственныхъ мужей, располагающихъ судьбами народовъ, оказываютъ особенное присраспіе къ сей, по видимому, пошлой, мѣлочной формѣ словесной производимельности; копорая въ старину соспавляла вездѣ, а на воспокѣ соспавляетъ и нынѣ, незавидное ремесло бродягъ и скомороховъ. Величественныя

имена Шапобриана и Бенжамена - Констана блестящъ въ ряду повѣствователей подлѣ классическаго парика Бульи и романтическаго чепца Меланіи Вальдоръ. Мудрецъ Якоби, славный въ лѣпописяхъ Германской философіи, общается къ одной категоріи съ болшуномъ Клауреномъ и Алексисомъ Виллибальдомъ. Корощко сказавъ, повѣсть счищается теперь дѣломъ совмѣстнымъ со всѣми направленіями дѣятельности, со всѣми степенями ума, со всѣми родами генія.

Откудажъ такое всеобщее, рѣшительное предрасположеніе? Если подъ повѣстью разумѣшь, по обыкновенному значенію слова, просто рассказъ, созидаемый воображеніемъ для забавы скучныхъ минушь праздности, то конечно ея достоинство и употребленіе должно быть весьма ограничено и односпоронно. Повѣсть, понимаемая такимъ образомъ, будетъ не болѣе какъ повѣщическая игрушка, свойственная досугу младенческаго человѣческаго, но мало достойная той возмужалости, коей мы теперь хвалимся. Таковы *Тысяча и Одна Ночь!* Таковы рыцарскія, волшебныя и любовныя сказки среднихъ вѣковъ, даже въ той классически-обработанной формѣ, которая дана имъ въ Декамеронѣ Бокaccio и въ Каншербюрійскихъ Повѣстьяхъ Чаусера! Если мы и нынѣ еще съ наслажденіемъ перечипываемъ сіи произведенія, то потому, что въ нихъ слышится лепетъ младенческаго человѣческаго во всей его просподушной искренности: точно такъ съ наслажденіемъ смошримъ мы на игры дѣшей, наноминающія намъ дни собственной нашей юности!

Но современникамъ забавляшь насъ серьезно подобными игрушками было бы весьма неумѣстно. Спало бышь, повѣсть, въ наши времена, должна имѣть другой особый смыслъ, который сближаетъ ее съ наспоющимъ возрастомъ жизни!

Какъ художественное произведеніе творческой фантазіи, существенно отличное отъ прозаическаго анекдота и исторической были, повѣсть принадлежитъ къ кашегоріи романа. Она есть и должна бышь не что иное, какъ одушевленный рассказъ происшедшій, поэтическое представленіе жизни. Отъ романа она отличается только объемомъ. Тамъ жизнь представляется въ обширной галлерей картинъ; здѣсь въ стѣнных рамахъ одного сокращеннаго очерка. Короче сказать, повѣсть не что иное какъ — романъ въ миниатюрѣ! Почему романъ есть форма, преимущественно приличная современному возрасту человеческого образованія, мы имѣли нѣсколько разъ случаи разсуждать и догадываться. Своей всеобъемлющей вмѣстимостью онъ удовлетворяетъ вполне главной и существенной потребности настоящаго періода жизни — представлять не одно во всемъ, а все въ единомъ. Въ романѣ жизнь обзрѣвается со всѣхъ сторонъ, изслѣдуется во всѣхъ смыслахъ. Романъ разрабатывается ее со всѣхъ почекъ, какъ пучину спрасей, какъ шканъ чувствъ, какъ вхо идей. Точно также и повѣсть! И здѣсь причина ея современной всеобщности! Теперь она не есть только пріятный досугъ воображенія, играющаго калейдоскопически призраками дѣйствительности, но живой эскизъ

яркая черта, художественная выдержка изъ книги жизни. Великіе геніи высказываютъ въ ней свои глубокіе взгляды: поверхностныя говорунны рассыпаютъ свои бѣглыя впечатлѣнія. Изъ нашихъ повѣстей составляетъ, можно сказать, живописный альбомъ современной наблюдательности!

И такъ нынѣшняя повѣсть, подобно роману, есть художественное представленіе жизни со всѣхъ почекъ зрѣнія. Таковыхъ почекъ можетъ быть только *три*; ибо жизнь человѣческая слагается изъ трехъ главныхъ элементовъ: мыслей, дѣйствій и чувствованій, слѣдовательно и представляясь можетъ *трояко*: какъ изліяніе чувствъ, какъ выраженіе мыслей, какъ сдѣленіе дѣйствій. Въ романъ, коего рамы просторны, сіи три почки зрѣнія всѣ могутъ совмѣщаться легко и свободно. Но въ повѣсти, коея кругъ слишкомъ ограниченъ, одна изъ нихъ должна преимущественно господствовать и сообщать ей цвѣтъ опредѣленный, рѣшительный. Такимъ образомъ, повѣсти, не измѣняя своей сущности, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ *троякаго* рода: *философическія*, *сентиментальныя* и собственно *дѣписательныя*.

Повѣсть *философическая* представляетъ избранный моментъ жизни, какъ развитіе идеи, какъ рѣшеніе умозрительной задачи! Что жизнь человѣческая своими явленіями можетъ рѣшать важнѣйшія умственные проблемы, это было дознано изстари. Отсюда происхожденіе апологовъ, притчей, парамейей, кои въ вещественныхъ событіяхъ жизни воображали, аллегоризировали умственные понятія. Но сей процессъ аллегоризи-

рованія, споль свойспвенный и любезный младенческимъ лѣпамъ челоѳчеспва, не можешъ держашся при возмужалости образованія. Основаніе аллегоріи еспъ насиліе. Она самовластно распоряжаешъ явленіями жизни, дабы преврашитъ ихъ въ символъ понятія; сглаживаешъ съ нихъ вещьспвенныя черпты и распворяетъ произвольными вымыслами, дабы дашь имъ кристалъную прозрачность иносказанія. Эпо насиліе убиваешъ въ ней жизнь: и пошому аллегорія, подобно призраку Фаншасмагоріи, можешъ забавлять дѣшей своею радужною яркостью, но для возмужалаго духа мерпва, бездушна. Смыслъ жизни долженъ находитъся въ ней самой: и *философическая* повѣспъ должна его не вносить, а указывашъ. Въ прошломъ вѣкѣ, Вольперъ и его школа покушались изображашь жизнь *философически*. Но увлекаясь духомъ ложной, односторонней системы они умышленно опривали ошъ великой карпины лоскупки, не имѣющіе цѣлости, и лукаво заспавляли ихъ лжесвидѣтельспвовашъ въ свою пользу. Не шаково. испинное, благородное значеніе *философической* повѣспі, угаданное въ наши времена. Она предспавляешъ различные мопенпы жизни безприспраспно, въ ихъ глубокой, реискаженной испинѣ, и шѣмъ даешъ видѣшь ихъ цѣльный, подлинный смыслъ, ихъ вѣчное, самостояпельное значеніе. Таковы повѣспы первокласныхъ Германскихъ писателей, гдѣ жизнь предспавляешся шоржеспвеннымъ оправданіемъ высшихъ философическихъ идей, философией въ лицахъ. Между ними первое мѣсто неоспоримо припадлежитъ *Гофману* и *Тикку*. Современные Фран-

цузскіе повѣсповашели иногда покушающа сшашь на сію шочку зрѣнія. Но, за исключеніемъ нѣсколькихъ повѣспей *Бальзака* и нѣкошорыхъ главъ въ романахъ *В. Гюго*, покушенія ихъ, вращающіяся въ ограниченномъ кругѣ современныхъ полишическихъ идей, не имѣють истинно философической глубины и общности.

Сантиментальная повѣспь изображаетъ жизнь, какъ опголосокъ чувствованій, еспь опрывокъ изъ біографіи сердца. Спруны сердца безчисленны: но, со временъ рыцарства, чувство любви предосшавило себѣ какъ будшо исключительное право наполнять собой всю его неисшощимую дѣяцельность. Опсюда кругъ *сантиментальной* повѣспи, въ продолженіе многихъ вѣковъ, почши ограничивался представленіемъ однихъ любовныхъ спраданій и наслажденій. Доколѣ любовь сохраняла свою первобышнюю, рыцарскую чистоту, эшо могло бышь шерпимо. Но въ атмосферѣ дворовъ Людовика XIV и XV, сіе чувство исказилось совершенно, унизившись до грубаго живошпаго сладосшрассія. Надлежало подрисовывать искусшвенно эшо пламя, пошерявшее свою дѣйствительную шеплошу, дабы сохранить ему въ поэзіи шу силу, кшорую оно владело по преданію. Но сіи насильшвенныя мѣры не могли возвращишь жизнь шрупу: и посему *сантиментальная* повѣспь, въ концѣ прошлаго шолѣсія, сдѣлавшаяся во Франціи дамскимъ рукодѣлемъ, достигла до шакой степени пришорности, чшо возбудила всеобщее опвращеніе, даже обезславила имя, ею носимое. Только добродушные, мечшательные Нѣмцы сохраняли еще

искреннюю вѣру въ древнюю святошь любви, еслѣ не на шумномъ позорищѣ свѣтской жизни, шо по крайней мѣрѣ въ тихихъ нѣдрахъ жизни семейной. Отсюда, ихъ *Семейственныя Картины* (Familiengemälde), во вкусѣ *Августа Лафонтеня*, нѣсколько времени пригвождали къ себѣ живое, искреннее участіе. Но при слишкомъ шѣсной ограниченности рамъ, въ коихъ двигались сіи карпины, занимательность ихъ скоро испощилась однообразіемъ. Наконецъ почувствовали, что жизнь человѣческая не естѣ идиллія, что блаженная Аркадія любви, съ своими нѣжными мечтами, спраданіями и наслажденіями, естѣ анахронизмъ въ настоящемъ возрастѣ человѣческой жизни. Это чувство преимущественно пробудилось въ современной Франціи, гдѣ бурныя, вулканическія сопрясенія, ежедневно возобновляющіяся, обнажили сердце человѣческое до самыхъ сокровеннѣйшихъ нѣдръ и, если можно такъ сказать, выпянули всѣ его жилы. Бездна неиспощимая открылась взорамъ наблюдателей: и *сантиментальная* повѣсть, возвысившись на степень *Картины Нравовъ* (Tableau de Moeurs), сдѣлалась полною, всеобъемлющею біографіею сердца. Карпины сіи, преслѣдуя явленія жизни, безъ всякой пощады и скромности, до сокровеннѣйшихъ глубинъ внушренней лабораторіи, гдѣ онѣ зачинающяся, часто бывающъ ошврашительны и ужасны. Этошъ упрекъ преимущественно можно опнести къ *Жюлю-Жаненю*, и опчаспи къ *Бальзаку*. Но сей недостатокъ естѣ недостатокъ перваго свѣжаго взгляда, опыскивающего въ яркой простотѣ предпочпительно темныя пашна, на

копорохъ можнобъ было останаовишься, перваго жаднаго рвенія, не полагающаго себѣ никакихъ предѣловъ, никакой мѣры.

Оспается претій родъ повѣспи, копорый мы назвали собспвенно *дѣписательнымъ*. Сей родъ проще и обыкновеннѣе прочихъ. *Дѣписательная* повѣспъ еспъ изображеніе жизни, какъ сцѣпленія дѣйсвій, еспъ вѣрная копія ея машеріальнаго содержанія. Подобно историческому роману, она только подводитъ подъ эспешическій пунктъ зрѣнія дѣйсвительныя событія жизни. Но здѣсь могушь бытъ два случая. Или событія сіи, принадлежа ко временамъ минувшимъ, заимсвуются изъ хранилища воспоминаній, сущъ собспвенно историческіе факты; или, повшоряясь ежедневно въ жизни, какъ національные идіюшизмы, сбираются наблюдениемъ съ живой игры народной физіономіи, сущъ наглядныя современныя сцены. Въ первомъ случаѣ повѣспъ можетъ собспвенно назваться *историческою*, въ послѣднемъ *народною*. Повѣспъ *историческая*, въ наше время, наровнѣ съ историческимъ романомъ, подчиняется строгимъ условіямъ поэтической истины, еспъ настоящій эпизодъ исторіи въ лицахъ. Но никшо не умѣлъ такъ смѣло и такъ удачно распротранить сію строгоспъ даже до буквальной вѣрности исторической истины, какъ извѣспный Французскій *Жакобъ Библиофилъ*, коего легенды, изданныя подъ именемъ *Вегеровъ Вальтера-Скотта*, сущъ не чшо иное, какъ переложеніе старинныхъ Французскихъ хроникъ въ разговоры и сцены. Повѣспъ *народная*, пред-

спавляющая національный духъ въ лицахъ и событіяхъ, распроспраняешся теперь по всей Европѣ и уже прославлена многими знаменитыми именами.

Явно теперь, почему повѣсть вообще пользуется такимъ предпочтеніемъ въ современныхъ Европейскихъ литераторахъ. Она представляетъ въ себѣ гибкую, прозрачную, всеобъемлющую форму, гдѣ мыслители могутъ олицетворять свои идеи, наблюдатели излагаютъ свои замѣтки, живописцы оковываютъ свои мимолетные, одушевленные взгляды на жизнь и ея волненія. И здѣсь мы должны отдать пальму первенства *Бальзаку*, котораго не рѣдко умѣетъ, въ краткомъ миниатюрѣ повѣсти, совмѣщать все шире, изложенныя нами, взгляда и представлять философическую исторію современной жизни съ глубокою психологическою прозорливостью. Особенно укажемъ на прелесть часть его новыхъ *Сценъ Частной Жизни* (*Scènes de la Vie Privée*), которую по справедливости можно назвать, какъ и предполагалъ-было издатель-книгопродавецъ, *Исторіей Женщины* (*Esquisses d' une Femme*).

И у насъ повѣсти примѣтно начинаютъ умножаться. Но до сихъ поръ ихъ всеобъемлющее значеніе не было еще постигнуто. *Философической* повѣсти у насъ не было пока вовсе, да и можетъ быть долго не будетъ... Повѣсть *сантиментальная*, въ устарѣлой любовной формѣ, введена была къ намъ легкимъ перомъ *Карамзина*; но естественнo не могла приняться. Все являющіяся теперь у насъ повѣсти большей частію принадлежатъ къ послѣдней категоріи. Только въ

прекрасныхъ созданійхъ *Марлинскаго* иногда сверкаетъ лучъ высшаго, всеобъемлющаго прозрѣнія. О повѣстяхъ, подавшихъ намъ поводъ къ наспоющему разсужденію, скажемъ наше мнѣніе порознь.

Досуги Инвалида кажутся намъ ниже прочихъ, хошя никакъ не лзя опказать имъ совершенно въ достоинствѣ. Сіе́ достоинство состоишь въ умѣни писашъ лѣтко и свободно, кошорое однако весьма слабо обуздывается благоразуміемъ и попому очень часто переходишь въ скучную, ушомительную болпливость. Опносительно внушренняго, художественнаго, испинно поэпического, достоинства, изъ двухъ повѣстей, соспавляющихъ первую вышедшую часть *Досуговъ*, *Марихенъ* рѣшишельно ничего не значишь. Это безжизненное подражаніе Лафоншеневскимъ семейственнымъ картинамъ, вспавленное въ Русскія рамки. За то *Матушка - Мадамъ* не безъ занимательности, какъ вѣрный, хошя и бѣглый, очеркъ временъ Очаковскихъ. Дѣйствія и здѣсь не много: но для насъ довольно уже, что мы имѣемъ наслажденіе провесць нѣсколько минушь въ походной спавкѣ великолпнаго *Князя Таврическаго*, подѣ спѣнами Очакова.

Съ сей же почки зрѣнія не лзя опказать въ занимательности и *Андрею Безымянному*. Какъ художественное созданіе, повѣсть сія весьма незначишельна. Въ ней сдавлено слишкомъ много произшествій, кой, не имѣя простора въ шѣсныхъ рамкахъ повѣсти, спалкиваюшя другъ съ другомъ шеапральными случайностями, ро-

маническими внезапностями старинной школы. Но какъ вѣрный очеркъ Русскаго быта во времена Петровы, она имѣетъ достоинство. Конечно, въ ней нѣтъ никакихъ собственно новыхъ подробностей: но замѣчательно, что многіе характеристическіе анекдоты, давно чинаемые по Французски и по Пѣмецки, здѣсь въ первый разъ высказаны по Русски. Слогъ повѣсти изобличаетъ мастера писать; но не рѣдко перешедъ галлицизмами.

Гораздо высшее, во всѣхъ отношеніяхъ, значеніе имѣютъ *Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки*. Здѣсь очаровательная поэзія Украинской народной жизни предъставлена во всемъ неисповодимомъ богатствѣ родныхъ неподдѣльныхъ прелестей. *Рудый Панько* владѣетъ кистью смѣлою, роскошною, могущественною. Его картины кипятъ жизнью. Вторая часть *Вечеровъ* вполне достойна первой. Замѣшимъ въ ней особенно *Странную Месть*, старинную быль. Здѣсь рѣшается задача, до какой высокой степени можетъ быть поэтизирована Слѣвянская народная фантазмагорія!

Повѣсти Погодина не могутъ быть подведены подъ одну категорію. Онѣ весьма разнообразны. Изъ нихъ нѣкоторыя, какъ и. п. *Черная Немочь* и *Несѣста на Ярмаркѣ*, коей послѣднюю часть составляетъ *Счастіе въ Несчастіи*, отъ простыхъ народныхъ сценъ переходятъ къ усиленнымъ рѣшимъ важнѣйшія задачи умственнаго и нравственнаго человѣческаго организма. *Адель* и *Сокольницкій Садъ* можно назвать біографическими записками сердца. Но особенное располо-

женіе *Г. Погодинъ*, кажешся, имѣешь къ *народной* повѣсти. Поприще прекрасное! У *Г. Погодина* нѣтъ недоспапка въ средствахъ, бышь вѣрнымъ живописцемъ Русскаго народнаго быта. Разрабошывая лоно Русской старины, онъ долженъ сжиться и свыкнувшись съ духомъ, копорый, не умирая, вѣешь во вѣхъ движеніяхъ нашей народной жизни. Его Русская душа умѣешь понимать и цѣнишь все Русское. Но справедливосшь пребуешь замѣшишь, что его лучшія народныя повѣсти досель избличающъ какую-ню небрежностъ и неокончанностъ. Русская народная рѣчь, копорую онъ владѣешь легко и свободно, упадаешъ иногда до привіальности. Это недоспапокъ, происходящій безъ сомнѣнія ошь недосмотра, слѣдовательно легко исправимый. Мы замѣчаемъ это пошому, что надѣемся ошь *Г. Погодина* многога для Русской повѣсти.

VI.

ПРОЦЕССЪ

ФРИДРИХА БЕНУА

ВЪ ПАРИЖѢ.

(Июль 1832.)

Гласность судопроизводства, съ давнихъ временъ существующая въ Англии и теперь составляющая одно изъ главныхъ составныхъ началъ полипического организма Франціи, обогатила исторію человѣчества многими важными, поучительными фактами. Жизнь, это бездонное море, шаящее въ недосягаемой глубинѣ своихъ нѣдръ сполько дивныхъ, часто ужасныхъ, но всегда назидательныхъ чудесъ, предъ лицомъ судилища обнажаетъ свои сокровеннѣйшія таинства. Лѣтописи преступленія можно назвать тайными записками человѣческой природы.

Процессъ, который мы намѣрены здѣсь представить по официальнымъ документамъ, въ нынѣшнее лѣто занималъ собой всю читающую Европу. Открытіе тайной связи между двумя преступленіями, совершенными въ разныхъ мѣстахъ, въ разныя времена, облакало ужасъ истины поэтической занимательностью. Перстъ небеснаго правосудія, бдящій надъ злодѣяніями, обнаруживается здѣсь новымъ торжественнымъ опытомъ, утѣшительнымъ для вѣры въ Провидѣніе. Формы судопроизводства, избличившаго сіи преступленія, по-

казывающъ, до какой степени доведена сія вѣшь въ государственнаго устройства во Франціи.

1829 года Ноября 3 дня упромъ, Г. Бенуа, мирный судья въ Вузье, уѣхалъ изъ города на мѣльницу, находившуюся въ 4 миляхъ отъ города; ему надлежало, возвратившись на другой день.

Въ отсутствіе его, дома оставались только Гжа Бенуа съ сыномъ Фридрихомъ и племянницей Луизой Фёшеръ, которая исправляла у ней должность служанки.

Гжа Бенуа спала въ темномъ кабинетѣ нижняго жилья; изъ сего кабинета былъ пощаенной выходъ въ споловую, а изъ сей послѣдней въ другую спальню, въ которой имѣлись два окна со ставнями, запиравшимися изъ-внутри; окна сіи были обращены на городскую площадь. Тупъ же между окномъ и каминомъ находился шкафъ, а съ другой стороны альковъ съ постелью, возлѣ сего алькова дверь въ кабинетъ, гдѣ спала Гжа Бенуа. Пощаенный выходъ, о коемъ говорено, отдѣлялъ кабинетъ сей отъ кухни, въ коей находилась постель Луизы Фёшеръ, на разстояніи почти девяти футовъ отъ постели ея пещки. Фридрихъ занималъ комнату во второмъ этажѣ почти надъ самымъ помѣщеніемъ двоюродной сестры своей, упомянутой Луизы Фёшеръ.

Какъ будто въ слѣдствіе предчувствія, Гжа Бенуа заперла окна спарательнѣе обыкновеннаго. Примѣшивъ, что крючокъ на одномъ ставнѣ легко снимался, она привязала его снуркомъ, вѣрояшно для того, дабы онъ могъ сопротивляться усиліямъ, дѣлаемымъ снаружи, посредствомъ прѣсе-

нiя спавня. Сiе окно было то , возлѣ коего находился шкапъ со споловымъ бѣльемъ.

Въ нижней часши сего шкапа находилась шкапулка съ деньгами , между прочимъ съ мѣшкомъ , въ коемъ содержалось 6,000 франковъ золопомъ. Но о сущесшвованiи сей шкапулки и назначенiи ея не зналъ никшо , ниже конпорщикъ Г. Бенуа , равно какъ и Сусанна Форжешъ , бывшая въ семъ домѣ служанкой въ печенiе года.

Во время опсущспвiя мужа своего Гжа Бенуа имѣла предоспорожностъ класпъ иногда ночью мѣшокъ съ золопомъ къ себѣ подъ подушку.

Въ печенiе года , проведеннаго Сусанною Форже у Г. Бенуа , два раза случалось ей замѣчать , что Гжа Бенуа забывала въ пошелѣ мѣшки съ серебромъ и золопомъ ; она тошчасъ увѣдомляла о помѣ Гжу Бенуа , копорая и прибирала деньги. Около 12 часовъ , въ ночь , послѣдовавшую за опѣздомъ Г. Бенуа , съ 8 на 9 Ноября , Доссеро , лѣкаръ живушiй въ домѣ , прилегающемъ къ дому Г. Бенуа , былъ разбужень крикомъ Фридриха , копорый звалъ его со спорони двора. Онъ вспалъ съ послѣшностiю и думая , что у сосѣда его пожаръ , разбудилъ браша своего Доссеро - Сорле , съ коимъ жилъ вмѣстѣ. Сей послѣднiй вышелъ первый въ рубашкѣ и встрѣшилъ у двери Фридриха , копорый сказалъ ему : „скорѣе , насъ обокрали , воры у насъ!“ Оба побѣжали къ дому ; Фридрихъ , входя въ комнашу , закричалъ : „воры выскочили въ окно , не видали ли вы ихъ? — Я видѣлъ женщину ; вошъ она бѣжишъ по площади!“ — Доссеро выскочилъ

на улицу, осмотрѣлъ площадь, но не вида ни кого, хотя луна была въ полномъ сѣннѣи, возвратился домой, одѣлся и чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ опять.

Въ то время какъ Доссеро выходилъ изъ дома Бенуа, братъ его лѣкарь входилъ въ оный. Фридрикъ сказалъ ему: „Г. Доссеро, насъ обокрали.“ Доссеро начиналъ уже дѣлать понски въ домъ, какъ Фридрикъ прибавилъ: „Г. Доссеро, да кликните маминьку.“ Доссеро кликнулъ два раза Гжу Бенуа и не получивъ отвѣта, спросилъ, гдѣ она спитъ: „вопъ здѣсь!“ сказалъ Фридрихъ, указывая на шемный кабинетъ. Доссеро отворилъ дверь и при свѣчѣ, которая была у него въ рукѣ, увидѣлъ на постелѣ шѣло Гжи Бенуа и полъ улитый кровью. Онъ опспунилъ, воскликнувъ: „какойъ ужасъ! другъ мой, швоя мапъ зарѣзана!“ и бросился шребовать помощи.

Сосѣди сбѣжались толпою; мѣспное начальство, полицейскіе чиновники и лѣкаря явились на мѣсто прѣспупленія и освидѣтельстввовали все подробно.

По предположеніямъ лѣкарей, Гжа Бенуа уже съ часъ лишена была жизни; смерть по видимому настигла ее во время сна, ибо не было замѣпно никакого беспорядка въ постелѣ, на коей она лежала. Она находилась въ положеніи заснувшей особы и съ перваго взгляда шѣло ея не представляло никакого слѣда поврежденія; но когда подняли голову, склоненную нѣсколько къ груди, шо увидѣли весьма большую рану, проспирившуюся на передней и боковой часши шеи, длиною въ 7, глубиною въ $2\frac{1}{2}$

дюйма; сія рана, весьма рѣзкая, долженствовала бытъ слѣдствіемъ удара, нанесеннаго орудіемъ острымъ, хорошо направленнымъ, находившимся въ рукѣ швердой, за коимъ смерть непосредственна должна была слѣдовать, шакъ что жершва не могла ни разу крикнуть, ибо дыхательное горло было совершенно перерѣзано и не имѣло уже сообщенія со ртомъ.

На подушкѣ находилась фланелевая юбка, очень намоченная кровью, хопя по видимому кровь не могла брызнуть въ эту сторону. Предположили, что убійца, нанеся смертельный ударъ, упошребилъ эту юбку, для закрышія головы Гжи Бенуа, дабы она не закричала.

Въ спальнѣ одно изъ оконъ, обращенныхъ на площадь, и спавень его, были опкрышы, хопя по словамъ Фридриха, самъ онъ съ матерью, вечеромъ заперъ ихъ и Гжа Бенуа сверхъ того привязала снуркомъ крючокъ спавня, которій легко выходилъ изъ пещли. Одно изъ стеколь окна было разбишо въ верхнемъ углу: опверсшіе сосшавляло въ длину 6 дюймовъ, а въ ширину 3; края его были устьяны ошприми обломками шекла; оно было шакъ узко, что весьма казалось пруднымъ просунушь сквозь него руку, не изрѣзавшись.

Шкапъ, находившійся въ той же комнашѣ, былъ оппершъ; шкапулка, придѣланная къ низу сего шкапа, разломана, и изъ ней похищена сумма 6,000 фр. золопомъ, заключавшаяся въ мѣшкѣ, которій Г. Бенуа положилъ въ сію шкапулку предъ своимъ опѣздомъ. Другой мѣшокъ съ 2,000 фр. серебромъ, нѣсколько серебря-

ной посуды и бѣлье, вынутыя изъ того же шкапа и щкашулки, были брошены на полу, гдѣ и нашли ихъ первые свидѣтели. Дверь съ улицы была заперта, замокъ находился въ цѣлости и ключъ всунушь въ замокъ извнутри; постель въ альковѣ той комнаты, гдѣ покража совершилась, была нѣсколько измята. Замятили съ удивленіемъ, что въ сей комнатѣ небыло никакимъ слѣдовъ ни грязи ни крови, хотя злодѣи, пришедшіе извне, неминуемо должны были проходитьъ чрезъ сію комнату для того, чтобы войти въ кабинетъ Гжи Бенуа и возвратиться изъ него. Не замѣтно было также никакихъ слѣдовъ прохожденія ихъ ни на внутренней, ни на наружной части открываго окна. Наконецъ ничто не доказывало, чтобы они совершили кражу и убійство при огнѣ.

Фридрихъ, будучи на другой день допрошенъ, показалъ: что наканунѣ, онъ, мать его и Луиза Фѣшеръ, легли спать около половины девяшаго часа; что въ 10 часовъ, чувствуя себя нездоровымъ сходилъ онъ внизъ, спросилъ у двоюродной сестры своей ключъ отъ шкапа, въ коемъ находился сахаръ, (того самаго, изъ котораго украдены 6,000 фр. золотомъ) что взялъ ключъ сей на каминѣ, разогрѣлъ въ кухнѣ воды, не зажигая свѣчи, выпилъ воду, разведя въ ней сахаръ, и пошелъ на верхъ, оставивъ ключи въ замкѣ шкапа; что онъ не затворялъ дверей, дабы не разбудить скрипомъ ихъ мащери; что около полуночи глухой крикъ Г. Бенуа разбудилъ его; думая, что она видѣла дурной сонъ, какъ то съ нею часто случалось, онъ вспалъ поспѣшно и надѣвъ чулки и нижнее платье, сбѣжалъ внизъ,

клича нѣсколько разъ свою мать; что въ сіе время услышалъ онъ звукъ, подобный происходящему отъ усилий, дѣлаемыхъ человекомъ, котораго рвешъ; что сошедши, увидѣлъ при входѣ въ комнату, гдѣ бралъ сахаръ, открытое окно, разбросанныя вещи, и пораженный страхомъ побѣжалъ въ кухню, кликалъ мать свою изо всѣхъ силъ и велѣвъ Луизѣ держать дверь, бросился на дворъ, откуда позвалъ брашьева Доссеро, послѣ чего, отворяя дверь съ улицы, увидѣлъ женщину разупую, бѣгущую по площади въ направленіи къ дому Г. Марнике. Онъ прибавилъ, что извѣстился о убійеніи матери своей, только по восклицанію лѣкаря Доссеро.

Луиза Фѣшеръ объявила съ своей стороны, что легла въ 9 или 9½ часовъ, взявши свѣчку отъ Гжи Бенуа, которая уже находилась въ постелѣ. Она прибавила, что не слыхала никакого шума, до той минуты, какъ разбудилъ ее Фридрихъ, соскочивъ съ постели; тогда ей показалось, что кто-то бѣжитъ, что Фридрихъ, отперевъ дверь на улицу, сказалъ ей, что онъ сію минуту видѣлъ женщину, бѣжавшую къ дому Г. Марнике; что послѣ сего вошла она въ комнату, гдѣ учинилась покража; что Фридрихъ просилъ ее нѣсколько разъ кликнуть мать его; что она тщетно звала ее; послѣ чего подошедъ къ кабинету, увидѣла бездушное тѣло теткки своей и вскрикнула: „Боже мой, она мертва!“ что когда она выходила, Г. Доссеро вошелъ въ кабинетъ. Существованіе шкатулки, которую сломали, и обыкновеніе Г. Бенуа класъ въ нее деньги, не были извѣстны никому постороннему, ни-

же домашнимъ. Но Фридрихъ и Луиза знали о шкапулкѣ и ея назначеніи. Они сознались въ шомъ. Фридрихъ объявилъ, съ перваго раза, что украдено ошъ 5 до 6,000 фр. золошомъ; онъ прибавилъ, что опецъ его наканунѣ своего ошѣзда, взялъ 1,500 фр. серебромъ. Г. Бенуа, возвратившійся послѣ сихъ показаній, объявилъ, что почно предъ ошѣздомъ взялъ 1,500 фр., но не думалъ, чтобы кшо нибудь зналъ о шомъ, ибо удалялся для сощишанія ихъ въ заднюю комнашу.

Соображая всѣ сіи произшеспвія, необходимо надлежало предположить: вопервыхъ, что виновные въ сихъ двухъ преспуленіяхъ знали совершенно обиташелей дома и порядокъ обыкновенно въ немъ соблюдаемый; вовторыхъ, что если не совсѣмъ не возможно, то по крайней мѣрѣ весьма шрудно было ошкрышь извнѣ спавень, кошорый заширался из-внушри и кошораго ключекъ былъ сверхъ шого прикрѣпленъ шуркомъ; вшрешьихъ, не поняшно, какимъ образомъ ни Фридрихъ, ни Гжа Бенуа, ни Луиза, не могли услышать, какъ воры ошпирали чрезъ узкое ошверстіе въ шеклѣ задвижку рамы, разбили шекло, ошкрыли раму, вошли въ комнашу, ошперли шкапъ, изломали шкапулку; вчешвершыхъ, ошъ чего не ошалось никакихъ слѣдовъ или орудій злодѣянія ни извнѣ, ни ввнушри дома; впяшыхъ, какую выгоду могли найши чужіе воры въ шомъ, чтобъ убить Гжу Бенуа, когда они по видимому безпрепятшвенно обокрали ее? Всѣ сіи обстояшельспва должны были возбудишь подозрѣнія начальспва на шеть двухъ лицъ,

остававшихся въ сію несчастную ночь съ Гжею Бенуа и давшихъ споль неудовлетворительный опщепъ о необыкновенныхъ общояшельспвахъ, сопровождавшихъ сіе злодѣяніе, равно какъ и о собспльнномъ ихъ поведеніи.

Однакожь Фридрихъ и Луиза не обрапили на себя вниманія правительства, изумленнаго ужасомъ преспуления, коего виновниковъ оно опшыскивало. Судьи города Вузье знали Фридриха съ хорошей спороны, и не могли подумашъ, чшобъ эшопъ молодой человѣкъ, едва имѣвшій 17 лѣтъ опъ роду, могъ сдѣлаться виновнымъ въ кражѣ, совершенной посредспвомъ машереубійспва. Имъ шакже не приходило въ голову, чшобъ Луиза Фѣшеръ, шакже семнадцати-лѣшняя дѣвушка, приняшая въ домъ пешкою, осыпанная ея благодѣянїями, могла учаспвовашъ въ споль ужасномъ злодѣянїи.

Мысль, чшо злодѣи пришли извнѣ, подшверждадалась еще найденнымъ въ прехѣ чушахъ опъ опкрышаго окна деревяннымъ крюкомъ, посредспвомъ коего, какъ думали, можно было опперешъ спавень. Г. и Гжа Бенуа имѣли прехѣ сыновой, изъ коихъ первый служилъ въ судѣ и пользуется заслуженнымъ уваженїемъ. Сначала подозрѣвали вшораго, по имени Августша, по причинѣ худаго поведенія его; сей послѣдній жилъ шогда въ Реймсѣ. Но по собраннымъ справкамъ, оказалось, чшо эшопъ молодой человѣкъ не былъ въ опшлчкѣ изъ Реймса въ шо время, когда преспуление совершилось.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, Г. Бенуа получилъ письмо, съ ложной подписью, въ коемъ грозили убить его. Узнали почеркъ одного Лабова, мясника, имѣвшаго собственносць въ Вузье; его взяли подѣспражу; онъ сознался, что дѣйствительно писалъ сіе письмо, а какъ было извѣстно, что онъ проигралъ много пляжекъ въ Мирномъ Судѣ (justice de paix) и что былъ за то въ большой досадѣ на Г. Бенуа, по и не имѣли никакого сомнѣнія, чтобъ онъ не былъ виновникомъ убійства его жены.

Генерал - Прокуроръ Мецкаго Суда, пошребоваль, чтобъ было произведено новое слѣдствіе по сему дѣлу, и чтобъ Лабовъ былъ допрошенъ.

Важныя обстоятельство свидѣтельствовали противъ него. Одна женщина, по имени Мальваль, бывшая въ числѣ свидѣтелей, объявила: что проходя нѣсколько разъ, часу во впоромъ ночи, мимо дома Лабова, видѣла его въ рубашкѣ; что онъ у ней спрашиваль, что случилось, и слышавъ отъ ней о происшедшемъ, вдругъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ явился съ женой въ домъ Гжи Бенуа.

Другой свидѣтель показаль: что почти въ половинѣ вчораго часа ночи, онъ видѣль, человека въ бѣломъ колцакѣ и сѣрой куршкѣ, который бродиль вокругъ дома Бенуа и наконецъ убѣжалъ. На Лабовѣ точно была сѣрая куршка; всѣ ея обстоятельство казалось служиди вѣрнѣйшими уликами несчастнаго мясника. Онъ оправданъ былъ Арденскимъ Судомъ, по

причинѣ рѣдкаго и почти чудеснаго раздѣленія присяжныхъ голосовъ *шести* противъ *шести*.

Такое оправданіе не могло однако разсѣлить подозрѣнія. Одинъ изъ судей рѣшительно сказалъ женѣ Лабова: „мужъ твой хоша и оправданъ, но онъ виноватъ!“

Лабовъ спасся ошъ казни, но не получилъ свободы; его отослали въ Исправительную Полицію за то, что онъ написалъ письмо съ ложною подписью, въ коемъ грозился убить Г. Бенуа, за что и былъ осужденъ на пятилѣтнее заключеніе въ шюрмъ, послѣ чего определено ошдать его на десять лѣтъ подъ надзоръ Полиціи.

Между тѣмъ какъ Лабовъ претерпѣвалъ сіе наказаніе въ Клервосской шюрмѣ, случилось происшествіе, которое бросило новый свѣтъ на сіе ужасное преступленіе.

1832 года, Іюля 21 дня, въ 11 часовъ вечера, два молодые человекъ явились въ Версали, на улицѣ Помпъ, прося ночлега въ гостинницѣ *Бани* (de Bains). Имъ ошказали по причинѣ поздняго времени. Они ошправились къ Шеврѣ винопродавцу; Шеврѣ, кошорый не имѣлъ комнатъ для ночлега, ошвелъ ихъ къ Вуазеню, въ той же улицѣ Помпъ. Здѣсь записались они одинъ подъ именемъ писца Парижскаго Нонаріуса, Іоанна Франциска Клемана, 18 лѣтъ, другой подъ именемъ Николая Оберша, 20 лѣтъ, чиновника шаможеннаго, рожденнаго и живущаго въ Парижѣ.

На другой день ушромъ, между пяти и шести часовъ, они возвратились въ гостинницу *Бани*, содержащую Ждберомъ, и жалуются, что у Вуазеня на могли заснуть по причинѣ кло-

повъ, требовали комнаты; ихъ опвели въ 8 №.

Сей № смѣженъ съ 7 №, и имѣешь двѣ двери, одну въ корридоръ, а другую въ упомянутый 7 №. Войдя въ комнату одинъ изъ молодыхъ людей легъ на диванъ, а другой на постель. Въ полдень одинъ вышелъ, удалился спокойно и не пришелъ опять. Въ 7 часовъ вечера Жоберъ послалъ въ номеръ человека спросить у оставшагося, не имѣешь ли онъ въ чемъ надобности. Слуга спучалъ и кликалъ бесполезно, наконецъ пошелъ чрезъ 7 № и нашелъ шрупъ зарѣзаннаго молодого человека.

Трупъ лежалъ на полу въ шрехъ фупахъ опъ двери въ корридоръ, спиной къ спѣнѣ съ сей стороны. На горлѣ была у него рана въ 3 дюйма глубиной и $7\frac{1}{2}$ длиной. На щекахъ, губахъ и даже на мѣстахъ головы, покрытыхъ волосами, нащитаю 16 ранъ, нѣкошорыя крестъ на крестъ, на указательномъ пальцѣ правой руки порѣзъ въ нѣсколько линий и на лѣвомъ боку багровое пятно, происшедшее повидимому опъ сильнаго давленія колѣномъ. На воротникѣ несчастнаго были съ обѣихъ сторонъ весьма ровные и довольно длинные разрѣзы.

По глубинѣ ранъ на шеѣ и пятну на боку, заключили, что первый ударъ былъ нанесенъ убитому во время сна его на диванѣ. Рана на горлѣ хоть смертельная, не могла однакожь, по мнѣнію лѣкарей, воспрепятствовать несчастному сопротивляясь убійцѣ, встать и ходить нѣсколько минушь; но онъ не могъ уже издашь ни малѣйшаго крика по причинѣ совершеннаго.

разсѣченія дыхательнаго горла. Люди гостинницы такъ же не слышали ничего въ сей комнатѣ, что бы могло внушить подозрѣнія.

Полъ, мебели, даже стѣны во многихъ мѣстахъ были замараны кровью. Подушка и плющякъ дивана были ею напишаны; она находилась на занавѣсѣ постели и на подошвахъ умершаго.

Нашли на полу, на занавѣси, на одѣялѣ, на ночномъ сполникѣ, небольшіе клочья волосъ, вырванные изъ головы убишаго.

На одѣялѣ и занавѣси замѣтили кровавыя полосы; повидимому убійца обширалъ послѣднее орудіе свое, котораго впрочемъ щепно искали: одѣяломъ же выперъ онъ сапоги свои. Нижняя часть занавѣса была смята, замочена чѣмъ-то желтымъ, издающимъ запахъ... Изъ чего заключили, что убійца вымылъ... руки и обперъ ихъ объ занавѣсъ. Дѣйствительно люди не пославили воды, и начальство взойдя нашло на диванѣ горшокъ и въ немъ немного... съ кровью.

На поспелѣ нашли согнушой листъ бѣлой почтовой бумаги, въ которомъ по видимому было завернуто нѣчто чешвероугольное, длиною въ 6 дюймовъ и шириною въ 10 или въ 12 линій. Попробовали завернуть въ такую же точно бумагу фуляръ съ двумя бришвами, и складки оказались точно такія же какъ у найденной бумаги.

Заоудѣшельствовали наконецъ, что дверь въ коридоръ была заперта и ключъ унесенъ, хотя было сказано молодымъ людямъ, чтобы они, если пойдуть, ключъ оставили у привратника. У убишаго не найдено никакихъ бумагъ, по которымъ можно бы было узнать кто онъ такой. Сви-

дѣтели Версальскіе могли только показать, что сей убитый одинъ изъ шѣхъ молодыхъ людей, которые наканунѣ были у Жобера, потомъ у Шѣврѣ, наконецъ у Вуазеня, у котораго ночевали, послѣ опять у Жобера, гдѣ занимали 8 Но. Тѣло перевезли въ Парижъ, выставили въ Моргъ (la Morgue), гдѣ наконецъ узнали, что это былъ семнадцатилѣтній Александръ Формажъ, сынъ винопродавца въ Валешшѣ.

Вскорѣ узнали, что сей молодой человекъ имѣлъ развратныя связи съ Фридрихомъ Бенуа, который по смерти матери своей нѣсколько разъ и не на короткое время пріѣзжалъ въ Парижъ. Узнали также, что 21 Іюля Формажъ говорилъ съ Бенуа нѣсколько часовъ въ Палерояльскомъ саду и объявлялъ намѣреніе свое ѣхать въ шоссѣ же день съ другимъ своимъ Бенуа въ Версаль.

Узнали, что Фридрихъ живетъ въ гостинницѣ на улицѣ Ж. Ж. Руссо. Его арестовали 25 Іюля. Будучи допрошенъ, онъ сознался, что имѣлъ связи съ Формажемъ, но не взирая на прошивныя ушверженія свидѣтелей, говорилъ, что не видался съ нимъ около двухъ мѣсяцевъ, и ушверждалъ, что онъ со всѣмъ не былъ въ Версали 21 Іюля.

Доказано по слѣдствію, что обвиняемый съ 21 на 22 Іюля не ночевалъ въ квартирѣ своей на улицѣ Ж. Ж. Руссо. Онъ сознается самъ, что не ночевалъ около эшаго времени, но не знаетъ опредѣлительно, въ которую ночь. Когда ошъ него наспоятельно требовали, чтобъ онъ сказалъ, какъ провелъ эту ночь, то онъ давалъ

объясненія ложныя или противорѣчащія, опъ коихъ въ послѣдствіи ошчасіи ошперся; замѣшательства и безпорядка ошвѣстовъ своихъ иначе объяснишь онъ не могъ, какъ шѣмъ, что имѣеть причины не объявляшь начальству, какъ провелъ эшу ночь.

Въ Моргѣ (la Morgue) Фридрихъ не узналъ трупа своего друга и оказалъ ужасное равнодушіе. Ему сказали, что онъ блѣднѣеть; онъ заспорилъ противъ того, и шребовалъ, чтобы въ протоколѣ не было о шомъ упомянушо. Одинъ изъ свидѣтелей замѣшилъ, что очень еспешивенно бышь ему Бенуа пронущимъ при видѣ друга, шакъ ужасно зарѣзаннаго, когда самъ онъ (свидѣтель) чувствувешъ себя весьма разпроганнымъ. . . „Дайше эшому господину спаканъ воды! онъ упадешъ въ обморокъ!“ ошвѣчалъ холодно и насмѣшливо Фридрихъ.

На другой день, послѣ шого какъ онъ былъ взяшь, его ошвели въ Версаль и привели въ комнашу, гдѣ совершилось убійство. Тамъ ошвидѣтельствовали эго при лѣкаря. На большихъ пальцахъ обѣихъ рукъ найдены у него легкія раны, учиненныя ошстрымъ орудіемъ, а на кожѣ лѣвой ноги небольшую царапину. Обвиненнаго раздѣли, подвели къ дивану (на коемъ по видимому спавшій былъ убищъ), велѣли положишь правое колено на шюфякъ дивана; и нашлось, что горизонтальная перекладина дивана совершенно соошвѣтствовала вышинѣ царапины, на лѣвой ногѣ находившейся.

Черновыя письма, найденный въ бумагахъ Формажа, подкрѣпили сильно возникшія подозрѣнія. Въ одномъ изъ сихъ писемъ, писанномъ изъ Парижа, опъ 2 Юля 1831 года, къ Фридриху, находившемуся тогда въ Вузье у отца, Формажъ наспояшело прѣбуешъ опъ него 150 Франковъ, въ коихъ имѣлъ нужду. Онъ угрожаешъ ему, что если не получишь сихъ денегъ черезъ недѣлю, то поѣдешъ самъ въ Вузье и опкроешъ роднымъ и знакомымъ его *тайну*, *злодѣяніе*, кошорое ему шакъ нужно скрывать.

Сіе письмо показывало, что Формажъ узналъ или по довѣренности или случайно шайну, коей опкрышіе могло бытъ пагубно для Фридриха. Если письмо было (какъ и надобно по всему думашъ) переписано и послано по адресу, то онымъ объяснялось возвращеніе Фридриха въ Парижъ, его разговоръ съ Формажемъ въ Палерояльскомъ саду, поѣздка въ Версаль и убійство, бывшее нужнымъ для безопасности виновнаго. Между шѣмъ какъ правосудіе собирало справки по сему дѣлу, Лабовъ объявилъ изъ Клервоской шюрмы, что обвиняешъ Фридриха Бенуа въ машереубійствѣ и желашъ бытъ доносчикомъ по сему дѣлу.

Декабря 16 1831 года, Парижскій Судъ вышребовалъ къ себѣ оба дѣла. Производство ихъ дополнило изобличеніе Бенуа. Обвинительный актъ, сосшавленный въ судѣ, объявилъ несомнительнымъ, что онъ былъ убійцею машери своей, равно какъ своего друга. Письмо Формажа опъ 2 Юля изобличашъ первое злодѣяніе и причи-

ны вшораго. И по и другое были совершены одинаковыми средствами, съ шѣми же предоспорожноспями, и многія обстоятельсшва ихъ сходны.

Свидѣтели изъ Вузье, будучи снова допрошены, объявили о такихъ обстоятельсшвахъ, кошорыя въ первомъ слѣдсшвіи не были въ виду, по причинѣ предубѣжденія, что злодѣи пришли извнѣ. Сии обстоятельсшва доказываютъ, что убійсшво Гжи Бенуа было дѣломъ сына ея Фридриха и Луизы Фешёръ.

Другіе свидѣтели изъ Нанси объявили, что Фридрихъ, посланный въ сей городъ опцомъ, вскорѣ послѣ смерти Гжи Бенуа, дабы занимашся въ конторѣ Ношаріуса, издерживалъ очень много денегъ, что у него онѣ бывали въ большемъ количесшвѣ золотомъ.

Наконецъ узнали, что обвиняемый, приѣхавъ въ Парижъ, вмѣсто того, чтобы по желанію опца занимашся въ конторѣ Ношаріуса, проводилъ время въ праздноспи, посѣщаль игорныя дома, развращаль своей щедросшью и посулами молодыхъ людей, съ коими предавался посшдынѣйшему пороку; что онѣ долго жилъ въ такихъ сношеніяхъ съ молодымъ Формажемъ, выдавая его за своего слугу; что Формажъ за нѣсколько времени предъ смершью объявилъ въ одномъ случаѣ, гдѣ честносшь его была въ подозрѣннн, что елибы онѣ былъ безчестнымъ человѣкомъ, то могъ бы воспользовашся 6,000 Фран. золотомъ, находившимися у друга его Бенуа въ чемоданѣ, опшъ коего ключъ ему былъ довѣренъ. У Гжи Бенуа, въ ту ночь, когда она была убита, именно такая же сумма украдена золотомъ.

Въ Парижской кварширѣ Фридриха найдены фушляръ для двухъ бришекъ, изъ коихъ одной не было, и 2,400 фр. золопомъ, въ чешырехъ сверскахъ, обернутые журналомъ *Constitutionnel*, на которой опецъ его подписывался; на журналѣ стояло число 26 Января 1828 года.

Фридрихъ утверждалъ, что сіе золото прислано ему опчаспи опцемъ, опчаспи же выиграно имъ самимъ въ каршы. Но доказано, что въ игрѣ онъ постоянно проигрывалъ и не могъ получить опцъ опца споль значительной суммы, особенно золопомъ.

Послѣ сего онъ рѣшился сказать, что чрезъ нѣсколько дней по смерти машери, нашелъ въ одномъ ящикѣ 1,800 фр. золопомъ, спрятанныхъ Гжею Бенуа, изъ коихъ безъ вѣдома опца взялъ 1,500 фр. Но сіе припворное сознание очевидно ещѣ не что иное, какъ средство, употребленное обвиняемымъ для опшращения другихъ важнѣйшихъ подозрѣній, которыя обладание симъ золопомъ на него навлекаетъ.

Между шѣмъ какъ опшсюду собирали доказательства прошивъ Фридриха, правосудіе узнало, что Луиза Фѣшеръ умерла въ Парижѣ, спустя нѣсколько дней послѣ арестованія ея двоюроднаго брата. Она такъже оставила домъ дяди своего и пріѣхала въ Парижъ, гдѣ вела безпущную жизнь и умерла наконецъ 30 Юля 1831 года въ шюрмѣ Маделонетъ. Передъ смертью она часпю изъявляла признаки глубокой горести и угрызенія совѣспи, коихъ причины узнать никто не могъ. Во время болѣзни, опъ коей она умерла, печаль ея увеличилась. Чувствуя прибо-

лиженіе смерти, она созналась, ходившимъ за нею женщинамъ, что по согласію съ двоюроднымъ братомъ своимъ убила тетку за 6000 франковъ. Въ слѣдствіе всего вышесказаннаго, Николай-Фридрихъ-Теодоръ Бенуа обвиненъ:

1) что въ Ноябрѣ 1829 года убилъ добровольно и съ преднамѣреніемъ мать свою Полину Кардо Бенуа;

2) что въ Юльѣ 1831 года убилъ добровольно и съ преднамѣреніемъ Александра Формажа.

Сии злодѣянія предусмошрѣны спашьями 13 и 302 Уголовнаго Кодекса.

Пренія о семь дѣлъ начались 11 Юля 1832 года. Налицо собралось до 100 свидѣтелей.

(да слѣдующей книжки.)

^VII

НОВАЯ КЛАССИФИКАЦІЯ ЖИВОТНЫХЪ,

О С Н О В А Ц И Я

НА ОРГАНИЗАЦІИ ИХЪ ТѢЛА а).

Животными называются тѣла живыя, организованныя, чувствующія и произвольно движущіяся.

в) Составлена ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико - Хирургической Академіи и ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Испытателей Природы Вице-президентомъ Г. И. Фишеромъ и напечатана въ Bulletin de la Societè IMPERIALES Naturalistes de Moscou. Tom. III. Ann. 1831. p. 329 et seqq.

I. Однѣ изъ нихъ имѣють внутри шѣла спинной сполбъ, соспавлѣнный изъ позвонковъ и соединенный съ черепомъ. Въ сихъ двухъ вмѣстѣшлицахъ заключаются *спинный мозгъ* (въ позвоночномъ сполбѣ) и *головный мозгъ* (въ черепѣ), дающія начала нервамъ чувствъ и произвольныхъ движеній. Сверхъ того въ нихъ находится особенная нервная система, извѣстная подъ именемъ узловош, или нерва сочувствѣннаго, управляющаго дѣйствіями органовъ грудныхъ и брюшныхъ. Всѣ онѣ снабжены сердцемъ, кровеносными и пасочными сосудами и красною кровью. Полы у нихъ на разныхъ недѣлимыхъ. Эши живощныя соспавляютъ одно большое опдѣленіе, извѣстное подъ названіемъ *позвоночныхъ* (*spondylophora*; *spinivertebralia* — *Latreille*; *vertebrata superiora* — *Geoffroy*) и *кровеносныхъ* (*hematophora* — *Aristotelis*).

II. Другія, соспавляющія самую большую часть живощныхъ, не имѣють ни суспавчащаго скелеша, ни мозга. Вмѣсто сего послѣдняго они снабжены *нервнымъ пояскомъ*, окружающимъ пищепріемникъ (*enccephaloida* — *Latreille*), нервными нипями и узлами, замѣняющими спинной мозгъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ ешь кровеносная система, но съ раздѣльными сердечными желудочками, похожая по успроенію своему на подобную систему рыбъ и лягушекъ. Другія имѣють вдоль спины бѣющуюся жилу; кошорая замѣняетъ мѣсто сердца безъ арперій и венъ. Кровь у нихъ, выключая живощныхъ кольчашыхъ, бѣлая; полы у многихъ находящяся на разныхъ недѣлимыхъ, а у другихъ соединены въ одномъ и шомъ

же недѣлимомъ. Живошныя сіи называются *безпозвоночными* (aspondylophora).

Впрочемъ это опредѣленіе живошныхъ опять же можетъ быть раздѣлено на два разряда:

Первый составляютъ живошныя, имѣющія мозгъ зачаточный (rudimentum encephali) и нервной пищеваприемниковой узелъ — cephalidia, *Latreille*.

Второй живошныя, у которыхъ нѣтъ и слѣда ни мозга, ни пищеваприемниковаго узла — aserphalaea, *Latreille*.

Такимъ образомъ, сдѣлавъ краткій обзоръ организаціи живошныхъ, авторъ приступаетъ къ распределенію ихъ по классамъ, принявъ за главное основаніе классификаціи органы дыханія.

Ж И В О Т Н Ы Я .

I. ПОЗВОНОЧНЫЯ.

A. *Лёккимъ - дышущія* (pneumatopnunta) дышущія:

1. *Лёкими*, свободно висящими въ грудной полости, имѣющія сердце двужелудочное и двуушковое; кровь красную и теплую.

a. *Живородящія* (vivipara).

i. млекопитающія (mammalia, L.).

b. *Яйцеродныя* (ovipara).

Тѣло четырёх-ногое, покрытое волосами.

ii. птицевзври (metataxumera, *Fischer*. monotremata, *Geoffroy*).

2. *Лёкими*, приростшими къ ребрамъ.

Тѣло двуногое, крылатое.

iii. птицы (aves, L.)

3. *Лёкими пузырьчатыми*.

Сердце двужелудочное и двуушковое; кровь

красная и холодная; шѣло покрытое чешуями, черепомъ и превращенію не подверженное.

IV. гады (*reptilia*, L.)

Сердце одножелудочное и одноушковое; шѣло голое, подверженное правращенію.

V. лягушки (*batrachia*, *Merreni*; *amphibia*, *Latr. Blainv.*).

В. *Жабродышущія* (*branchiopuncta*), дышущія;

a. *Жабрами*, прикрѣпленными снаружи и непокрытыми жаберною крышкою.

VI. *рыбокожія* (*ichthyodera*, *Geoffr.*).

b. *Жабрами* свободными, покрытыми жаберною крышкою.

VII. *рыбы* (*pisces*, L.)

II. **БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ** (*aspondylophora*).

A. *Жабродышущія*.

* *Безногія* или съ ногами безсуставчатыми; тѣло покрыто епанчою (слизняка), дышущія жабрами:

1. *Жабрами наружными, листоватыми, кистеобразными*. Тѣло, заключенное въ мышкообразной епанчѣ; сердце тройное, раздѣленное; голова снабжена щупальцами; глаза явственны. Полы на разныхъ недѣлимыхъ (особяхъ).

i. *головоногія* (*cephalopoda*, *Cuvier*).

2. *Жабрами наружными простирающимися вдоль спины*. Тѣло снабженное плава-

шельными перьями, сердце простое; голова зачаточная; полы соединены въ одномъ и шомъ же недѣлимомъ.

II. ПЕРОНОГІЯ (pteropoda, Сив.).

3. *Жабрами перистыми и многораздѣльными, или посредствомъ внутренней сосудистой перепонки.* Голова снабжена щупальцами и глазами; на брюхѣ мясисшый кружокъ, служащій вмѣсто ноги. Большая часть изъ нихъ заключена въ раковинѣ или шолько покрыва раковиною.

III. БРЮХОНОГІЯ (gasteropoda, Сив. peltosochlides, Latr.).

4. *Жабрами гребешкообразными лежащими подъ долями епанги.* Тѣло заключенное въ двучерепной раковинѣ и прикрѣпленное или къ ножкѣ или къ нижнему черепу; два сердца. Щупальцы окружаютъ ротъ наподобіе губъ; они сущъ или волосообразныя или виншообразныя.

IV. РУКОНОГІЯ (brachiopoda, Сив.)

5. *Жабрами листовато-сплгатыми, лежащими подъ долями епанги.* Тѣло свободное или прикрѣпденное, заключенное всегда въ двучерепной, а иногда въ многочерепной раковинѣ. Сердце одно.

V. РАКОВИНОНОСНЫЯ ИЛИ ЧЕРЕПОНОСНЫЯ (conchifera, Latr.),

6. *Жабрами внутренними, перепончатыми, заключающими въ себѣ кишки,*

какъ въ мѣшкѣ. Тѣло заключено во влагалищѣ или хрящеватомъ или спуденистомъ. Два ошвершія, одно жаберное (ропъ), а другое — порошица; желудочекъ начальственной артеріи (*ventriculus aorticus*) есть предшавишель сердца; снабжены нервною узловатою системою.

VI. асцидіи (*ascidiae, Savigny; chitonophora, Fisch. tunicata, Lat.*).

7. *Жабрами наружными бахрамистыми*, Тѣло безсуставчатое, корошкое или нѣсколько длинное, очень часпо поддерживаемое посреде своемъ черешка; Въспомогательныя имѣющъ суставчатые усы; Сердце имѣетъ положеніе подъ спиною; Крышки дву-черепною или одно-черепною раковиною; Живушь въ моряхъ.

VII. усоногія (*cirrhipeda, Lat. strophota, Fisch.*).

8. *Жабрами бахрамистыми, вѣтвистыми, лежащими или на боку тѣла, или въ срединѣ его*. Тѣло червеобразное, суставчатое свободное или прикрѣпленное; имѣющъ артеріи и вены; кровь красная; Нѣкошорыя изъ нихъ заключены во влагалищѣ, а другія голыя. Однѣ изъ нихъ живушь на землѣ, а другія въ водѣ.

VIII. кольчатыя (*annulata, Cuv.*).

Ноги суставчатыя. Животныя подверженныя или только скидыванію кожи, или полному превращенію; суставчатогоногія (condyloroda, Latr.):

9. *Дышущія жабрами дуго-въгнутыми.*
Тѣло покрытое извѣстковымъ черепомъ и снабженное не менѣе какъ десятью ногами; Голова и грудь сросшіяся между собою (cephalothorax, Latr.); чешыре усика; Сердце лежище подъ спиною; Половые органы двойные,

IX. РАКООБРАЗНЫЯ (crustacea, Cuv.).

- B. *Трещинко-дышущія* (rhimatopnunta),
Дышущія посредствомъ трещинокъ или продолговатыхъ скважинъ, или посредствомъ пузырьковъ устланныхъ внутри съгнатыми перепонками. Имѣютъ подъ спиною сосудъ или сердце, заключенное въ мѣшечкъ; при основаніи соединенія головы съ грудью или подъ брюхомъ находящаяся шрещинка, числомъ отъ двухъ до десяти, служащая для дыханія. Ротъ вооруженъ рожками, похожими на рачьи клешни или щипце-образными усиками; наружныхъ челюстей нѣтъ, внутреннія кусальцеобразныя; голова соединена съ грудью; глазъ и глазокъ (ocelli) отъ двухъ до осьми; половые органы двойные.

X. ПЛУКОПОДОБНЫЯ (arachnoida, Lat.).

- B. *Дыхалодышущія* (stigmatopnunta). Дышущія посредствомъ круглыхъ или почечныхъ отверстій (stigmata).
1. *Дыхалы, расположенныя рядомъ по краямъ тѣла.* Тѣло суславчащее, со-славленное изъ многихъ колець, къ ко-

имъ прикрѣплены ноги. Половые органы просшые.

xi. многоногія (myriapoda, Latr. arigopoda, Sav.).

2. Дыхала расположенныя по обѣимъ бокамъ брюха. Имѣюшъ спинной сосудъ, но нѣшъ ни артерій, ни венъ; подвержены полному превращенію; шѣло въ совершенномъ соспояніи шеспиное; половые органы просшые.

xii. насѣкомыя (insecta, Linn.).

3. Дыхала жаброподобныя заключенныя въ кожъ. Тѣло продолговатое или пузырчатое; живушъ внушри другихъ живошныхъ.

xiii. глисты (entelmintha, entozoa, Rudolphi.).

D. Трубкадышущія (siphonopuncta), дышущія:

1. Посредствомъ трубочекъ короткихъ и усатыхъ. Тѣло разнообразное; рошъ и порошица отдѣльныя; имѣюшъ двѣ нервныя ниши; половые органы на разныхъ недѣлимыхъ; живушъ въ наружныхъ частяхъ живошныхъ водяныхъ, а наиболѣе на рыбахъ.

xiv. глистоподобныя (helminthogama, Latr. epizoaires, Lam. epizoa, Fischer).

2. Посредствомъ трубочекъ пузырчатыхъ, вѣтвистыхъ, оканчивающихся подль порошицы. Тѣло свободное, оди-

нокое, продолговатое, цилиндрическое; рожъ окружень выпускными щупальцами.

xv. голотуриды (*holothurida*, *Latr.*).

3. *Посредствомъ выпускныхъ трубочекъ расположенныхъ въ тѣлѣ симметрически.* Тѣло свободное, одинокое, покрытое извеспковымъ черепомъ.

xvi. твердокожія (*echinodermata*, *Latr.*).

4. *Посредствомъ трубочекъ щупальцеобразныхъ.* Тѣло облечено кожиснымъ покровомъ; сосудовъ нѣтъ.

xvii. цвѣтовидныя (*helianthoidea*, *Latr.*).

5. *Посредствомъ трубочекъ придаточныхъ или посредствомъ прибавковъ, способныхъ для сосанія и для дыханія.* Живошныя мягкія, одинокія, свободныя; шѣло кружковатое.

xviii. жгучія (*ascalerae*, *Cuv.*).

6. *Посредствомъ трубочекъ длинныхъ, винтообразныхъ.* Живошныя поддерживающія однимъ или многими воздушными пузырями; состоятъ какъ бы изъ трехъ соршовъ щупальцевыхъ опросковъ, изъ которыхъ одинъ служить для питанія, другой для рожденія, третій для дыханія.

xix. пузырьчатыя (*physeta*, *Fisch.* *ascalerae hydrostaticae*, *Cuv.*, *Latr.*).

- Е. *Кожедышущія (dermatopuncta), не имѣютъ явнаго органа дыханія; следовательно кожа отправляетъ должность онаго.*

1. Живошныя продолговато-шпонкія ; снабженныя осьмью щупальцами ; жилище или домикъ , къ которому они прикрѣплены , естъ *живый , дреаническій* ; живущь въ моряхъ.

xx. однодомныя (homothalami, *Fisch.* polytubuliferi, *Lam.*).

2. Живошныя продолговато-шпонкія , снабженныя щупальцами , голыя или живущія въ домикахъ каменнишо - извеспковыхъ , или гибкихъ роговыхъ ; живущь нѣкопоры въ сладкихъ водахъ , но большая часшь въ моряхъ.

xxi. полипы (polypi, *Lam.*).

3. Живошныя продолговато - шпонкія или разнообразныя ; ротъ окруженъ волосками , находящимися въ круговращательномъ движеніи ; живошныя наливчашыя.

xxii. круговертки (rotatoria *Ehrenberg.*).

4. Живошныя мѣлкя , имѣющія шѣло многообразное , ротъ голый или окруженный волосками , кошорый у весьма немногихъ находится въ покойномъ соспояніи ; живошныя наливчашыя весьма мѣлкя , подверженныя измѣненіямъ.

xxiii. наливчатыя или безвидныя (amorphota, *Fischer.*).

ПЕРЕВ. А. Л. . . цкій.

NB. Разборъ сей системы *Г. Фишера* общагь имѣть *Г. Максимовичемъ*. Изд.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

РИМСКОЕ ПРАВО.

(Окончаніе.)

Развитіе законодательства извнутри самаго себя естъ или обобщеніе или учаственіе его положеній, и совершается подъ вліяніемъ полипическихъ началъ, или всеобщаго разума. Перваго рода развитіе естъ умноженіе количесва положеній, происходящее опъ законодательной власпи — *jus strictum*; втораго рода развитіе зависитъ опъ разума, котораго органомъ былъ преторъ — *vox viva juris civilis*. Должноспъ претора Римскаго (*urbanus*) учреждена въ 389 году, и была дополненіемъ къ власпи консульской; но потомъ, когда занятія консуловъ чрезвычайно размножились, по гражданская часть консула вся отошла къ претору. Вскоръ одного претора было

недостаточно ; по сему дѣла иностранцевъ жившихъ въ Римѣ (съ 510 г.), поручены были претору иностранному (Praetor Peregrinus) а). Сей послѣдній, имѣя вѣдомство дѣлъ не Римскихъ, въ основаніе своихъ рѣшеній принималъ иностранные обычаи (jus gentium); отъ чего разумъ законодательствъ отъ часу болѣе уяснялся, а изъ сраженія противоположныхъ обычаевъ, изъ сравненія и соединенія ихъ поспешенно отлагались общія правила, кои отъ частаго употребленія приобрѣли характеръ положительности и гласности. Сіе право иностраннаго претора имѣло благотворное вліяніе на самое Римское законодательство противоположеніемъ ему испорціи и теоріи законодательствъ. Сія свобода иностраннаго претора въ рѣшеніяхъ открыла обширное юридическое поприще Римскому претору. Сей послѣдній, будучи главнымъ

а) По мнѣнію Нибура, учрежденіе иностраннаго претора сдѣлано народомъ (plebs) для ослабленія могущества патриціевъ. До сего времени всѣ пришельцы, подобно Аѳинскимъ мешекамъ, и опущенники *per vindictam* должны были избираться патриона изъ патриціевъ, отъ чего число кліентовъ, а съ симъ вмѣстѣ и могущество патриціевъ, возрастало. Съ учрежденіемъ претора иностраннаго, который сдѣлался общимъ покровителемъ всѣхъ иностранцевъ, *clientela* должна была кончиться. Niebuhr, V. I. 660.

распорядителемъ судебныхъ дѣлъ, споялъ въ средопочіи Римской практики, былъ зритель судебныхъ преній между множествомъ судей и имѣлъ власшь заключающіе ихъ своимъ приговоромъ (jurisdictio). Изъ сего слѣдовало, что онъ замѣчалъ недоспашки формалистскаго и порядка въ употребленіи спрогаго права; но какъ сіи недоспашки часпо не относились къ суцесшву закона, припомъ обременяющаго законодательную власшь множествомъ докладовъ, казалось неудобнымъ: по препору принималъ въ пособіе право народовъ, а законодательная власшь першѣла сперва неважныя распоряженія, а потомъ и полкованія спрогаго права. Однакожь онъ обязанъ былъ свои распоряженія сдѣлать гласными и при вступленіи въ должность выставить ихъ на доскѣ (in albo) подлѣ трибунала, чрезъ чпѣ дни пріобрѣтали обязательную силу для него самаго и для спекущихъ дѣлъ на цѣлый годъ, ш. е. до окончанія его должности (leges annuae, edictum). Чѣмъ болѣе гражданскія дѣла размножались и дѣлались сложнѣе, шѣмъ болѣе власшь, препора возрастала. Онъ шелъ вровень съ своимъ вѣкомъ, вровень съ же-

ланіями народа а); посему всё его распоряженія правились Римлянамъ шѣмъ болѣе, что злоупотребленія не могли вкрасшья или держашья долѣе года по причинѣ безпреспаннаго надзора народныхъ прибуновъ, и наблюденія каждаго Римлянина б). Преспоръ, по смѣлому исполкованію права, спрсправедливо могъ назвашья законодашелемъ по праву гражданскому в). Онъ имѣлъ право спрспрягчашья спрспрогое право, спрспроникашья въ цѣль закона, въ намѣренія частныхъ спрсппоряженій, и изъ двухъ спрспылокъ спрспрогаго права извлекашья заключение, и всё сіе дѣлалъ *naturali aequitate motus*. Такимъ образомъ изъ права народнаго онъ извлекалъ для себя спрспеорію положиспешельныхъ законодашпельшья, а изъ сихъ сама собою въ спрспслѣдспшвіи возникла глубокая Римская философія *juris naturalis* г), основанная на безусловномъ спрспзвивіи коренныхъ юридическихъ испрспинъ у спрспвѣхъ народовъ д).

а) *Viva vox juris civilis*. Marcian in L. 82. eodem.

б) Zimmern, B. I. 129.

в) Papinian in. L. I. VI. D. de s. et s. „*Edicta praetoris (introducuntur) adjuvandi vel supplendi vel corrigendi juris civilis gratia, propter utilitatem publicam.*“

г) Zimmern B. I. 45—51.

д) „*Consensio omnium gentium lex naturae putanda est.*“
Cic. Tuscul. L. I.

Каждый преторъ имѣлъ право опмѣнить годичный эдиктъ своего предшественника; но какъ въ сію должность избирались большею часпію люди опличныхъ доспоинствъ, по распоряженія преторскія пріобрѣтали собственныя авторитетъ, и распространяли свою силу на дальнѣйшіе выборы. Каждый преторъ такимъ образомъ получалъ богатый запасъ распоряженій очищенныхъ, исправленныхъ, и опъ перехода опъ одного къ другому пріобрѣвшихъ высокое доспоинство внутреннее и внѣшнее. Сіе преторское право получило названіе права почепнаго (*jus honoꝛarium*) и по превосходству права гражданскаго а).

До сихъ поръ видѣли мы, что Право Римское развивалось само изъ себя при пособіи преторской логики и теоріи естественной справедливости; но главная причина его доспоинства заключается въ юриспруденцахъ б). Воспокъ былъ опечесвомъ религіи, Греція родиной свободныхъ наукъ,

а) Кроме преторовъ, эдикты издавались курульными адплами и начальниками гражданской части въ провинціяхъ.

б) См. Рѣчь Г. Цвѣтаева въ шорж: собр. И. М. Унив. 1830 г.

Римъ является царствомъ правъ. Семена Римской юриспруденціи не принесены ошкуда-либо, а были самородными и шуземными произраспеніями Римскихъ нравовъ; онъ прозябали въ нравахъ; согрѣвались силою мышленія и напаялись всеобщимъ разумомъ. Римское Право, начиная ошъ нѣсколькихъ десятковъ пословиць, издающихъ зацахъ Римскихъ очаговъ, оканчивается шремя милліонами параграфовъ (*στιχος, Zeile*), почпи пошерявшихъ исключительность и неперпимость національнаго разумѣнія. Можешь бышь монеца Пепра Великаго не совершила до сего дня сполько размѣновъ, сколько одна формула Ульціана перевезла на себѣ шяжбъ и кришическихъ замѣчаній. Слѣды Римскаго ума вѣчны, неизгладимы, правила его несокрушимы, ибо они получили бышіе не въ кабинетъ ученыхъ, не ошъ одного лица, а на Римской площади, ошъ цѣлаго народа. Юриспруденшы Римскіе были полько прошоколиспами всемірной Римской пракшики. Начало ихъ современно Риму, ибо каждый паприцій по долгу жреческаго званія былъ исполковашель и преподавашель права. Сіе обстоятельсшво должно почесшь начальною причиною высокаго достоинсшва Римскаго Пра-

ва. Римское дворянство, которое всегда и вездѣ опличалось глубокою полипическою мудросію, почно шакже какъ дворянство марціальное, всегда опличалось невѣжесвомъ въ наукахъ, особенно въ правовѣденіи. Вопшь почему Римское Право имѣло весьма шѣсную связь съ религіею народа, а самое судопроизводство сходствовало съ богослуженіемъ! Признаки будущихъ юриспруденсовъ обозначались во первыхъ въ лицѣ Римскихъ папроновъ. Извѣсно, что они были кліеншамъ аки опцы (*quasi patres*), соспавляли съ ними одно гражданское лице; посему можно предспавить, какъ часпо имъ доводилось имѣшь судебныя дѣла, и какъ необходимо было знашь хорошо опечеспвенные законы. Но паприціанское законовѣденіе, предспавленное самому себѣ, послужило бы къ зашмѣнію правовѣднія. Папроны, ходашайшвуя предъ судомъ, предспавляли какъ бы монополію законоискусшва къ совершенному вреду плебейскаго сословія а). Преданія имѣли сильный

а) Нибуръ на основаніи многихъ мѣстъ Тита Ливія (II, 64) и Діонисія Галикарнаскаго (VI, 47, 376. VI, 63, 590), кліенсовъ совершенно противуполагаетъ плебейскому сословію. Такъ во время удаленія плебейцевъ на Авеншискую гору, во время осужденія Коріолана и во многихъ другихъ случаяхъ

перевѣсь предѣ мышленіемъ. Но когда плебейцамъ удалось послановити иноспраннаго прешора, по чрезъ сіе дано средопочіе и крѣпкое спояніе народнымъ правамъ, коихъ сумма чрезвычайно возраспала ошъ безпреспаннаго поспупленія въ его вѣдомспво иноспранцевъ и оппущенныхъ на волю *per vindictam* а). Когда съ другою спороны Флавій и Элій Кацъ ознакомили на-

патриціи всегда представляюща въ сопровожденіи кліеншовъ, часто вооруженныхъ и дѣйствующихъ по мановенію своихъ патршовъ. „*Irata plebs interesse consularibus comitiis noluit. Per patres clientesque patrum consules creati* (по куріямъ безъ плебейцевъ)“ . Tit. II, 64 III, 14, 16. Далѣ Нибуръ доказываешъ, что еспдбъ кліеншы были плебейцы, по не было бы нужды имъ шребовашъ поспановленія шрибуновъ черни, никакъ не могли бы они подавашъ голоса прошивъ патриціевъ во вредъ или въ досаду своимъ патршнамъ-патриціямъ, когда именно закономъ царскимъ и XII таблицами поспановлено, что патршнъ, дѣйствующій во вредъ кліенша (и на оборотъ), да будешъ прокляшъ ! Отвергяувъ мнѣніе Нибура, мы не можемъ шакже изъяснитъ поспоянной и упорной по-лишики патриціевъ шщательно скрывашъ законы ошъ плебейцевъ и всячески ошдалашъ ихъ ошъ законовѣденія. Niebuhr, V. I. 651—662. Въ позднѣйшія времена республики кліеншами бывали иногда сами патриціи у богатыхъ и сильныхъ плебейцевъ для карьера службы, цари союзные, коихъ можно назвашъ васаллами Римской республики, какъ бы получавшими инвесшштуру, „*ut servarent majestatem populi Romani*“ . Vico, 366.

*) Niebuhr V. I. 659—662. Dabelow. Röm. St. u. Recht. Gesch. 8â.

родъ съ формою опечеспвеннаго законода-
пельства: по плебейской юриспуденціи
опкрылось съ сихъ поръ блиспапельное
поприще. Элій Капъ былъ ученикъ Ти-
берія Корунканія плебейца, перваго на-
роднаго юриспуденша, копорый началъ
публично преподавашъ правовѣдѣніе въ концѣ
пятаго спольшія опъ основанія Рима а).
Циммернъ испорію юриспуденшовъ раз-
дѣляешъ на при періода б). Въ первомъ
періодѣ они являющся совѣпниками (*respon-
dentes*), соспавишелями гражданскихъ ак-
повъ (*scribentes s. agentes*) и опсперегапел-
ями въ дѣлахъ (*saventes*); во впоромъ
писапелами, для коихъ пракпика не бы-
ла исключительнымъ заняшіемъ юриди-
ческимъ; въ шрешьемъ періодѣ они явля-
ющся профессорами правовѣдѣнія, препо-
даваемого въ видѣ науки. Первый періодъ
продолжаешся опъ Г. Корунканія до Ав-
густа. Испорія предспавляешъ Корунканія
преподавапелемъ; но здѣсь не должно раз-
умѣшъ преподаванія въ видѣ сиспемати-
ческаго изложенія права, или лекціи, оп-
дѣльной опъ пракпики. По свидѣшель-

а) Vico, 369.

б) Zimmern, В. I. 195.

співу Поншонія, Корунканій даже ничего не писалъ, а шолько опвѣчалъ на запросы, или давалъ совѣшы шѣмъ, кои приходили къ нему по своимъ дѣламъ. Главное опшличіе юриспруденшовъ сего періода еспь при-
 вязанносшь къ преданіямъ, въ слѣдспвіе копорой они совершали медленное пракши-
 ческое развишіе права, никогда не восходя на высопу философического зрѣнія, съ ко-
 порой бы разумъ ихъ однимъ взглядомъ могъ обняшь весь горизонтъ законода-
 пельспва. Цицеронъ а), прославляя Рим-
 ское Право, говоритъ, что авшоритетъ Римскаго юриспуденша основываешся не
 сполько на глубокомъ знаніи законовъ,
 сколько на правопъ его воли и благонамѣ-
 ренности въ дѣлахъ согражданъ. Какъ
 жизнь первыхъ философовъ Греціи была не
 сполько богата шворческимъ мышленіемъ,
 сколько шворческою волею въ дѣлахъ обще-
 жишія; шакъ Юриспуденція Рима въ
 первомъ періодѣ была болѣе *justitia*, неже-
 ли *jurisprudencia*. Сей характеръ правопы,
 поддерживаемый величеспвомъ Рима, зна-
 менипосшію сана Римлянъ б), образовалъ

а) De Oratore, cap. XLV.

б) См. Рѣчь Г. Цвѣтаева, произпесен. въ шоржешпей-
 вомъ собраніи И. М. Универ. 1850 г.

глубокій практической шагъ, въ которомъ никто не можетъ равняться съ Римлянами. Юриспруденція въ семь періодъ соспавляла поэзію жизни ихъ великихъ людей, какъ въ послѣдствіи стоическая философія была приспаныю гонимыхъ судьбою и упомянутыхъ политическими бурями. Великій Римлянинъ опъ долговременныхъ трудовъ службы и жизни опдыхалъ подъ сѣнію Юриспруденціи. Въ это время они еще не привыкли удаляться въ безмятежныя виллы, а умирали публично, давая совѣщы, опвѣщспивуя, научая другихъ пользоваться благодѣяніями закона, ими же послановленнаго. Переведемъ слова Цицерона (*de Oratore* сар. XLV), копорыя лучше всего объяснятъ намъ, какъ въ Римѣ смопрѣли на Юриспруденцію: „Какое убѣжище для спаросши почтеннѣе Юриспруденціи? что можешъ ее сполько украсишь, какъ не исполкованіе права? Еще въ молодоспи я загошовиль себѣ эпортъ драгоценный запасъ, какъ для практической службы, такъ и для украшенія спароспи; если силы мои ослабѣютъ — (и, кажешся, уже приходилъ это время) — по я заняшiemъ въ Юриспруденціи прогоню скуку и одинокоспъ спароспи. Что можешъ бытъ

славнѣе, какъ отдавши долгъ честямъ и республикѣ, на староспи лѣтъ имѣшь право сказать о себѣ позже, что у Энноя говоришь Дельфійскій Аполлонъ (оракуль), что онъ него ждущъ себѣ совѣща, если не народы и цари, то по крайней мѣрѣ его любезные сограждане.

Suarum rerum incerti, quos ego ore mea
Ex incertis certos, compotesque consili
Dimitto, ut ne res temere tractent turbidas.

Дѣйствительно, домъ юрисконсульпа естъ истинный оракуль города; вошь напри- мѣрѣ Кай Муцій а): у него двери всегда опворены, и не смощря на болѣзненную староспъ, онъ принимаетъ множество гражданъ и опличныхъ мужей. “Вошь понятіе о Юриспруденціи одного изъ величайшихъ геніевъ Рима! — Послѣ сего нельзя удивляться, почему Римское законодательство самъ же Цицеронъ называетъ полной библіопекой высшренней философіи, глубокой полипики, назидательныхъ правилъ нравспвенности и изящной словесности. Благородный, возвышенный, истинно царскій шонъ сдѣлался опличи-

а) Сцевола, Цицероновъ учитель юриспруденціи.

пельною чершою Римскаго законодательства! Одной бѣдою менѣе: подбѣчишь въ Римѣ не было.

Кромѣ сихъ достопочтенныхъ Римлянъ, у которыхъ двери всегда были открыты для любезныхъ имъ согражданъ, ищущихъ правосудія, многіе, не ожидая посѣщеній, сами ходили по площади, присутствовали на трибуналахъ для раздаянія совѣщовъ пресителамъ и судьямъ, а въ запруднительныхъ случаяхъ, не полагаясь на собственное мнѣніе, составляли полный консиліумъ при храмѣ Аполлона, и общимъ мнѣніемъ рѣшали предложенное дѣло. Никто еще изъ нихъ не посвящалъ себя на преподаваніе лекцій, но каждый при оповѣщаніи, диспушаніи и совѣщаніи позволялъ молодымъ людямъ слушать, замѣчать и записывать свои мнѣнія. Мнѣнія, бывшія результатомъ ихъ диспушовъ, ихъ оповѣщаній и замѣчаній на законы, составили право по превосходству *гражданское*. Первоначально оно не обязывало судей, но опъ долговременнаго употребленія и согласія народа получило силу закона; почему сами юриспуденсты названы творцами права (*juris auctores, conditores juris, νομοθέται*).

Соединивъ всѣ условія распроспраненія и образованія Римскаго права опъ XII таблицъ до Августа Кесаря, получимъ слѣдующіе результапы :

По праву публичному. Всѣ должности и власпи республики соединены въ лицѣ Августа, Трибуна, Консула, Цензора и Первосвященника.

По праву частному. Всѣ опрасли Юриспруденціи послѣ упорной борьбы плебейскаго начала съ паприціанскимъ, національнаго съ Ипалійскимъ, получили перевѣсъ общности, свободы и еспешственности.

По праву семейственному. Въ XII табб. мы видѣли опеческую власпъ, уполномоченную неограниченнымъ правомъ убивашъ, прикрапно продавашъ и опдавашъ въ рабопу; въ концѣ сего періода она являешся шакже неограниченной законами, но весьма смягченной образованностью нравовъ.

По праву вещественному. Безусловное право опца на собспвенность дѣшей опдѣлило опъ себя дѣпское право на имѣніе лагерное (castrense) а), еще весьма неопредѣленное, и данное (profecticium) самимъ опцемъ или другимъ, но по соизво-

а) Dabelow, Rom. St. u. Rechts-Gesch. 124.

ленію опца, принадлежащее въ собспвенность опцу, а въ пользонаслажденіе — сыну. Въ гражданскихъ дѣлахъ личноссть опца и сына предспавляющся нераздѣльными, и въ случаѣ убышковъ, учиненныхъ сыномъ поспороннему, упопрелялось дѣло объ убыпкѣ (*noxalis actio*) почно шакже, какъ въ случаѣ убышковъ, причиненныхъ рабомъ и домашнимъ скопомъ; однакожь въ позволенныхъ дѣлахъ (*in contractibus*) являющся въ упопреленіи *actiones ex jussu*, въ копорыхъ опець опвѣспшвовалъ по обязашельспву сына, какъ хозяинъ за прикащика а). Власпъ господская не пошерпѣла законнаго ограниченія, но смягченная образованноспію нрвовъ вспушила подъ вліяніе народнаго права. Въ рабахъ являющся признаки чловѣчеспва: имъ дозволено сожшпельспво (*contubernium*) по обычаю народовъ, копорое еъ гражданскомъ смыслѣ ниже супружеспва (*matrimonium*), но выше права приращенія (*jus accessionis*) или людоводспва, помѣщеннаго въ правахъ собспвенноспіи. Въ гражданскихъ дѣлахъ рабы являющся прикащиками, съ рабскимъ

а) Zimmern, *Gesch. der Röm. Priv. Rechts bis Justinian.* S. 698, 704.

имѣніемъ (*peculium servile*). Сверхъ сего соспояніе рабовъ начало различаться по службамъ (*ministeria servorum*), ими исправляемымъ; одно соспояніе было не столь унизишельно и пягосшно, какъ другое а). Съ формальной спороны право господской власпи приобрѣло порядочное изложеніе правъ приобрьшенія, прекращенія господской власпи и папронспва б). Въ правахъ супружеспва опкрываешся различіе между женой, постушающей въ опеческую власпъ мужа (*in manum mariti*), и женою (*uxor*), вспушающей въ бракъ, на правахъ свободной, съ приданымъ. Личноспъ первой уничпожалась въ личноспи мужа: жена, по древнему Римскому праву, подвергалась опеческой власпи мужа, и опносипельно его была *filiafamilias*, а опносипельно дѣшей единокровная сеспра. Свободная жена являешся въ слѣдспвіе развитія народнаго права. Она удерживаешъ самоспояшельноспъ лица, учаспіе въ общинѣ имущеспвъ, и родиспельскій авшориспешъ надъ своими дѣшпми. Съ симъ вмѣспѣ положено ясное различіе между супружеспвомъ и наложничеспвомъ, дѣшпми законными и незаконными. Въ правахъ опеки въ семъ періодѣ къ

а) Dabeslow. 126.

б) Ibid.

завѣщанной и законной присоединяется опека, данная преторомъ, опека надъ нерожденнымъ (*tutela ventris*), введено различіе между опекой и попечительствомъ (*tutela et curatela*) а). Право вещественное сдѣлало важные успѣхи, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ. Вещи раздѣлены на собственность божественнаго и человеческого права; при способахъ первобытнаго приобрѣтенія (*res mancipi*) открываются способы легчайшіе, общіе (*res nec mancipi*), при собственности первобытно - римской (*dominium Quiritarium*) свободная (*dominium bonitarium*). Въ слѣдствіе сего началъ развивается славная Римская теорія владѣнія (*possessionis*) о подлежательныхъ условіяхъ собственности, основанная на глубокомъ пониманіи и приобрѣтеніи собственности, о происхожденіи и образованіи народнаго богатства, и оплодотворила тексты XII таблицъ многочисленными выводами безъ всякаго нарушенія національности. Въ правѣ наследства къ строгому закону XII таблицъ началъ прививаться преторское народное право, а безусловное право завѣщавать подверглось строгой формѣ съ различеніемъ состоянія и об-

а) Dabelow, 128.

стоятельствъ завѣщателя, при чемъ власть преторская, вникая въ намѣреніе завѣщателя, съ нарушеніемъ строгой формы давала наслѣдство по смыслу завѣщанія (secundum tabulas). Въ обязательствахъ проспый и неопредѣленный текстъ XII таб: „въ договорныхъ дѣлахъ поступать сообразно рѣчамъ договаривающихся“, анализированъ въ чешыре начальныхъ формъ общественныхъ отношеній: 1) договоры словесные, 2) письменные, 3) вещественные и 4) согласительные. Въ совершеніи публичныхъ актовъ и въ дѣлахъ судебныхъ строгая обрядность и безнужная painstakingness постепенно выходилъ изъ употребленія, а на мѣсто ихъ вводилась система благоразумныхъ судебныхъ мѣръ противъ злоупотребленій, ошибки и обмановъ. Система дѣлопроизводства болѣе другихъ частей права удержала на себѣ характеръ патриціанской Юриспруденціи. Ищущій правосудія обязанъ былъ знать почтѣйшимъ образомъ сущность своего дѣла, задачу претензіи, въ особенности первую формулу производства дѣла; ибо на нее возлагалась судьба всего судебного процесса а).

1) Dabelow, 134, 136.

Въ то время, какъ умы твердые, практически образованные, обрабатывали каждый отдѣльную часть въ стройное цѣлое, великіе гении Рима: Помпей, Цезарь и Цицеронъ, стоя на высотѣ политическаго зрѣнія, почувствовали потребность единства и вознамѣрились произвести систематическую редакцію всецѣлаго Римскаго Права. Недовѣрчивые люди, подобные Савиньи а), подозрѣваютъ великихъ людей въ неблагонамѣренности къ согражданамъ: умы посредственные, привязанные къ мѣлочному порядку, смѣюшся опважнымъ намѣреніямъ великихъ умовъ, которые во всѣхъ родахъ вѣдѣнія и дѣйствія обнаруживаютъ одинаковую жажду единства. Гений не что иное есть, какъ высшее сосредоточеніе всѣхъ душевныхъ силъ и возведеніе ихъ въ простую зрѣнія и хотѣнія: при воззрѣніи на внѣшній міръ, котораго явленія приковываютъ къ себѣ людей посредственныхъ, гений напрягаетъ всѣ силы обнявъ непокорное разнообразіе вещей, созерцая его въ собственномъ духѣ, въ единствѣ своего сознанія. Александръ Македонскій весь міръ предспавлялъ въ видѣ одного

а) Savigny, Beruf der unser Zeit zur Gesetzgeb

города, спреготомаго Македонской фалангой; Наполеонъ чины прелашовъ подводилъ (въ своемъ воображеніи) подъ военную униформу и военные ранги. Но, если имъ не въ-рять какъ заговорщикамъ пропивъ чело-вѣческаго, то мы приведемъ въ примѣръ Ан-тониана, которъ желалъ видѣть весь міръ обращеннымъ въ Римъ а). Сей-то законъ, врожденный каждому великому чело-вѣку, нудилъ Цезаря въ соспавленное имъ един-ство имперіи внести единство мыслей и законовъ. Разномысліе и разнозаконіе суть разрушительныя начала государствъ. Ни Помпей, ни Цезарь, ни Цицеронъ не успѣли въ своихъ намѣреніяхъ, но мысль ихъ передалась попомству, и Юстиніанъ чрезъ несть вѣковъ привелъ ее въ исполненіе.

Третій періодъ Римскаго законодатель-ства, разсмаприваемый со спороны вну-тренняго развитія, по успѣхамъ Юрис-пруденціи, продолжается ошь Августпа до Константина Великаго; со спороны внѣш-няго развитія, ошь Августпа до Юстиніана.

Августъ ошкрываетъ собою монархи-ческий періодъ Римской Имперіи, пригошов-денный постепеннымъ упадкомъ патриціан-

а) Vico, Science nouvelle, p. 343.

скаго сословія и усиленіемъ плебейскаго. Паприціанскій міръ, исполненный долгоденствія и дивныхъ героическихъ дѣлъ, побѣдипель народовъ и законоположникъ, давъ полную свободу плебейскому міру, прешель; а съ нимъ вмѣстѣ исчезли священные символы и обвешшалаыя пишла піипическаго періода. Имъ кончилось опеческое величешво и началось могущешво опдѣленнаго (emancipati) челоувчешсва. Различіе между плебейцемъ и паприціемъ приходило въ забвенеіе, а съ симъ вмѣстѣ упадали средоспѣнія народовъ, посшавленныя въ періодѣ цолипическаго граждансшва. Привилегіи Лапшинскихъ, Ипалійскихъ, провинціальныхъ городовъ спирались могущешвенною рукою Императоровъ и приводились къ единешву правъ и обязанностей а). Вся національность древнихъ народовъ была какъ бы передній дворъ Римской цивилизації, въ кошорой граждане и подданные, опброшивъ собсшвенныя имена Галла и Элина, облеклись въ доспоинешво челоувка, украшающагося просшымъ пипломъ разумнаго и свободнаго сущешсва. Римская сила легла на границахъ Имперіи спражемъ прошивъ

а) Savigny, Geschichte der Röm. Rechts im Mittelalter, B. I.

народовъ , коихъ покореніе не приносило ни пользы, ни славы. Римлянамъ сего періода оспавалось повелѣвашь не оружіемъ , а законодательствомъ; оружіе разрушаетъ, одни законы зиждутъ бытіе государствъ; оружія спрашались, однимъ законамъ добровольно повинуются. Римскій мечъ былъ бы бичемъ Божиимъ , еслибъ онъ , изпоргнувъ у народовъ національную религію , нравы и законы , не замѣнилъ ихъ лучшими. Онъ долженъ былъ дать опчетъ въ пролипой имъ крови, или смыть ее благодѣянїями цѣлому челоувѣчеству. Испорїя научаетъ насъ, что одни Римляне умѣли соединить завоевательную силу оружія съ убѣдительной правдой законодательства — силу и право, какъ полное условіе гражданственности. Положивъ правиломъ насадить свои законы въ предѣлахъ обширной Имперїи, они справились превзойши побѣжденных не военнымъ искусствомъ , въ кошоромъ не имѣли никого себѣ равнымъ , но политическою мудросію , твердымъ правосудіемъ , дабы, имѣя приязаніе на повелительство, превосходить всѣхъ и во всемъ. Римъ, бывшій досель средопочіемъ военной дисциплины, сдѣлался столицей религіи, политики, свободныхъ наукъ и художествъ. Орапоры ,

Философы, поэты, артисты и самые боги народов имѣли здѣсь благосклонный пріемъ. Римъ - повелитель собралъ въ себѣ все разумнѣе подвластныхъ ему народовъ. Суровость, неперпимость, почтенное невѣжество временъ Капоновыхъ не могло бытъ закономъ обширной Имперіи; посему Римляне заблаговременно видѣли, что знаніе опечеспвленныхъ преданій недоспапочно для повелительства надъ вселенной, и что испинно - царское воспитаніе имѣеть предметомъ изученіе правъ народовъ и полное знаніе природы человѣческой:

*Tu regere imperio populos, Romane, memento,
 Paе tibi erunt artes. . . .*

Посему ихъ законодательство является въ семь періодъ сполько же Римскимъ, сколько всемірнымъ, человѣческимъ. Вошь почему народы со временъ Августа наперывъ спремяся подъ сѣнь Римской Монархіи а)! Они гордились узами гражданственности, кои носили Цезарь и Сципіонъ, и кошыре носилъ народъ, умѣющій повелѣвать міромъ.

Единеніе народовъ подъ сѣнію монархіи и откровеніе человѣчества не могло

а) Gibbon, Hist. de la decad, de l'emp. Rom. T. I. p. 68, 76, 96.

оспашься безъ вліянія на Римскую Юриспруденцію Прежде сего юриспруденшы изучали природу Римлянина, теперь наспушило время изучать природу человека. Римляне знали права народовъ, но не знали правъ человека. Сему они должны были учились отъ Грековъ. Въ семь періодъ Греки цолагали основаніе Римскаго воспитанія философіей, а государспвенные мужи Рима довершали его практическимъ упражненіемъ въ дѣлахъ; одни воспитывали людей, другіе — повелишелей народовъ. До временъ Августа достоинство юриспруденша сосщавляли: правоша Римской воли, уваженіе къ преданіямъ предковъ, просноша ума, бѣднаго идеями, но весьма богатаго правилами; съ сихъ поръ лучшіе юриспруденшы Рима опличаются любовію къ изящнымъ наукамъ, Греческой философіи и болѣе свободнымъ мышленіемъ. Упадокъ политическаго духа обрашилъ лучшіе таланты Рима на изученіе правовѣденія, Въ семь случаѣ Римъ прошивуположенъ Греціи. Въ послѣдней всѣ великіе умы посвящали себя на философское изученіе публичнаго права; на прошивъ въ Римъ одинъ Цицеронъ въ предшесшующемъ періодъ, и по изъ подражанія Платону, издалъ сочи-

ненія о Республикѣ и Законахъ. Урадокъ полипическихъ началъ, нѣкогда необходимыхъ для равновѣсія между патриціями и плебейцами, открылъ свободное и безпредѣльное поприще вещеспвенному праву. Независимоспъ его полипическихъ началъ долженспвовала доспавишь самоспояшельноспъ, а пособіе Греческой философіи доспоинспво науки великому множеспву частныхъ правилъ, случаевъ и положеній вещеспвеннаго права. Лучшимъ юриспуденспамъ сего періода не доспавало ни времени ни вниманія для частныхъ опвѣштовъ и дѣлъ: они являющяся шеперь съ шпшломъ государспвенныхъ юриспуденсповъ. Такъ, Императоръ Августъ далъ нѣкопорымъ юриспуденспамъ привилегіи опвѣшспвовашъ на запросы судей, и рѣшашъ запруднишельные случаи собспвеннымъ авшоритешпомъ, кошорый чрезъ сіе пріобрѣлъ силу закона, обязашельнаго для судей. Преемники Августа не слѣдовали его примѣру; за то Адрианъ призналъ одобренныя имъ сочиненія юриспуденсповъ совершенно положишельными законами, если они будущъ между собою согласны. Кромѣ привилегированныхъ юриспуденсповъ было множеспво другихъ, кошорые содѣйспвовали раз-

вишію законодапельства, продолжая оп-
 въспововать на частныя просьбы шяжу-
 щихся, или, состоя въ службѣ император-
 ской, поправленіемъ и улучшеніемъ зако-
 новъ. Новѣйшія юридическія изысканія удо-
 сповѣряють, что вліяніе юриспудентовъ
 на законодапельство ничѣмъ не огра-
 ничивалось, ничѣмъ не оспанавливалось а).
 Ученіе ихъ проникло въ канцелярію Им-
 ператоровъ и руководствовало ихъ Се-
 крепарей въ редакціи рескриптовъ и кон-
 ституцій (*constitutiones principum*). Ча-
 сто Императоры сами употребляли ихъ
 выраженія, опредѣленія, съ означеніемъ
 имени и безъ имени, отбрасывали старый
 стиль закона и замѣняли его современ-
 нымъ, очищеннымъ юриспудентами. Въ
 послѣдствіи времени, когда большая часть
 юриспудентовъ занималась систематиче-
 скимъ изложеніемъ отдѣльныхъ частей
 закона, Императоры заимствовали изъ
 нихъ не только форму изложенія, но са-
 мый смыслъ, содержаніе закона, или свою
 собственную волю основывали на авторитетѣ
 извѣстнаго юриспудента, хотя онъ
 не имѣлъ никакой законной привиле-

а) Dirksen, *Reinisches Museum für Jurisprudenz*. 1829.

ги а). Юриспруденцы шли не только вровень съ пекущимъ законодательствомъ, но даже упрждали его логическими выводами изъ данныхъ началъ, очищая ихъ отъ прошиворѣчій и сообщая имъ чрезвычайную легкость въ приложеніи. Посему законодательная власть не имѣла труда прибѣгать къ изобрѣшенію новыхъ положеній: ей стоило признасть закономъ для Имперіи то, что давно уже принято правиломъ между юриспруденцами. Отъ сего само законодательство представляло чистый пошокъ естественныхъ выводовъ изъ одного и того же источника, и было какъ бы развишіемъ одной строгой системы. Папиніанъ полагаетъ сколько важности въ юриспруденцахъ сего періода, что самый законъ называется не повелѣніемъ верховной власти, а приговоромъ юриспруденцовъ: *lex est virorum prudentium consultum* б). Законодательство Рима было само себѣ равно, какъ изреченіе разума, никогда не умирающаго, разума, живущаго въ испоріи народовъ. Римскій Сенатъ, издревле сильный правовѣденіемъ, въ семь періодъ не отка-

а) Dirksen, *Reinisch. Museum*, 97.

б) *Ibidem*, 89.

зался слѣдовать современному ученію юриспруденцовъ , а прешорскій эдиктъ былъ поспояннымъ его органомъ , не только по своему содержанію , но даже и по формѣ : не рѣдко редакція его принадлежала самимъ юриспруденцамъ , а).

Не столь важно было практическое участіе юриспруденцовъ въ образованіи законодательства, сколько ихъ сочиненія. Юриспруденцы, какъ писатели, были вѣрными показателями современнаго состоянія юриспруденціи и законодательства. Ихъ сочиненія тщателью были изучаемы дѣловыми людьми Имперіи , отъ чего всюду распространилась одна и таже наука, таже техника, которая составляетъ первѣйшее условіе усовершенствованія самой науки. Чиновники напишаны были однимъ духомъ , одними началами науки , и когда само правительство изъяснялось ея языкомъ , между практикою и теоріею Римлянъ не было никакого различія б). Практика руководствовалась системою науки , а теорія ни на шагъ не отрывалась отъ текущаго законодательства. Практический духъ Рим-

а) Dirksen , Reinisch. Museum. 91. Savigny , Beruf. zur Gesetzgebung. 30.

б) Zimmern , Gesch. des R. Priv. Rechts. B. I. 228.

лянъ господствовалъ надъ всѣми умозрѣніями Греческихъ мудрецовъ; философія Рима заключалась въ его Юриспруденціи. Посему въ исторіи ихъ сектъ мы нигдѣ не видимъ, чшобъ мышленіе опредѣлилось опъ положительнаго законодательства; напропивъ признаки его обнаруживающіяся въ разширеніи Римскихъ формъ, въ обобщеніи Римскаго элемента. Римскіе юриспруденты не зная правилъ ни исторической, ни догматической школы, какъ бы по инстинкту нисходили до самыхъ корней своего законодательства и слѣдили его развитіе по всѣмъ періодамъ, непрестанно напушпвуемые мышленіемъ и филологіей а). Языкъ и право были для нихъ цѣлымъ органическимъ, нераздѣльнымъ; опъ сего каждое правило у нихъ имѣло порапительную наличность, общность и живую индивидуальность; въ каждомъ правилѣ выражался случай, въ каждомъ случаѣ правило. Будучи глубокими практиками, они не поддавались спрогому догматизму дѣйствующаго законодательства; предъ ними лежала исторія народа, указывала имъ уклоненія опъ преданій, приближеніе къ мышленію, и во всякомъ слу-

а) Zimmern, Gesch. des Röm. Rechts bis Justinian B. I. 229.

чаѣ они умѣли свести новое учрежденіе, новое повелѣніе власти съ старыми началами и послѣдствіями а). При первомъ взглядѣ на Римскую юриспруденцію, удивляешься величости терминовъ стараго вѣка, и пому непонятному хозяйству науки, съ копорымъ она напрягаетъ всѣ силы, великое обновитъ, замастерѣлое въ практикѣ смягчитъ, и вообще всячески избѣгаетъ новыхъ терминовъ и положеній б); но чѣмъ болѣе всматриваешься, тѣмъ болѣе видишь, что вся шайна исполинскихъ успѣховъ состоитъ въ уваженіи къ предкамъ и степенныхъ выводахъ философскаго мышленія. Отъ эшаго происходило то великое мастерство редакторовъ права, съ коимъ они при спрашныхъ замѣшательствахъ умѣли взяться за начала, разпутать прошивурчія, и всегда знали, гдѣ ихъ законодательство проходило, и какое приняло направленіе. Отъ эшаго чрезвычайная симметрия въ духѣ древняго и новаго законодательства, чрезвычайное удобство опыскавъ корень закона и опвлеченному понятію дать вещь-

а) Dirksen, *Reinisches Museum für Jurisprudenz. Dritten Jargangs erstes Helt.* 104.

б) Dirksen, *ibidem.*

спвенный символъ и основаніе, и на обо-
ропъ. Послѣ сего можно предсавить, что
значили ихъ сочиненія, ихъ сиспемы. Рим-
ляне, лишенные шворческаго дара созидать
сиспемы а ргіогі, еще меньше способные
внести въ сиспему такъ называемый ори-
гинальный, личный взглядъ на предметъ,
спорицею вознаграждають сей недоспашокъ
образовашельнымъ могущесшвомъ, которое
будучи обращено на комменпарій спарин-
наго юриспруденпа, два или при вѣка пруд-
дился надъ нимъ, не измѣняя ни имени ав-
пора, ни плана въ цѣломъ сочиненіи а.).
Они не имѣли самолюбія давать свое имя
пракшапу, ими обрабопанному; но приба-
вивъ б) нѣсколько замѣчаній къ ходячему
сочиненію, предавали опдаленнѣйшему по-
помшву, до шѣхъ поръ, покуда оно при-
метъ окончательное образованіе. Въ ихъ со-
чиненіяхъ нѣтъ признаковъ личнаго шалан-
па, слѣдовашельно нѣтъ признаковъ соб-
спвенности на сочиненіи. Могущесшво и са-
мообразность шаланпа побѣждались пракпи-
кой, упопробленіемъ; испина принадлежала
народу, а не лицамъ. Вопъ почему Лейбницъ

а) Zimmern, 206, 207,

б) Savigny, Beruf zur Gesetzgebung. 29.

удивлялся однообразію сочиненій Римскихъ юриспруденшовъ а) ! Чшо всего удивительнѣе, Римскіе юриспруденшы, будучи наименѣе системами лично, были въ высшей степени ими въ массѣ. Каждый обрабатывалъ свой участокъ, безъ всякаго приязнанія на общій планъ, на общую редакцію, общее направленіе; но всѣ сошлись въ одинъ пунктъ, и система какъ бы сама собой соорудилась. Каіа юриспруденшь составилъ Комментарій права, по нашему — систему частнаго Римскаго Права; мы приписываемъ ему, а онъ при каждомъ случаѣ увѣдомляетъ читателя, что не онъ, а они раздѣляютъ предметъ на *n* и *m* б), и на повѣрку выйдеть, что не юриспруденшы, а законъ народнаго мышленія управлялъ всѣми системами в). Сей невидимый властитель экспромпшовъ и системъ управлялъ мышленіемъ Каіа, и сообщилъ плану его инспицицій такую непреложность, что она не только у Римлянъ до конца Имперіи, но даже у новѣйшихъ народовъ, отражала

а) См. ниже.

б) Vid. Caji Institutionum comment. IV. Herausgg. von Göschen.

в) Savigny, Beruf zur Gesetzgebung. 29.

всякое покушеніе на пересозданіе въ цѣломъ и въ частяхъ а). Греческая философія и право народовъ могли бы сообщить болѣе общую почку опсправленія для гражданскаго права, но національный элементъ глубоко лежалъ въ Римской практикѣ и еще глубже въ разумѣніи Юриспруденшовъ. Кай беретъ почкою опсправленія Римскую опеческую власпъ, и съ нею проходишь всѣ опспрасли, всѣ углубленія и сгибы частнаго гражданскаго права; пакъ, что все оно еспъ безконечное развитіе опеческой власпи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое государство, какъ не развитое до безконечности семейство, и что такое семейство, какъ не развитая опеческая область (rotestas)? что такое опеческая власпъ, какъ не господство (dominium), что такое господство, какъ не право собственности въ обширномъ его значеніи (на силы разумѣнія, хотѣнія, силы физическія) б)? Ипакъ, взявши Каеву систему въ ея возвращномъ восхожденіи къ единству опеческой власпи,

а) Puchta, über alte und neue Rechts-Systeme. Опытъ самаго Пухты въ семъ родѣ ни къ чему не ведетъ. Reinisch. Mus.

б) Бракъ — способъ приобрѣтенія опеческой власпи; наследованіе почти поже, обязательство — употребленіе опеческой власпи.

мы увидимъ, что она есть система законовъ о собственности — чистѣйшее Право Гражданское, право собственности, въ спрогомъ смыслѣ чашное.

Лица и вещи суть два полюса гражданскаго міра, а опеческая власшь есть ось, на которой все совершаешъ предназначенное ему движеніе а).

Сей періодъ былъ золотымъ вѣкомъ Римской Юриспруденціи. Ему обязано Римское Право достоинствомъ науки, и пѣмъ универсальнымъ характеромъ, по которому оно, сдѣлавшись правомъ великой Имперіи, до сихъ поръ удерживаешъ обязательную силу на Западѣ Европы, до сихъ поръ живешъ въ каноническомъ и семейственномъ правѣ народовъ, исповѣдующихъ Греческую вѣру. Липшерапура сего періода чрезвычайно богата сочиненіями Юриспрудентовъ; они суть: 1) полкованіе на отдѣльныя частии Гражданскаго Права, на XII таб., Преторскій Эдиктъ, Плебисциты и Конспиуціи Императоровъ; 2) системы — инспиуціи, руководства къ изученію права, дефиниціи какой-либо ча-

а) Puchta, Rein. Mus. 131.

спи права, книги Гражд. Права; 3) полкованія на опличныхъ юриспруденшовъ — замѣчанія на Сабина, Кассія, Папиніана; 4) монографы или пракпашы на опдѣльные часпи права; 5) образцы рѣшеній, опвѣщпы, письма, случаи; 6) пренія, объясненія шрудныхъ мѣспъ права (quaestiones); наконецъ 7) смѣсь — журналы (quotidianae), опредѣленія, опрывки (membranae) а). Къ сему же періоду опносятся кодексы Григоріевъ и Гермогеновъ, содержащіе въ себѣ конспипуціи Императоровъ опъ Адріана до Констаншина Великаго б). Законодательство шло параллельно успѣхамъ науки. Въ семь періодъ Препорскій Эдиктъ былъ собранъ Сальвіемъ Юліаномъ, Препоромъ въ царствованіе Адріана, и по опредѣленію Сенапа получилъ силу закона подъ именемъ Непремѣннаго Эдикта (Edictum Perpetuum). Сальвій Юліанъ не первый обрапилъ вниманіе на эщопъ попокъ живаго законодательства; еще Офилій, другъ Кесаря, прославился составленіемъ сего Эдикта, при-

а) Mackeldey, B. I. 60.

б) Zimmern. B. I. 212. Dabelow, Röm Sts und Rechts Gesch. 245.

нявъ обработаніе его изъ рукъ своего на-
спавника и друга Цицеронова Сервія Суль-
пиція а). Непремѣнный Эдиктъ сдѣлался
предметомъ юридическаго изученія и мно-
гихъ комменпаріевъ.

Въ духъ законодательства по частно-
му праву произошла большая перемѣна:
опеческая власть, неограниченная въ пред-
шесствующемъ періодѣ, пришла въ равновѣ-
сіе съ монархическимъ духомъ Рима. Между
опцемъ и сыномъ усилилось новое отно-
шеніе — *pietas*. „*Patria potestas in pietate de-
bet non atrocitate consistere*“ (Marcian de leg.
Rom. de patr). Императоръ Траянъ да-
ровалъ опдѣль сыну, съ копорымъ опецъ
поспупалъ въ прошивность опеческой нѣж-
ности (*contra pietatem*); Импер. Адрианъ
уничпожилъ навсегда право жизни и смер-
пи надъ дѣшми б). Право продавашь дѣ-
шей и опдавашь въ кабалу (*noxae dare*)
запрещено Каракаллою и Діоклишіаномъ в).
Право приобрѣшенія собспвенности чрезъ
дѣшей, существенная черпа опеческой вла-
спи, еще ограничилось появленіемъ аки

а) Mackeldey, Lehrbuch des Röm. Rechts. B. I. 47.

б) Zimmer, R. I. 666, 667.

в) Ibid. 669.

лагернаго (quasi castrense) и пришлаго дѣпскаго имѣнія (peculium adventitium), на копорыя опецъ удержалъ полько право пользонаслажденія а). Развитие идеи чело- вѣчеспва обнаруживалось въ ограниченіи господской власпи. Со времянь Августпа начинаешся рядъ узаконеній, облегчающихъ судьбу рабовъ, рядъ угрозъ прошивъ са- мыхъ господъ, *qui supra modum in servos suos saeviunt*, и законовъ, уничпожающихъ поспепенно права жизни и смерпи, вар- варское право каспрашивъ рабовъ, опда- вать на сраженіе со звѣрьми и ш. п. б). Не менѣе чело- вѣчеспво поржеспвовало ра- зрѣшеніемъ колониспамъ имѣть жену (ихор) на правахъ супружеспва и дозволеніемъ служишь въ Императорскомъ войскѣ. Ко- лониспы рабы начали различаться имена- ми арендаторовъ, половинщиковъ, оброч- никовъ и приближались поспепенно къ со- стоянію крѣпостныхъ (Leibeigene) въ но- вѣйшихъ Христіанскихъ державахъ. Раб- ское имѣніе (peculium) колонисповъ, до сего времени принадлежавшее въ собспвен- носпъ господамъ, въ семъ періодѣ сдѣла-

а) Dabelow. 209.

б) Zimmern. 662, 663.

в) Savigny uber die Röm. Colonat.

лось неопъемлемымъ при переходѣ ихъ къ другому господину или въ другое соспояніе а). Бракъ совершался Римлянами однимъ согласіемъ и договоромъ о приданомъ, а Хриспіанами въ храмахъ, и возведенъ въ доспоинство шаинствъ въры б). Опека болѣе подчинилась опшвъпспвенности предъ правивельспвомъ; опека надъ женщинами, кои до сихъ поръ считались вѣчно подвласпными, сдѣлалась однимъ формалипепомъ, и самоспоятельность женщинъ постепенно возраспала в). Право вещеспвенное получило системапическое образование, а по содержанію своему развилось въ право эмфитевпическое и право поверхностей. Право залоговъ получило окончательное образование. Въ правахъ наследспва по завѣщанію, Препорское Народное Право совершенно воспоржеспвовало надъ Римскими обычаями. Рядомъ съ наследованіемъ ушвердилась препорская система владѣнія имѣніемъ (*bonorum possessio*), ничѣмъ не оппичающагося опъ самаго наследованія по смыслу завѣщанія и про-

а) Guizot, Hist. de la civilis. de France. IV—234, 235.

б) Dabelow. 209.

в) Ibidem. 216.

шивъ завѣщанія (*secundum tabulas et contra tabulas*). Въ законномъ наслѣдованіи Препоръ разширилъ кругъ наслѣдующихъ лицъ и утвердилъ также владѣніе имѣніемъ а). Право обязательствъ представляется доконченнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ: къ контрактамъ присоединены аки контракты. Та и другая часть снабжена твердыми началами и полными опредѣленіями. Контрактующій не имѣетъ нужды придумывать мѣры оспорожности противъ другой стороны: все предвидѣно, приведено въ безопасность, такъ, что контрактующему оспается избрать формулу контракта, и дѣло конечно. Всѣ условія, обоюдная польза и обязанность по контракту никоимъ образомъ не могутъ быть опведены и переполкованы.

Римская Юриспруденція какъ наука, достигла при Императорѣ Александрѣ Северѣ полного и окончательнаго развитія: все, что можно было извлечь изъ данныхъ началъ, было извлечено, снова повѣрено возвращеніемъ въ свои начала, сравненіемъ боковыхъ выводовъ, и вездѣ господствовала логическая точность и послѣдовательность.

а) Dabelow — 211. Юстиніанъ уничтожилъ различіе агеншвъ и когнатовъ въ наслѣдованіи.

Юриспруденція всеобщая спольже безконечна, какъ и философія, ибо па и другая имѣють предметомъ безконечную природу, и органомъ своимъ не разумъ народа, а разумъ человѣчества, вѣчно дѣятельный и успѣвающій. Но юриспруденція частная, на примѣръ Римская, имѣетъ свои предѣлы по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и государство, если оно дѣйствительно живетъ, не бессмертно. Государство начинается недѣлимыми, организуется въ семейства, достигаетъ зрѣлости въ монархіяхъ, и умираетъ. Невидимый духъ человѣчества, напущенный въ бытіи, оплещаетъ, а національныя элементы государства, заморщивши во днѣхъ своихъ, разлагаются на первоначальныя атомы государствъ, и возвращаются въ землю, ибо они взяты отъ земли. Циники, стоики и п. п. суть единицы человѣчества, опрѣшившіяся отъ государства и состояція въ полярномъ отношеніи съ дикими. Это образъ человѣчества, въ видѣ сполбовъ замыкающаго государственное бытіе. Дикій есть опщельникъ, равно какъ опщельникъ есть дикій съ сознаниемъ, мизополилъ. Точкою опправления государства былъ законъ самосохра-

ненія въ дикомъ; почкою пресѣченія государства естъ законъ самоугодія, всеобщаго эгоизма, какъ силы, разлагающей государство на его первоначальные атомы. Римская Имперія до временъ Константина или лучше со временъ Александра Севера, не была уже Римская, а человѣческая. Безразличіе націй на службѣ Императора было явнымъ признакомъ сего превращенія. Типло человѣческой монархіи возвышенно, священно, но человѣкъ не можетъ назваться симъ именемъ какъ своимъ собственнымъ, не опказавшись опъ опечесства; шипло человѣка слишкомъ опвлечено для смерпной природы; она любитъ украшаться именемъ Грека, Римлянина, и доколъ въ ней естъ хопъ капля крови человѣческой, она живетъ жизнью своего опечесства. Кто не имѣетъ опечесства, кто не ходитъ на помочахъ опечесственныхъ преданій, тотъ можетъ быть величайшимъ человѣкомъ, но никогда гражданиномъ. Имя опечесства естъ тотъ таинственный узелъ, которымъ самый непокорный эгоизмъ увлекается въ общую жизнь, сочувствуетъ и состраждетъ біенію національной жизни. Римская монархія, сдѣлавшись монархіею человѣковою, предспав-

ляепь длинный и упомипельный періодъ боренія между жизнью и смерпію , доколь варвары не опрѣшили ее опъ узъ обветшавшей гражданственности. Римская Юриспруденція , безоплучно слѣдовавшая возрастанію Имперіи , подобно ей испоцила запасъ жизни , запасъ національнаго содержанія законодательсва , поспепенно пвердѣла въ условныхъ формахъ логическаго мышленія и наконецъ погрузилась въ схоластическое омерпвѣніе а). Опъ Александра Севера до Юстиніана , Юриспруденція не только не подвинулась ни на шагъ впередъ , но даже поперяла пріемлемость къ ученію Юриспруденшовъ золошаго вѣка. Самое имя Юриспруденша перяло прежнее свое достоинство. Прежніе Императоры были большею частію усыновленные чада верховной власпи , были Римляне ; слѣд. въ крови ихъ была привязанность къ свободнымъ наукамъ и опечеспвенной Юриспруденціи. Въ семъ періодѣ являлись на пропъ мужеспвенные легіонеры , большею частію не Римляне , безъ воспитанія , презришели всякаго образованія. Авреліанъ и Діоклишанъ были великіе воины , но поч-

а) Savigny , Beruf zur Gesetzgebung , 34.

ши безграмащныя ; забопились болѣе объ админиспраціи , нежели о правосудіи. Съ сихъ поръ Имперія гражданъ изчезаетъ , а на мѣсто ея являешся великолѣпная іерархія придворныхъ. Все , чпò не было придворнымъ , оставалось въ неизвѣспноспи , въ презрѣнни , въ ушѣспненіи. Съ сихъ поръ Имперію наводнили спряпчіе , афе-риспы , сводчики , однимъ словомъ , *les Grecs du Bas Empire*. Наспоаящіе Юриспру-денпы болѣе не являлись. Юридическія шко-лы , ушвержденныя Хрїстїанскими Им-ператорами въ Берипѣ (въ Финикїи , Римѣ и Констанпинополѣ) а) могли хва-лишся множеспвомъ спуденповъ ; но со-спояніе юриспруденціи , ученоспъ профес-соровъ (*antecessores*) , едва досташочны бы-ли для сохраненія памяшниковъ юрис-пруденціи цвѣшущаго вѣка. Изъ самыхъ констишущій сихъ школъ явспвуептъ , что онѣ предназначены были единспвенно для доставленія Имперій приказныхъ людей , опѣ которыхъ больше ничего не требова-лось , кромѣ умѣнья понимашъ текспы юрис-пруденповъ и прилагашъ ихъ къ пракши-кѣ. Самъ Императоръ Юспинїанъ издалъ

а) *Zimmern* , 254.

повелѣніе , чпобѣ кромѣ шрехъ городовъ , Берипа , Рима и Конспаншинополя , нигдѣ не преподавали юриспруденціи . Сіе постановление , не извѣсно на чемъ основанное , не показываешь цвѣшущаго соспоянїя науки .

Сей бѣднѣй паланшами , даже числомъ юриспруденшовъ , періодъ имѣлъ однакоже славу произвешъ полную редакцію всѣхъ законовъ Имперїи и сисшемъ юриспруденшовъ . Къ нему должно опнеспи : 1) кодексъ Григоріевъ и Гермогеновъ , соспавленный въ предшешпвующемъ , но конфирмованный Имперашоромъ въ семъ періодѣ ; 2) кодексъ Феодосїа младшаго , соспавленный шешнадцашью юриспруденшами подѣ начальспвомъ экс-Консула и экс-Прешекша Анпїоха , публикованный въ 438 году для воспочнои Имперїи , почпи въ шже время приняшый на западѣ зяшемъ Феодосїа , Имперашоромъ Валеншинїаномъ III . Кодексъ Феодосїевъ содержишь конспишпущїи Имперашоровъ со временъ Конспаншина В. , соспоянїя въ рескрипшахъ , посланїяхъ , рѣчахъ Имперашоровъ къ Сенапу , прагмашическиххъ акпахъ , указахъ правителлямъ провинцій а) . Окончашельную сла-

ву сего періода и послѣднее дѣло великой редакціи Римской соспавляешъ уложеніе Императора Юспиніана, соспоящее изъ

- 1) Пандекшовъ, въ коихъ заключаетъся все богатство Римской Юриспруденціи, собранное изъ мнѣній 39 знапнѣйшихъ Юриспруденшовъ золопаго вѣка; 2) Инспипуцій или сокращенной системы Римскаго права; 3) Кодекса, въ копоромъ заключающя Императорскія конспипуціи опъ Адриана до Константина и Императорскіе эдикты опъ Константина до Юспиніана, сдѣлавшіеся настоящими законами Имперіи; 4) 160 Новелль а).

Императоръ Юспиніанъ, ушвердивъ свое уложеніе, призналъ заблаго оспановилъ дальнѣйшее развитіе законодательсва; онъ запрепилъ всякое полкованіе и изъясненіе закона, предоспавивъ сіе дѣло одной Императорской власти: „Одни эши законы чпите и сохранныте, оспавивъ въ покоѣ всѣ древнія поспановленія; да никпо изъ васъ не дерзнешъ сравниватъ ихъ съ прежними, или искапъ между обоими разногласія, ибо мы приняли сохранныте полько шо, чпѣ здѣсь (въ его уложеніи) содржищя. А если кпо

а) Mackeldey, B. I. 87, 90.

въ сужденіяхъ и въ преніяхъ будетъ приводить мнѣнія изъ другихъ книгъ, пошь безразсудный, и судья, его слушающій, подвергнешя спрожайшему наказанію“ а). Не явно ли, что упомянутое разумѣніе Римскаго народа, подобно спарцу, для котораго часъ смерти близокъ, собравъ всѣ сокровища, нажишыя имъ въ продолженіе прудолобивой и могучей жизни, въ одинъ сундукъ, возсѣдиль на немъ, опказавшись опъ дальнѣйшаго приращенія, и на каждого докучливаго предприимца смопришь какъ на обманщика — *nisi temerator velit falsitatis crimini subjectus poenis gravissimis laborare!* Новѣйшіе Юриспруденшы, особливо послѣдователи исторической школы на всемъ Уложеніи (Corpus Juris Civilis) не могутъ примириться съ Юстиніаномъ за то, что онъ слишкомъ понадѣявшись на свои силы, обрѣзалъ лучшихъ Юриспруденшовъ, внесъ въ нихъ свою редакцію, не оставивъ помомшву драгоцѣнныхъ оспашковъ ихъ системы, кои казались ему не нужными. Въ самомъ дѣлѣ, Юстиніанъ, запрещивши обращать вниманіе на исторію юриспруденціи и законодательства, внесши въ изуче-

а) Constit. Tanta de confirm. Digest. § 19.

ніе непреклонный догматизмъ, убиль послѣдніе оспатки ученаго образованія. Избѣгая дашь собственное мнѣніе о достоинствахъ Императорскаго Уложенія, я приведу сужденіе о немъ Лейбница, Философа и Князя Европейской учебной меподы. Юспиніаново уложеніе, по мнѣнію его, имѣло слѣдующіе недоспатки: „Въ немъ находяшся безчисленныя повпоренія, множеспво узаконеній вышедшихъ изъ упопробленія, и спашей, кои не суть законы, а просто ученые прапашы юриспруденшовъ съ опредѣленіями, раздѣленіями, эпимологією, испорическими и крипическими замѣчаніями, приличными юриспруденшу, а не законодапелю; въ нихъ помѣщены безконечныя споры о помъ, къ какому разряду дѣль должно опнести шакой-то случай: къ законному ли дѣйспвію (*legis actionem*) или къ Препорскому прещенію (*interdictum*).“ Къ симъ недоспаткамъ должно присовокупить недоспатокъ меподы въ цѣломъ составѣ уложенія. Сіе сужденіе опносится къ редакціи; посмопримъ, чпò Лейбницъ говоритъ о содержаніи уложенія: „Я всегда удивлялся сочиненіямъ Римскимъ Юриспруденшовъ, уцѣлѣвшимъ въ Дигеспвахъ и Опсривкахъ подобно драгоцѣннымъ доскамъ во время ко-

раблекрушенія. Римляне во всѣхъ наукахъ успуаюпъ Грекамъ: они заимспвовали опъ Грековъ медицину, философію, математическія науки, и почпи ничего опъ себя къ нимъ не прибавили; но въ Юриспруденціи — они цари надъ всѣми народами. Я всегда говорилъ, да и пеперь скажу, что кромъ математическихъ сочиненій ни одно не можепъ равняпъся съ сочиненіями Римскихъ Юриспруденшовъ силою, почпоспю и оспроуміемъ. Онъ для меня чудо пвердоспи и глубокомыслія. Если выбросишь разноспъ заглавій и порядокъ спашей, а возмепъ проспю изложенія математическихъ доказательспвъ изъ разныхъ авпоровъ, и сравнишь ихъ между собою, то подумаепъ, что онъ дикпваны однимъ и пѣмъ же разумомъ: пакъ сходенъ ихъ спиль, порядокъ мыслей, самое качеспво и расположепіе словъ! Тоже найдешъ и въ сочиненіяхъ Римскихъ Юриспруденшовъ а). Сіи послѣдніе похожи одинъ на другаго, какъ близнецы; опними опъ нихъ разноспъ мнѣній и доказательспвъ,

а) Savigny, Beruf zur Gesetzgebung. 29. „Можно безъ увеличенія сказать, что Римскіе юриспы дѣлали математическія выкладки изъ юридическихъ понятій.“

погда не узнаешь, кто изъ нихъ такъ мыслишь и говоришь; кромѣ ихъ нигдѣ не встрѣшишь споль глубокихъ слѣдовъ еспешвеннаго права, превосходно изученнаго. Если же гдѣ нибудь и есть опспушенія опъ него, по причинѣ сильнаго вліянія или преданій, или обрядовъ, или другихъ національныхъ условій, то по крайней мѣрѣ слѣдствія изъ данныхъ началъ вездѣ выводятся съ удивительною пвердоспію, опспроуміемъ и вѣрноспію“ а). Какъ въ національной физиономіи Римлянъ сіяють идеальныя черпы цѣлаго человецесва, такъ сквозь преданій предковъ Римскихъ смопрішь высшій, безсмертннй духъ законовъ!

Audiet pugnas, vitio parentum rara juvenus!
 jam litui strepunt:
 Jam fulgor armorum fugacis
 Terret equos, equitumque voltus!

Θ. Морозкинъ.

а) Lerminier, 101, 102. Introduction a l'Histoire de Droit.

II.

С Л Е З Ы.

Нѣшь , мнѣ не жаль минувшихъ дней ,
 Дней первой юности моей ,
 Неясно - пламенныхъ желаній ,
 Живыхъ надеждъ , блестящихъ грезъ
 И романтическихъ мечпаній ;
 Мнѣ жаль моихъ горячихъ слезъ :
 Ихъ было шакъ несчетно много !
 Неразь , избыткомъ чувствъ дыша ,
 Въ нахъ выливалась душа
 И сердца смущная шревога ;
 И ихъ весны моей фіаль
 Какъ дань , какъ жершву принималъ .
 Теперь ушрашы , скорби шѣже ;
 Но слезъ шѣхъ нѣшь , я плачу рѣже ,
 И гнешъ сущесшвенныхъ скорбей
 Теперь мнѣ вдвое шяжелѣй .

Н. ТЕПЛОВА.

III.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(Б А Л Ъ З А К А .)

— „Ну же , ну , депушашъ центра !
 проворнѣй . Надобно посшѣшь вовремя , если
 мы хошимъ сѣспъ за споль вмѣспъ съ дру-
 гими ! — Ну ! подымай выше ногу ! — Прыж-
 комъ , прыжкомъ , Г. Маркизь ! .. Ну , вопъ

такъ . . . хорошо! . . . Да ты скачешь по бороздамъ , какъ наспоющій олень !“

Сии слова были произносимы охотникомъ , спокойно сидѣвшимъ на опушкѣ Иль-Адамскаго лѣса. Онъ доканчивалъ Гаванскую сигарку и , какъ видно было , давно поджидалъ своего поварища , который безъ сомнѣнiя заблудился въ кустахъ лѣса. Подлѣ него чешыре запыхавшiяся собаки , пожирая воздухъ , глядѣли , какъ и онъ , на пѣшехода , къ коему обращались сии слова. Чшобы понять всю ихъ насмѣшливость , надобно описать запоздаваго охотника.

Эшо былъ маленькой , полспенькой челоувчекъ , котораго выпуклое брюхо изобличало дородность , приличную парпизану Минисперства. Съ большимъ усилениемъ мѣрилъ онъ своими шагами поле , недавно сжатое , пушаясь безпреспанно въ жнивѣ. Къ довершенiю его горя , косвенные лучи солнца , упаядая горизонтально на его лице , собирали на немъ крупныя капли пота. Такъ какъ онъ всѣми силами спарался сохранить равновѣсiе , по колыхался безпреспанно , по взадъ шо впередъ , подобно возку на ухабахъ.

День былъ очень жарокъ. Эшо былъ одинъ изъ шѣхъ Сеншябрскихъ дней , коиъ

палящимъ зноемъ довершается созрѣваніе винограда. Время предвѣщало грозу. Хотя на горизонтѣ густыя черныя тѣна зарождающейся пучи отдѣлялись другъ отъ друга широкими лазурными промежутками, но отъ запада къ востоку съ ужасной быстротой неслись блѣдно-желтые клочья облаковъ; засѣпая небо понкою сѣроваго пелену. Въперѣ дѣйствовалъ еще только въ верхнихъ слояхъ атмосферы, которая шягошла надъ землей знойною духосою. А какъ долина, проходима охотникомъ, окружена была высокою дубровою, которая препящивовала движенію воздуха, по температурѣ ея походила на раскаленную печь. Задушенный зноемъ лѣсъ, въ шяжкомъ бевмолвіи; казалось, помился мучительной жаждой. Пшпцы, насѣкомыя онѣмѣли; вершины деревьевъ едва колыхались.

Тѣ, кои сохранили нѣкоторое воспоминаніе о лѣтѣ 1819 года, безъ сомнѣнія почувствуюшъ состраданіе къ описываемому нами пѣшеходцу: бѣднякъ обливался кровавымъ потомъ, чшобъ соединиться съ своимъ насмѣшливымъ поварищемъ. Продолжая курить свою сигарку, сей послѣдній разчель, по положенію солнца, что уже

должно бышь по крайней мѣрѣ пять часовъ вечера.

— „Куда это чортъ насъ занесъ?“ .. сказалъ наконецъ полсмякъ , обширая свой лобъ и прислонившись къ дереву, споявшему среди поля, почши насупротивъ своего поварища: онъ уже не чувствовалъ въ себѣ силъ перескочить черезъ послѣдній широкой ровъ , находившійся между ними.

„И ты у меня объ этомъ спрашиваешь?“ опвѣчалъ со смѣхомъ охотникъ , повадившись на скапъ холма , оброснато желшою высокою шравою.

Попомъ, бросивъ докурившуюся цигарку въ ровъ , продолжалъ :

„Клянусь С. Губерпомъ ! впередъ не заманяшь меня шаскашься по неизвѣстной мнѣ споронѣ съ судьєю , хопябъ шо былъ и ты, любезный д'Альбонъ, спаринный мой соученикъ и поварищъ. . .“

— „Но , Филиппъ , спало бышь ты не понимаешь по Французски ? .. Вѣрно ты покинулъ свой умъ въ Сибири!“ .. возразилъ полсмякъ , бросая горестно-комическй взоръ на дорожный шполбъ, находившійся опъ нихъ шагахъ во сна.

„Понимаю !“ вскричалъ Филиппъ.

Схвапивши свое ружье, онъ поспѣшь вскочилъ, однимъ прыжкомъ перебросился въ поле и побѣжалъ къ сполбу.

„Сюда д'Альбонъ... здѣсь... полкруга на лѣво!“ кричалъ онъ своему шоварищу, показывая рукой большую вымощенную дорогу. „Дорога изъ Белье въ Иль-Адамъ!“ продолжалъ онъ. „Спало, вопъ гдѣ должна бытъ дорога въ Кассанъ! Вѣдь она пересѣкаетъ Иль-Адамскую!“

— „Да, да, Полковникъ!“ опвѣчалъ Г. д'Альбонъ, надѣвая на голову фуражку, копорой опахивался,

„Такъ впередъ, почтенный мой Г. Совѣтникъ!“ продолжалъ Полковникъ Филиппъ. И онъ свиснулъ собакамъ, копорыя ему, казалось, были послушнѣе, чѣмъ Суддъ, наспопящему ихъ хозяину.

„Знаете ли вы, Г. Маркизь“ — продолжалъ шупливый воинъ — „чпо намъ еще оспаешя болѣе двухъ лье? Деревня, копорая виднѣешя шамъ внизу, должна бытъ Белье. . .

— „Царъ Небесный!“ вскричалъ Маркизь д'Альбонъ. — „Спунай въ Кассанъ, если лебѣ эшо нравился, но спупай одинъ. Я лучше соглашусь, не смопря на грозу, дождашься здѣсь лошади, копорую ты при-

шлешь мнѣ изъ замка. Ты подшупилъ надо мной, Сюси! Мы располагались сдѣлать небольшую пріятную прогулку, побродить по знакомой споронѣ, не опбиваясь опъ Кассана. . . А ты? Вмѣсто забавы, ты заставилъ меня бѣгать, какъ гончую собаку, съ чепырехъ часовъ ушра, щогда какъ весь завпракъ нашъ сосполял изъ двухъ чашекъ молока! . . Ну! если тебѣ случится имѣшь въ судѣ процессъ, я тебя заспаваю проиграшь его, хопябъ ты былъ тысячу разъ справедливъ!“ . .

Сказавъ эшо, пощерявшій всю бодрость охошникъ сълъ подлѣ сполба, снялъ съ себя ружье, пущую суму, и испушилъ продолжительный вздохъ.

„Франція! . . вопъ швои депушаны!“ . . вскричалъ смѣясь Полковникъ де Сюси. „Ахъ! мой бѣдный д'Альбонъ! Еслибъ ты какъ я, провелъ щесъ лѣпъ во глубинѣ Сибири?“ . .

Онъ поднялъ глаза къ небу, какъ будто желая выразить, что его несчастья извѣсны только Богу и ему; попомъ прибавилъ:

„Ну! поидемъ же! Если ты оспанешься здѣсь сидѣшь, то пропадешь вовсе?“

— „Что дѣлать Филиппъ! Эшо спарая судейская привычка! — По чеспи, я выбился изъ силъ! Еще бъ шаки, когдабъ

мнѣ удалось заспрѣлишь хоть одного зайца!“ . .

Оба охотника представляли собой довольно рѣдкой конспрасшъ. Судья былъ около сорока двухъ лѣтъ отъ роду и, казалось, не имѣлъ еще шридцаши; напрошивъ Полковникъ, будучи шридцаши лѣтъ, казался сороколѣтнимъ. Оба носили красный баншикъ, знакъ офицеровъ Почешнаго Легиона. Нѣсколько прядей черныхъ волосъ, смѣшанныхъ съ бѣлыми, какъ у сороки въ крыль, выбивались изъ подъ фуражки воина; виски судьи опѣнялись прекрасными бѣлокурыми локонами. Одинъ былъ высокаго сана, сухъ, жудоцавъ, крѣпокъ, морщины, бороздившія его чело изобличали ужасныя спрасши или люшныя спраданія: другаго лице цвѣло здоровьемъ и веселоспью, достойною Эпикурейца. Оба крѣпко загорѣли отъ солнца; и ихъ длинные спиблешы изъ рыжей кожи носили на себѣ признаки всѣхъ рвовъ и болошъ, по коимъ они проходили.

„Ну же!“ вскричалъ спяшь де Сюси: „впередъ! . . Черезъ часъ добраго пуши мы будемъ въ Кассанъ, за споломъ!“ .

— „Спало бышь пы никогда не любилъ!“ опѣвчалъ Совѣшникъ съ видомъ жа-

лобно-комическимъ: „пы безжалостенъ, какъ 304 параграфъ Уголовнаго Кодекса!“

Филиппъ де Сюси запрепешаль внезапно: его широкой лобъ сморщился и лице попомнѣло какъ пуча. Ужасное, болѣзненное воспоминаніе искоробило всѣ его черпы; и если слезы не хлынули въ пужь минушу изъ глазъ его, по попому чпо онъ былъ одинъ изъ пѣхъ могущеспвенныхъ людей, кои сосредоточивають свои гореспи, сншая, нѣкшорымъ родомъ, безспвдспвомъ опкрывають ихъ, когда никакое человѣческое слово не можетъ выразишь ихъ глубины, когда нѣшь сердца, копорое бы могло поняшь ихъ.

Г. д'Альбонъ имѣль нѣжную, разборчивую душу, копорая угадываешь спрадація и чувспвуешь живо соспрясеніе сердца, производимое невольною неоспорожностью. Онъ уважилъ молчаніе своего друга, вспаль, забыль свою успалоспъ и слѣдовалъ за нимъ безмолвно, огорченный, чпо имѣль неблагоразуміе прикоснуспсь къ ранѣ, копорая вѣрояпно не зажила еще.

„Когда-нибудь, другъ мой“ — сказалъ ему Филиппъ, пожимая руку и благодаря за нѣмое раскаяніе раздирающимъ взглядомъ — „когда-нибудь я расскажу шебѣ

мою жизнь. . . Теперь. . . я не въ состо-
яніи!“ . . .

Они продолжали идти въ молчаніи ;
но когда грусть Полковника по видимому
разсѣялась , усшалость воззрапилась къ
Судьѣ ; и тогда съ инстинктомъ или луч-
ше съ жадностью измученнаго человѣка, онъ
испытывалъ глазами всѣ глубины лѣса, до-
прашивалъ вершины деревьевъ , преслѣдо-
валъ проинки , надѣясь открыть какое-
нибудь жильё , гдѣ бы могъ испросить
госпепрїимство.

При одномъ перекресткѣ, ему показал-
ся легкой дымокъ между деревьями. Онъ
остановился, поглядѣлъ внимательнo и при-
зналъ, среди огромной чащи, зеленыя вѣтви
нѣсколькихъ сосенъ.

— „Домъ ! . . домъ !“ . . вскричалъ онъ
съ такимъ воспоргомъ , съ какимъ моряки
восклицающъ : берегъ ! берегъ ! . .

Топчасъ бросился онъ въ кустарникъ ,
копорый былъ довольно часпъ. Полков-
никъ , погруженный въ глубокую задумчи-
вость , слѣдовалъ за нимъ машинально.

— „Яишница, проспой хлѣбъ и спуль,
пеперь для меня дороже дивановъ , шрю-
фелей и Токайскаго вина въ Кассанъ !“ . .

Сіи слова были выраженіемъ энтузіазма, произведеннаго въ Совѣшникѣ видомъ спѣны, коей бѣлизна издали опливала на темной массѣ суковатыхъ деревьевъ.

— „А! а! это, кажешся спаринное пріорство!“ вскричалъ снова Маркизь д'Альбонъ, приближаясь къ древней, мрачрѣшпкѣ.

Отсюда могъ онъ видѣшь, посреди довольно обширнаго парка, зданіе, выстроенное изъ песанаго камня, въ стилѣ обыкновенно употреблявшемся въ сшарину для монастырскихъ памяшниковъ.

— „Какъ эти опцы умѣли выбирать мѣспоположеніе!“ ..

Сіе новое восклицаніе было выраженіемъ удивленія, коимъ Судья былъ невольно обяшь при видѣ поэпической пущыни, предспавившейся его взорамъ.

Домъ находился на косогорѣ, съ пылу холма, коего деревня Нервиль занимаетъ вершину. Огромные вѣковые дубы, опоясывая безмѣрнымъ кругомъ сіе жилище, дѣлали изъ него наспоящую пущынь. Главная связь, назначенная нѣкогда для монаховъ, спояла на полдень. Паркъ, казалось, имѣлъ въ себѣ до сорока арпановъ. Передъ домомъ распилался зеленой лугъ, прихош-

ливо изузоренный множеством свѣшлыхъ ручейковъ и водоемовъ, разбросанныхъ по видимому безъ всякаго искусства. Тамъ и здѣсь возвышались зеленыя деревья, опущенныя безчисленно разнообразными листьями, раскидывающимися въ преле-спныхъ формахъ. Попомъ, группы искус-но усроенныя, массивныя террасы съ развалившимися дѣспницами и заржавѣ-лыми перилами, сообщали особенную фи-зиономію сей дикой Оивайдѣ. Искусство весьма удачно присоединило здѣсь свои усилія къ живописнымъ эффектамъ при-роды. Всѣ спраспи человѣческія, казалось, умирали при подножіи или на верши-нахъ сихъ густыхъ деревьевъ, кои ображ-дали сіе уединенное убѣжище опъ мірска-го шума, подобно какъ опъ дыханія ура-гановъ и даже опъ самаго солнца. Безмол-віе и тишина сообщали ему неизъяснимое величіе.

— „Какъ все здѣсь въ безпорядкѣ!“ сказалъ д' Альбонъ, любясь мрачнымъ выраженіемъ, кошорое руины давали ланд-шафту.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь лежала какъ буд-то печать проклятія. Можно было счеспъ все эпо мѣспо заляпымъ, кошорое лю-

ди покинули опъ спрахѣ. Плющъ распилалъ всюду свои излучистыя нипи и богатые ковры. Мохъ сѣдой, зеленой, желтой и красной, облекалъ своими романтическими красками деревья, скамейки, кровли, каменя. Окна были изпочены червями, размыты дождемъ, изѣдены временемъ; балконы разрушены, перрасы опрокинуты. Нѣсколько споръ едва держались на одномъ крючкѣ. Распахнутыя двери не представляли никакой преграды. Ни одно плодовитое дерево не было подчищено; онѣ распростирали въ безпорядкѣ свои шунейческія вѣтви, лишенные всѣхъ плодовъ, обремененныя густыми прядями лоснящейся омелы. Наконецъ всѣ аллеи поросли высокою правою.

Сіе повсюдное запусѣніе сообщало картинѣ очаровательную поэзію и наспроивало душу зрителя къ сладкой мечтательности. Поэтъ погрузился бы въ глубокую задумчивость, любуясь симъ безпорядкомъ полнымъ гармоніи, сею картиною прелеснаго разрушенія. Въ эпу минушу, нѣсколько лучей солнца, подравшись сквозь прещины облаковъ, освѣтили, пысячью разнообразныхъ цвѣтовъ, сію полу-дикую сцену. Черепица на кровляхъ просіяла;

мхи заблещли; фантасмическія пѣни зашевелились на лугу, подъ деревьями; мершвыя цвѣты пробудились; очаровашельныя конспраспы сразились другъ съ другомъ; лиспя рѣзко опдѣлились на свѣпѣ... потомъ... вдругъ сіяніе исчезло: и сей прелеспный ландшафтъ, копорый какъ будто заговорилъ, снова умолкъ, помрачился, или лучше сказать пришихъ, какъ самое крошкое мерчаніе осеннихъ сумерковъ.

Но Совѣпникъ смопрѣлъ уже на эпошъ домъ глазами хозяина.

— „Да эпо дворець Спящей Красавицы!“ говорилъ онъ. „Кому бы все эпо принадлежало?.. Надобно бышь большимъ глупцомъ, чпобъ не жившь въ шакомъ прелеспномъ убѣжищѣ.“

Едва Судья окончилъ сіи слова, какъ одна женщина мелькнула предъ нимъ съ быспропою облачной пѣни; она не произвела никакого шума, сбросившись съ вершины орѣховаго дерева, споявшаго по правую спорону рѣшешки; эпо было настоящее привидѣніе. Маркизь осполбенѣлъ.

„ЧпѠ съ тобою сдѣлалось, д' Альбонъ?“ спросилъ де Сюси.

— „Я прошираю глаза, чпобъ увѣришься, во снѣ я или на яву!“ опвѣ-

чалъ Совѣтникъ , прильнувъ къ рѣшеткѣ ,
чтобъ увидѣшь снова привидѣніе.

— „Она , вѣрно подъ эшимъ фиговымъ
деревомъ !“ продолжалъ онъ , указывая Фи-
липпу на листья дерева , возвышавшася
изъ за стѣны , по лѣвую сторону рѣшетки.

„Кто она ?“ . .

— „Э ! да по чему я знаю ?“ оп-
вѣчалъ д'Альбонъ . „Вообрази себѣ“ — про-
должалъ онъ , понизивъ голосъ — „что
памъ . . . я видѣлъ собсѣвенными глазами
пречудную женщину . Мнѣ показалось , что
она принадлежитъ больше къ царству пѣ-
ней , чѣмъ къ міру живыхъ существъ . Она
такъ гибка , такъ легка , такъ эфирна , что
можно счестъ ее совершенно прозрачною .
Лице у ней бѣло , какъ молоко . Кажет-
ся , она одѣша въ черное платье ; да и
глаза и волосы ея показались мнѣ равно
черными . Она посмопрѣла на меня , проходя ;
и хошя я , конечно , не прусъ , но , при-
знаюсь , ея холодный и неподвижный взглядъ
оледенилъ кровь въ моихъ жилахъ .“

„А хороша собой ?“ спросилъ Филиппъ .

— „Не умѣю сказаць . Я видѣлъ толь-
ко одни глаза ея . Волосы распущены по
плечамъ , лобъ машовой бѣлизны !“

„Къ чорпужь обѣдъ въ Кассанъ?“ вскричалъ Полковникъ. „Оспанемся здѣсь. Мнѣ захошлось, какъ ребенку, проникнуть въ это страшное жилище. Окончины расписаны красною краской. На дверяхъ и запворахъ пошъ же цвѣшъ. Это какъ будто черпоги самага дьявола. Не онъ ли наслѣдовалъ ихъ послѣ свяшыхъ опшельниковъ? .. Идемъ! Чпò это за бѣлая и черная волшебница? .. Здѣсь все дышетъ романомъ. .. Ну же! впередъ!“

Въ веселости Полковника изобличалась поддѣльная принужденность.

Въ пужь минушу, оба охопника услышали слабый крикъ, подобный визгу крысы, попавшейся въ западню. Они примолкли. Въ общемъ безмолвіи слышался шорохъ попрясенныхъ лисшьевъ, какъ ропопъ всколыхнушой воды. Напрасно спарались они уловишь какой-нибудь звукъ: земля оставалась нѣмою и хранила глубоко шайну шаговъ незнакомки, если только она дѣйствительно ходила.

„Вопшь чпò подлинно спранно!“ вскричалъ Филиппъ, слѣдуя за излучинами, описываемыми въ лѣсу спшнами парка.

Два друга дошли скоро до аллеи лѣса, ведущей къ деревнѣ Шанври. Слѣдуя ей по

направленію къ Парижу, они очутились передъ большею рѣшеткою и увидѣли главный фасадъ паинспвеннаго обипалища. Съ сей спороны, безпорядокъ являлся въ самой высшей крайности. Огромныя ящерицы прыгали взадъ и впередъ по спѣнамъ прехъ главныхъ корпусовъ, выспроенныхъ скебою. Обломки черепицы и шифера съ развалившихся кровель, взгроможденные на землѣ, показывали совершенное запущеніе зданій. Плоды валялись подъ деревьями безъ всякаго прибора. Корова паслась на газонѣ, пожирая цвѣты въ плаш-формахъ; коза жевала зеленыя киспи винограда и ошибкою глодала украшенія рѣшетки, на нихъ похожія.

„Здѣсь все въ гармоніи . . . безпорядокъ какъ будто организованъ!“ . . . сказалъ Полковникъ, схватившись за цѣпь колокола. Но колоколь былъ безъ языка; ибо наши охотники не слышали ничего, кромѣ пронзительнаго скрыца заржавѣлой пружины. Небольшая дверь, успроенная въ спѣнѣ, близъ рѣшетки, какъ ни стнила, упорно прошивилась усиліямъ Филиппа.

„О! о! да это спановишся очень любопытнымъ!“ сказалъ онъ своему поварищу.

— „Еслибъ я не былъ судья“ — отвѣчалъ Г. д'Альбонъ — „я бы счелъ эту черную женщину за колдунью.“ . .

Едва произнесъ онъ сіи слова, корова подбѣжала къ рѣшешкѣ и, какъ будто чувствуя нужду видѣть живыя человѣческія существа, просянула къ нимъ свое рыло, дышущее теплымъ паромъ. Тогда одна женщина, если только имя сіе могло быть дано неизъяснимому творенію, которое предспало взорамъ нашихъ друзей, пощадила ее назадъ за веревку.

„Эй! эй!“ вскричалъ Полковникъ.

Женщина остановилась, чтобъ взглянуть на обоихъ пришельцевъ. На головѣ у ней былъ красный плашокъ, изъ подъ котораго выбивались пряди бѣлокурыхъ волосъ, довольно похожихъ на хлопья кудели. Полосатая юбка изъ грубой шерсти, весьма короткая, едва проспиралась до колѣнъ. Грудь не прикрывалась никакою косынкою. Можно было счестъ ее принадлежащею къ одному изъ племъ Краснокожихъ Племень (Peaux Rouges), кои шакъ прославлены Куперомъ; ибо ея голыя ноги, руки и шея, казалось, были кирпичнаго цвѣта. Ни малѣйшаго луча смысла не примѣпно было на ея плоскомъ лицѣ. Сѣро-голубые глаза

были холодны и спусклы. Нѣсколько рѣдкихъ, совершенно бѣлыхъ волосъ занимали мѣсто бровей. Наконецъ, въ искривленномъ рѣшѣ ея видѣлся безпорядочный спрой зубовъ, бѣлизною не уступающихъ собачьимъ. Она медленно подошла къ рѣшеткѣ, смотря на обоихъ охошниковъ съ безсмысленномъ видомъ, и какъ будто улыбаясь; но ея улыбка была шягосшна и при-нужденна.

— „Гдѣ мы? .. Чшо это за домъ? .. Кому онъ принадлежиць? .. Кшо пы? .. Здѣшняя ли?“ ..

На сіи вопросы и на множество другихъ, коими поочередно закидали ее оба друга, она опшвѣчала одними глухими горпанными звуками, болѣе свойственными живопному, чѣмъ разумному, словесному созданию.

— „Развѣ пы не видишь, чшо это глухо-нѣмая?“ сказалъ наконецъ Судья.

— *Добрыхъ-Людей!* .. вскричала наконецъ креспьянка.

— „А! понимаю! Это долженъ бышь спаринный монаспырь *Добрыхъ-Людей*“ .. продолжалъ Г. д'Альбонъ.

Тогда распросы начались ошяшь; но, какъ своенравное дшпя, креспьянка заупря-

милась, начала играть своимъ деревяннымъ башмакомъ, крушишь веревку, на копорой привязана была корова, смотря на обоихъ охотниковъ и разглядывая всѣ принадлеж-ности ихъ одежды; попомъ снова спала ворчащъ, визжащъ, но не говорила ни слова.

„Имя швое?“ спросилъ ее наконецъ Филиппъ, усpreмивъ на нее приспально взоръ свой, какъ будто хощя ее околдовать.

— Женевьева!.. опвѣчала она.

Попомъ бросилась опъ нихъ, испуская дикій, не человѣческой хохопъ.

— „До сихъ поръ корова есть умнѣйшее существо, копорое мы видѣли“... вскричалъ Судья. „Я хощу высpreлить изъ ружья, чщобъ вызвать какое-нибудь чело-вѣческое созданіе.“

Въ шу минушу, какъ д'Альбонъ брался уже за ружье, Полковникъ оспановилъ его жеспомъ и указалъ пальцемъ незнакомку, копорая шакъ живо подспрекнула его любопытство. Она шла по довольно опдаленной аллеѣ, шагами медленными, и казалось погружена была въ глубокую задумчивость. На ней было черное апласное плащье, все изношенное. Длинные волосы падали безчисленными локонами по лбу, во-кругъ плечъ, и спускались вдоль по спану

весьма низко, замѣняя собою шаль. Она казалась привыкла къ этому безпорядку; ибо изрѣдка, внезапнымъ движеніемъ головы, раскидывала ихъ на оба виска. Это производила она съ удивительной легкостью и быспропой. Ея движенія, подобно какъ у живошнаго, имѣли всю безпечность и всю вѣрность механизма. Къ довершенію изумленія обоихъ друзей, она вспрыгнула на вѣтвь яблони и усѣлась на ней съ легкостью птицы. Здѣсь начала она рвать плоды, съѣла ихъ, и потомъ свалилась на землю, съ шною прелестною нѣгою, копорю пакъ любующся въ бѣлкахъ. Ея члены обладали гибкостью, копорая у самомалѣйшихъ ея движеній опнимала всякой видъ принужденія или усилія. Она спала играшь на справѣ и капалась по ней, какъ ребенокъ; потомъ раскинувши обѣ руки и обѣ ноги, оспалась распроспершою на муравѣ, съ шною же прелестною небрежностью и самозабвеніемъ, какъ маленькой копеночекъ, заснувшій на солнцѣ. Вдругъ вдали раздался глухой ударъ грома; она мгновенно перевернулась и спала на чепвереньки, съ такою же удивительною ловкостью, какъ собака, слышавшая приходъ чужестранца. Это странное положеніе произвело, что ея чер-

ные волосы распались на двѣ широкія пелены, кои свѣсились по обѣимъ сторонамъ головы. Тогда оба зрители сей необыкновенной сцены могли свободно любоваться плечами, коихъ округлости опличались удивительною нѣжностью и кои сіяли яркой бѣлизной, подобно полевымъ маргариткамъ. Шея особенно привлекала взоры своимъ рѣдкимъ совершенствомъ. Легко было видѣть, что это женщина прелестно сложенная. Она испустила болѣзненный крикъ и вскочила поспѣшь на ноги. Движенія ея слѣдовали другъ за другомъ съ такою очаровательною быстрою и легкостью, что можно было счесть ее не человѣческимъ созданіемъ, а одной изъ пѣвъ воздушныхъ дѣвъ, кой прославляющся въ стихотвореніяхъ Оссіана. Она подошла къ пруду, легкимъ движеніемъ сбросила съ себя башмакъ и, казалось, находила удовольствіе омочить въ водѣ свою бѣлую, какъ алебастръ, ногу. Можетъ быть, она любовалась хрустальными зыбями всколыхнувшейся влаги, которыя сверкали жемчужинами. Потомъ спала на колѣна на берегу водоема, и забавлялась самымъ дѣтскимъ образомъ, погружая въ струяхъ свои длинные локони и опять быстро вынимая, дабы

видѣшь, какъ вода сбѣгала съ нихъ по каплямъ, образуя, на лучахъ солнца, какъ будто жемчужное распущенное ожерелье.

— „Эта женщина сумасшедшая!“ вскричалъ Совѣшникъ.

Въ эту минушу, раздался дикой крикъ, безъ сомнѣнiя испущенный Женевьевою и по видимому обращенный къ незнакомкѣ. Она вспала и разбросила свои волосы по обѣимъ сторонамъ лица. Въ эту минушу Полковникъ и Г. д'Альбонъ могли разсмотрѣть черты сей женщины. Ея лице было удивительной бѣлизны, глаза большiе черные. Она увидѣла обоихъ друзей; и бросившись къ рѣшеткѣ съ быспропою серны, очутилась подлѣ ней въ нѣсколько прыжковъ.

— „Прощай!“ .. сказала она тихимъ, гармоническимъ голосомъ, но шакъ, что въ сей сладкой мелодiи, съ жадностiю услышанной обоими охотниками, не отличалось ни малѣйшаго чувствва, ни малѣйшей мысли.

Г. д'Альбонъ любовался длинными рѣсницами ея глазъ, густыми черными бровями, ослѣпительной бѣлизной кожи, не опѣненной ни малѣйшимъ румянцемъ, на которой рисовались однѣ голубыя жил-

ки; это была одна из очаровательнейших женщин, каких только можно видеть!

Совѣшникъ обернулся къ своему другу, чшобъ раздѣлить съ нимъ свое удивленіе; но Полковникъ лежалъ, позади его, распростертый на правѣ безъ чувствъ. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Испуганный Г. д' Альбонъ выпрѣлилъ пошчасъ на воздухъ изъ ружья, чшобъ позвать людей, и началъ кричать изъ всѣхъ силъ: помогите, помогите! спараясь поднять Полковника; но изумленіе его еще болѣе увеличилось, когда онъ увидѣлъ, что незнакомка, которая остановилась было неподвижно, услышавъ выпрѣлъ, бросилась съ быспропою, испуская дикіе вопли ужаса, подобно пораненному звѣрю, и начала кружиться по лугу, оказывая знаки глубокаго испуга.

Щегольская коляска, коей спукъ Г. д' Альбонъ услышалъ на дорогѣ Иль-Адамской, ѣхала мимо. Махая плашкомъ онъ пребовалъ помощи у проѣзжающихъ. Вскорѣ коляска промчалась во весь опоръ; и Г. д' Альбонъ призналъ Г. и Гжу де Бейль, кри постѣшили выдти изъ ней и предложить ее Судѣ. Когда, съ помощію лакеевъ,

Г. д'Альбонъ положилъ въ ней своего друга, Гжа де Бейль вынула склянку уксуса, чшобъ привесить его въ чувствво. Филиппъ открыль скоро глаза, обрапилъ ихъ къ лугу, гдѣ незнакомка продолжала бѣгать, испуская крики; и тогда какъ будто проникнуый чувстввомъ глубочайшаго ужаса, вскрикнуль и закрыль снова глаза, давая знашь движеніемъ своему другу, чшобъ онъ немедленно удалился.

— „Въ первый разъ въ жизни вижу, чшо видъ женщины могъ испугашъ Полковника!“ вскричалъ Г. д'Альбонъ, разсегивая жилешъ своего друга и давая ему нюхашъ уксусъ.

Г. и Гжа де Бейль предложили охотно свою карешу Совѣшнику, говоря, чшо они кончашъ свою прогулку дѣшкомъ.

— „Чшдъ эшо за женщина?“ спросилъ ихъ Судья, указывая на незнакомку.

— Думаюшь, чшо она прѣхала изъ Муленя, отвѣчалъ Г. де Бейль. Говоряшь, чшо эшо Графиня де Вандьеръ, кошорая сошла съ ума; но какъ я самъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцовъ, шо не могу вамъ поручишься за справедливосшь эшихъ слуховъ!

Г. д'Альбонъ поблагодарилъ Г. и Гжу де Бейль и опсправился въ Кассанъ. Едва они пошерялись изъ виду, какъ Филиппъ де Сюси пришелъ въ себя, благодаря сильному дѣйствію Англійскаго укуса...

„Эпо она!“ .. вскричалъ онъ.

— „Кпо она?“ .. спросилъ д'Альбонъ.

„Юлія! .. Ахъ! мершвая и живая, живая и сумасшедшая... О! какъ я не умеръ!“ ..

Благородный Совѣтникъ умѣлъ поняшь всю важность кризиса, коему подвергался его другъ, и осшерется его болѣе спрашивашь и раздражашь. Онъ непрерывливо желалъ пріѣхашь скорѣе въ замокъ; ибо церемѣна, происходившая въ черпахъ и во всемъ существѣ Полковника, заспавляла его бояшься, чшобъ Графиня не сообщила Филиппу своей ужасной болѣзни.

Какъ скоро кареша доѣхала до поворота въ Иль-Адамъ, Г. д'Альбонъ послалъ лакея за врачомъ; пакъ чшо въ шу минушу какъ Полковникъ былъ положенъ въ постель, докшоръ находился уже подлѣ него.

— Еслибъ Г. Полковникъ не былъ почти совершенно напошакъ, сказалъ хирургъ, онъ бы непременно умеръ!.. Его изнеможеніе спасло его!..

Потомъ , сдѣлавъ нужныя предписанія , докторъ выцѣль самъ приготовамишь успокоивающее пишье.

На другой день поущру Полковнику сдѣлалось получше; но медикъ провелъ всю ночь подлѣ него , одинъ , не позволивъ никому оспаваться въ комнащѣ больнаго.

— Признаюсь вамъ , Г. Маркизь , сказалъ онъ Г. д'Альбону , я боялся поврежденія въ мозгу. Г. де Сюси испыталъ ужасное потрясеніе. Спроси его шакъ живы ; но первый ударъ рѣшаешъ все! Завтра, можешъ бышь , онъ будетъ внѣ опасности!

Медикъ не обманулся, и на другой день позволилъ Судьѣ увидѣшь своего друга.

„Любезный мой д'Альбонъ!“ сказалъ ему Филиппъ , пожимая руку : „я ожидаю отъ тебя услуги. . . Поѣзжай скорѣе шуда. . . узнай обо всемъ , что касается до женщины , копорую мы видѣли , и возвращись немедленно. . . Я буду считатьъ минушы!“ . .

Маркизь д'Альбонъ вскочилъ на лошады и пуспился во весь опоръ къ спаринному аббатству. Доѣхавъ , онъ увидѣлъ передъ рѣшеткою высокаго сухощаго человека , въ черномъ плащѣ , копорого лице было запечатлѣнно крошосью и внушало довѣренность. Когда Судья спросилъ его , не жи-

вещь ли онъ въ эсихъ развалинахъ , онъ опвѣчалъ ему ушвердительно.

Г. д'Альбонъ расказалъ ему причины своего посѣщенія ; и тогда незнакомецъ кскричалъ :

— „Какъ, милоспивый государь! пакъ эшо вы сдѣлали шощъ гибельный выспрѣль? . . Вы едва не убили мою несчастную больную!“ . .

„Эхъ, сударь! да я выспрѣлилъ на воздухъ.“ . .

— „Вы бы сдѣлали меньше зла Гжѣ Графинѣ , еслибъ попали въ нее.“ . .

„Очень хорошо! но намъ не въ чемъ упрекашь другъ друга: видъ вашей Графини едва не убилъ Г. Барона Филиппа де Сюси.“ . .

— „Филиппа де Сюси?“ вскричалъ медикъ, поднявъ глаза къ небу и сплеснувъ руками. „Не былъ ли онъ въ Россіи . . при переправѣ черезъ Березину?“ . .

— „Ну да , именно!“ опвѣчалъ д'Альбонъ : „онъ былъ взяпъ въ плѣнъ козаками и опосланъ въ Сибирь , опкуда ворошился назадъ шому одиннадцашъ мѣсяцовъ.“ . .

„Войдите , государь мой!“ сказаль медикъ, поведя за собой Судью въ залу, находившуюся въ нижнемъ эшажѣ дома.

Зала эта была богато обмеллирована ; но на всемъ видны были признаки разрушительнаго своеуравія. Дорогія фарфоровыя вазы валялись разбиыя на полу подлѣ часовъ, коихъ корпусъ былъ пощаженъ. Шелковыя занавѣски оконъ были изорваны, между шѣмъ какъ двойныя кисейныя оспава-лись цѣлы.

„Вы видите“ — сказалъ медикъ входя — „опустошенія, производимыя прелеспнымъ созданиемъ, коему я посвящилъ себя.“ ..

Судья былъ распроганъ.

„Она моя племянница!“ продолжалъ врачъ: „и, не смотря на безсиліе моего искусства, я надѣюсь возвраишь ей когда-нибудь смыслъ, слѣдуя методѣ, которая по несчастію позволена только богатымъ людямъ.“ ..

Помомъ, какъ и все, живущіе въ уединеніи, преданные въ добычу безпреспанно возобновляющейся горести, онъ рассказалъ Судьѣ, въ бесѣдѣ, часто прерывавшейся, слѣдующее приключеніе, опъ котораго опдѣлимъ мы все опспупленія, дѣланныя разговаривающими. . .

(продолженіе слѣдуетъ.)

IV.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

ДАНТА.

(окопчаніе.)

Я не дерзну разъединять шрехъ великихъ акповъ Божешпвенной Комедіи опдѣльнымъ ихъ разборомъ. Главный характеръ сего удивительнаго шворенія еспъ единспво ; Эпо не значишь , чпо всѣ часши сей поэмы одинаково занимапельны ; но чпо онѣ проникнушы одною оригинальною мыслію. Только съ сей почки зрѣнія надлежишь смопрѣшь на нихъ , не опдѣляя богословскихъ и опвлеченныхъ идей опъ поэпическихъ и выпреннихъ.

Не смопря на огромное разспяніе времени , въ поэмѣ Данпа возродился характеръ первоначальныхъ поэмъ древноспши. Эпо цѣлая энциклопедія ! Въ лонѣ ея заключены испорія , науки , всѣ опспрасли поэзіи шогдашняго вѣка.

Прежде всего обрашимъ вниманіе на испорію.

Ни въ одномъ сочиненіи не обозначены съ шакою вѣрностію современныя вопросы , не изображено съ шакою силою великое бореніе среднихъ вѣковъ , не очерпаны шакъ ярко Имперія и Духовенспво ;

Императоръ и Папа. Въ семьъ бореній пристрастїе привязало Данша къ одной сторонѣ; но геній его не щадилъ ни той ни другой. Родясь Гвельфомъ, но изъ мспительности сдѣлавшись Джибеллиномъ, онъ силою своего генія возносился выше Гвельфовъ и Джибеллиновъ и объемлетъ весь Христїанскій міръ.

Съ того времени какъ пала Римская Имперія; когда между развалинами образованнаго міра поселилось варварство; когда въ Италїи все пришло въ ужасный безпорядокъ; когда памятники древняго генія были разрушены или поруганы; когда законы и науки погибли; когда люди выродились; любилели наукъ; едва замѣтные въ общей массѣ, увидѣли, что народы низпали очень глубоко. Нигдѣ сіе чувство не было такъ живо, какъ въ Италїи. Великолѣпіе развалинъ, слѣды Римскаго величія, разсѣянные повсюду, давали чувствоваться, какъ жалко соспояніе временъ новѣйшихъ. Непримируемыя войны между городами, жестокости, изгнанія, подвергали сію прекрасную страну величайшему угнетенію и безначалію. При такомомъ положеніи не трудно понять, что Дантъ, обуреваемый спраспями, пламенный поклонникъ

сиспемь, желая унизишь своихъ гониспелей и водворишь миръ въ своемъ опечеспвѣ, искалъ во власпи Имперапора того мощнаго единспва, копорое давно было попереяно и копораго желалъ ему Макиавелли, хопя бы даже опъ Боргии. Кажется нѣшь сомнѣнiя, что Даншь, спуспя при вѣка имѣлъ бы пѣже самыя мысли. Видя Ипалiю, плавающую въ крови и перзаемую раздорами, онъ обрапилъ взоры свои на Римъ и Папу; но продажные, развращенные Папы худо поддерживали предначертанiя великаго ихъ предшеспвенника. Онъ успремилъ взоры свои далѣе и желалъ, чтобы Германскiй Имперашоръ возврапилъ опчаянной Ипалiи покой и владычеспво законовъ. Какъ иначе изьяснишь, что человекъ не могшiй сносишь даже республиканскаго ига, предается иноземному владыкѣ? Это опъ того, что мечта Римской Имперiи, пѣнь древней Ипалiи, представлялась его воображенiю. Онъ желалъ Имперапора, копорый бы обуздаль сiи ничпожныя, опъ собспвенныхъ неуспройспвѣ, республики.

Сiя мысль Данша проявляется во всей поэмѣ его; для ней-шо преимущеспвенно соспавлено сiе произведенiе; онъ не ше-

ряешъ ее изъ виду даже во время самыхъ фантаспическихъ мечпаній. Блуждая съ Виргиліемъ по невѣдомымъ обласпямъ Ада, онъ выдумываетъ самыя спранныя средства для перехода изъ одной спраны его въ другую и еще спранныѣшее для изхода изъ самой бездны; онъ предспавляетъ Люцифера и неизмѣримое шѣло его дѣспвицей, по которой подъемлется и выходитъ на свѣшъ. Оспановите взоры ваши на семъ необычайномъ привидѣніи; оно имѣетъ при головы и при зѣва, которые непрерывно шерзаютъ шрехъ пресшупниковъ. Въ первомъ находится Іуда Искаріотскій, символъ предашельспва и богоошшупничеспва. Въ двухъ другихъ помѣщены Брушъ и Кассій. Подвергая наказанію Бруша, поэтъ не унижаетъ его; республиканецъ, дробимый зубами Люцифера, не произноситъ ни слова, остаетъся спокойнымъ и швердымъ. Кассія не знаю по чему поэтъ назвалъ жилиспымъ. Одинъ литераторъ сію спранность, въ опношеніи къ эпичеспу, опноситъ къ самому значенію вымысла. „Я не вижу“ — говоритъ онъ — „никакого сходспва между Іудею Искаріотскимъ, Брушомъ и Кассіемъ.“ Но вспомните преддубѣжденіе поэта. Рядомъ съ богоошшуп-

никѣмъ онъ спановилъ бунповщиковъ прошивъ Имперіи, олицетворенныхъ въ двухъ убійцахъ Цезаря. Не смотря на душевную приверженность къ Брупу, онъ приносилъ его, какъ величайшую жертву, Императорской власти.

Вопъ политическая мысль, сокрытая въ послѣдней картинѣ Ада. Въ чемъ же отразился самый блистательный образъ Рая? Въ символъ Имперіи, въ огромномъ шаинспвенномъ орлѣ, коего шло соспавлено изъ Святыхъ, а глаза изъ пяпи царей и одного языческаго праведника, того Рифея, о копоромъ Виргилій говоритъ:

Justissimus unus,

(Qui fuit in Teucris a).

Не должно спанавливаться на сей прихоти, копорая смѣшала всѣ воспоминанія поэта; для насъ нужно шолько истинное значеніе символа и освященіе Царспвеннаго Орла Имперіи.

Какое теоретическое умспвованіе могло вдохнуть поэпу сію идею? Разбирая сей вопросъ, мы найдемъ удивительное противорѣчіе въ самыхъ величайшихъ умахъ того времени. Разсудокъ, кажешся, раз-

а) Праведнѣйшій изъ Тевкровъ.

вернулся въ нихъ менѣ всякой другой душевной способности; онъ былъ закованъ въ мѣлочныя и варварскія формы. Возникая, онъ не смѣлъ довѣрять себѣ, не дерзаль ходишь безъ оковъ, копорыя, казалось, его поддерживали.

Власть Имперіи, предспавленную въ спихахъ подъ страннѣмъ поэпическимъ изображеніемъ, Дантъ защищаетъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ различными доказательспвами, какія только можно было придумашъ. Я приведу одинъ опрывокъ, могущій обнаружитъ господспвующую мысль поэмы. Онъ взялъ изъ книги его о Монархіи:

„Императоръ и Папа, оспаваясь пѣмъ, „чтò они еспъ, сходны между собой какъ „люди; но они различаюпся, поколику одинъ „Императоръ, а другой Папа. Чтò власть „Императора не происпекаетъ и не зависптъ опъ Церкви, можно доказашъ слѣдующимъ образомъ. То, безъ чего какая „нибудь вещь существуетъ, не еспъ причина ея быпія. Но Имперія имѣла быпіе, „когда Церковь еще не существовала, и „такъ быпіе и могущество Имперіи, будучи пождеспвенны, не зависятъ опъ „Церкви. Пущь А. предспавляетъ Церковь,

„В Имперію , С Власъ. Ежели С было
 „уже въ В прежде , нежели явилось А ;
 „шо А не естъ причина шого , чшо С
 „находилось въ В. Еще болѣе : ежели Цер-
 „ковь имѣеть право ушверждаеть Римскаго
 „Императора , шо она получила сіе право
 „или опъ Бога или опъ самой себя или опъ
 „какого нибудь Императора , или наконецъ
 „опъ общаго согласія всѣхъ людей , покрай-
 „ней мѣръ сильнѣйшихъ между ними. Нѣтъ
 „другихъ средствъ получить ее ; но Цер-
 „ковь не получала сего права ни однимъ
 „изъ перечисленныхъ способовъ ; слѣдова-
 „тельно она не имѣеть его.“

Нѣтъ сомнѣнія , чшо подъ сими вар-
 варскими формами скрывается истина ; но
 представьте себѣ ; каковъ долженъ бытъ
 поэтическій воспоргъ , чшобы одушевить
 чловѣка , получившаго такое воспишаніе ,
 скованнаго подобными схоластическими при-
 вычками , и возвыситъ его до чудныхъ со-
 зданій Божественной Комедіи !

Желая оградить и скрѣпить граждан-
 скую власъ , геній Данша признавалъ
 и духовное могущество Папъ. Онъ хо-
 шѣлъ , чшобы сіе могущество выражало
 первообразъ нравственной истины , чшо-
 бы , не имѣя права возводить и низлагать

Императоровъ, оно могло удерживать ихъ совѣсами, и чшобы такимъ образомъ освѣщали мѣръ два блистательныя солнца.

Итакъ вы видите, что въ среднихъ вѣкахъ было больше истины и благоразумія, чѣмъ въ знаменитыхъ новѣйшихъ писателяхъ, кои, представляя пропекшее идеаломъ совершенства, мечтали о первенствѣ Папъ, которые могли бь располагать коронами и такимъ образомъ предупреждать пиранство и возмущенія.

Вся ошибка Данта заключалась, кажепся, только въ томъ, что онъ считалъ возможнымъ соединеніе двухъ равносильныхъ властей. Среди республикъ Италіи Дантъ встрѣшилъ позже, что философы древности видѣли въ смятеніяхъ Аѳинъ и Коринѳа. Сіи мудрецы искали счастья и мира въ правленіи, противоположномъ правленію ихъ республикъ. Правосудіе и свобода, которые были не совмѣстны съ демократіею, могли бытъ, по ихъ мнѣнію возстановлены только добродѣтельнымъ Государемъ. Они мечтали, говорить Платонъ, о добромъ Государѣ-Законодателѣ. Въ XIV столѣтіи, Дантъ, также недовольный народными смятеніями, искалъ высочайшаго общественнаго блага въ верховной нео-

граниченной власпи Императора, который долженствовалъ быть не единственнымъ Монархомъ, а раздѣлять власпъ свою съ добродѣтельнымъ Папою: одному надлежало поддерживать правосудіе въ государствѣ, другому чиспону нравовъ.

Вошъ главная мысль сей сподѣсенной поэмы, въ коей смѣшиваются и смѣняются другъ друга сапирическія грезы и догматическія испіины, историческіе факты и аллегорическіе символы; гдѣ С. Бонавенпура изясняетъ проспранно самыя употребленныя богословскія положенія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ эпіи предметы были равно занимательны для среднихъ вѣковъ; и въ семъ отношеніи сочиненіе Данта есть любопытнѣйшій памятникъ исторіи и нравовъ. Сіи длинныя подробности, сіе безконечное изложеніе догматовъ, дѣлающее для насъ споль упоминательной одну изъ частей Божественной Комедіи, были для современниковъ неизчерпаемымъ источникомъ просвѣщенія. Безсомнѣнія эпо чрезвычайно вредитъ поэму въ попомствѣ; но если посредствомъ изученія можно опредѣлиться опъ своего вѣка и вообразить ту эпоху, когда Богословіе было свѣпильникомъ умовъ, единственнымъ наукою; то не трудно предспавить, что

всѣ части Даншовой поэмы были равно занимательны, сильны и способны, для выраженія его главной мысли. Но чтобы достигнуть своей цѣли, чтобы воскресить Имперію, чтобы представить Германскаго Цезаря достойнымъ управляющимъ Испаліянцами, онъ изображаетъ его возшановителемъ свободы и шѣмъ низпровергаетъ идеи, копорыя мы имѣемъ о среднихъ вѣкахъ.

Воображеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ публицистовъ, сожалѣя о первенствѣ Папъ, представляетъ оное идеаломъ неограниченной власти и окружаетъ его преувеличенною покорностію. Въ Божественной Комедіи мы находимъ явное опроверженіе сихъ слѣпыхъ предубѣжденій. Даншъ взираетъ на Папъ точно также, какъ на самыхъ простыхъ гражданъ Флоренціи. Онъ изображаетъ наказаніе ихъ въ Адѣ и судъ надъ ними въ Раю. Въ Адѣ опровергаетъ онъ горящую бездну, гдѣ Папы, продавцы святыни, нагромождены другъ на друга, и послѣдній ожидаетъ своего преемника, копорый глубже погрузитъ его въ пучину пламени. Въ Раю паиншвенный Орелъ, соспавленный изъ Святыхъ, сей освященный символъ Имперіи, произноситъ рѣз-

кія укоризны пропивъ развращенія Папъ , пропивъ роскоши и корысполюбія Римской церкви , пропивъ соблазна индулгенцій : это Лютеръ XIV столѣтія! Въ семъ отношеніи Данта есть историческое событіе. Чемъ лучше были понимаемы стихи его народомъ , тѣмъ слабѣе спановилось могущество Папъ въ Италіи съ XIV вѣка.

Плѣнь Вонифація VIII въ Ананьи , пощечина , полученная имъ опъ рыцаря Филиппа Прекраснаго , оставленіе Рима и пребываніе Папъ въ Авиньонъ , безсомнѣнія показываютъ глубокой упадокъ того могущества , которое мистическія теоріи представляли столь крѣпкимъ въ среднихъ вѣкахъ; но смѣлость Данта, ѣдкіе сарказмы и спротія истины, высказываемыя Римскому Двору, неменьше обнаруживаютъ ослабленіе сей силы и служатъ предпечами того великаго раскола , который вооружилъ пропивъ Папъ половину Европы.

Такимъ образомъ въ поэмѣ Данта, заключающей всѣ современныя познанія, крылись сѣмена новѣйшихъ идей и спраспей, копорыя время развернуло въ послѣдствіи. Нельзя сомнѣваться въ могуществѣ

генія , коего выраженія сдѣлались языкомъ всего народа.

Мы не будемъ далѣе останавливаться на историческомъ характерѣ Дантова творенія. Самое занимательнѣйшее для насъ есть поэтическое созданіе. Здѣсь объяснено все ; раскрыты всѣ выводы ; но поэзія нравится и существуетъ сама собою.

И здѣсь-то потребно глубокое изученіе. Нѣтъ сомнѣнія , что поэзія была только оболочкою мысли ; служила средствомъ для намѣреній Данта. Поэзія представляетъ въ очаровательной картинѣ , подобно Іезекілю , крылатую колесницу , влекомую таинственнымъ грифономъ , предшествуемую двадцатью чепырмя спарцами , несущими злые свѣпильники ; изображаетъ , что колесница сія останавливается при появленіи Беатриксы , оглашаемой хвалебными пѣснями Ангеловъ ; что одинъ изъ Ангеловъ ринулся на колесницу , уснулъ ея своими перьями ; что въ нее вѣзжала лисица ; что драконъ зацѣпился за нее ; что блудница съла въ ней ; что исполинъ схватилъ сію послѣднюю и колесница исчезла съ ними въ лѣсу ; между тѣмъ Беатрикса основалась при деревѣ познанія. Воображеніе со-

временниковъ любило углубляясь въ значеніе сихъ аллегорій, копорыя не трудно поняшь. Колесница предспавляетъ Церковь; грифъ Иисуса Христа и его двойственное еспешство; лисица пагубную ересь; блудница злыхъ Папъ; исполинъ Филиппа Красиваго.

Такимъ образомъ аллегоріи Данша, едѣлавшись общимъ достояніемъ, изображали видимо идеи гражданской независимости, копорыя геній великихъ Папъ XI спольпія спарался совершенно изкоренить и копорыя съ большей или меньшей силою начали показываться даже въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ богослововъ. Выраженныя съ великою смѣлостію въ Арнолдѣ да Бресція, онѣ изложены были умѣренно въ сочиненіяхъ Тоанна Жерсона, Доктора Парижскаго Университета. Франція XIV спольпія слѣдовала опиважнымъ порывамъ Испаліанской независимости; писали мѣлкія брошюрки о подсудимости Папы; эпо были Порп-Рояли погдашняго времени. Такимъ образомъ въ XVII спольпіи, между шѣмъ какъ Германія кипѣла расколомъ Люшера, нѣкопорые Французскіе богословы почшипельно рашовали прошивъ Папъ во имя Свяшаго Августина.

Чѣмъ болѣе будемъ, продолжая наши историческія изысканія; тѣмъ яснѣе увидимъ, до какой степени опличается поэма Данша отъ поэмы Гомера. Поэтъ среднихъ вѣковъ долженъ былъ выдержавъ всю тяжесть разбросанныхъ въ безпорядкѣ безчисленныхъ обломковъ глубокой древности; принужденъ былъ схватить все черты многосложнаго и запущаннаго общества, гдѣ Папа, Императоръ, Короли, васалы, пираты и вольные города, находились въ непрерывномъ бореніи. Въ сей-по безднѣ воспоминаній и фактовъ поэтъ обновляется и очищается духомъ. Когда сбрасываетъ онъ съ себя доксорскую мантию среднихъ вѣковъ, то воображеніе его шворитъ, какъ шворило въ первые дни мірозданія; онъ имѣетъ простой вкусъ, юный и звонкій голосъ Греческаго поэта; подобно Гомеру, любитъ простые картины природы, полей и семейной жизни. Онъ непрерывно показывается въ стихахъ его. Сія черта преимущественно обнаруживается удивительную противоположность между различными элементами его генія; она-то, кажется, и даетъ ему физиономію первобытнаго поэта. Между всеми новѣйшими поэтами Европы, можетъ быть, поль-

ко одинъ Мильпонъ, сквозь полипичёскій хаосъ своего времени и выпрренность своего идеальнаго предмета, умѣлъ проникать въ лоно природы; но, какъ человекъ начинаннй, онъ описываетъ ее съ картинъ Библии и Гомера, какъ скоро самъ не видишь или не поражается ею.

Дантъ, утонченнй въ изобрѣженіяхъ, дѣлается простымъ и почнымъ въ изображеніяхъ. Онъ отдыхаетъ отъ фантаспическихъ мечтаній, передаетъ первыя, живыя впечатлѣнія природы, сію простоту юнаго міра, какъ говаривалъ Фенелонъ.

Со времянъ Гомера, неподражаемаго живописца полей и семейной жизни, не было ни одного поэта, копорый бы такъ былъ оригиналенъ и такъ еспешвенъ. Никто не изображалъ деревенской жизни въ споль простыхъ выраженіяхъ, копорыя въ искусственной липшературѣ считались низкими, но послѣ сдѣлались общеупотребительными, необходимыми. И въ какія рамы вспавлена сія совершенная простота, сія вѣрная картина жизни? Она помѣщена между самыми смѣлыми мечтами поэпического воображенія. Въ семъ-то заключается неподражаемость сего единственнаго произведенія!

Вы не найдете ее въ поэсахъ , копорые описываютъ природу ; но у Данта , копорый изображаетъ сверхъестественное, вы встрѣтите ее повсюду. Сии люди , копорые не отдѣляются отъ земли, копорые общаются предсавить вамъ вѣрное изображение жизни , совершенно не знаютъ ее или заваливаютъ хламомъ выражений. Но человекъ , превисающій въ небесахъ, низходящій въ бездны Ада и области Чиспилица , окруженный сонмомъ Ангеловъ и нечувствительно улетающій на крылахъ ихъ — сей таинственный поэтъ увлекаемый силою вѣры и любви съ одной звѣзды на другую — онъ раскажетъ вамъ , въ чемъ состоитъ жизнь селянина и паспуха Испаліанскаго съ такимъ прососердечіемъ , копорое будетъ понятно даже для сихъ послѣднихъ. Хочетъ ли онъ изображать души , внимательныя къ пихимъ напѣвамъ Казеллы и шрепещущія при грозныхъ звукахъ Капонова голоса : онъ сравниваетъ ихъ съ боязливыми голубями , копорые пѣснятся вокругъ разсыпанныхъ зеренъ пшеницы и ячменя и вдругъ разлетаются , при видѣ спрашнаго для нихъ призрака. Сокровенный и многосрудный пухъ среди Чиспи-

лица, копорый надлежишь пролеташь съ великимъ усилениемъ на крыльяхъ упования, напоминаешь ему узкія дороги чрезъ Испанскія горы и пѣсныя пропинки, копорыя креспьянинъ загромождаешь валежникомъ, когда начинаюшь созрѣвашь грозды винограда. Тѣни, заключенныя въ Чиспилицъ, попеременно предспавляюшся на дорогѣ поэту и пробуждаюшь въ душѣ его вѣрное изображеніе деревенской жизни. „Такъ изходяпть боязливыя овцы изъ хлѣ-
 „вовъ своихъ одна за другою, и самыя роб-
 „кія, опуспивъ глаза въ землю, спояпть
 „въ препешномъ ожиданіи. Чпò дѣлаешь
 „первая, поже повпоряюпть всѣ; ежели
 „остановишся первая, останавливаюшся
 „всѣ, не зная въ простомѣ и беззабопнос-
 „ши, для чего это дѣлаюпть.“

Вошъ въ чемъ заключаешся искусство быпть занимательнымъ, возвышеннымъ въ самыхъ проспыхъ подробностяхъ. Буало говоришь съ удивленіемъ, что древніе крипки не нашли въ Гомерѣ ни одного низкаго слова, хошя онъ написалъ двѣ поэмы; это происходило, кажешся, опъ простой причины: тогда не было словъ облагороженныхъ по преимущеспву. Гомеръ сравниваешь упорно сражающагося Аякса съ

осломъ, котораго не можешъ выгнать изъ чершополоха поселянинъ своими ударами. Дантъ сравниваетъ блаженныя души Рай, ему встрѣчающіяся, съ спаею рыбъ, содержимыхъ въ свѣпломъ и безмяшежномъ садкѣ, которыя хватаютъ хлѣбъ, имъ бросаемый. Для сихъ двухъ поэтовъ все въ природѣ доставляло каршины и краски.

Такимъ образомъ, не смотря на различіе, которое необходимо должно было существовать между поэмомъ среднихъ вѣковъ и поэмомъ древности, не взирая на громадъ схоластическихъ познаній, стягопѣвшихъ надъ поэмомъ XII вѣка, Дантъ — (подивись, чудной силъ его генія!) — опыскаль, въ кучѣ подробностей, очаровательную простоту Греческой поэзіи.

Сии простыя образы всего чаще встрѣчаются въ пѣсняхъ, описывающихъ Рай. И дѣйствительно здѣсь всего нужнѣе было поэту призывать на помощь всю природу. Можно предсавить степени наказаній очищающихъ душу: но какъ изобразить степени блаженства? Виргилій едва могъ набрать двадцать стиховъ для описанія Элисейскихъ полей. „Они вступили въ селенія радости, „подъ свѣжую зелень счастливыхъ лѣсовъ,

„въ жилище блаженныхъ. Тамъ чистый воз-
 „духъ озлащаль поля пурпуромъ, шамъ сія-
 „ло новое солнце и новыя звѣзды. Одни
 „забавлялись на зеленѣющихъ лугахъ, со-
 „спязаясь между собою, другіе, бѣя ногами
 „шакпъ, вшорили небеснымъ хорамъ и про-
 „возглащали спихи!“

*Devenere locos laetos, et amoenâ vireta
 Fortunatorum nemorum, sedesque beatas.
 Largior hic campos aether et lumine vestit
 Purpureo; solemque suum, sua sidera norunt.
 Pars in gramineis exercent membra palaestris,
 Contendunt ludo, et fulva luctantur arena.
 Pars pedibus plaudunt choreas et carmina dicunt.*

Вошъ весь Рай Виргилія! Души нѣс-
 колькихъ избранныхъ героевъ, умершихъ
 за опечесшво, нѣсколькихъ изобрѣшашпелей,
 обогатившихъ общесшво полезными оп-
 крышїями —

Inventas aut qui vitam excoluere per artes.

Сїи привеллигированныя души вкушаюпъ
 небесныя ясшва :

*Conspicit ecce alios dextra laevaue per herbam
 Vescentes.*

Сшоль великій поѣшъ ничего не при-
 думаль лучше для описанїя небеснаго бла-
 женсшва, какъ холодное повшоренїе обык-
 новенныхъ жизненныхъ заняшїй.

Не возможно довольно надивишься плодovitости Данта, который из того же самого предмета составил цѣлую поэму. Но какъ показать вамъ прелесть его выраженія, иногда обыкновеннаго, земнаго, иногда идеальнаго? Человѣкъ съ дарованіемъ могъ бы передать ее во Французскихъ стихахъ: но всякой стихотворный переводъ будетъ другимъ твореніемъ, не похожимъ на оригиналъ. Чтобы дать о немъ нѣкоторое понятіе, лучше сдѣлашь съ него сколокъ въ прозѣ. Проза для перевода стихотворныхъ произведеній есть поже, что восковыя фигуры, кои не имѣють никакого художественнаго достоинства, но могутъ имѣть чрезвычайную вѣрность и въ полномъ работномъ подражаніи воспроизвестъ всѣ формы и краски оригинала. Я постараюсь перевестъ такимъ образомъ нѣсколько отрывковъ изъ Данта, ничего не измѣняя въ его слогахъ: постараюсь передать обороты его языка сильнаго и юнаго, иногда чрезвычайно смѣлаго по выпренности предметовъ, имъ выражаемыхъ, иногда простонароднаго — не для того, чтобы поразить прошивоположенностями, но чтобы сдѣлашь его вразумительнымъ для всѣхъ.

Я нѣсколько колеблюсь въ выборѣ предмета для сего опыта: ибо мысли мои имѣють нѣкоторое сходство съ мыслями комментаторовъ Данта: я нахожу его вездѣ равно удивительнымъ по силѣ своего выраженія. Его недоспапки, его неравносности, кажешся, не измѣняють сильной и непрерывной оригинальности его слога! Недоспапки его въ глазахъ нашихъ производящъ оцѣ перемѣны почки зрѣнія. Но онъ пишетъ всегда съ одинаковымъ огнемъ и любовію. Поелику богословскіе споры сполько жъ воспламеняли его, какъ и небесныя видѣнія, шо языкъ его всегда одушевленъ одинаково. Впрочемъ постараемся схватить (опличивѣйшія передъ другими) красоты, подобныя пѣмъ свѣпиламъ, кои сіяють ярче другихъ даже среди небеснаго блеска.

Таковымъ намъ кажешся великолѣпное и прелестное начало Чиспилица. Люциферъ выноситъ двухъ поэтовъ изъ бездны. Ваше воображеніе прещещетъ, предспавляя ужасную карпину Ада и пуши спольже спрашнаго, какъ и самое жилище. Вдругъ поэтъ произноситъ слѣдующія слова, со всѣми прелестями мѣры и гармоніи:

„Чолнь моего генія разпускаешъ па-
„руса свои, дабы выплыть въ покойнѣй-

„шія зыби; оставляя за собою кровавое
 „море, я намѣренъ воспѣшь второе царст-
 „во, гдѣ души людей очищаются, дабы
 „сдѣлаться доспойными вступити въ не-
 „бесныя селенія. Священныя Музы! я весь
 „предаясь вамъ, оживите мою мерзвую
 „поэзію... Кропкій свѣтъ воспочнаго
 „сафира, блиспавшій на ясномъ небосклонѣ
 „первыхъ небесныхъ круговъ, возжегъ ра-
 „доспъ въ глазахъ моихъ, какъ скоро я
 „вышелъ изъ смертной мглы, омрачавшей
 „сердце и очи мои. Прекрасная планета,
 „покровительница любви, заспавляла улы-
 „башся весь воспокъ. Я обратился на
 „право и узрѣлъ чепыре свѣшила, ко-
 „шорыя никѣмъ не были видимы, кромѣ
 „первозданныхъ существъ. Небо любова-
 „лось повидимому ихъ свѣпомъ. Осиро-
 „шѣлый сѣверъ, ты лишень созерцанія
 „сихъ звѣздъ!.. Переспавъ разспашривашъ
 „ихъ, я обратился къ другому полюсу,
 „шуда куда закапшлась колесница, и уз-
 „рѣлъ предъ собою одного спарца, дос-
 „шойнаго по своему виду гораздо большаго
 „почшенія, нежели какое воздаешъ сынъ
 „своему родителю.“

Спарецъ сей былъ Капонъ, который,
 по мнѣнію поэта, какъ добробѣтельный-

шій язычникъ , былъ достоинъ занимать первое мѣсто въ Чиспилицѣ. Но сіе спроеое изображеніе умягчено самымъ восхипельнѣйшимъ описаніемъ :

„Тихій и ровный воздухъ , споль же
 „нѣжно какъ зефиръ , обвѣвалъ лице мое.
 „Поникшіе лисья при шихомъ шрепе-
 „шаніи склонялись въ шу спорону , куда
 „священная гора опбрасываетъ пѣнь свою.
 „Они были волнуемы не шакъ , чшобы ппицы,
 „сидящія на вершинахъ деревъ , прекрашили
 „свое пѣніе. Пернапя , оживленныя ра-
 „доспью , наслаждались первыми минушами
 „разсвѣпающаго дня , порхая между лисья-
 „ми деревъ , которыя соединяли шопощъ
 „свой съ ихъ пѣніемъ.

„Идя медленно , я шакъ далеко углу-
 „бился въ дремучій лѣсъ , чшо не могъ при-
 „помнить , опкуда вошелъ въ него. Вдругъ
 „привлекъ мое вниманіе пекущій на лѣвой
 „споронѣ ручеекъ , напаяющій своими спруя-
 „ми мураву , распущую по берегамъ его. Всѣ
 „воды , даже самыя чистыя , возмущены ка-
 „кою нибудь примѣсью , выключаая спруй
 „сего криспальнаго испочника , текущаго
 „въ вѣчной пѣни , копорая не допускаетъ
 „до него даже лучей солнца и луны.
 „Я оспановилъ стопы мои и успремилъ

„глаза на пропиволожный берегъ ручья ,
„дабы полюбовашься цвѣшущою зеленью .
„Тамъ мысль моя окована была внезапнымъ ,
„чуднымъ явленіемъ : я узрѣлъ уединен-
„ную дѣву , пѣвшую гимны и срывавшую
„цвѣшны , коими былъ усѣянъ пущь ея .
„Прелестная дѣва , согрѣваемая лучами не-
„бесной любви , отражавшейся въ черпахъ
„швоихъ , въ зеркалъ сердечныхъ помыш-
„леній ! приближься къ сему источнику ,
„дабы я могъ разслышать пѣсни швои ! Ты
„напоминаешь мнѣ Прозерцину , въ день ея
„похищенія , шо въ время , когда она поще-
„ряла весну свою !

„Какъ юная дѣва , которая во время
„пляски выпсупаешъ незамѣпно , едва касаясь
„до земли ногами , она приблизилась ко
„мнѣ по алымъ и лазоревымъ цвѣшамъ :
„спыдливо пошупивъ очи свои , удовлетвори-
„ла она моему желанію . Я слышалъ крошкіе
„звуки ея голоса . Какъ скоро приблизилась
„она къ берегу ручья , орошающаго зеленъ
„луга , шо удоспоила меня своего взгляда ,
„успремила на меня свои взоры . Я не ду-
„маю , чшобы подъ рѣсницами влюблен-
„ной Венеры , пылало болѣе огня . Она ,
„споя на правомъ берегу ручья , улыбалась

„и срывала цвѣты, копорые изникали изъ
„нѣдръ земли сами собою.“

Сіе очаровашельное видѣніе поэтъ именуешъ Машильдою; и подъ именемъ сей неустрашимой другини Григорія VII комменшаторы разумѣютъ живую приверженность къ Церкви. Но какъ согласишь апопеозъ Графини Машильды съ приспраспиемъ Данпа къ Императору? Здѣсь поэтъ воспоржеспвовалъ надъ Джибеллиномъ.

Одною изъ величайшихъ красотъ Божественной Комедіи можно почешъ то, что поэтъ виденъ во всѣхъ часпяхъ своего шворенія. Изгнашь совершенно человѣка изъ среды фаншаспическихъ созданій было бы величайшею ошибкою генія. Идеальныя и выпспреннія изображенія, своею продолжипельностію упомляютъ слабое человѣчешво. Какъ восхипишельно, когда, среди карпинъ неба и ада, начерпаныхъ Мильпиномъ, являешся человѣкъ, являешся поэтъ и бесѣдуешъ о своихъ бѣдспвіяхъ! Образъ человѣка, намъ подобнаго, среди чаръ поэшическихъ, насъ шрогаешъ, привлекаешъ, какъ звуки голоса человѣческаго среди прекраснѣйшей пуспынной природы.

Такое счастливое сочепаніе вы встрѣчаете безпрестанно въ поэмѣ Данша; созерцатель божественнаго, онъ разнообразилъ свои соверзанія примѣсью воспоминаній человѣческихъ. Въ обласпи горняго міръ говоритъ онъ вамъ о земной славѣ, о своихъ надеждахъ. Никому самолюбіе поэпическое не доставляло чистѣйшей радости, какъ Даншу, когда онъ, при входѣ въ Чиспилице, гдѣ начинаютъ уже улыбаться радости жнзни, встрѣчаетъ музыканша, своего друга, который, склонясь на просьбы его и желая очаровать души мелодическимъ голосомъ, вдругъ запѣваетъ одно canzone Данша. Вы можете быть спанепе смѣясь надъ поэпомъ, который заспавляетъ повпоряпъ стихи свои даже въ другомъ міръ. Впрочемъ въра Данша въ свою славу соединена съ высокою философическою скромностію. Одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ въ сей эпизодической поэмѣ есть мечша объ усовершенствованіи искусствъ и о суепности славы. Поэпъ кажется предчувствуетъ здѣсь свою знаменитость. Обращаясь къ одной душѣ, онъ повидимому узнаетъ ее:

„Не пы ли это Одериджи, украшеніе и честь искусства, которое назы-

„ваюшь въ Парижѣ расцвѣчиваньемъ (en-
 „luminaire) ?“ — „Собрашь, опшвѣчалъ онъ,
 „каршины Франка Болонскаго имѣюшь болѣе
 „блеска. Вся слава принадлежишь теперь
 „ему, и я имѣю въ ней малое участіе!
 „Я не былъ пакъ скромень во время
 „жизни; я горѣлъ желаніемъ превзойти
 „всѣхъ въ искусствѣ, кошорому предался
 „всѣмъ сердцемъ. Теперь я наказанъ за
 „свою надменность; я не былъ бы даже и
 „въ семь жилищъ, еслибы не обратился
 „къ Богу, будучи грѣшникомъ. О какъ
 „суешна слава бранныхъ чловѣковъ! Сколь
 „крапковременно зеленѣюшь лавры ея въ
 „вѣкъ образованности! Чимабуэ счипался
 „первымъ живописцемъ, а теперь Джіош-
 „по наслѣдовалъ и помрачилъ славу его.
 „Точно также Гвидо испоргъ пальму крас-
 „норѣчія у соименнаго себѣ состязателя;
 „но можеть бышь уже родился и шопъ, кто
 „долженъ изгнаць того и другаго изъ ихъ
 „убѣжища.

„Слава міра есть дыханіе вѣпра, ко-
 „шорый вѣепъ шо съ одной шо съ дру-
 „гой стороны и съ переменною направленія
 „перемѣняетъ свои названія. Разспанешъ-
 „ся ли съ одряхлѣвшимъ шѣломъ въ глу-
 „бокой спаросци, или умрешъ не пере-

„живъ своего младенческаго лепешанья: сла-
 „ва пвоя по прошеспви шысячи лѣтъ бу-
 „дешъ незамѣтна. Всякое пространство
 „времени въ сравненіи съ вѣчностію коро-
 „че, нежели мгновеніе ока въ сравненіи
 „съ самыми продолжительноѣйшими періо-
 „дами небесныхъ круговращеній. Взгляни-
 „те! Душа, копорая пакъ медленно ше-
 „спвуешъ предъ нами, наполняла нѣкогда
 „славою своего имени цѣлую Тоскану; но
 „пеперь едва говорятъ о ней въ одной
 „Сіеннѣ, гдѣ она владычеспвовала и сокру-
 „шала неисповспво Флоренці, прежде
 „споль славной и нынѣ пакъ опозоренной.
 „Ваша слава подобна былію, прозябшему на
 „минупу и издыхающему опъ лучей шого же
 „солнца, копорое извело его изъ земли,
 „во всей свѣжести и красоти.“ (Чиспи-
 „лице. Пѣснь XI).

Вы безъ шруда опгадаете поэша, дол-
 „женспвующаго изгнашь Гвидо изъ его
 „убѣжища.¹

Въ самомъ дѣлѣ Дантъ видѣлъ испол-
 „неніе своихъ предсказаній. Списки съ его
 „поэмы, разсѣянные по Ишалии, были при-
 „няты съ удивленіемъ. Спустя годъ послѣ
 „его изгнанія, правители Флоренці новымъ
 „приговоромъ осудили Данта на сожженіе

(*igne comburatur sic quod moriatur*). Но сограждане, узнавъ о славѣ его, начали разкаявашься въ своей спругоспи; и мы видѣли, что онъ могъ бы возврапиться въ свое опечесшво, еслибы согласился исполнить: пребованія, правпшельспва. Чпшая нѣкопорыя любовныя сппхопворенія, соспавленныя имъ въ минушы опдохновенія, можно было бы подумашь; что, кромѣ благородной гордоспи, были другія причины, мѣшавшія ему возврапиться въ Флоренцію.

„О нагорная пѣснь моя! Ты лепишь. „Можешь бышь ты узришь Флоренцію, „мѣсцо моего рожденія, копорая, поше- „рявъ любовь и умершвивъ соспрананіе, „опринула меня опъ своихъ маперныхъ „объяпій. Ежели ты проникнешь въ нее, „по скажи: родпшель мой не можешь про- „известь безпокойспва шамъ, опкуда иду „я: онъ связанъ шакими узамп, что не „можешь возврапиться, хопя бы смягчи- „лась жеспокоспъ швол.“

Впрочемъ ни въ однихъ сппхахъ не выражалъ Данпъ любви своей къ опечесшву съ шакую силою, какъ въ изображеніи древней просшопы Флоренціп. Это одно изъ самыхъ поразпшельнѣйшихъ мѣспъ въ его поэмѣ. Данпъ, влагая сіе повѣспцова-

ніе въ уста свяаго своего родоначалъника, осыпаетъ укоризнами выродившихся современниковъ. Знаете ли вы, какое было послѣднее его желаніе, послѣдняя награда, копорой ожидалъ онъ опъ своей славы? Вотъ оно:

„Если священная поэма моя, запечатлѣнная руками неба и земли, заспавляющая меня испавая опъ голода нѣскольکو лѣтъ, умягчитъ жестокость людей, изринувшихъ меня изъ колыбели, въ копорой я спалъ безмятежно, какъ агнецъ среди волковъ, покрытыхъ чуждою кожей, воющихъ чуждымъ голосомъ и гошовыхъ пожраетъ меня, то я возвращусь поэмомъ и на водахъ моего крещенія приму вѣнецъ!“ (Пѣснь XXV. Рай).

Я останавливаюсь на этихъ стихахъ. Они соспавляютъ послѣдній завѣтъ сей поэтической души. Среди смѣлой Христіанской поэзіи, среди сонма Ангеловъ, имъ изображаемыхъ, вы видите въ Дантѣ просподушнаго Христіанина, кропкаго, вѣрующаго. Онъ есть послушный сынъ Церкви, хопя и поноситъ Папъ съ такою дерзостью. Сей вѣнецъ, копорого ожидаетъ онъ опъ будущности, есть вѣнецъ Іоанна Крестителя.

Дерзость генія, предпечи реформаціи, благовѣйная и живая вѣра, воображеніе проникнутое духомъ Христіанства и гибкость языческаго, слились неподражаемо въ блиспапельныхъ швореніяхъ Данша и сообщили имъ необыкновенную простиоту и шайншвенность. Изъ сего - шо смѣшенія шполь разнородныхъ чувствованій, шполь прошивоположныхъ вдохновеній, сосшавлень величайшій поэтъ среднихъ вѣковъ, поэтъ, коего возвышенные и простиые стихи будушь изучаемы, доколь въ мірѣ не исчезнешъ языкъ Испаліанскій и любовь къ поэзіи!

V.

Л Ъ Т О П И С И

О Т Е Ч Е С Т В Е Н Н О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы .

— ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВЪ 1830 ГОДУ. *Часть I и II. СПБ. въ тил. III Отд. Собст. Е. И. В. Канцел. 1832.*

Нась Русскихъ не лзя, кажепся, назвашь домосѣдами. Съ прошлаго вѣка, вкусъ къ путешешствію, разумѣешся, между шѣми, кои могушь спраншшовать, говоря простионародною поговоркою, не на своихъ на двоихъ, усилился до пошребности, до спрасши, до необходимости при-

личія и моды. Не бышь въ чужихъ краяхъ, въ жизни чловѣка благовоспитаннаго съ прешензіями на образованность и дѣятельность, счисляется важнымъ, невосполнимымъ пропускомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіи заграничныя прогулки были не безъ пользы для многихъ изъ путешественниковъ, распространяя знакомство ихъ съ природою и людьми за предѣлы домашняго очага, обогащая новыми впечатлѣніями, новыми понятиями, новыми чувствованіями. Но польза сія, большею частію, оставалась при нихъ, ограничивалась только ихъ личностью, не расширяясь до той благошворной всеобщности, кошорой мы, соотечественники ихъ, остающіеся дома, вправѣ отъ нихъ ожидать и пребывать. Привозимый капиталъ должно пускашь въ оборотъ, по главному, коренному закону общественной жизни: но наши соотчичи, если они дѣйствительно обогащаются въ чужихъ краяхъ, рѣдко дѣлаться съ нами своими спяжаніями. Отсюда путешествія до сихъ поръ составляютъ самую скудную спашью въ библиографическомъ бюджетѣ нашей словесности. Скудость сія болѣзненна для насъ Русскихъ не только по отношенію къ намъ самимъ: она спыдишь насъ предъ всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ, въ члены коего просимся мы такъ упорно и кошорый посему вправѣ отъ насъ пребывать полезнаго, дѣятельнаго споспѣшествованія его прудамъ и видамъ. Путешествія составляютъ главный фондъ живыхъ, положительныхъ свѣденій, изъ коихъ слагается самопознаніе вѣка; и для поддержанія его каждое чловѣческое семейство, участвующее въ общемъ дѣлѣ просвѣ-

щенія, должно приноситьъ свою лепшу. Всякой народъ имѣетъ свой собспвенный взглядъ, свою особенную манеру наблюдашь, видѣшь и описывать. Взглядъ сей бываетъ приспрасптъ, манера односторонна; но истина должна бытъ резульшашомъ ихъ совокупнаго соображенія. И чѣмъ болѣе сихъ разнообразныхъ взглядовъ, сихъ разностороннихъ способовъ наблюденія и представленія, тѣмъ очевидно полнѣе и ближе къ истинѣ составляемыя изъ нихъ понятія. Опшого мы Русскіе такъ инспересуемъ разсказами чужеземныхъ путешеспвенниковъ о нашей опчизнѣ, хопя они болшешо частію внушаюпся самымъ несправедливымъ приспрасптіемъ, наполнены самыми нелѣпыми баснями? Опшого что мы видимъ въ нихъ совершенно другой взглядъ, другую манеру наблюдашь и цѣнишь народную нашу физиономію, къ какой мы сами не привыкли и не можемъ привыкнушь! Удивленіе ихъ шому, что у насъ такъ обыкновенно, невѣжеспво въ шомъ, что намъ такъ еспешспвенно, обогащаюшь насъ не только любопышными, но и поучительными данными, по копорымъ мы гораздо полнѣе можемъ понимашь и гораздо вѣрнѣе можемъ цѣнишь себя. Точно также и для чужеземцевъ должны бытъ любопышны и поучительны наши Русскія наблюденія, нашъ Русскій взглядъ, наши Русскія чувспвоанія и понятія о природѣ и людяхъ. Эшо доказывается поспѣшностшю, съ коей всѣ Русскія оригинальныя путешествія переводяпся на всѣ главные Европейскіе языки. Хошябъ эшо развязало языкъ нашимъ безгласнымъ спранникамъ и

подспрекнуло ихъ говорить и писать, если не для Россіи, шо по крайней мѣрѣ для Европы!..

Есть много родовъ путешесствій, по различію свойствъ, характеровъ и намѣреній путешественниковъ. Но всѣ они могушъ бышь подведе- ны къ двумъ главнымъ категоріямъ. Одни путешесествуютъ собственно для пользы, другіе для наслажденія; первые собираюшъ наблюденія, послѣдніе ищутъ впечатлѣній; тѣ обогащаюшъ умъ, сіи питаюшъ воображеніе. Отсюда путешесствія можно раздѣлишь вообще на *ученныя* и *живописныя*.

Въ путешесствіяхъ *ученныхъ* требуется строгаѧ точность безстрашнаго наблюденія: посему національность путешественниковъ играетъ здѣсь роль не такъ важную. Для ума нуженъ вѣрный счетъ и подробная опись: но дабы вѣрно считать и подробно описывать, надобно уничтожать живую разнообразную игру явленій, которая развлекаетъ вниманіе, надобно изсушать живыя существа въ муміи, превращать живыя движенія въ цифры. Эту холодную механическую работу миссіонеры всѣхъ націй будутъ производить одинаково. Ихъ наблюденія и замѣтки могушъ опличаться другъ отъ друга празорливостью, полношой, основательностью, но не разнообразіемъ шочекъ и способовъ зрѣнія. Смѣшны и выкладки производяшся по однимъ законамъ у всѣхъ народовъ. Посему, путешесствія *ученныя* не составляютъ національной собственности, заклеяменной печатью народнаго духа, а общую безцвѣсную работу челоувѣческаго рода,

Только въ путешествіяхъ *живописныхъ* путешественники являюся послами и представи-телями своихъ націй. Здѣсь дѣйствуетъ не умъ, а воображеніе; природа изучается не въ бездушныхъ механическихъ формахъ, а въ одушевленной игрѣ жизни; собираюся не мершвыя чучелы и безцвѣтные чершежи, а живопрепещущія впечатлѣнія, живыя картины. Коротко сказать, *живописное* путешествіе имѣетъ всѣ чершы вдохновенія и поэзіи. Но вдохновеніе носить цвѣтъ атмосферы, въ коей зараждаешся; въ поэзіи опражается душа поэта со всѣми своими наклонностями, привычками, предубѣжденіями, спра-сками. Отсюда *живописныя* путешествія суть важнѣйшіе докуменшы умственной и нравственной жизни народовъ, коимъ принадлежатъ. Пошлие Русскихъ ученыхъ по слѣдамъ Гумбольдта: ихъ наблюденія и вычисленія будутъ шѣже. Но закажише имъ поэтическую работу, пошребуйше опчета въ ихъ впечатлѣніяхъ и чувстввахъ, попросише бытъ не рисовщиками, а живописцами: вы увидише, какъ опразишся вездѣ печать ума Русскаго, души Русской! Развернише пушевыя записки Европейцевъ: на нихъ глубоко нарѣзаны слѣды національности! Нѣмецъ вездѣ ищешъ мысли; Англичанинъ преслѣдуешъ цѣль; Французъ лобуется игрой явленій. Даже между одноземцами, личный характеръ путешественника, сгибъ ума, духъ кашы, предразсудки системы, сообщаютъ особую физиономію взглядамъ и картинамъ. Вольней и Шапобріанъ различно видѣли, различно изображали одни и шѣже предметы. Итакъ вотъ гдѣ желалось бы видѣть участіе

Русскихъ путешественниковъ, дѣятельное и усердное! Вопль за что къ нимъ были бы признашельны и опечесство и чужеземцы! .

На всемъ пространствѣ земнаго шара нѣтъ спраны, болѣе живописной, выше поэтической, какъ Палестина, колыбель и гробъ священнѣйшихъ воспоминаній челоѳчества. Къ ней прикрѣплены, въ ней сосредоточены важнѣйшія нпши міродержавнаго Промысла. Здѣсь опечесство народа, необычайнаго, единственнаго, который, завѣщавъ вселенной свои таинственныя преданія, скишаешя, длинный рядъ вѣковъ, запоздало пѣнью, не принимаемую жерломъ могилы, давно поглотившей всѣхъ его сверстниковъ и собратій! Здѣсь вершеть, въ коемъ повилась младенческими пеленами, и лобное мѣсто, гдѣ запечатлѣлась божественной кровью, Религія, машь нашего просвѣщенія и нашей гражданственности! Здѣсь опчизна чудесь, смиряющихъ нашъ умъ въ послушаніе вѣры, ковчегъ обѣщаній, пишającychъ нашу жизнь безсмертными надеждами! Западная Европа, ушучнивь ея дикія скалы пошоками благороднѣйшей своей крови, приковала къ нимъ новыя воспоминанія; сообщила ихъ таинственному безмолвію новое краснорѣчіе. Коротко сказашь, Палестина по всѣмъ правамъ именуется Землею Свяшою! На каждомъ шагу встрѣчаешь печать таинства, не спертную вѣками; въ каждомъ звукѣ слышишь эхо пророчества, пережившее тысячелѣтія. Вездѣ глубокой смыслъ, вездѣ сокровенная жизнь, вездѣ свяшяя, божественная поэзія! Очарованіе еще болѣе возвышаешя безмолвіемъ запусшнія, ошягопѣвшаго надъ сей таинственной спраной,

по несповѣдимымъ совѣшамъ Промысла. Призракъ жизни уныло дремлетъ или мелькаетъ беззабѣшною пѣнью по священнымъ развалинамъ, какбы для того, чшобъ не заперешь своимъ прикосновениемъ ихъ высокіе гіероглифы, не заглушишь своимъ шумомъ ихъ краснорѣчивыя преданія. Какая богатая, неисшимаемая жашва для поѣша-пушешественника! И мы радуемся всей душой, видя Русскаго, поѣшвившаго сію спрану чудесъ съ сердцемъ пламеннымъ, съ воображеніемъ сильнымъ, съ благочестіемъ пилигрима, съ энпузіазмомъ поѣша!

Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ есть драгоценнѣйшій подарокъ нашей словесности, кромѣ подѣлился съ Европой пріятно для нашей наптріюшической гордости. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ фанатизма, Западная Европа охладѣла-было къ спранѣ, освященной шолікими воспоминаніями. Пупешествія въ Палестину спановились безреспанно рѣже и рѣже: наконецъ ограничились оффициальными миссіями монаховъ и любопытными посѣщеніями аванпюрисшовъ. Такъ было при началѣ насшоящаго сполѣшя, когда Шатобріанъ опважился снова взять забышій посохъ пилигрима и опсправился въ Свяшую Землю съ энпузіазмомъ поѣша. Его пупешествіе, въ свое время имѣвшее заслугу новосши и единшвенносши, черезъ двадцать пашь лѣшъ, нашло во Франціи достшойнаго послѣдователя. Поѣшъ Ламаршинъ опсправился недавно въ Палестину, дабы освѣжишь живыми впечатлѣніями чувсшва, конхъ былъ усерднымъ, звучнымъ глашашаемъ. Пока дожидаются еще плодовъ предъ

приняшаго имъ спранспвованія, мы можемъ представить Европѣ картины нашего Русскаго путешественника, коихъ, признаемся, не промѣняемъ на Шапобріановы!

Опличительная черта нашего путешественника есть Русское, искреннее чувство, изливающееся изъ глубины души, проникнутой истиннымъ благочестіемъ. Не смѣемъ оскорблять великаго мужа Франціи подозрѣніемъ въ неискренности: но не можемъ не замѣтить, что большая часть его картинъ опличается одною яркостью колорита, подъ колпорою едва опличительна теплота чувства. Вообще вниманіе Шапобріана развлекалось между священными воспоминаніями Библии и развалинами древнихъ классическихъ и среднихъ романтическихъ памятниковъ. Мудрено рѣшить, гдѣ онъ чувствовалъ живѣе и пламеннѣе, на прахѣ Спарты или на руинахъ Іерусалима. Подъ самыми свѣтами Свяшаго Града, въ виду Елеонской Горы и Юдоли Иосафатовой, онъ повѣряетъ Тасса на ряду съ Давидомъ и Исаіею. Наконецъ, можетъ быть, плаша данъ національному характеру, онъ слишкомъ много занимается своею личностью: охотно рассказываетъ о посвященіи своемъ въ Рыцари Гроба Господня и очень бѣгло о состояніи Христіанства въ Палестинѣ, даже почти ничего о священныхъ обрядахъ, совершаемыхъ надъ колыбелью и гробомъ Спасителя, кои такъ неописанно порожественны, такъ невыразимо прогашельны въ ихъ убогой нищетѣ, въ ихъ поруганномъ величій. Нашъ Русскій путешественникъ напрошивъ совершенно забываешь себя: онъ весь воспоргъ, весь благоговѣніе,

въ присутствіи совершаемыхъ предъ нимъ паинствъ. Рукою шрепещущей, но вѣрной, изображаетъ онъ мрачную картину запусшнїя и поруганїя, окружающихъ божешвенную колыбель Христїанства: свяшое негодование кипишь въ его душѣ: онъ спрадаешъ и зовешъ праведную месшь на осквернишелей свяпилица! Явно, что Іерусалимъ былъ единшвенною цѣлью его спраншвоанїя, религиозное чувствво главнымъ вождемъ его! Всѣ замѣчанїя его о другихъ спранахъ, богашыхъ не священими воспоминанїями, корошки, бѣглы, схвачены на лешу, мимоходомъ, дорогою. Только за порогомъ Свяшой Земли видишь его ошановившимся, погруженнымъ въ помыслы глубокіе, въ мечшы дивныя! Здѣсь воспоминанїя его всѣ религиозныя, чувствва Христїанскїя, краски библейскїя! Явленїе, кошорое должно удивишь Европу и кошорымъ мы Русскїе имѣемъ все право гордиться! Пущь современники у насъ учащя вѣровашь, чувстввовашь, молишья! Пущь узнающъ опъ насъ, что религїя можешь бышь неразлучна съ просвѣщенїемъ, что благочешіе не враждуешъ съ поэіей!..

Ошносительнво свѣдений и подробносшей собшвенно историческихъ, *Путешествїе къ Святымъ Мѣстамъ* содержишь въ себѣ много новаго, любопытнаго для насъ и для Европейцевъ. Доселъ пушешественики, большею частїю Кашполики, не обрашцали вниманїя на Христїанъ Греческаго исповѣданїя, живущихъ въ Палеспинѣ. Но ихъ расказами, можно подумашь, что Кашполики доселъ господшвуютъ въ Святыхъ Мѣсшахъ. Эшо неправда. Греческое вѣроисповѣданїе принад-

лежишь большинству Христианскаго народонаселенія Палестины. И здѣсь особенно замѣчательно количество Русскихъ Христианъ, котораго доселѣ мы сами не подозрѣвали въ Св. Землѣ. Такъ въ Лаврѣ С. Саввы, висящей надъ дикимъ русломъ попока Кедрскаго, половина монаховъ Русскихъ. Путешественникъ нашелъ въ ней поршрешъ Мазелы и „печатныя каршины незабвенныхъ бисшвъ 1812 года, ушѣшающія Русскія сердца иноковъ, даже въ шшинѣ споль дикаго удивленія, и съ умиленіемъ прочелъ вдохновенную молишву Св. Димитрія Ростовскаго, начертанную близъ пальмы Св. Саввы“ (Л. 281). *Новоспѣ* любопытная и — шрогашельная! Какъ Христианннзъ Греческаго вѣроисповѣданія, Русскій спранникъ описалъ подробно православныя обряды Восточной Церкви, совершаемыя при Гробѣ Спасителя, коихъ шщешно будемъ искашь у путешественниковъ Западной Европы. Явленіе Священнаго Огня въ Великую Субботу, споль шѣсно связанное съ благочестивыми преданіями нашей Русской спарины, о которомъ иновѣрные путешественники говоряшь съ пренебреженіемъ или кощунствомъ, предспавлено здѣсь съ шрогашельною вѣрностью, въ живой картинѣ. Коротко сказать *Путешествіе къ Св. Мѣстамъ* есть путешествие Русскаго просвѣщеннаго Христианина; и слѣдовательно явленіе новое, небывалое, во всѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ любопытное!

Что касается до изложенія и обработки, въ липературномъ отношеніи, намъ остается опшдать полную справедливость благородству, изяществу, одушевленной живости и нерѣдко

прогашельному величію языка, весьма рѣдкому въ произведеніяхъ нашей словесности. Къ сожалѣнію, встрѣчаюся нѣкоторыя обороты не Русскіе, не понимаемъ какъ, прокравшіеся въ рѣчь, коей весь составъ дышетъ свободою и естественностію.

Заклучимъ желаніемъ видѣшь скорѣе переведеннымъ на Европейскіе языки сей драгоцѣнный подарокъ нашей словесности и повшореніемъ приглашенія къ нашимъ спранспвующимъ соошечесвенникамъ, возвращающься домой не съ пустыми или съ завѣшными поршфейлями! Тяжкая опвшпсшвенность будешъ лежашъ на нихъ за молчаніе, неумышленое и умышленное! . . .

V.

РОЖДЕНІЕ НАПОЛЕОНА.

ИЗЪ

СЦЕНЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

(1769).

Два Генуезца, волонтеры въ службѣ республики, просили объ опредѣленіи ихъ во Французскій легіонъ. Предполагая, что они при случаѣ могутъ быть полезны, ихъ помѣстили въ дешущій опрядъ, находившійся подъ начальствомъ Графа Вадшландскаго. Спарикъ Джіакомо былъ какъ будшо закаленъ, но болѣе частымъ упошребленіемъ водки, чѣмъ лѣшмами; выраженіе огромнаго лица его было ужасно. Широкій лобъ, коего на-

пращенныя жилы были почти налиты черною кровью, далеко проспирался за виски. Густой и жесткой, какъ щетина, клокъ волосъ порчалъ на черепѣ, подобно щепкѣ, а черныя усы падали на нижнюю губу и щекотали бороду. Не разъ отсыдалъ онъ душу свою къ чоршму, когда во время дѣйствія, разрывая папиронъ, случалось ему обкусывать свои длинные усы. Большіе красные глаза его сверкали изъ подъ сѣдыхъ, длинныхъ, горизонтально лежащихъ бровей. Спранный человекъ былъ Джіакомо. Но по наружности онъ былъ еще менѣе отвращенъ, чѣмъ по нравственному своему звѣрству. Когда умирающій выпускалъ послѣднее дыханіе и каждый отворачивалъ отъ него взоръ свой, Джіакомо смотрѣлъ на него съ свирѣпою улыбкой, съ усмѣшкою гieny или шакала.

Еще разъ повторю: спранное существо былъ Джіакомо, Генуезецъ, служившій въ легіонѣ Графа Вадшландскаго. Но еще спраннѣе былъ сынъ его, промышлявшій прежде конспрабандою. Одна только исключительная спраспъ отлечала его отъ отца; во всѣхъ спычкахъ съ шаможенными присавами, по случаю ночныхъ предпріятій для провоза запрещенныхъ товаровъ, отецъ Джіакомо прежде всего кидался на фляжку съ водкой, а сынъ на кошелекъ убишаго. Деньги были господствующею его спраспью: ненависть и игра единственною любовью, врожденнымъ, непритворнымъ, глубокимъ чувствомъ его души. Онъ игралъ съ изступленіемъ, съ бѣшенствомъ, шакъ что однажды проигравши

все, что съ нимъ было, онъ хотѣлъ пославить на каршу — душу своей мапері!

Однажды вечеромъ, одинъ Французскій солдатъ, также имѣвшій спрасць къ каршамъ, не явился на сборъ и пропалъ безъ вѣсти. Вѣроятно молодой Джіакомо сполкнулъ его въ какой нибудь ровъ въ слѣдствіе ссоры за каршами.

На другой день, всступили мы въ кровопролитный бой съ непріателемъ.

Нашъ корпусъ нѣсколько разъ былъ первый въ дѣлѣ. Джіакомо блаженствоваль и рубился опчально. Сынъ его, за недоспаткомъ папроновъ, кинулъ ружье и схвативъ непріятельскаго солдата ломаль его въ рукахъ какъ хвороспину. Но Корсиканецъ одолѣлъ его, вцѣпился ему въ лице зубами и опорваль ему бровь вмѣстѣ съ мясомъ. Джіакомо почувсвовавъ, что кровь течеть у него по губамъ, облизаль ее языкомъ, подобно собакѣ. Бомба окончила борьбу. Корсиканецъ исчезъ, а Генуезскій шигръ валялся въ нѣсколькихъ шагахъ, хрипѣлъ и едва переводилъ духъ.

Сынъ Джіакомо оправился уже опъ конщуаіи, когда мы 5 Мая пришли къ крѣпости Св. Николая. Положено было немедленно произвеспи осаду и въ слѣдствіе того роздали приказанія по всей арміи.

Подъ вечеръ въ рядахъ непріятельскихъ явился человекъ, который невольнo привлекалъ вниманіе; во взглядѣ его былъ опблескъ генія, признаковъ величія, какъ будшо царспвенная эмблема надъ головою; ему сопущсвовала пре-

красная молодая женщина, копія пѣхъ спашуй, кои встрѣчаешь въ Италіи у преддверія храмовъ; цвѣтъ лица ея походилъ на цвѣтъ фигуръ нѣкопрыхъ сладоспастныхъ фрѣсковъ. Она скакала на черномъ конѣ и ни на минушу не отспавала опъ Корсиканскаго полководца, кошорый повидимому былъ ея мужъ. Нельзя было не принимашъ глубокаго учаспія въ эшой женщинѣ, кошорая будучи беременна, съ неуспрашимосіью переносила опасности военной жизни.

На другой день крѣпость Св. Николая покорилась нашимъ войскамъ. Только вдали уже раздавались ружейные выспрѣлы, какъ вдругъ во шагахъ опъ меня неожиданно просвиспала пуля, ударила Джіакомо въ челюсть, вышибла ему нѣсколькѣ зубовъ и разорвала ротъ. Джіакомо съ ревомъ упалъ на землю. Онъ былъ спрашенъ и бѣшенство его наводило ужасъ.

— „Эшаго мало, чпобъ умереть!“ сказалъ онъ своему сыну: „мнѣ суждено околѣвашъ въ больницѣ. Чорпъ возьми!“ . . .

Онъ валялся въ пыли, глошая ее вмѣстѣ съ кровью, кошорая текла изъ раны. Сынъ въ безмолвіи споялъ предъ нимъ на колѣнахъ и смопрѣлъ на него съ какимъ-то оцѣпененіемъ. Спараго Джіакомо положили на носилки и перенесли въ походный госпиталь. „Чорпъ возьми!“ кричалъ по своему обыкновенію раненый: „чорпъ возьми!“ . . .

— „Ударъ карабиномъ . . . и я выздоровѣлъ бы совсѣмъ! . . . Именемъ Св. Джіакомо, моего ангела, ос-

навьше меня. Дайше мнѣ умереть спокойно, говорю я вамъ. . . полько пришлише ко мнѣ сына. “..

Сынъ Джіакомо пришоль.

— „Сынъ! “ сказалъ ему отецъ: „пуля мозжишь мнѣ голову, вынь ее саблей или ножомъ: все равно, надобно ее вынуть. “..

— „Я оставляю шебѣ въ наслѣдство эту пулю . . . и мое мщеніе!“.. прибавилъ онъ и съ усиліемъ повернулся на бокъ.

— „И этого еще мало за все зло, которое сдѣлали мнѣ Корсиканцы “.. .

— „Воптъ какъ ты долженъ поскупиться съ шѣмъ, чшо я шебѣ завѣщаваю. “..

Сынъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и еслибъ дрожь не била его по временамъ, то можно бѣ было подумашъ, чшо онъ окаменѣлъ.

— „Прежде всего мщеніе.“..

При этомъ словѣ огромный роптъ раенаго еще болѣе расширился опъ радости, и ему спило большой муки снова закрышь его.

— „Мщеніе! . . . Зарѣжь въ честь мою сполько Корсиканцевъ, сколько доспанешъ у шебя силъ!“..

Сынъ съ холодноспью повпорялъ его слова.

— „Чшо касаешся до пули, то недоспашочно еще всадишь ее въ грудь какого нибудь на-большаго. . . . Да! поспой! когда ты встрѣшишь шу прекрасную беременную женщину, которую мы видѣли въ крѣпости Св. Николая. . . Пали! Спрѣлай въ нее и въ ребенка. . . Слышишь ли?.. “

Сынъ глухимъ и однозвучнымъ голосомъ вмѣсто отвѣща повпорялъ слова его, подобно школьнику, кошорый на память учишь молишву.

— „Я доволенъ побой... Теперь, ты можешь начинать — я слишкомъ страдаю.... Возьми мой ножъ... онъ острѣе... Пьшь прежде налей мнѣ въ горло нѣсколько капель водки, ашо ничего не значить; мнѣ шеперь долго не пишь.“ ..

Генуезецъ взялъ фляжку съ водкой и налилъ нѣсколько капель въ раздробленную челюсть. Тушь посыпались ругательства; глаза его выкашились; слезы бѣшенства, ужасныя судороги, шяжелое и прерывающееся дыханіе, сосшавляли опшрашипельную каршину. Наконецъ онъ умеръ подъ ножемъ сына, ибо сынъ сдержалъ слово. Вся армія желала видѣшь, прежде нежели шѣло его будетъ предано землѣ, человекъ, кошорый долго еще говорилъ, имѣя шолько одну половину головы.

Черезъ нѣсколько времени, послѣ шоржешвеннаго нашего вспушленія въ Корше сынъ шпараго Генуезца увидѣлъ молодую женщину, предметъ своихъ поисковъ, но не успѣлъ прицѣлишься, ибо она весьма скоро скрылась.

Наши побѣды бышпро слѣдовали одна за другой, и Корсиканцы, видя, что начальникъ ихъ Паскаль Паоли оставилъ Корсику, и опшдылъ въ Диворно, пошперяли бодрость и наконецъ покораились Французскому оружію.

Былъ вечеръ въ Аяччіо. Джіакомо сидѣлъ еще за каршами, но уже проигралъ все; у него не было ни хлѣба, ни приспанища.

— Какъ? у тебя ничего уже нѣшь болѣе?
спросили его шоварищи —

— „Ничего!“

— Поищи, Джіакомо, авось найдется!

Онъ спалъ рыпъся въ карманъ и вынулъ пулю, всю искусанную зубами и еще покрышую запекшеюся кровью.

— Пуля! —

— Еслибъ она была серебрянная!

— „Я бы и тогда можешь бышь не поспавиль ее на каршу: но она свинцовая и я оставлю ее у себя!“ —

Всѣ начали смѣяться шакой привязанности къ куску свинца.

— Ну, друзья, завтра надобно повеселишься!

— Да, завтра 15 Августа, Успеніе Богородицы, большой праздникъ въ Аяччіо.

— Дѣло! вскричали всѣ веселые собесѣдники. Одинъ Джіакомо хранилъ молчаніе.

— Эпошь проклятый живодерь вѣчно сидишь въ раздумьи, съ шѣхъ поръ какъ Корсика покорилась Франціи!

— Да, чоршь возьми, Джіакомо боленъ съ шого дня, какъ прекрапилась война.

— Вижу въ чемъ дѣло; бросьте ему полный кошелекъ золоша, да пустише его опяшь съ щшыкомъ на пристунъ!

— „Зачѣмъ не раздробило меня ядро въ сраженіи при Понше-Нуово? я бы не подвергался ни глупымъ вашимъ шупкамъ, ни шому, чпо можешь бышь принужденъ буду не сдержашь моей клятвы?“

— Ты разсердился? спросилъ его одинъ изъ поварищей, сильно сжавъ ему руку.

— Кляшву? воскликнулъ другой, спараясь заглушишь голосъ своего сосѣда: какую кляшву?

— „Она достанется мнѣ самому, если я не буду имѣть случая пустишь ее въ цѣль“ — проворчалъ Джіакомо, кашая въ рукахъ искусанную пулю, и пошомъ спряшалъ ее оляшь въ кожаный кошелекъ, въ кошоромъ не осшавалось болѣе денегъ.

— Прощай, прощай, Джіакомо, сказали ему поварищи, кошорые не понимали причинъ его печали.

— „Прощайше, поварищи!“ —

Джіакомо осшался одинъ.

— „Вопшь уже болѣе прехъ мѣсяцевъ“ — подумалъ онъ — „какъ я поклялся опцу опмспишь за смерть его той же самой пулей, кошорая его поразила. Когда я найду эту женщину! Я испребиль много ея соотечешвенниковъ и не посрамилъ памяти опца, но она . . . она!“ . . .

Голова его пылала; будішо пьяный, бросился онъ на постель, но не могъ заснушь, думалъ о своемъ проигрышѣ и кляшвѣ данной опцу смершномъ одрѣ опца. Наспунилъ день, а онъ все еще лежалъ въ размышленіи.

Упреннее солнце уже освѣшило блѣдною красношою зданія Аяччіо и раздалась дикая, величешвенная гармонія колоколовъ. Эшошь шумъ извлекъ Джіакомо изъ лепаргіи и онъ почувсшвовалъ какой-шо внушренній жаръ, кошорый ободрилъ его и увеличилъ его силы.

— „Можешь бышь эшошь звонъ будешъ погребальнымъ для ней или для меня . . . можешь бышь и для насъ обоихъ!“ подумалъ онъ. „День будешъ прекрасный, а праздникъ блисшашельный!“ . . . прибавилъ онъ, посмошрѣвъ на небо чрезъ желѣзную рѣ-

пешкѣ слуховаго окна. „Да! очень блистательный! сегодня 15 Августа!“

Онъ прежде всего пошелъ въ церковь. Прекрасны были украшенія и блистательны олшари вездѣ золото и пылающія свѣчи; церковное пѣніе, музыка и ѳиміамъ, подобно облакамъ воздымались опъ холоднаго помоста, гдѣ всѣ предстоящіе усердно молились на колѣнахъ. На возвышеніи храма, великолѣпно убранномъ шелковыми шканими съ большими цвѣтными узорами, споялъ образъ Богоматери, украшенный жемчугомъ и кораллами, прекрасный выраженіемъ небесной кротости и земнымъ убранствомъ.

— Какія прекрасныя картины! сказала одинъ изъ поварищей Джіакомо.

— Мнѣ больше нравятся брилліанты на Мадоннѣ, опвѣчалъ другой.

— Сколько женщинъ! воскликнулъ претій.

— „Мнѣ нужна только одна!“ сказалъ въ полголоса Генуезецъ: — „и я ищу ее.“ . . .

Глаза егѣ обращались во всѣ стороны, даже во внушренность храма. Получивъ благословеніе, всѣ начали расходиться; всѣ были веселы одинъ только Джіакомо печаленъ. Площади и улицы были усѣяны пальмами, бѣлыми и красными розами, васильками и маргаритками; благовоніе цвѣповъ было упоительно, какъ музыка, какъ опіумъ, какъ поцѣлуй женщины! Казалось, само небо принимало участіе во всеобщемъ празднествѣ, ибо оно было голубо, безоблачно, прозрачно; вездѣ раскинушы были палашки, вездѣ сдѣланы навѣсы.

Когда начался крестный ходъ, то всѣ бросились навспрѣчу; все Аячю хлынуло въ уллицу, гдѣ надлежало проходить процессіи. Общій восторгъ еще болѣе увеличился; особенно молодая женщины въ лучшихъ своихъ нарядахъ и простолюдины въ праздничныхъ плащяхъ радовались, что могли показашь себя и посмошрѣть другъ на друга.

Наконецъ всеобщій звонъ колоколовъ возвѣстивъ долго ожидаемую минушу. Картина истинно прекрасная. Иконы, украшенныя бѣлыми вышитыми пѣканьями, съ развѣвающимися покрывалами и ленщами, хоругви всѣхъ цвѣтовъ, шипыя золотомъ знамена, огненные брифламы съ полстыми шелковыми кисьями, искусственные цвѣшы, пародія природы, запахъ восковыхъ свѣчъ; воздушная, неземная музыка, церковное пѣніе и рядъ священниковъ въ богатомъ облаченіи, конхъ сопровождала полпа пѣвчихъ.

За ними, между двухъ рядовъ солдатъ, несли икону Богоматери, серебряный колоссъ, наслѣдіе истѣкшаго сполѣшя, завѣщанное благочестію настоящаго. Шестые заключали Корсиканскіе дворяне, старые попомки старинныхъ знатнѣйшихъ фамилій.

— А Джіакомо! Гдѣ Джіакомо? спрашивали его шоварищи и взглядами искали въ народѣ, но не могли опыскашь. Вниманіе ихъ было отвлечено проходившею мимо ихъ полпою молодыхъ дѣвушекъ, и они на нѣсколько минушъ позабыли о Джіакомо.

— Вошъ онъ , вошъ онъ . . . посмоприше-ка шуда . . .

— Правда! да чшò жь онъ памъ дѣлаешъ?..

Тогда первый, приподнявшись на цыпочки и опершись на плеча своихъ сосѣдей , вскричалъ :

Боже мой! Какъ онъ приспально смопришъ на ашу женщину , кошорая споишъ пропивъ него на шерассъ !

— Чоршъ возьми ! прекрасная женщина , да еще беременная, если не ошибаюсь Джіакомо ! Джіакомо !

Но онъ щцепно спарался вызвашь его. Полицейскій офицеръ засшавиль его молчашъ , ибо онъ нарушалъ порядокъ и пишину шествія.

— Кой чоршъ! Чшò это онъ прячешъ подъ плащентъ ? — Какъ онъ блѣденъ ! . . .

И дѣйспвишельно Джіакомо дрожалъ всѣми членами ; ужасная мысль шѣснилась въ его голову ; и по безпорядку его движеній , по блѣдности лица, женщины, его окружавшія, почпи поняли его намѣреніе и со спрахомъ удалились отъ него. Джіакомо ничего не замѣчалъ и внимашельно спсорожилъ молодую женщину , съ благоговѣціемъ молившуюся на шерассъ. Вдругъ , въ шу минушу какъ шествіе почпи уже кончилось , раздался высшрѣлъ. Послышался глухой спонъ , и молодая женщина упала въ обморокъ. Пулл пролешѣла надъ ея головою.

Смяшеніе было шакъ велико , что убійца успѣлъ скрышься.

Народъ сполнился передъ домомъ , въ кошорый ошлесли молодую женщину, лишившуюся чувствъ.

Одни говорили, что пуля попала ей въ сердце и что не смопря на шо умершая сохранила

всю свою красоту. Другіе утверждали, что пуля ударила ее не въ сердце; но что она съ ребенкомъ умерщвлена однимъ ударомъ. Нѣкоторые даже увѣряли, что убійца былъ ошверженный ею любовникъ. Но все это было несправедливо. Ее испугалъ только выстрѣлъ: ударъ былъ шакъ не вѣренъ, что она слышала одинъ свистъ пули.

Знавшійшее дворянство Аячѣе толпилось въ комнахахъ. Въ помъ числѣ находилось нѣсколько медиковъ, копорые успѣли во время; ибо молодая женщина мучилась родами. Блѣдная, безжизненная, лежала она въ аяковѣ, копорого занавѣсь на нѣсколько минутъ опустилась.

Всѣ съ живѣйшимъ безпокойствомъ ожидали извѣстія. Наконецъ больная опомнилась и спаршій изъ медиковъ сказалъ громкимъ голосомъ, поднявъ вверхъ новорожденного младенца: „Благородные свои предки записаны въ большую зоошую книгу. Ты не уронишь славы, ими тебѣ завѣщанной. Сынъ Лещиціи Рамолини, внукъ Знаменоносца Св. Николая, Губернашора Флоренціи! Тебѣ принадлежитъ имя одного изъ Урсиніевъ! Да здравствуешь сынъ Карла Бонапарше!“ —

Новорожденный былъ — Наполеонъ!!

съ франц. Н. П — ъ.

VII.

СТАТИСТИКА

ДУХОВНЫХЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,
за 1831 годъ.

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	Ч И С Л О		
	Заве- дений.	Уча- щихъ.	Уча- щихся.
С. ПЕТЕРБУРСКОЙ:			
Академія . . .	1	15	120
Семинарія . . .	1	8	179
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	351
Приходскихъ . . .	3	6	209
МОСКОВСКОЙ:			
Академія . . .	1	16	113
Семинарія . . .	2	15	571 а)
Уѣздныхъ Училищъ	6	24	1203
Приходскихъ . . .	5	8	855
КИЕВСКОЙ:			
Академія . . .	1	16	114
Семинарія . . .	1	6	326
Уѣздныхъ Училищъ	4	15	447
Приходскихъ . . .	4	6	270
НОВГОРОДСКОЙ:			
Семинарія . . .	1	7	311
Уѣздныхъ Училищъ	7	27	707
Приходскихъ . . .	7	9	695

а) Въ Московской учащихъ 8, учащихся 521.

— Виленской — — — 7, — — — 250.

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	Ч И С Л О		
	Заве- деній.	Уча- щихъ.	Уча- щихся.
Псковской :			
Семинарія . . .	1	6	204
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	424
Приходскихъ . .	3	6	273
Тверской :			
Семинарія . . .	1	9	546
Уѣздныхъ Училищъ	9	35	1015
Приходскихъ . .	9	18	1011
Могилевской :			
Семинарія . . .	1	6	101
Уѣздныхъ Училищъ	4	15	230
Приходскихъ . .	5	5	167
Смоленской :			
Семинарія . . .	1	8	395
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	604
Приходскихъ . .	4	8	535
Олонецкой :			
Семинарія . . .	1	5	101
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	149
Приходскихъ . .	4	7	157
Архангельской :			
Семинарія . . .	1	5	62
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	127
Приходскихъ . .	5	7	134
Ярославской :			
Семинарія . . .	1	10	350
Уѣздныхъ Училищъ	4	20	336
Приходскихъ . .	4	6	524

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	Ч И С Л О		
	Заве- деній.	Уча- щихъ.	Уча- щихсл.
Рязанской :			
Семинарія . . .	1	11	666
Уѣздныхъ Училищъ	6	24	1125
Приходскихъ . .	6	10	687
Калужской :			
Семинарія . . .	1	9	376
Уѣздныхъ Училищъ	3	16	622
Приходскихъ . .	3	6	635
Владимірской :			
Семинарія . . .	1	14	851
Уѣздныхъ Училищъ	5	23	1373
Приходскихъ . .	5	10	650
Вологодской :			
Семинарія . . .	1	8	322
Уѣздныхъ Училищъ	6	23	644
Приходскихъ . .	8	15	721
Тульской :			
Семинарія . . .	1	9	450
Уѣздныхъ Училищъ	4	19	1152
Приходскихъ . .	4	8	602
Костромской :			
Семинарія . . .	1	8	326
Уѣздныхъ Училищъ	5	22	841
Приходскихъ . .	5	9	533
Казанской :			
Семинарія . . .	1	10	466
Уѣздныхъ Училищъ	6	26	994
Приходскихъ . .	6	10	618

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	Ч И С Л О		
	Заве- дений.	Уча- щихъ.	Уча- щихся.
Астраханской :			
Семинарія . . .	1	7	53
Уѣздныхъ Училищъ	1	6	114
Приходскихъ . .	2	4	99
Товольской :			
Семинарія . . .	1	7	125
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	229
Приходскихъ . .	2	4	231
Иркутской :			
Семинарія . . .	1	7	53
Уѣздныхъ Училищъ	4	14	218
Приходскихъ . .	7	9	338
Вятской :			
Семинарія . . .	1	7	427
Уѣздныхъ Училищъ	4	12	421
Приходскихъ . .	4	6	305
Тамбовской :			
Семинарія . . .	1	9	504
Уѣздныхъ Училищъ	4	20	1004
Приходскихъ . .	4	10	549
Цензенской :			
Семинарія . . .	1	6	198
Уѣздныхъ Училищъ	2	10	531
Приходскихъ . .	2	4	501
Саратовской :			
Семинарія . . .	1	6	253
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	695
Приходскихъ . .	3	6	487

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	Ч И С Л О		
	Заве- дений.	Уча- щихъ.	Уча- щихся.
Нижегородской :			
Семинарія	1	7	317
Уѣздныхъ Училищъ	3	10	623
Приходскихъ . . .	3	6	450
Пермской :			
Семинарія	1	6	171
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	526
Приходскихъ . . .	5	9	387
Оренбургской :			
Семинарія	1	5	90
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	322
Приходскихъ . . .	3	4	152
Екатеринославской :			
Семинарія	1	6	195
Уѣздныхъ Училищъ	5	17	366
Приходскихъ . . .	5	8	306
Черниговской :			
Семинарія	1	7	305
Уѣздныхъ Училищъ	2	6	410
Приходскихъ . . .	2	3	254
Минской :			
Семинарія	1	6	106
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	141
Приходскихъ . . .	1	2	124
Подольской :			
Семинарія	1	5	220
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	410
Приходскихъ . . .	3	6	359

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ	Ч И С Л О		
	Заве- дений.	Уча- щихъ.	Уча- щихъс.
Курской :			
Семинарія	1	11	513
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	968
Приходскихъ . . .	10	20	818
Воронежской :			
Семинарія	1	7	576
Уѣздныхъ Училищъ	2	12	671
Приходскихъ . . .	7	14	620
Новочеркаской :			
Семинарія	—	—	—
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	159
Приходскихъ . . .	2	3	88
Орловской :			
Семинарія	1	8	543
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	1102
Приходскихъ . . .	3	6	959
Полтавской :			
Семинарія	1	6	307
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	477
Приходскихъ . . .	2	4	260
Волынской :			
Семинарія	1	5	334
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	389
Приходскихъ . . .	5	10	408
Словодско-Украинской :			
Семинарія	1	8	255
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	454
Приходскихъ . . .	4	8	360

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	Ч И С Л О		
	Заве- деній.	Уча- щихъ.	Уча- щихся.
Кишиневской :			
Семинарія . . .	1	7	76
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	143
Приходскихъ . .	2	4	236
Грузинской Экзархїи :			
Семинарія . . .	1	4	77
Уѣздныхъ Училищъ	5	7	121
Приходскихъ . .	7	12	426
и того			
Академіи	3	47	347
Семинарій	41	301	12303
Уѣздныхъ Училищъ	143	565	23333
Приходскихъ . .	178	316	17992
Всего	365	1229	53980

(ж . м . в . д .)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чшобы по напечатаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комишешъ при экземплярѣ.
Москва, Ноября 10 го дня 1832 года.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

СОВРЕМЕННЫЙ ДУХЪ

АНАЛИЗА И КРИТИКИ. а)

Анализъ господствуетъ; криптика царствуетъ; розыскъ введенъ повсюду. Общество совѣщуется, вслушивается, щупаетъ само себя, если можно употребить сіе выраженіе. Знаете ли почему? Потому, что оно не здорово. Это самоиспытаніе есть уже признакъ болѣзни. Можетъ быть, оно когда нибудь доставитъ ему необходимое лѣкарство. Можетъ быть, позволено ему будетъ наконецъ жить жизнью наспоющей, дѣятельной, могучей, а не лихорадочной, спрадаспальной, совершенно криптической, исполненной

а) Помѣщаемъ сію статью, изъ *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, какъ живую, искреннюю, сердечную исповѣдь современнаго Европеизма, глубоко чувствующаго свое внутреннее расплѣніе и заслуженныя бѣдствія, отъ которыхъ благій Промыслъ да сохранитъ навсегда наше любезное Отечество! *Изд.*

любопытства и неизвѣспности, бесплодной дѣлами и лишенной энергіи. Когда оно переспанепть вывѣдывашь свои раны и наблюдать бiеніе своего пульса: здоровье его, безъ сомнѣнія, воспановишся.

Вы принимаете за признакъ хорошаго соспоянія, за надежду жизни, эпо всеобщее испьшаніе; и вы сильно ошибааетесь. Человѣкъ здоровый не разбираетъ себя съ такимъ безпокойнымъ вниманіемъ: больной человѣкъ смущается и допрашиваетъ самъ себя. Слѣдуетъ ли жизненная сила своему нормальному и еспественному печенію? Она не напоминаетъ намъ о своемъ присупствіи. Но какъ скоро неправильность вкралась, мы ее чувспвуемъ; она напоминаетъ намъ, что мы имѣемъ шѣло брешное; спраданія извѣщаютъ насъ, что мы существуемъ. Выспупаютъ ложные ценспры чувспвительности; пораженный органъ, кажешся, одинъ соспавляетъ все наше существо; обнаруживается болѣзненное раздраженіе; гармоническое равновѣсіе нашего организма разрушается. Прежде мы жили, нисколько не углубляясь въ явленіе жизни; дѣйствія нашихъ органовъ совершались безпрепятспвенно. Глаза наши глядѣли, уши слышали, мы ходили, бѣгали, бросались на все, ни о чемъ не думая, и исполняли шолько велѣнія нашей внушпенней воли, царицы всемогущей.

Кпо не помнишь въ своей жизни эпохи, когда

бышіе, во всей самопроизвольности, кажется
 пакъ легкимъ, пакъ инстинктуальнымъ, что
 человекъ слѣпо предаенъ своему влеченію,
 самъ себя не замѣчая, не размышляя, не ве-
 дя никакихъ расчетовъ? Рѣдкія минушы! Со-
 вершенное согласіе всѣхъ соспавныхъ часпей
 нашего бышія тогда разрѣшается въ пол-
 ное цѣлое: мы здоровы и цѣлы, какъ говоритъ
 народъ. *Цѣлы!* Пусть хорошенько вникнуть въ
 это характеристическое слово; никакая выходка
 не разрушаетъ сей гармоніи своимъ распро-
 емъ, даже самая яркая. Нѣтъ раздробленія, нѣтъ
 разлученія, нѣтъ контраста; все идетъ пѣмъ
 же шагомъ; дивная гибкость чувствованій есть
 слѣдствіе подобнаго соспоянія, котораго наслаж-
 деніе пѣмъ полнѣе, что оно не знаетъ само се-
 бя и счастье его въ помъ, чтобы не знать себя.
 Единство тихо и безмолвно. Распроеенности,
 несогласію, прилично смященіе, шумъ, сраже-
 ніе идей, анализъ ихъ разсѣкающій, крипика разла-
 гающая и взаимно другъ другу пропивуполагаю-
 щая. Анапомія подвергаетъ пѣло оспрію желѣза;
 метафизика впускаетъ свой умственнѣй рѣзецъ
 во глубину души. Безъ сомнѣнія онѣ полезны:
 но доставляютъ ли намъ наслажденіе? Нѣтъ:
 онѣ дѣлаютъ какъ бы послѣднюю завѣтную
 опись нашихъ умственныхъ и физическихъ
 силъ, которѣя потрясены и коихъ брѣнность
 насъ ужасаетъ. Одно сознание зла и нужда ему

пособить выводять на свѣтъ науку и ея грозный анализъ.

Эпоха, преимущественно преданная кришикъ, по необходимости есть эпоха спраданія. Нужны шрупы, видъ смерпи, обрывки распрепанныхъ волоконъ, оппорванныхъ жилъ и шрепещущихъ мышницъ, на мраморномъ сполѣ анаптома. Необходимо должна спрадаться какая нибудь часпъ насъ самихъ, чпобъ почувспвовашъ нужду раздѣленій, подраздѣленій, наблюдений, медицинскихъ совѣщаній, ученой или сварливой кришики. Во время язвы бываетъ изобиліе во врачахъ; во время нравспвеннаго распспройспва—въ профессорахъ нравспвенности. Наконецъ, когда все обращается въ бесплодную кришику, должно признапъся, чпо наступило время оприцапельное, время перелома и боли, одна изъ шѣхъ минутъ, когда больной щещно возвращается къ своей поспелѣ, упорно испыпывая всѣ положенія, какія шѣло можетъ приняпъ, и не могла, какъ выражается Данпъ, *стряхнуть съ себя иго утомленія, которое все болѣе и болѣе бременитъ его!*

И пакъ аналитическая наука, въ своемъ изключительномъ господспвованіи, есть признакъ скорби и болѣзни. Къ счастью, она сама приноситъ намъ прошивъ себя лѣкарспва. Рожденная чувспвомъ размноженія, она ищепъ его ушѣ-

пишишь и восполниши. Тогда появляются теоріи и системы. Все становится систематическимъ и механическимъ. Медикъ вамъ ' объявляетъ, что организмъ вашъ порпился; Оспроумное приложеніе законовъ механизма, соображеніе иногда необширное, но часно полезное и благодѣтельное, идетъ на встрѣчу опасностямъ, открытымъ наблюденьями, кои наводятъ страхъ. Вотъ все, что можетъ погда человекъ! Посмотри на Воспочную Имперію: со времени послѣднихъ Императоровъ Рима до рожденія феодализма, нравственность не существуетъ; общество, какъ сказать, вышибено изъ своихъ источниковъ; древнія вѣрованія слабѣютъ, папизмъ замеръ; подлость эвнуховъ возсѣдидъ на прони. Чшоже дѣлаютъ философы и метафизики, сіи нравственные врачи человечества? Они кричатъ, шолкуютъ, судятъ. Эпоха схоластиковъ въ императорурѣ и богослововъ въ религии. Все, что досталось намъ отъ сей эпохи, есть чисто критическое и полемическое. Христиане и язычники упростили даръ шворчества и самопроизвольности; самые лучшіе между ними суть только добрые подражатели и добрые критики. Вспрашиваютъ пыль временъ прежнихъ, переворачиваютъ пруть древняго генія; искусственность царствуетъ въ поэзи и въ краснорѣчи; безмѣрная ученость есть ничто иное, какъ арсеналь, открытый для всѣхъ сектъ, кои

ищущъ въ ней щиповъ и копій, доводовъ оборонительныхъ и нападательныхъ.

Не будемъ смѣшивать кристическія эпохи съ эпохами творческими. Сіи послѣднія могутъ не знать себя, какъ здоровый челоѣкъ не думаетъ, что онъ здоровъ, и не разсуждаетъ о своемъ естественномъ состояніи. Первые никогда не забываются; онѣ имѣютъ сознаніе о своихъ средствахъ, потому что имѣютъ шайное и шемное сознаніе о томъ, чего имъ не достаетъ. Однѣ шворятъ, другія обдѣлываютъ; однѣ живутъ, другія подражаютъ. Здѣсь глубоко вкорененная нравственность; шамъ пустословіе утонченнаго нравоученія. Съ одной стороны пошавыше глубокой и сильной разумъ, съ другой шипрое умничанье. Организмъ въ первомъ изъ сихъ періодовъ, механизмъ во второмъ. Первый обилень мыслями, разршающимися въ дѣйствія; второй мечшамми и демонстраціями, которыя пожираютъ сами себя въ безопрадной пустотѣ; судятъ, спорятъ, ухищряются, бьются на силлогизмахъ и теоремахъ, когда истинное мышленіе изсякло. Наконецъ художникъ, пріемлющій свыше вдохновеніе и невольно его передающій, не знаетъ своего посольства и полномочія, между шѣмъ какъ знапокъ, любитель, собиратель древностей, пергльивый схоластъ, бросаетъ

покойный и самодовольный взгляд на свои богатства, объемлетъ ихъ единымъ взоромъ. Одинъ не въдаешъ себя; другой знаетъ, чего онъ спойтъ, и увеличиваетъ цѣну самаго себя. Когда свѣпиптъ солнце, вы наслаждаетесь свѣпомъ, васъ окружающимъ, не думая благословлять свѣпило, распочающее теплошу и сянiе. Только, во время ночи, ваши взоры обращаются на свѣчи и кристаллы, разливающие свѣтъ поддѣльный, не надежный, пускмый.

Однимъ словомъ, самопроизвольность не сущесвуешъ для вѣпхихъ поколѣнiй, подавленныхъ пияжесцию воспоминанiй. Тогда шлантъ приспально вырабощиваешъ свои шворенiя, засѣваешъ ихъ придуманными недоспапками и красопами; здѣсь бросаешъ шѣнь, шамъ сыплешъ спранности, и проспираешъ уродство подражанiя до шого, что передражниваетъ свободную походку и проспощу генiя, какъ слуга корчитъ большаго господина. Думаете ли вы, что Шекспиръ удивлялся, произведши Гамлета, или Ньюшонъ смощрѣлъ на свои опкрышiя и опышiя, какъ на невѣрояшныя усилия? Напрошивъ, Шекспиръ до шого не зналъ себя, что своимъ драмамъ, кои бросалъ, какъ насущный хлѣбъ, актерамъ, предпочипалъ дурныя лирическiя спихощворенiя, напечатанныя имъ со всею роскошью. Ньюшонъ говаривалъ: »я провелъ жизнь въ собиранiи нѣсколькихъ раковинъ,

разсѣянныхъ по берегу! Онъ опдалъ бы свою Теорію Свѣта за Теорію Апокалипсиса. Между нами нѣтъ ни одного мѣлкаго поэта, копорый бы не зналъ о себѣ съ удивительною вѣрностію, чего онъ споишь, копорый бы не клохпалъ вокругъ своего шворенія, едва высиженнаго, и не носился бы съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ! »Пожалуйте, вопъ образцовое швореніе! но эшо еще одна часпъ изъ моихъ образцовыхъ швореній! Выслушайте мою теорію, послушайте, добрые люди, послушайте! Возвышенное еспъ моя цѣль; я ее достигнуль; я эшо доказываю! « а).

Пройдите всѣ подраздѣленія науки и искусства; и вы увидите, что истинная сила самопроизвольна и самой себѣ невѣдома. Думаєте ли вы, что діалектикъ, владѣющій всеми снарядами риторики, хозяинъ Аристотелевыхъ категорій, дивный боецъ школы, спѣишь прослодина, коего спраспъ вооружила краснорѣчіемъ! Попробуйте свеспи схоластика, самаго упонченнаго, съ невѣждой, копорый не думаетъ ни объ дилеммѣ, ни о посылкахъ; пусть эшопъ невѣжда будетъ защищаться; пусть сіе защищеніе воспламенишь его духъ и подниметъ его мыслы; тогда увидите, чья возьметъ!

а) Какъ странно! Подумаешь, что Англійскій сочинитель чипалъ Русскіе журналы! *Изд.*

Возрѣніе, истинное могущество духа, не должно смѣшиваться съ механическою способностію обо всемъ умничать. Умники мало успѣваютъ въ жизни; ихъ теоремышки разшибаются въ прахъ о твердую вещественность міра и бытія; вся систематическая бодросць ихъ замолчиць и угаснеть, когда придется къ дѣлу. Да и въ самыхъ спорахъ, одного факта, одного дѣльнаго понятія доспапочно разоришь всѣ ихъ карпочные домики. Посмотрите на этихъ спарыхъ схоластиковъ, богомольцевъ испины, совѣспливыхъ, искусныхъ, ученыхъ: что они сдѣлали? Къ чему послужила ихъ еспешенная сила, ихъ усилія, ихъ вѣра, уединеніе, воображеніе, ошвлеченіе ихъ мыслей? Что спалось съ Докшоромъ Неопровержимымъ? Гдѣ теоріи Докшора Серафимскаго? Дыханіе въпра ихъ умчало. Они уже не болѣе, какъ пуспые призраки и дальнія облака! Безъ сомнѣнія, у нихъ было много идей; разумѣніе ихъ не было праздно. Но оно не достигло предположенной цѣли; шо повѣсясь на одной идеѣ, шо балансируя на цѣпи силлогизмовъ, эти плясуны, своими прыжками на канатѣ логики, дивили свѣшъ; но резульпашъ ихъ усилій удивительнo ничпоженъ. Королларіи, дилеммы, подраздѣленія, доводы, масперская ломка мыслей, нынѣ возбуждаютъ только жалосць и презрѣніе. Одно слово Наполеона, одинъ спихъ Данша, одна

фраза Люпера, говорящъ больше, съ большею внезапностью раздражающъ покровъ испины. Эпощъ молодець, выплясывающій Пиррическій панецъ, правду сказашъ, удивляешъ: но предъ непріацелемъ, его ловкось и гибкось бесполезны; положишесь лучше на эпоща могучаго ценшуріона: онъ не умѣешъ пакъ ловко выкидывашъ воинскія движенія, за шо знаешъ, какъ владѣшъ мечемъ и вонзишъ его въ непріащеля.

Между краснорѣчїемъ и рипорикой шаже разница. Рипоръ вамъ доказываешъ, что вы должны бышъ убѣждены; орапоръ васъ убѣждаешъ. Одинъ разкладываешъ передъ вами свои знанія и средсшва, другой васъ увлекаешъ за собой. Какую форму ни прими человѣческое разумѣніе, всегда придетъ къ сей неизбѣжной классификаціи, къ сему раздѣленію и контрасту: съ одной стороны проспоща, самопроизвольность, съ другой искусственность, сложность, механизмъ. Въ слогъ выпуклая фраза, надъ копорой мы долго думали, ешъ почти всегда принужденная фраза; въ жизни, качесшва, кои мы хощимъ выказашъ, сущъ шѣ, копорыхъ мы не имѣемъ.

Человѣкъ испинно добродѣшельный дѣйствуешъ съ благородсшвомъ; его чеспность инспинктуальна, его великодушїе шечешъ прямо изъ испочника: ложный герой обсуживаешъ свою добродѣшель; онъ шолкуешъ свой героизмъ. Въ шѣ времена, когда самопожертвованіе соспавляешъ

общій характеръ, оно возбуждаетъ мало удивленія: оно происходитъ изъ организаціи самаго общества. Когда напрошивъ почтасть мораль, когда сиспемапизируюотъ душевныя качествва, тогда онъ едвали не оспаюшся въ однѣхъ теоріяхъ. Во времена рыцарей храброспъ была всеобщимъ качествомъ. Когда сіе обширное христіанское и военное общество погасло, тогда щекотливоспъ чеспы, пародія храброспы, овладѣла нравами. Она получила свои правила, свои приличія, свои предѣлы; храброспъ обратилась въ науку. Нашли средспво быпъ прусомъ безъ поперы чеспы: продолжиспелное ученье въ фекповальной залѣ и почное знаніе законовъ поединка дали возможноспъ самому негодному прусу прослпспъ за храбреца.

Царспво нелѣпой санспменпальноспы, произведшее сполько дурныхъ піесъ и жалкихъ романовъ, начинается съ эпохи развращенія и эгоизма. Испинныя спраспы, искренноспъ чувспвованій, успутили мѣспю обману движеній нѣжныхъ и глубокихъ. Чувспвованіе спало роскошью хорошаго вкуса; начали проповѣдовашъ филанспропію, какъ предметъ изящеспва и приличія; человѣколюбіе и благошвориспелноспъ вошли въ моду. Распроспте Вершера, Сен-Прэ, всѣхъ эпихъ романическихъ героевъ, поспребушпте опчеша въ ихъ чувспвиспелноспы; они будущъ опспѣчашъ, чпю эспо болѣзнь: они быютъ себя по

бедрамъ; если можно упошребить сіе народное выраженіе, чшобы не поперяшь навѣкъ чувспвишельности; ихъ воспоргъ еспъ лихорадка; ничего нѣтъ искренняго, ничего свободнаго въ ихъ спраспяхъ. Эпи хворые спрадальцы чувспвишельности, самыя безплодныя и бездушныя люди, опъ раздробленія своего сердца и опъ эгоиспического самоупоенія, дѣлающа ся неспособными ни къ какому мужеспвенному дѣйспвію, ни къ какому искреннему и глубокому впечаплѣнію.

Заклучимъ: все, чшо искусспвенно, машинально, ложно, еспъ резульпашъ придуманнаго соображенія; все, чшо суцеспвенно, непринужденно, искренно, опличае пся самопроизвольностию и силою свободнаго порыва. Испинный геній добродѣтели дѣйспвуетъ; ложный геній нравспвенности умничае пть. Испинный талантъ, предае пся своему движенію; талантъ ложный самъ себя выискиваетъ. Здоровый человекъ ходитъ и наслаждае пся жизнию; человекъ больной горбитъ самъ на себя. Нація, сдѣлавшаяся добычею внуспреннихъ бѣдспвій, оспавляетъ въ испоріи кровавый слѣдъ; нація мирная и благоуправляемая проходитъ незамѣпно.

Опъ человека, разспаприваемаго, какъ недѣлимое, перейдемъ къ человеку въ соспояніи общеспвенномъ. Собрапіе, называемое общеспвомъ, образуе пть испинное плѣло, расположенное и къ болѣзни и къ здоровью. Дивный магнеспзмъ.

проводить между душами одну и ту же спрую движеній и идей. Одна и та же мысль, въ одинъ разъ поражая тысячи умовъ, пріобрѣтаетъ споричную энергію. Безнравственность, добродѣтель, папріотизмъ, сила умственная, сила воли, все, что въ отдѣльномъ человѣкѣ достигло бы только ограниченнаго развитія, здѣсь согрѣвается, одушевляется, возносится, расплетъ съ удивительной быстротою и силой. Отсюда чудеса Спарпы и Рима; отсюда безчисленныя слѣдствія монашескихъ обществъ; отсюда легкость возвышенія и паденія, съ коей различныя націи достигали высшей степени величія или крайняго уничтоженія. Невидимая электрическая цѣпь пробѣгаетъ всѣ общественныя сословія, отъ гражданина къ гражданину, отъ человѣка къ человѣку, сожмая ихъ, проливая одно и то же пламя, одушевляя или погашая искусство и науки, обращая всѣ мысли къ религіи или къ пользѣ, къ торговлѣ или къ войнѣ. Здѣсь духъ въшренности, шамъ геній завоеванія, въ другомъ мѣстѣ всеобщій эгоизмъ, поочередно дають свой цвѣтъ и кладуть свою печать на общественныя нравы. Чудесамъ общественной жизни должно приписать все, что испорчено имѣетъ презрѣннаго или великаго. Общество спановишся живымъ, собиравельнымъ, энергическимъ недѣлимымъ, которое имѣетъ свою душу, свой умъ, свою мысль, свой

спрадана, свою внѣшнюю организацію и свой физическій механизмъ, свои періоды слабости, болѣзни, выздоровленія, здоровья, дряхлости и смерти.

Изучая сіе собиращельное существо, мы увидимъ, что и оно подраздѣляется на двѣ части: одну инстинктуальную, составляющую внутреннюю его сущность, другую искусственную и внѣшнюю. Когда движенія общества совершаются легко, тогда можно сказать: оно не чувствуетъ, что живетъ. Вместо того, чтобы покориться мѣлочной криптикѣ, оно дѣйствуетъ, наслаждается, развивается съ полною свободою. Единая первоначальная идея, родотворное начало всей его жизни, распоряжаетъ имъ; это его душа; отсюда истекають все его законы, все постановленія, все усилія. Сія первоначальная идея, общій родникъ всехъ общественныхъ движеній, преданность монарху, обществу, постановленіямъ, вѣрованію, выражаясь шерминомъ почныхъ наукъ, есть совершенно динамическая. Здѣсь-то кроется жизненная сила. Тогда не нужно осведомляться, какъ общество существуетъ и сохраняется; не нужно съ почностию изучать все его пружины, не нуженъ подробный разборъ его колесъ: довольно привести ихъ въ движеніе, пошому, что онѣ исправны и идутъ сами собой. Таково общество въ его нормальномъ состояніи, въ его здо-

ровѣ. Но пусть оно сдѣлается искусственнымъ, пусть здоровая часть будетъ поражена, пусть окажется болѣзнь; тогда вы увидите, что дѣйствіе замѣнилось криптикой, искренняя и могущественная жизнь уснувшая мѣсяцъ жизни спаданія, опыта, изслѣдованія.

Детей умираетъ; не пишутъ прапиратовъ о патриотизмѣ. Карлъ Великій завоевывалъ Европу; мало говорятъ о рыцарствѣ. О религии и ея обрядахъ менѣе всего разсуждаютъ въ обществѣхъ опшественниковъ. Когда общественное начало у каждаго на сердцѣ, оно выражается дѣлами, опражающимися въ поведеніи, и не радитъ о словахъ.

И такъ пусть эпохи криптики пщательнo опдѣляютъ опъ эпохъ шворчества. Въ сихъ послѣднихъ слабость и несчастье, неразлучныя съ природою человеческою, окружаютъ насъ преляшшвами и опасностями. Но не смотря на то, общество идетъ и достигаетъ своей цѣди. Есть пруды, но есть и шоржество. Есть сраженія, но есть и сила. Мышцы крѣпки, сердце бьется, энергія неодолима, общество не ошанавливается разбираетъ само себя. Не слышно, чтооь оно швердило о себѣ въ своемъ шествіи: «смотри, какъ все мои движенія живы и ловки!» или: «смотри, какъ они тяжель!» Этимъ мы нынѣ ежедневно занимаемся. Но погружившись въ наблюденіе самихъ себя,

имѣемъ ли мы доспапочно времени и силы, чшобъ дѣйсшвовашъ съ душою сильною, съ героическою бодростію?

Когда добродѣтели, низведенныя до суешной видимосши и наружнаго приличія, шеряютъ вещьественность, энергію, жизненное могущество, шо на мѣсто ихъ являешся призракъ, ихъ пародирующій, но не замѣняющій. Тогда нѣтъ болѣе папріопизма, гошоваго на самопожершвованія; а шолько папріопизмъ ложный, велерѣчивый на похвалы самому себѣ. Поэшовъ нѣтъ, а шолько спихопворцы; нѣтъ испинной логики, а шолько лжемудрая діалектика; нѣтъ испинныхъ и глубокихъ чувшвованій, а шолько чувшвишельность поддѣльная, порывы романическаго великодущія. Хошятъ сисшемашически бытъ добрыми, великодущными, вдохновенными; инспинкптъ къ добродѣтелямъ исчезаешъ; его усиливаюшся замѣнишь анализомъ. Сушественность ушупаешъ мѣсто обману. Краснорѣчіе ешъ не болѣе, какъ призракъ краснорѣчія; самая любовь, по выраженію Драйдена, не болѣе, какъ нарисованное пламя, не имѣющее шеплошы. Крипика овладѣваешъ высопами общешва; она памъ располагаешся и господшвуешъ. Возникаютъ многочисленныя секшы; ушонченныя шеоріи правяптъ липерашурой; раздѣляюшся, ссоряпся, доказываюптъ, громоздяптъ мудрованія на мудрованія!

Нельзя ли распространить сіе изслѣдованіе на всѣ сферы, опыскавъ шуже прошивуположеноспъ организма и механизма, шворчеспва и анализа, жизненной силы и крипического могущеспва, во всѣхъ подраздѣленіяхъ бышія и мысли? Не разрушеніе ли смерпи довершаепъ послѣдній и самый сущеспвенный анализъ чело-вѣка! Крипика никогда не дѣлала большихъ опкрыпій. Онѣ сдѣлались сами собой; онѣ возникли опъ долговременнаго пребыванія чело-вѣка на землѣ. Ихъ важноспъ не была извѣсна тому, кшо первый ихъ пуспилъ въ ходѣ. Гушпенбергъ не думалъ, чшо онѣ измѣняепъ судьбы міра. Изобрѣпапели новой ваксы мечпаюпъ произвеспи переворопъ. Хриспіанская вѣра незамѣпно про-никала въ Европу. Маловажный билль Нижней Палаты опносипельно шрактировъ или успа-новленія новой пошпины опглашаепся даже во внушпенноспяхъ Азіи. Сама чернь понимаепъ, чшо эпо опглашеніе значипъ пуспошу, изо-бличаепъ неважноспъ предмета, надѣлавшаго сполько грому, сполько шуму. Она, хопя шемно, но смѣслипъ, чшо теній еспъ нѣчшо, не вѣдающее само себя, и чшо громогласное шарлапанспво совѣмъ не еспъ доказашельсп-во испиннаго dospоинспва.

Возврашимся къ нашему вѣку. Эпо вѣкъ про-кламацій, изысканій, справокъ. Онѣ, какъ мы

сказали, имѣеть всѣ признаки вѣка криптики и анализа. До излишества проспираеть онъ розысканіе своихъ достоинствъ и недоспапковъ и любопытное вниманіе къ самому себѣ. Нынѣ нѣтъ ничего вдохновеннаго, ничего самопроизвольнаго. Книжныя лавки загружены сочиненіями, объясняющими и анализирующими наше общественное состояніе. Въ кашалоггахъ вы находите безпреспанно *Нравственныя Патологги, Опытъ о Настоящемъ Состояніи Общества, Взглядъ на Образованность, Ходъ Разумнїя* и проч. Весьма похвально идти впередъ; но нѣтъ никакой надобности съ каждымъ шагомъ измѣрять пройденное проспранство. Въ средніе вѣки успановилось христіанское общество, коему міръ дѣселъ повинуется; однакожь не держали ежедневныхъ записокъ, не вели шочной описи всѣмъ своимъ дѣйствїямъ. Англїйское законодательство, коему Британїя обязана своею славой и богатствами, сдѣлалось само собой, построилось, спакъ сказать, изъ мѣлкихъ щпукъ и опрубковъ, самопроизвольнымъ дѣйствїемъ общественной мудрости, а не теоретически, не аналитически. Едва принялись повѣрять его пружины, занялись разсѣченїемъ шрупа, анализомъ опсправлений, какъ къ удивленїю увидѣли себя принужденными его поправлять. Машина испорпилась въ аналитическихъ рукахъ испышателей. Деломъ написалъ ей панегирикъ:

Бенпамъ опвѣчалъ сапирами. Чѣмъ больше полковали о правахъ челоуѣка, о привиллегіяхъ націи, о равновѣсіи власпей, о избирашельныхъ вольноспяхъ, о собспівенноспи, о всеобщемъ голосѣ, шѣмъ болѣе произошло смущеній и безпокойспвъ. Богъ знаешъ, въ какомъ океанѣ законовъ, сводопвореній, комменшаріевъ, записокъ, пошонула и сгнбла первоначальная Англійская харшія. Въ философіи *Опытъ о Человѣкѣ*, *Мысли о Природѣ*, *Измлдованія о Родѣ Человѣческаго*. Въ поэзіи и въ липерашурѣ теорія на теоріи, система на системѣ. Умъ челоуѣческій, кажешся, посвятилъ себя великой анапомической работѣ. Врачи спекаюшся; одинъ приносптъ вамъ лѣкарспво универсальное; другой палліативное; шомъ предохранительное: вошъ реформа; вошъ колонизація; эшо новыі родъ поэзіи и драмъ, эшо новая школа философіи или мешафизики. И между шѣмъ общество спраждешъ; шо судорожная мука, шо болѣзненная лешаргія, посмѣвающеш надъ наукой и обличаюшъ лживоспъ докторскихъ обѣщаній.

Весьма несправедливо думали, что сей анализъ, что сіе неуспшное изысканіе цѣлебныхъ средствъ, были истинной причиной разнеможенія общества. Они суть его слѣдспвіе. Не крикуны XVIII вѣка произвели Французскую революцію, не они причинили безпорядокъ; они шолько узна-

ли о немъ первые; они были органами болѣзни, копорой скорбь чувствовали!

Если общество въ своемъ недугѣ хочеть узнать себя, измѣрить глубину и силу зла; если оно жалуется, смущается; если болѣзнь обнаруживается пронзительными криками, несвязными воплями или болѣзненнымъ, безпокойнымъ анализомъ: шо оно достойно всякаго сожалѣнiя! Только Наполеонъ, когда въ сраженiи, предъ глазами его, упалъ одинъ изъ его адъютантовъ, у копораго ядро ошорвало половину его членовъ, могъ сказать ему суровымъ голосомъ: *»вы слишкомъ слушаете себя!«*

Да и какъ не жаловаться нынѣшнимъ Европейскимъ обществамъ, когда зло физическое, зло неизбежное, ужасно разливается и поражаетъ самые невнимательные взоры! Богатство сосредоточилось въ рукахъ немногихъ. Бѣдность, навсегда разлученная съ богатствомъ, занимаетъ противоположный полюсъ; поспавленная въ виду сокровищъ, копорыхъ не можетъ достать, мучимая Танталовой жадной, она выпускаетъ продолжительные вопли безсилiя и скорби. На нѣсколькихъ золотыхъ сѣдалищахъ возсѣдаютъ богачи, эти смертные боги, въ безопасности, безсилiи, скукѣ. Подъ ногами ихъ реветъ и волнуется народное чудовище, невѣжественное, мрачное, порочное и голодное.

Тщепно нѣсколько лучей образованія и промышленности упадаютъ на сей живый хаосъ, на сію безобразную и спрашную массу: она просвѣщается полько для того, чипобъ бытъ ужаснѣе. Физическая природа завоевана; успѣхи промышленности безмѣрны; воптъ желѣзныя дороги, прорѣзываемыя колесницами на огненныхъ крыльяхъ, соединющія между собой всѣ часпи швердой земли; приспани, плошины, валы, фаросы, безчисленные флоты, пысячи средствъ овладѣвъ воздухомъ и пламенемъ, служащъ къ укрощенію и покоренію океана, раба, сдѣлавшагося послушнымъ. Востъ промышленность, съ желѣзными и человѣческими руками, пошрясающая горы, засыпающая долины, господствующая надъ цѣлымъ свѣтомъ. Сія планета завоевана; сей шаръ порабощенъ; спихи, враждебныя первобытному человѣку, побѣждены гражданственнымъ человѣкомъ. Между шѣмъ онъ нисколько не счастливѣе. Война, вѣчная война прошивъ голода; война между сыномъ земли и землей, копорая его нищаетъ; бѣдность, болѣзни: ничшо, не можетъ опшрапитъ сихъ бичей многочисленнаго народонаселенія. Она царитъ даже въ пѣхъ спранахъ, гдѣ избытокъ всеобщій, гдѣ знаніе и деньги въ изобиліи. Наука, деньги и хлѣбъ, неравно раздѣленные, дурно разирѣдѣнные, цѣлыя массы ославляютъ въ невѣжесивѣ и бѣдспивенномъ соспоянніи. Под-

лѣ Англїи лежишъ Ирландїя, обищаемая полунагимъ убожесствомъ, кошорое сжигаетъ въ Окспибрѣ хлѣбъ, кошорый посѣяло въ Маѣ. Во Франціи вѣчное волненіе колеблетъ все: вездѣ революція, бѣднось, спраданіе; промышленность щещино силишся воспашъ и поборошь демона, ее угнепающаго. Іерархїя разрушаепся; пронь колеблетъ; и еслибы общесства не были безсмертны по своей природѣ, по можнобъ было подумашъ, чпо находишься при ихъ смертномъ помленїи.

Нравспвенное и духовное соспоянїе не лучше физическаго. Да какъ можешъ бышь иначе? Физическое зло не чпо иное, какъ резульпашъ и обнаруженїе нравспвенной болѣзни. Ложныя шеорїи рождаютъ ложныя и опасныя дѣла. Общесство поражено въ самое сердце; его начала, его идеи подверглись заразѣ; шамъ, въ самомъ ценспрѣ, гнѣздо зла.

А религїя чѣмъ предспавляется въ Европѣ? Спропашъ церкви, пишущъ книги въ угожденїе Богу и его служипелямъ: нѣкопорыя души сохрпняютъ еще религїозное чувспво. Но чпо значипшъ эпо чувспво? Еспш ли оно чпо нїбудь жизненное, энергическое, сердечное? Совсѣмъ нѣшъ! Одно религїозное умничанье, думающее ушвердипшся на слабыхъ основанїяхъ! Мало героическихъ душъ, кошорыя бы согласи-

лись на мученичество; даже покушаются еще доказывать, что бытие Божие—вѣроявно! . . . Крипика прокралась въ самое свяпилице. Разсуждають о доказапельсхвахъ хриспиансхва; но сии доказапельсхва, спараясь ушвердити несомнѣнную истину, обрушиваютъ сами себя. Священный огонь вѣры постепенно угасаетъ. Въ то время, какъ спорятъ о подлинности Евангелія, унижаютъ его божественную силу. Въ то время, какъ опредѣляютъ, что такое благочестіе, благочестіе умираетъ. Всѣ сии ученія раздѣленія не воскресятъ трупа. Истинную вѣру смѣнила мешафизика, вооруженная шонкоспиями. Воцаряется скепшицизмъ, угрожающій поглотить вѣру; послѣднія спруи священнаго испочника гошовой поперяшья въ пещаныхъ пущыняхъ. Что сказали мы о религии, то можно приложитъ и къ липерашурѣ, кошорая ееть жрица мысли. Гдѣ вдохновение? что сдѣлалось съ самопроизвольностью? Не говоримъ о шѣхъ мрачныхъ и безобразныхъ созданіяхъ, кои зараждаются въ низшихъ слояхъ грязной липерашуры, пожирающей саму себя. Не будемъ обыскивать сию плачевную юдоль лжи и продажнаго эгоизма. Довольно глубоко надлежало бы рышьяся, чтобы ошыскашъ испочники гнусныхъ спраспей, наводнившихъ современную липерашуру. Надлежало бы соспавити спашиспику шарлапансхва, клеветы, зависти, злобы. Спанемъ выше.

Въ самой поэзіи не видно ни одного пворца, копорый бы заблаговременно не приневодилъ себя къ выполненію своей задачи: лира его, можешъ бышь, сладкозвучна, но онъ слишкомъ знаетъ, что она такава. Онъ любитъ высокое; и главный предметъ его заботъ казашься, что онъ любитъ высокое. Повсюду напыщенность! Не ищущъ бышь великими надѣль, но хощящъ увѣришь публику, что владѣютъ чувствомъ великаго.

Прежде, на примѣръ, любили природу, не выказывая сей любви. Теокрытъ и Гомеръ великіе живописцы. Виргилій и Овидій развершывающъ великолѣпныя карпины. Но они не любующься сами на эпи карпины. Описаніе не естъ цѣль ихъ искусства. Искренно обожая природу, они не простирающъ до жеманства и принужденности своего обожанія, копорое сполько естественно, что не можешъ сроднишься съ ложными преувеличеніями. Печальное слѣдствие болѣзни, копорая къ намъ приспаетъ и насъ пожираетъ! Всѣ наши привязанности супъ сполько слабая шѣнь истинныхъ привязанностей. Давай, кричишь поэтъ или романистъ, напишемъ; мнѣ надобно изобразить и раздѣвшишь гору, холмъ, море, озеро, долину. Чипатель знаетъ и цѣнишь си мнимыя карпины по ихъ достоинству. Какъ скоро романъ или поэма представляющъ ему описаніе, богатое эпическими, - бле-

спящее разнообразными опливами, онъ воро-чаешъ липсы, пропускаешъ цвѣпки и узоры, ищешъ занимательной и палтепической спраницы. Самъ Вальпер-Скопшъ не всегда успѣшно за-спавляешъ переносишь скуку своихъ описаній. Начало многихъ его главъ, по большей часпи за-громожденное пейзажами, не одинъ разъ выводило изъ перпѣнїя самыхъ спраспныхъ его почи-пелей.

Множешво издаваемыхъ обзорнїй, вліаніе и повсемѣспность крипки сушь другіе при-знаки, сполькоже харакпериспические. Пишущъ не для того, чшобъ сказашь свою мысль, но чшобы судишь другихъ. Весь мїръ крипикъ! Обо всемъ спрашивающъ: почему? какъ? »По-шли мнѣ, Господи!« — восклицаешъ Спернъ — »чипашеля, сполько добраго и сполько шихаго, чшобъ онъ поручиль мнѣ бразды своего вообра-женія! Пущъ онъ забавляешся, не зная какъ! Пущъ онъ прогаешся, не спрашивая почему? « Такого чипашеля нынѣ не сыщешъ. Джонсоны и Лагарпы плодяшся. Поколѣнїе липерапурныхъ прихлебашелей занимаешъ всѣ входы и выхо-ды и спѣшишь увѣдомишь васъ, чшо шакой-вю напишокъ горекъ, а эппощъ сладокъ. Мы знали эшо и безъ нихъ!

Да и сами мы, начерпывая сїя спроки, не под-вергаемся ли общему злу? Не дѣлаемъ ли и мы

обозрѣніе нашего вѣка и его причудъ? Занимаюсь разсмащриваніемъ и сужденіемъ, не походимъ ли мы на Лондонскихъ зѣвакъ, копорые въ продолженіе семи дней недѣли присушсвуютъ на всѣхъ церемоніяхъ, не имѣя другаго дѣла, какъ смошрѣшь на шолпу людей, копорая ничего не дѣлаешъ? Лейпцигскій книгопродавецъ публикуешъ Всеобщее Обозрѣніе всѣхъ Европейскихъ Обозрѣній. Будешъ ли конецъ эпои пошребности все обозрѣвашъ и эпому равнодушію къ шрудамъ испинно шворческимъ? Липерашура ешъ не что иное, какъ огромное судилище, предъ копорымъ являюпся испорія, юриспуденція, богословія, полишника. Драма, въ копорой преобладешъ дѣйствіе, поэзія, выражающая чувствования души, шмяпся удушеныя и какбы раздавленыя кришккой чудовищемъ, копорое пожираешъ само себя, подобно древней химерѣ, и копорое дѣлаешся добычей алчности, сосшавляющей его могущество.

Сама философія ушрапила характеръ шворчества. Она не учипъ болѣе управляшь нашими дѣлами; она не имѣешъ вліянія на нашу жизнь. Для ней нынѣ довольно умшвовашъ, разсуждашь и сомнѣвашся. Ея непрерывныя розыски не даюшь намъ никакой силы, никакихъ пособій; она не опредѣлаешъ нашихъ мыслей, не ошпанавливаешъ нашего разумѣнія и воображе-

нія на одной почкѣ. Разсуждаешь объ *я* и *не я*, о бытіи и опшравленіяхъ мозга—вошь все ея занятіе! Не пакъ философствовали Сократъ и Пифагоръ, законодатели нравовъ, коихъ ученіе не ограничивалось простыми логическими формулами.

Во всѣ времена, если можно пакъ сказаешь, метафизика была хроническою болѣзнію человѣчества. Апомы, брошенные въ океанъ вселенной—безконечно малая часпица шара, коей испорія и бытіе являющія непримѣтными почками въ пространствѣ и времени—мы видимъ со всѣхъ споронъ глубокіе мраки, сгущающіеся и обвивающіеся вокругъ насъ. Изъ сихъ мраковъ изходяешь привидѣнія: смерть, начало зла, необходимость, рокъ — вопросы неразрѣшимые! Мы дѣйствуемъ, мы живемъ только для избѣжанія грозной шишины сомнѣнія, безвѣспности, насъ подавляющей. Основаніе нашего бытія сомнѣніе и ужасъ. На семъ грозномъ фондѣ рисуешь разнообразная картина нашего бытія. Но человекъ, преслѣдуемый чувствомъ боязни, копорую внушаешь се безвѣспное царство, непреспанно ищешь проникнуть въ его глубину. Иногда во времена, болѣе здоровыя и счастливыя, онъ покушаешь осуществишь теорему міра, удовлетворишь самого себя и выведешь изъ сей теоремы нѣкопю-

рья начала для руководства въ жизни дѣйствительной. Тогда вдохновеніе и поэзія примѣшиваются къ философіи. Дѣйствія человѣческія хопящъ расположишь по образцу шворенія. Впадающъ во многія заблужденія; но по крайней мѣрѣ имѣющъ правило для дѣйствій. Теперь и шого нѣтъ! Обо всемъ сомнѣвающся; и изъ сомнѣнія хопящъ произвеси систему философіи. Какъ вывеси убѣжденіе изъ отрицанія? Какъ дойти къ вѣрѣ путемъ сомнѣнія? Такимъ образомъ и колыбель метафизическаго умозрѣнія и гробъ естѣ ничпожесшво. Оно начинаешъ ничѣмъ и кончищъ ничѣмъ. Оно шворищъ призраки, сражаешся съ ними, пожираешъ ихъ и снова выводищъ на свѣтъ. Заключившись въ сферу опвлеченныхъ идей, метафизика естѣ самый роковый бичъ человѣчесшва.

Разсмотримше эпимологию слова *метафизика*. Вы узнаеше всю ея пущопу. Метафизикъ естѣ человѣкъ, копорый беретса разлагашъ разумніе и его феномены. Но какое упошребищъ онъ для шого орудіе? Свое разумніе? И шакъ орудіе, имъ упошребляемое, естѣ шощѣже самый предметъ, надъ копорымъ онъ шрудищся, копорый думаешъ разсѣчь. Тщешныя усилія для тлушцовъ, равно какъ для мудрыхъ: великій человѣкъ и дуракъ равно не успѣющъ въ нихъ. Искуснѣйшій анапомъ не будешъ дѣлашъ опы-

повъ надъ своимъ пѣломъ, не вонзипъ ножа въ свои фибры и арперіи. Самый ловкій ашлепъ никогда не успѣетъ поборошья съ самимъ собою, схвашипъ себя руками, подняпъ съ земли и опяпъ бросипъ.

Нынѣ мы низверглись въ самую глубокую пропасть сей метафизики, споль пропивной дѣйствию. Изслѣдованіе все пожираетъ и уничтожаетъ. Мысль не ведетъ болѣе къ дѣйствию. Мы больше не спрашиваемъ себя: что должно дѣлать? и какъ должно дѣлать? но: каковъ зрѣлице можно себѣ предшавипъ? какому анализу можно предашья? Сомнѣніе, лежавшее прежде на днѣ бышя челоуѣческаго, выспунило шеперь по всему его пропшяженію. Его зыбучее покрывало волнуешя на всѣхъ предметяхъ; и опъ того они мерещущя въ нашихъ смущныхъ взорахъ. Все обманчиво, ухищренно, двусмысленно. И между пѣмъ челоуѣкъ на землѣ не для того посшавленъ, чтообъ задавашъ себѣ вопросы, а чтообъ дѣйствовашъ. Онъ не для того сошворенъ, чтообъ усыпльпъ и осшавляшъ въ праздноспи свою дѣшпельную силу, пробуждашъ одну скепшическую способность и упражняшъ свое сомнѣніе и невѣріе.

Плачевнѣйшій резульшашъ сего невѣрія естъ разрушеніе дѣйствующихъ силъ. Намъ предлежитъ въ сей юдоли сполько побѣдишъ шруд-

носшей, сполько преодолюшь препятствій, что мало всей нашей энергіи, вспомошесвуемой швердою волею и могучей вѣрою. Вмѣсто того мы пипаемъ сомнѣніе, насъ разслабляющее, скептицизмъ, опнимающій у насъ силу воли. Намъ оспаешся одно несчастіе. У насъ нѣтъ ничего, чтобыг насъ одушевило къ побѣдѣ. Спрашное разочарованіе все помрачило; общесшво опъ того идешь не лучше; бѣдноспъ опъ того не меньше; шолько проклинаяюшь эшо общесшво, проклинаяюшь. эшу бѣдноспъ, вмѣсто того, чтобы поддержашь одно и помочь другой; уподобляюшся Индійцамъ, кошорые, не имѣюшь вѣры, однакожь по привычкѣ попускаюшь себя раздавишь колесницей Ягренаупа. Къ чему прилѣпийшся нынѣ? Къ какому идеалу опнесши свои дѣянія? Ни вѣра священная, ни вѣра полишическая не предшавляюшь швердой опоры. Догмапы церкви въ пренебреженіи; уваженіе къ нимъ, оспавшесся опъ преданій, еспъ не болѣе, какъ холодное почпеніе, внушаемое спѣросшью. Повиновеніе законамъ изчезло. Рыцарской доблести нѣтъ. Монашпыри запершы или поперяли вѣру. Мыслишель, брошенный въ пустыню сомнѣній, шщепно ищешь швердой и неподвижной шочки, могущей для него служишь опорой и центромъ. Свѣшскіе и ученые — всѣ Байронисшы, данди или Германскіе метафизики. Жалосшь смопрѣшь, какъ эпи

слабыя и плачевныя секшы роясья и кишашь пеперь на развалинахъ всѣхъ вѣрованій! а)

Не скажешь ли послѣ того, что божество удалилось отъ земли, что оно оставило человека подъ игомъ нужды желѣзной, въ добычу мукамъ пожирающаго безнокойства! Героизмъ сокрушенъ. Какая добродѣтель уцѣлѣла отъ искуса? Какой порокъ не былъ почтенъ? Какая мысль или какое начало успояло? Въ возрастѣ, когда организація чаловѣческая порѣваешься и кипишь, отъ неперпѣнїя дѣйствовашь, что дѣлаешь молодой человекъ? Ни одно священное, неприкосновенное, доспочтимое знамя не вѣешь для него. Все померкло. Сомнѣнїе окружаешь его, скептицизмъ бьешь бушующими волнами. Надобно предашься изслѣдованію нескончаемому и споль же болѣзненному, сколько глубокому. Надобно, чтобы непобѣдимая энергія его пламенной мысли, шакъ сказашь, покусилась на самоубійство. Гдѣ истина? Гдѣ разумъ? Гдѣ правда? Гдѣ порядокъ? Гдѣ свобода? Не ужели въ мяпежномъ буйствѣ? Гдѣ рабство? Не ужели въ свяшой покорности законамъ? Миръ не что иное, какъ неразрѣшимая проблемма, сфинксъ, пожирающій шѣхъ, кои его вопрошающъ.

а) Ужасное описаніе! Вопъ плоды лжепросвѣщенїя, плоды Европеизма, копорымъ морочашь глаза легковѣрныхъ! *Изд.*

Несчастіе сего общественнаго соспоянія, гдѣ нѣтъ ничего швердаго, гдѣ ни одно ученіе не обезпечено, чувспвуешся и народомъ и вельможами, и проспакомъ и ученымъ. Но оно всѣхъ менѣе шягошѣетъ надъ шѣми, для коихъ единспвенная цѣль жизни — жишъ; они знаютъ, чего хошяшъ, они идушъ прямо къ цѣли. Голодъ ихъ шолкаешъ; спремешся ли они добышъ мѣспа и покровипельспво, или заработываюшъ скудную плащу, они живушъ; эпого доводно; механическая дѣяшельность ихъ поддерживаешъ; ихъ энергія возбуждаешся нуждой, надъ ними господспвующей. Еспъ скука, еспъ несчастіе для шакихъ людей, но опчаянія нѣшъ.

Но что будетъ съ шѣми, въ коихъ вѣешъ благороднѣйшій инспинкшъ, кои не хошяшъ видѣшъ въ себѣ шолько машину, кои хошяшъ; чтообъ жизнь ихъ имѣла резульшапшъ и возвышенное направленіе? Какъ горько почувспвуютъ они скорбъ и пущопу эпохи, въ коей мы шеперь живемъ? Древнія божеспва испочены червями; спарые символы изнасились: должно ли воздавашъ имъ лицемѣрное почпеніе и поклоненіе вышедшее изъ моды? Плачевная и бѣдспвенная учаспъ: поддерживаашъ шеперь древною республику, феодальное рыцарспво или еокрапическое папспво, значипшъ играшъ роль пицигадашеля, по разрушеніи язычеспва.

Иные, коихъ гсраздо больше, принимаюшъ

за вѣру сомнѣніе, п. е., оприцапельное мнѣніе; они ничего не упверждаюптъ; гошовые оприцапъ все, они принимаюптъ за теорію пу проспую аксіому, чпо всякая теорія сомнипельна, а за ученіе неопровержимый факпъ, чпо удовольспвіе пріапная вещь для человѣка. Легкомысленный эпикуреизмъ родипся опсюда: они собираюптъ удовольспвія со всего, чпо ни вспрѣчаепся, закрываюптъ глаза на все прочее, и живуптъ шакимъ образомъ, сколько могуптъ, счаспливо. Эпоптъ классъ многочисленъ; онъ-по въ нынѣшнее время соспавляетъ массы; онъ-по печашлѣепъ на обцеспвѣ поптъ оппѣнокъ нерѣшимоспи и равнодушія, копорый его харашеризуептъ.

Несчаспнѣе всѣхъ пѣ, кои, будучи одарены душою благородною, негодуоуптъ на сей результаптъ. Сомнѣніе, ихъ окружающее, имъ пропивно. Они хопѣли бы изъ него выдти и свергнуптъ его иго. Они чувспвуютъ, чпо, оприцапъ все, опвергая всѣ убѣжденія, ни къ чему не придептъ. Они борюпся съ сею судьбою, болѣе поведипельною и жеспоккою, чѣмъ судьба древняя. Они хопѣли бы снова найти начала, упвердипъ свои идеи, вызвапъ новую вѣру; имъ нужно бы имѣптъ чпо - нибудь шочное и несомнѣнное, вѣрованіе разумное и энергическое; они изнуряюпся въ усиліяхъ осуцеспвипъ сін желанія. Здѣсь Байронъ созидаептъ себѣ божеспво

изъ спраспи, кумиръ изъ удовольствія; шамъ Шеллей, покушаеися воздвигнуть какое-по чудовищное вѣрованіе, гдѣ бы всѣ силы природы были богопворимы—родъ миспическаго маперіализма. А шамъ Шлегель, упомяенный сомнѣніемъ, бѣжитъ въ древнее святилище каполицизма и проситъ у вѣры спасенія и ограды пропивъ мукъ универсальнаго скепцицизма. Вездѣ видите вы сильныхъ или понкихъ мыслипелей, обуеваемыхъ безчисленными софизмами, громоздящихъ паралогизмы и сражающихся съ полчищами призраковъ.

Таково нравспвенное и маперіальное положеніе времени, въ копорое насъ бросило Провидѣніе! Можно ли удивляеися, что общеспво, пораженное сподъ глубокимъ зломъ, ищетъ его узнать и допрашиваеетъ себя съ любопытствомъ? Сколько тысячъ теорій борются и препираются въ его недрахъ? Какое всеобщее разногласіе раздѣляетъ умы? Сколько лѣтъ уже, какъ повсюду видны разрушенія и опустошенія! Огонь пожираетъ города, ядра косятъ поколѣнія народовъ, слезы и кровь наводняютъ Европу!

Но не должно совершенно опчаяваться о родѣ человѣческомъ и предаваться безопрядному унынію, копорое внушаютъ подобныя зрѣлища. По мудрымъ успавамъ Промысла, зло въ

крайнемъ излитіи свѣта своемъ заключаешъ собственное врачевство. Сіи метафизическія умозрѣнія, сія праздная мечтательность, сіи многоразличныя формы, обнаруживающія признаки тяжкой общественной болѣзни, приносятъ свою пользу. По мѣрѣ злоупотребленія криптики, познаютъ необходимость шворить и созидать. По мѣрѣ накопленія отрицаній, почувствуютъ ихъ непроизводительность. Порываемые изъ системы въ систему, изъ теоріи въ теорію, умы возвращаются наконецъ къ дѣлу, къ жизни существенной. Скептицизмъ истощился; и многочисленныя преобразованія философіи кончатся уничтоженіемъ всѣхъ абсолютныхъ системъ, кои зыблются теперь подобно облакамъ тверди небесной. Не видѣли ли Канта, испорчающаго скептизмъ у Лейбница, Фихте, подкапывающаго догматы Канта, Шеллинга, измѣняющаго идеи Фихте, Гегеля, преобразующаго теорію Шеллинга, и наконецъ Кузена, все возстановляющаго! Невозможно, чтобы сіи метафизическія системы, подвергнутыя такимъ образомъ безпрѣспанной переработкѣ, совсемъ наконецъ не испарились! Точно также должна преѣйти и погибнуть сія пагубная вѣра въ политическія теоріи и ихъ вліяніе; сіе легковѣріе въ могущество системъ, ошлеченіе оцъ нравовъ и идей. Это несчастное приложеніе метафизики къ политикѣ имѣло роковое вліяніе на

новѣйшіе народы. Скоро переспануть въришь, что благо народовъ соспоишь въ письменной или печашной конспишущи; что искусственный, насильспвенный механизмъ способенъ привеспи ихъ въ цвѣшущее соспоянiе; не будущъ въришь, что новое общеспво можетъ родишься вооруженнымъ изъ мозга мечшашелей, какъ Ми- мерва нѣкогда вышпа изъ мозга Юпишпера! Всѣ сіи заблужденiя исправащся опышпомъ. Уже революціа Французская задала сильный урокъ, кошорый невозможно забыть. *Пусть дана будетъ толпа буйныхъ, непокорныхъ эгоистовъ; сохетай дѣйствiя ея такъ, чтобъ изъ нихъ вышпа общество честное и добродѣтельное!* Сiя неразрѣшiмая проблемма произвела сполько ужасныхъ, кровавыхъ слѣдспвiй, что скоро побоящся, не сполько снова рѣшашь, даже предлагащъ ее. Многiя, пока слабыя и спранныя, усилія доказывающъ, что въ эпоху болѣе или менѣе опдаленную рѣшшптельно оспавящъ всѣ мечшашельныя системы и обманчивыя шеорiи. Въ самой Франціи сильная парціа изъявляегъ желанiе возврашпшься опячь къ древней абсолютной монархіи. Наконецъ пошребность порядка и успройспва чувспвуешся. Въ Англии, въ Ишпаліи, шѣже признаки, поже колебаніе, поже опдаленное, но непобѣдимое спремленіе къ порядку и возсозданію. Время передъ нами. И если намъ не суждено видѣшь раз-

свѣта сей новой эры, по крайней мѣрѣ будемъ спараться ускорить ее. Опыты прошедшіе а) должны вразумить насъ, что здравіе и благоденствіе народовъ состоятъ не въ буйныхъ, болзненныхъ движеніяхъ, а въ мирной тишинѣ, раждаемой и питаемой святой покорностью порядку!..

(EDINBURGH REVIEW).

II.

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

(Н. В. С.)

Есть поле победы, широкое поле!
 Тамъ въперъ пусынный гуляеть по волѣ!
 На полѣ курганы — гробницы коспей:
 То грозное дѣло булашныхъ мечей!
 Давно памъ замодкли и крикъ и удары,
 И высохли бѣлыя коспи бойцовъ.
 Здѣсь Русскою силой разбины Ташары,

а) И настоящій примѣръ Россіи, цвѣшущей здравіемъ и благоденствіемъ, въ безмятежной тишинѣ, подъ снѣго вѣры и вѣрности — скажемъ мы! *Изд.*

И здѣсь ихъ обипель—рядъ шемныхъ холмовъ!
 Здѣсь геній Россін, съ улыбокѣй презрѣнья,
 Съ высокихъ гробовъ, на вселенну взираль.
 Онъ кругъ необъяпный жезломъ начерпаль:
 То грани Россін, по наши владѣнья! —

Такъ эпо здѣсь—побрище Мамая,
 Позорище рѣшищельной борбьы,
 Игра кровавая пайнспвенной судьбьы,
 Спасеніе опеческаго края! —
 И, поле славное, покой шебъ, покой!
 Не мало на шебъ госпей оппировало,
 Не мало пы, широкое, спонало:
 О поле славное, покой шебъ, покой! —
 Вопь съ шой спраны, какъ шуча, набѣжала
 Неумолимая жеспокая Орда;
 Здѣсь Русскихъ рапъ опмщеніемъ пымала
 И въковыхъ оковъ и Русскаго спыда!
 Тамъ смуглые бойцы — спаницы кочевья —
 Ихъ взоры дикіе, а чеда, какъ шуманъ;
 Здѣсь цвьпъ Славянъ, краса полночныхъ спрапъ,
 И кудри русые, и очи голубья!

Туманна ночь послѣдьяя была:
 Два спана спящъ, безмолные, въ покоѣ.
 Заушра шумъ—и памъ въ кровавомъ боѣ
 Судьба свершипъ великія дѣла!
 Вопъ всѣ бойцы безопасно засыпаютъ!
 Но ночь спрашна: по слышенъ крикъ орловъ,

То, въ пылчу ужасныхъ голосовъ,
Спада волковъ пропяжно завывающъ.

И онъ вскипѣлъ, вскипѣлъ упорный бой;
Сразилися пиранспиво и свобода;
И пы; любовь Россійскаго народа,
Носимся здѣсь, воинспивенный Донской!
Ты здѣсь лепалъ, виновникъ ополченья,
Для милой родины, при заревъ сраженья!
Для родины!—Прекрасенъ пвой удѣлъ,
Благословенъ пвой подвигъ незабвенной
Для родины несчастной, угнѣвленной! —
Хвала тебѣ! прекрасенъ пвой удѣлъ!

И вопъ бѣгущъ разбиные Тапшары,
Перуны сыплются опъ Русскаго плеча:
Вновь крики Русскіе, какъ звонкіе удары
Завѣшнаго Славянскаго меча!
Теперь молчипъ, молчипъ победы поле. . .
И я здѣсь былъ, и я благоговѣлъ! . .

В. КРАСОВЪ.

III.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(продолженіе).

Покидая, около девяти часовъ вечера, высоты Спуденки, защищаемыя въ продолженіе всего дня, 28 Ноября 1812 года, Маршалъ Викпоръ оставилъ тысячу человекъ, дабы прикрываясь до послѣдней минуты одинъ изъ двухъ мостовъ, усвоенныхъ на Березинѣ, который еще оставался.

Сей аріергардъ обрекъся для спасенія безчисленнаго множества оставшихъ солдатъ, кои, закончивъ опъ спужи, упорно отказывались разстаться съ обозами арміи. Но героическое самопожртеніе воиновъ, составлявшихъ сію великодушную дружину, должно было остаться безплоднымъ.

Солдаты, приливавшіе несмысленными массами къ берегамъ Березины, по несчастію нашли здѣсь безчисленное множество повозокъ, ящиковъ и мебели всякаго рода, кои армія принуждена была бросить, переправляясь черезъ рѣку 27 и 28 Ноября. Наслѣдники сихъ неожиданныхъ сокровищъ, несчастные, обезумѣвшіе опъ спужи, располагались въ пустыхъ бивуакахъ, расхаживали всѣ обломки, чпобъ на-

спроишь себѣ лачугъ, разводили огонь изо всего, что попадалось имъ подъ руки, жрали лошадей, сдирали, чтобы прикрыть себя, кожу, сукно, парусину, съ карепъ и фуръ, и засыпали, вмѣсто попо, чтобы продолжая свой путь, вмѣсто попо, чтобы, подъ покровомъ ночи, перебираясь спокойно черезъ Березину, копорую несповѣдимая кара судьбы обрекла бытъ споль гибельною Французской арміи.

Совершенное безчувствіе сихъ несчастныхъ можетъ бытъ понятно только тѣмъ кои сами проходили сими снѣжными, безпредѣльными пустынями, не имѣя другаго пищи, кромѣ снѣга, другой посуды, кромѣ снѣга, другой перспекивы, кромѣ безбрежнаго горизонта снѣга, другой пици, кромѣ погоже снѣга или нѣсколькихъ мерзлыхъ кочашекъ, нѣсколькихъ оледенѣлыхъ горбылей, нѣсколькихъ горстей муки или кусковъ лошадинаго мяса. Сіи несчастливцы, умирая съ голоду, жажды, усталости и дремоты, приходили вдругъ на мѣсто, гдѣ видѣли дрова, огонь, съѣстное, безчисленное множество оспавленныхъ экипажей, бивуаки, однимъ словомъ, цѣлый импровизированный городъ; ибо деревня Спуденка была совершенно сломана, распячена и перенесена на высоты равнины. Хотя это былъ наспоцій *cita dolente*, городъ ужасный и пагубный, все по

крайней мѣрѣ онъ имѣлъ видъ обипалища, менѣе грозный и неумолимый, чѣмъ безбрежныя пустыни, покрытыя сугробами. Эта необозримая больница, гдѣ скорбь царствовала мрачная и безмолвная, спояла цѣлыя сушки. Упомленіе жизни или чувства неожиданной опрады, нечаяннаго счастья, опнимало у сей несмѣшной, безобразной толпы всякое чувство, кромѣ одной потребности успокоенія.

Аршиллерія лѣваго фланга Русскихъ безпрепятственно громила сію безмѣрную массу, рисовавшуюся, подобно огромному пшну, по черному, по облипому пламенемъ, посреди снѣга; но ея неупомимыя ядра для изможденной толпы казались только однимъ неудобствомъ больше. Она прислушалась къ нимъ, какъ къ грозу, коей громъ не возбуждалъ ни малѣйшаго вниманія, повелію долженъ былъ повиноваться, кое-гдѣ, умирающихъ, больныхъ, или даже мертвыхъ.

Ежеминутно опспалые приливали толпами. Эти бродячіе прупы немедленно раздѣлялись и переходили опъ коспра къ коспру, вымаливая нищенски мѣспечко у огня; потомъ, прогоняемые большей частью оповсюду, собирались снова; и, глухіе къ увѣщаніямъ нѣсколькихъ офицеровъ, кои назавтра предсказывали имъ неминуемую смерть, распочали послѣдній опспа-

шпокъ, бодрости, съ коимъ могли бы переправиться черезъ Березину, для того, чшобъ поспроить себѣ на ночь шалашъ, наѣспься и уснуть. Смерть, ожидавшая ихъ, не была для нихъ бѣдспвиемъ; ибо эшо бѣдспвие позволяло имъ соснуть хопя часокъ. Они называли бѣдспвиемъ полько холодъ, голодъ и жажду. Когда уже нельзя было промыслишь ни дровъ, ни огня, ни лохмопья, ни покрышки, шо начались драки между шѣми, у коихъ не было ничего, и шѣми, кои имѣли кровъ: слабѣйше пали! Наконецъ, пришло время, когда нѣсколько бѣглецовъ, гонимыхъ Русскими, не могли найши себѣ другаго бивуака, кромѣ сугробовъ, и повалились на нихъ, чшобъ никогда не пробуждапсья.

Нечувспвительно сія масса сущеспвъ, почши уничтоженныхъ, сдѣлалась шакъ многочисленна, шакъ глуха, шакъ безчувспвенна, или можешь бышь, шакъ счастлива, чшо Маршалъ Викпоръ, защищавшій ее съ героическими усилиями, въ продолженіе цѣлаго дня, съ шестью тысячами прошивъ корпуса Вишгеншпейна, нашелся принужденнымъ очистишь себѣ пушь силою, сквозь эшопъ дремучій лѣсъ людей, дабы перевеспъ черезъ Березину пять тысячъ храбрыхъ воиновъ, коихъ онъ сохранилъ для Императора.

Сіи несчастные предпочипали бышь раздавленными, чѣмъ шронуться съ мѣста. Они гиб-

ли безмолвно, посмапривая съ улыбкой на свои гаснущіе коспры и не помышляя о Франціи.

Не прежде десяти часовъ вечера, Герцогъ де Беллоно увидѣлъ себя на другой споронѣ рѣки. Дабы занявъ мосты, ведущіе къ Зембину, онъ повѣрилъ судьбу аріергарда, оспавленнаго въ Спуденкѣ, Генералу Эбле, испинному спасителю всѣхъ, кои пережили ужасныя Березинскія бѣдствія.

Было около полуночи, когда сей мужеспвенный Генераль оспавилъ небольшую лачугу, кошорую занималъ подлѣ моста; и, въ сопровожденіи одного храбраго офицера, вышелъ посмопрѣть на зрѣлище, кошорое предспавлялъ лагеръ, расположенный между Березиной и дорогой изъ Борисова въ Спуденку. Пушки Русскія замолкли; безчисленныя огни, блѣдно мелькавшіе посреди сугробовъ и по видимому ушрашившіе свою яркость, освѣщали, памъ и здѣсь, безобразныя призраки, не имѣвшіе челоувѣческаго подобія: несчастныя, въ числѣ почти придцати тысячъ, принадлежащіе ко всѣмъ націямъ, кои Наполеонъ ринулъ на Россію, играли своею жизнью съ скопскою безпечноспью.

— »Надобно все это спаси!« сказалъ Генераль.

— »Завшра ушромъ« — продолжалъ онъ—»Русскіе будущъ владѣтъ Спуденкой; надобно сжечь

мостъ, какъ скоро они появяться... и шакъ, другъ мой, смѣлостъ и мужество! Пробейся на высоты! Скажи Генералу Фурнье, что ему едва оспается время очистишь позицію, пробейся сквозь эпопъ народъ и перейди черезъ мостъ. Когда увидишь, что онъ снимется, по слѣдуй за нимъ; потомъ, съ помощію нѣсколькихъ сильныхъ и бодрыхъ рукъ, жги безжалостно всѣ эти бивуаки, экипажи, ящики, карепы... все!.. Гони эту полпу на мостъ! Понуждай все, что можешь еще двигаться, бѣжай на ту сторону! Пожаръ теперь оспался единственнѣмъ нашимъ спасеніемъ. Еслибъ Бертье позволилъ мнѣ испребишь эти проклятые экипажи, рѣка не поглотила бы никого... кромѣ моихъ бѣдныхъ понпоньеровъ... этихъ пятидесяти героевъ, кои спасли армию и... копорыхъ забудуть!» ..

Генералъ закрылъ лобъ рукою и оспался безмолвенъ. Онъ чувствовалъ, что Польша будетъ его гробомъ и что ни одного голоса не возвысится во славу шѣхъ великихъ людей, кои оспались въ волнахъ... въ волнахъ Березины!.. чтобы вбить сваи для мостовъ... Одинъ изъ нихъ живеть еще, или, говоря почтѣе, спрадаешъ, въ глуши деревни... безвѣстный!..

Адьюпантъ опправился.

Едва великодушный офицеръ опѣхалъ шаговъ спо по направленію къ Спуденкѣ, какъ Ге-

нераль Эбле, разбудивъ пяць или шесть спраждущихъ понюньеровъ, началъ свой испинно благодѣпельный подвигъ, зажегши бивуаки, расположенные вокругъ моспа, и понудивъ пакимъ образомъ ближайшихъ солдапъ перебраться черезъ Березину.

Между пѣмъ молодой Адьюпанпъ добрался, не безъ пруда, до единственной деревянной избы, оставшейся въ Спуденкѣ.

»Лачуга видно бишкомъ набиша, пріяпель?« сказалъ онъ челоуьку, копорого увидѣлъ снаружи передъ избой.

— »Если ты продерешься, то будешь славный молодецъ!« отвѣчалъ офицеръ, не оборачиваясь и продолжая рубить саблею бревна избы.

»Ба! да эпо ты. Филищъ!« вскричалъ Адьюпанпъ, узнавъ по голосу одного изъ своихъ друзей.

— »Я!.. А эпо ты, спаричокъ!« возразилъ Г. де Сюси, взглянувъ на Адьюпанпа, копорому, какъ и ему, было не больше двадцати прехъ лѣтъ. »Я думалъ, что ты уже по ту сторону эпой проклятой рѣки! Не привезъ ли ты намъ пирожнаго и конфешовъ для десерту! Мы бы приняли тебя славно «... продолжалъ онъ, сдирая съ бревенъ кору, на кормъ своей лошади.

»Я ищу вашего начальника, чпобъ сказаць ему, опъ имени Генерала Эбле, иди на Зембинь! Вамъ едва оспаешся время пробишься сквозь эшу массу пруповъ, копорые я должень сей-часъ зажечь, чпобы принудишь вешаць и двигацься! « . .

—»Ты почпи согрѣлъ меня: ибо опъ словъ ивоихъ прошибъ меня пошь!.. Я должень спаспи два сущесва, копорыя мнѣ очень дороги! . . Ахъ! безъ эшихъ двухъ сурковъ, мой любезный спаричокъ, я давно бы умеръ! Только для нихъ берегу я свою лошадь и не ѣмъ ее. Ради Бога, нѣтъ ли у тебѣ хопъ корочки?.. Вопъ ужъ приццашь часовъ, какъ у меня не было ничего во рпу; и я дрался, какъ бѣшеный, чпобъ сохранишь послѣднюю искру шеплошы и бодрости, копорая во мнѣ еще оспаешся. « . .

» Бѣдный Филиппъ!.. нѣшь ничего, ни капельки! Но гдѣ Генераль? здѣсь чпо ли? « . .

» Не ходи шуда!.. Эшоптъ амбаръ набитъ ранеными. . . Спупай выше!.. Тамъ, на право, найдешь родъ свинаго хлѣва. . . тамъ Генераль. . . Прощай, пріятель!.. Если намъ удасться еще попанцовашь на паркетѣ въ Парижѣ. « . .

Онъ не могъ кончишь; ибо вьюга въ шу мину пу дохнула съ такимъ вѣроломспвомъ, чпо

Адьюпанпъ пуспился, дабы не окоспентьпъ, а у Маіора Филиппа смерзлись губы.

Вскоръ воцарилось молчаніе. Оно прерывалось полько спонами, выходившими изъ избы, и глухимъ шумомъ лошади Г. де Сюси, копорая, съ неисповой жадносью, глодала мерзлую кору избяныхъ бревенъ. Маіоръ вложилъ саблю въ ножны; и, схвативъ за узду драгоцѣнное живошное, копорое умѣлъ сохранишь, опорвалъ его, не смопря на сопропивленіе, опъ жалкаго корму, коимъ бѣдное живошное казалось довольнымъ.

— » Пошла, Бишеть, пошла!.. Только пы, моя красавица, можешь спаспи мою Юлію!.. Сшупай. . . Будешь еще время опдохнуть. . . умерешь. « . .

И Филиппъ, закушанный въ мѣховую шубу, коей былъ одолженъ сохраненіемъ своей жизни и дѣяпельноспи, побѣжалъ по сугробамъ, спуща крѣпко ногами, чшобъ согрѣться.

Едва Маіоръ сдѣмалъ шаговъ пяшь сопъ, какъ увидѣлъ большой огонь на помъ мѣспъ, гдѣ по упру оставилъ свою карешу подъ охраненіемъ спараго неуспрашимаго солдаша. Ужасное безпокойсшво овладѣло имъ; и, какъ всъ, кои въ продолженіе бѣдспвеннаго опсшупленія, были одушевляемы какимъ-нибудь могущеспвеннымъ чувсшвомъ, онъ нашель въ себѣ болѣе силъ дия спасенія своихъ друзей, чѣмъ сколькобъ имѣлъ

для собспвеннаго своего спасенія. Скоро былъ онъ въ нѣсколькихъ шагахъ опть небольшого угла, образуемаго землею, подъ сѣнію косто, въ безопасности опть ядеръ, помѣспилъ молодую женщину, подругу своего дѣшсшва, драгоцѣннѣйшее благо своей жизни.

Въ нѣсколькихъ шагахъ опть карепсы, до шридцати солдатъ собралось. вокругъ безмѣрнаго огня, копорый поддерживали, бросая въ косперъ крышки пороховыхъ ящиковъ, колеса, доски и оконницы карепъ. Это были, безсомнѣнія, самые запоздалые изъ всѣхъ, кои, на полняя проспранспво между широкой бороздой, описываемой Спуденскою низью, и роковою Березиною, соспавляли какъ будпо океанъ голоть, огней, шалашей... живое море, волнуемое движеніями почпи безчувспвенными, изъ копораго вырывался глухой шумъ, смѣшанный съ грозными криками. Вынужденные голодомъ и опчаяніемъ, эши несчастные вѣрояпно разграбили карепу. Спарый Генераль и молодая жена его, коихъ нашли они, лежавшихъ на своемъ скарбѣ, окупанныхъ плащами и шубами, въ эшу минушу сидѣли проспво на снѣгу, сгорбившись, на корпочкахъ, у огня. Кареша была опворена и одна изъ дверць ея разбила. Какъ скоро сидѣвшіе вокругъ огня услышали шаги лошади и Маіора, яроспный

крикъ поднялся между ними. Эпо было бѣшенство голода, подспрекнушаго чувствомъ неожиданнаго благополучія!

— Лошадь!.. Лошадь!..

То былъ крикъ единогодушный. Всѣ голоса слились въ одинъ голосъ.

— Прочь, прочь!.. Берегись!.. вскричали два или три солдата, прицѣливаясь въ лошадь.

—» Тс! негодная сволочь! Я васъ всѣхъ опрокину въ эшопъ огонь.. Тамъ много мерзвыхъ лошадей!.. Спупайте шуда!«..

— Ге! ге! какой шупникъ!« возразилъ одинъ колоссальный гренадиръ. »Разъ! два!.. Слышишь?.. Поспоронишься, или нѣтъ?.. Нѣтъ? Ну! какъ изволишь... Эй!«..

Крикъ женщины заглушилъ ударъ выспрѣла. По счасію Филиппъ не былъ раненъ: но лошадь его пала. Такъ какъ бѣдное живошное еще боролось съ смертью, то при чловѣка бросились и прикололи его шпыками.

— »Каннибалы! дайше мнѣ, по крайней мѣрѣ, взяшь попону и шисполешы!« вскричалъ Филиппъ въ опчаяніи.

— О шисполешахъ не споримъ! отвѣчалъ гренадиръ: чпо до пошны, по вошь бѣдный пѣшеходъ, у кошораго два дня не было воршу ни капли... Видишь, какъ онъ колошпитъ зубъ объ зубъ, въ своемъ плашьѣ, подбитомъ укусомъ!.. Эпо нашъ Генераль!..

Филиппъ замолчалъ, взглянувъ на бѣдняка, у котораго обувь и исподнее плащѣе было все въ дырахъ, а голова прикрывалась мерзкой фуражкой, набишюй снѣгомъ.

Тогда онъ поспѣшилъ взять свои писпощы; и, между пѣмъ какъ привязывалъ ихъ къ поясу, пашеро припощили убипое живоппое къ коспру и начали свѣжевать его пакъ ловко, какъ самые искусные мясники въ Парижѣ. Куски хвапали и бросали на уголья съ удивительною быспрошою. Маіоръ подошелъ къ женщи-нѣ, копорая, узнавъ его, испуспила крикъ ужа-са. Онъ нашелъ ее неподвижно сидѣвщюю на подушкѣ изъ карешы и опогрѣвающюся при огнѣ. Она взглянула на него безмолвно, даже не улыбнувшись. Тогда Филиппъ увидѣлъ под-лѣ ней солдапа, копорому поручилъ карепу на сохраненіе. Бѣднякъ былъ раненъ. Подавлен-ный числомъ, онъ долженъ былъ успуспить солдапамъ, напавшимъ на него; но, подобно со-бакѣ, защищавшей до послѣдней крайности объдъ своего господина, взялъ наконецъ до-лю въ добычѣ и сдѣмалъ себѣ родъ плаца изъ спарой бѣмой проспныни. Въ эту минушу онъ переворачивалъ на угольяхъ кусокъ лошадинаго мяса и Маіоръ прочелъ на лицѣ его радость, копорую чувспвовалъ онъ, пригопощая себѣ такую лакомую пирушку.

Графъ де Вандеръ, за спи дня впавшій въ со-

спояніе дѣпской несмысленности, сидѣлъ также на подушкѣ, возлѣ своей жены. Онъ смотрѣлъ шусклыми, неподвижными глазами на эппирамидальные огни, коихъ пеплопа начинала разогрѣвать его оцѣпенѣлосп. Ружейный выспрѣлъ, прибыпіе Филиппа, споль же мало пронули его, какъ и сраженіе, въ слѣдспвіе ко его кареша была разграблена.

Сначала Филиппъ схватилъ руку молодой Графини, какъ будпо для шого, чпобъ выразишь ей свою привязанносп и огорченіе, копорое чувспвовалъ, видя ее доведенную до шакой крайности; но осшался безмолвенъ подлѣ ней, сѣвши на грудь снѣга, копорая подмывала сама себя, шая на огнѣ. Онъ самъ успупилъ наконецъ живопному наслажденію опогрѣшься, забывая опасносп, забывая все. Его лице, прошивъ воли, искоробилось выраженіемъ радости, почши звѣрской; и онъ ожидалъ съ неперпніемъ, чпобы кусокъ лошади, данный его солдапу, изжарился; ибо запахъ эшого выпачканнаго угольями мяса раздражалъ въ немъ голодъ, а голодъ заспавлялъ молчашъ его сердце, мужеспво и—любовь. Онъ смотрѣлъ безъ всякаго огорченія и гнѣва на разграбленіе своей карешы. Окружавшіе косперъ, раздѣлили промежъ себя одѣяла, подушки, шубы, плашье женское и мужское, принадлежавшія Графу, Графинѣ и Маі-

ору. Филиппъ обернулся, чпобъ посмопрѣшь, не оспалось ли чего въ ящикахъ. При блескѣ огней, онъ замѣсилъ, что золопо, брилiанпы, серебро Графини, было разбросано; никшо не думалъ присвоить себѣ ни малѣйшей вещицы.

Веѣ, коихъ случай собралъ вокругъ коспра, хранили молчанiе, копорое было ужадно. Каждый дѣлалъ полькѣ по, чпо считалъ для себя необходимымъ. Ихъ крайность имѣла въ себѣ даже нѣчто каррикашурное. Лица, искаженныя холодомъ, напипаны были грязью, по копорой слезы, опъ глазъ до оконечноспи щекъ, прорыли глубокiя борозды, свидѣпельспвовавшiя шолщину сей безобразной личины. Неопряпныя длинныя бороды еще болѣе увеличивали ихъ опврапипельность. Одни были окупаны въ женскiя шали; другiе прикрывались конскими чепраками, испасканными попонами, лохмопьями забипыми линеемъ, копорый, тая на огнѣ, лить съ нихъ ручьями; у нѣкопорыхъ одна нога была въ сапогѣ, другая въ башмакѣ. Не было ни одного, чей коспюмъ не предспавлялъ бы жалкой и смѣшной уродливости. Но окруженные множеспвомъ споль забавныхъ по видимому фигуръ и сценъ, всѣ были мрачны и суровы. Молчанiе прерывалось полькѣ хрупшнiемъ дерева, шрескомъ огня, опдаленнымъ ропопомъ лагеря и сабель-

ными ударами, наносимыми убишпой лошади шьми изъ солдапъ, кои наиболъе голодали, чшо бы высъчь изъ ней лучшiе куски. Нъкопорые несчастныи, успавшiе болъе другихъ, спали. Когда кшо - нибудь изъ нихъ скапывался въ огонь, никшо не подымалъ его; ибо эши спрогiе логики думали, чшо, если онъ еще не умеръ, шо огонь самъ заспавишъ его искапъ другаго болъе покойнаго мъспа. Если несчастливецъ пробуждался и погибалъ въ огнѣ, никшо не жалълъ объ немъ; шолько нъкопорые солдапны взглядывали другъ на друга, какъ будпо для шого, чшобъ оправдашъ свою беззабопливоспъ, повѣряя равнодушiе другихъ.

Молодая Графиня уже два раза была свидѣшпельницей подобныхъ сценъ: она оспавалась безмолвною и неподвижною.

Когда разные куски мяса, брошенныи на уголья, зажарились, шо каждый началъ ушопляшъ свой голодь съ шою прожорливоспью, копорая, даже въ живопныхъ, кажешся шакъ ошврапшпельна.

— Въ первый разъ доводишся мнѣ видѣшпъ придцапъ пѣхопинцевъ на одной лошади!.. вскричалъ гренадиръ, копорый ее свалилъ.

Эша оспроша была единшвенное свидѣшпельшво національнаго Французскаго духа.

Вскорѣ большая часишъ бѣдняковъ заверну-

лись въ свои лохмошья, помѣспились на доскахъ, на всемъ, чшо могло предохранить ихъ отъ соприкосновенія съ снѣгомъ, и заснули, не заботясь о завшрашнемъ днѣ.

Когда Маіоръ опогрѣлся и уполилъ свой голодь, непреодолимая дремопа отягопѣла надъ его рѣсницами. Юлія спала. Онъ глядѣлъ на нее, пока боролся еще со сномъ. Юлія была окупана въ шубу и полспый драгунскій плащъ. Голова ея лежала на подушкѣ, замаранной кровью. Она спряпала ноги свои подъ плащъ. Мѣховая шапка, подвязанная плапкомъ подъ шею, предохраняла лице ея отъ холода, сколько было възможно. Въ эпомъ сосшояніи она не походила ни на чшо. Эшо была безобразная масса. Только когда Графиня обернула во снѣ голову свою къ огню, Маіоръ могъ видѣть ея закрышые глаза и часпъ лба. Была ли по послѣдняя изъ шорговокъ, скишающихся за арміей? Или прелеспная женщина, слава любовника, царица баловъ, обожаемая сильфида, блиспающая красопой и свѣжеспью? Увы! самый пронцапельный глазъ преданнѣйшаго друга не могъ различить ничего. . . Эшо была вещь безъ имени, связка шряпя и лохмошьева, шрупъ бездушный! Любовь успупила холоду, даже въ сердцѣ женщины!

Сквозь гущую пелену, копорую неодолимый сонъ проспираль надъ глазами Маіора, уже ви-

дѣль онъ мужа и жену, какъ двѣ маленькія почки. Пламя коспра, эши разбросанныя фигуры, эша ужасная спужа, кошорая ревелъ въ шрехъ шагахъ опть бѣгучей пеплошы... все превращалось въ мушное сновидѣніе.

Безопвязная мысль превожила Филиппа.

— » Мы погибнемъ всѣ, если я засну... нѣшь... не буду спать. « ...

И онъ заснулъ!

Ужасный крикъ и взрывъ разбудили Филиппа скоро. Чувство долга, опасность Юліи, пали пошчасъ ему на сердце. Онъ испустилъ крикъ, подобный реву. Только онъ и его вѣрный солдатъ были на ногахъ. Они увидѣли море огня, пучину своенравнаго пламени, кошорое, пожирая шалаши и бивуаки, во мракѣ ночи, соспавляло безбрежный фондъ, гдѣ группы людей рисовались мрачными пятнами: попомъ крики опчаянія... вой... пысячи волнующихся призраковъ... лица неисповыя и—молчаніе ужасное!... Среди сего пылающаго ада, колонна солдатъ двигалась къ мосту, промежь двухъ рядовъ шруповъ.

— » Эшо опспушленіе ариергарда! « вскричалъ Маіоръ: »нѣшь больше надежды! «

»Я пощадилъ швою карепу, Филиппъ! « сказалъ одинъ дружескій голось.

Филиппъ обернулся и узналъ, при блескѣ пламени, молодаго Адьюшанша.

— » Ахъ! все погибло! « ошвѣчалъ онъ. » Они сожрали мою лошадь!.. А какъ мнѣ подняшь этого безмысленнаго Графа и жену его? «

» Возьми головню и погрози имъ! «

— » Грозись Графинъ? «

» Прощай! « вскричалъ Адьюпантъ. » Едва оспаешься время для переправы ... а я долженъ переправиться. У меня масть во Франціи!.. О какая ночь!.. Эпа сволочь лучше хочешь оспаваться на снѣгу и большая часть предпочтаетъ сгорѣть, чѣмъ подняться... Уже чепыре часа, Филиппъ!.. Черезъ два Русскіе прорунся. Увѣряю шебя, чпо Березина еще разъ запрудится прупами!.. Филиппъ, подумай о себѣ! Спупай! лошадей нѣтъ: пы не можешь неспи Графиню... Пойдемъ!..

— » Я, мой другъ!.. Мнѣ оспавись Юлію!.. мою Юлію! « ..

Маіоръ схвапиль Графиню, поднялъ ее на ноги, началъ пряспи изо всѣхъ силъ въ опчаяніи и заспавиль проснупсь. Она глядѣла на него мершвыми, неподвижными глазами...

— » Надобно идпи, Юлія! или мы должны погибнупь! « ..

Вмѣсто всякаго ошвѣша, Графиня спаралась повалипсь на землю, чпобъ опяшь заснупь.

Адьюпантъ схвапиль горящую головню и

началъ махашь ею надъ самымъ лицомъ Графини.

— » Спасемъ ее прошивъ воли! « вскричалъ Филиппъ.

Онъ схватилъ Юлію и опнесъ въ карешу. Попомъ началъ просишь друга своего о помощи; и оба, взявъ сипараго Графа, не зная, живъ онъ или мершвъ, положили возлѣ Графини. Наконецъ, переворачивая ногою валявшихся по землѣ солдатъ, Маіоръ опобралъ у нихъ все, чпо они разграбили, свалилъ весь скарбъ на обоихъ супруговъ и бросилъ въ уголъ карешы нѣсколько кусковъ жаренаго лошадинаго мяса.

» Чпожъ ты хочешъ дѣлашь? «

— » Тащишь карешу! « опвѣчалъ Маіоръ.

» Ты съ ума сошелъ! «

— » Да! правда! « вскричалъ Филиппъ, сложивъ руки на грудь.

Вдругъ опчаянная мысль какъ будпо овладѣла имъ.

— » Ты! « вскричалъ онъ, схвативъ за плечо своего солдата: »я поручаю ее небѣ на одинъ часъ только . . . Помни, чпо ты долженъ скорѣ умерешъ, чѣмъ допустишь кого бы шо ни было къ карешѣ. « . . .

Сказавъ сіи слова, Маіоръ схватилъ въ одну руку весь брилліанты Графини, а другою, выхвативъ саблю, началъ осыпашь пяджедовѣсными

ударами пѣхъ, кои казались ему наиболѣе крѣпкими и безспрашными изъ спящихъ.

Онъ успѣлъ разбудить колоссальнаго гренадирѣ и двухъ другихъ, коихъ не лзя было распознать ранга.

— »Насъ жарягъ! « . . . сказалъ онъ имъ.

— Вижу . . . опвѣчалъ гренадиръ.

— »Ну шакъ смерть за смерть! Не лучше ли продашь жизнь свою для прекрасной женщины и—можешъ бышь—увидѣшь оныя Францію? « .

— Я хочу спашь! . . . сказалъ одинъ изъ проснувшихся, повалившись оныя на снѣгъ. И если ты дошронешся еще до меня, Маіоръ, по я пропорю тебѣ брюхо . . .

— О чемъ дѣло, Г. Офицеръ? прервалъ гренадиръ. Видишь, эполтъ соня пьянъ! . . . Вѣдь Парижской жипель! . . . а эполтъ народъ, знаешь, любишь понѣжипься! . . .

—»Эпо все тебѣ, храбрый гренадиръ!«—вскричалъ Филиппъ, подавая ему бриліантовое ожерелье—»если ты захочешъ слѣдовашь за мной и драпъся, какъ бѣшеной . . . Русскіе на десяти минутъ опшюда; у нихъ еспь лошади; мы пойдемъ съ побой на первую бапарею и приведемъ пару рысаковъ. « . . .

— А часовые, Маіоръ? . . .

— »Одинъ изъ насъ шпронхъ. « . . . сказалъ онъ солдашу.

Тупь перервалъ онъ свою рѣчь и взглянулъ на Адьюпанша.

— »Вѣдь ты пойдешь съ нами, Ипполипъ!« продолжалъ онъ.

— »И пакъ... одинъ изъ насъ управился съ часовымъ... Сверхъ того, они вѣрно сами спятъ... эпи... Русскіе!

— Хорошо, Маіоръ! ты славной солдашъ... Но ты посадишь меня послѣ въ свой берлинъ? сказалъ гренадиръ.

— »Безъ сомнѣнія, если ты не покинешь шамъ своей шкуры.« ..

Сѣи при человекѣ пожали руку другъ у друга; и — съ минушу продолжалось молчаніе.

— »Если я погибну, Ипполипъ и ты храбрый гренадиръ! обѣщайте мнѣ пожертвованъ собой для спасенія Графини.« ..

— Рѣшено! вскричалъ гренадиръ.

Трое опчаянныхъ пуспились къ Рускому войску, прямо на башарей, копорья пакъ ужасно разгромили массу несчастливцевъ, валявшихся по берегу рѣки.

Они поѣхали прое: воропились только двое.

Черезъ часъ, попопъ двухъ скачущихъ лошадей раздавался по снѣгу; и пробужденная башарей сыпала ядрами, копорья свиспали по головамъ спящихъ; спукъ лошадиныхъ шаговъ

пакъ былъ часпъ, какъ будто кузнецы ковали желѣзо. Великодушный Адьюпанпъ погибъ. Исполинскій гренадиръ былъ цѣлъ и здоровъ; но Филиппъ, защищая своего друга, раненъ былъ шпыкомъ въ плечо. Не смопря на шо, онъ вцѣпился въ гриву лошади и сжалъ ее пакъ сильно колѣнками, чшо живоппное находилось словно въ пискахъ.

— «Слава Бору! . . . вскричалъ Маіоръ, нашедши оспавленнаго солдапа неподвижнымъ и карешу на мѣспѣ.

»Если вы справедливы, Г. Офицеръ, по вѣрно выхлопочете мнѣ креспикъ. . . Вѣдь мы славно позабавились. . . Гм! . . .

— «Чшо мы сдѣлали? . . . Запрягай-ка лошадей! Бери веревки! «

»Да эшихъ не доспанепъ! «

— «Ну пакъ спупай по эпимъ сонямъ, обери у нихъ шали и все пряпье. « . .

»Ге! ге! да онъ умеръ, эпопъ забавникъ! « . . . вскричалъ гренадиръ, обдирая перваго, копорый попался. »Они мертвые. « . .

— «Всѣ? «

»Всѣ, до одного! . . . Несвареніе желудка послѣ лошадинаго мяса. . . снѣгъ. . . огонь. « . .

Сіи слова заспавили содрогнушья Филиппа. Спужа усилилась.

— » Боже мой! Пошеряпъ шу, копорую я спасаль уже двадцашь разъ! «..

Онъ началъ сильно шряспи Графиню, крича:

— .»Юлія! Юлія! «

Графиня подняла голову и опкрывла глаза.

— »Ну, сударыня! мы спасены!«

— Спасены... повшорила Графиня, падая снова.

Наконецъ лошади были кой-какъ заложены. Маіоръ, держа саблю здоровой рукой, а поводья другой, вооруженный писполешами, вскочилъ на одну лошадь, гренадиръ на другую.

Солдашъ, у копораго ноги опмерзли, брошенъ былъ поперегъ карепы, на Графа и Грагиню.

Лошади, погоняемыя сабельными ударами, словно бшеныя мчали экипажъ по равнинь. Но безчисленныя запрудненія ожидали вездъ Маіора. Когда онъ вскакаль въ средину полпы, ему не возможно было фхашъ, не подвергаясь опасности раздавишь, на каждомъ шагу, спящихъ безчувственныхъ мушцинь, женцинь и даже дфлей. Напрасно искаль онъ дороги, копорую не за долго проложилъ себф аріергардъ по эшой безпредельной массф людей: онъ долженъ былъ фхашъ шагомъ, весьма часпо оспанавливаемый солдапами, копорые грозились убишь его лошадей.

» Хошите ли вы доѣхать? «

— »Гопіовъ пожертвовашъ всею моею кровью... всѣмъ свѣцомъ! «... опивчалъ Маіоръ.

»Ну такъ маршъ! Бѣтъ яичницу, не жалѣшь яицъ! «...

Гренадиръ пустилъ лошадей во весь опоръ по людямъ, опрокидывая окровавленными колесами бивуаки и прорѣзывая сугубый слѣдъ смерти. Однако должно опдашь ему справедливости, что онъ не переспавалъ кричанъ громовымъ голосомъ:

» Гей! сволочь! берегись! «

— »Несчастные!« вскричалъ Маіоръ.

»Э! да вѣдь все равно! Либо зима, либо пушка приберетъ же! «...

И онъ гналъ безъ памяти лошадей, не жалѣя оспрея сабли. Но вдругъ воспослѣдовала кашаспрофа, кошпоя должна была случиться гораздо ранѣе и опъ кошпоя невѣроятный случай дополь сохранялъ ихъ. Кареша опрокинулась.

»Я этого ожидалъ!« вскричалъ хладнокровный гренадиръ. »Э! э! да пріятель нашъ въ карешѣ также опправился!«

— »Вѣднѣй Лоранъ!« сказалъ Маіоръ.

»А его звали Лораномъ! Не изъ пятаго ли егерскаго? «...

— »Да! «...

» Такъ эпо мой двоюродный братъ! Ну! да скажашъ правду! жизнь не споишъ псперь, чшобъ жалъшь объ ней! «

Не лзя было поднятъ карепы и выпушашъ лошадей безъ важной пощери драгоцѣннаго, невозвращимаго времени.

Толчокъ, произведенный паденіемъ, былъ пакъ силенъ, чшо молодая Графиня очнулась, вышла изъ оцѣпененія, кое-какъ высвободилась изъ подъ плашья и приподнялась. Она посмопрѣла во кругъ себя.

» Филиппъ! « вскричала она психимъ голосомъ: « гдѣ мы? «

— » Въ пяписпахъ шагахъ опъ моспа. Мы переправляемся черезъ Березину. По шу спорону, Юлія, я не буду васъ болѣе беспокоишъ! . Я вамъ позволю спашъ, сколько угодно. Мы будемъ въ безопасоспи... доѣдемъ спокойно до Вильны! . . И дай Богъ, чшобъ вы никогда не знали, чего мнѣ будешъ споишъ жизнь ваша! « . .

» Ты ранень! «

— » Эпо ничего! « . .

Но развязка приближалась.

Пушки Русскія возвѣспили день. Овладевъ Спуденкою, они начали громишъ равнину; и, при первомъ мерцаніи ушра, Маіоръ увидѣлъ колонны ихъ, двигавшіяся грозно на висопахъ.

Тогда вопль прероги раздался среди безчувственной громады, покрывавшей равнину. Толпы въ одну минуту вскочили на ноги. Каждый инстинктуально понялъ опасность. Всѣ, машинальнымъ, неопредѣленнымъ движениемъ, успремились къ мосту. Русскіе разливались съ быспрошою пожара. Мущины, женщины, дѣпи, лошади — все ввалилось на мостъ. По счастью Маіора и Графини, они находились еще въ опдаленіи опъ рѣки; ибо Генераль Эбле велѣлъ зажечь сваи съ другаго берега.

Не смощря на извѣщеніе, которое дали опоздавшимъ на сію послѣднюю доску спасенія, никто не хощѣлъ опспунишь назадъ. Не только мостъ, обремененный народомъ, подломился: но напоръ бурнаго попока людей, хлынуващаго на сей пагубный крупояръ, былъ пакъ спремипелень и неударжимъ, что цѣлая масса человеческая ринулась спремглавъ въ волны, какъ глыба земли, какъ тяжельй обломокъ скалы, соспавленной изъ головъ и пѣлъ: не слышно было ни малѣйшаго крика—только глухой шумъ, словно камня, упавшаго въ воду! Березина покрывалась шрупами. Попянное движеніе пѣхъ, кои опрокинулись назадъ въ равнину, чтобъ избавишься опъ сей ужасной смерщи, и неизбежное сполкновение съ пѣми, кои, ничего не зная, продолжали спремипься впередъ, было причиною ужасной давки, въ коей задохлось множество народа. Графъ

и Графиня де Вандеръ были одолжены жизнію своей каретѣ. Лошади погибли раздавленныя, распопшанныя, сами распопшавъ и взмѣсивъ кучу шруповъ.

Маіоръ и гренадиръ нашли спасеніе въ своей силѣ. Они убивали, чпобъ не бысть убитыми.

Эпопъ ураганъ человѣческихъ лицъ, эпопъ приливъ и опливъ шѣлъ, одушевленныхъ однимъ движеніемъ, былъ причиною, чпо берегъ рѣки оспался пуспъ на нѣсколько ми-нупъ. Народъ опшашнулся въ равнину. Нѣ-сколько человѣкъ бросились въ рѣку съ крупояра, вышиною въ двѣнадцать фуповъ, сколько въ надеждѣ доспигнушь другаго берега, копорый на шу пору соспавлялъ для нихъ Францію, сполько во избѣжаніе гдѣна. Опчаяніе было эгидою нѣкошорыхъ другихъ: одинъ офицеръ добрался на шу спорону, перепрыгивая со льдины на льдину; другой солдапъ чудеснымъ образомъ вскарабкался на груду шруповъ и льду. Но большая часпъ оспавшихся поняла, чпо Русскіе конечно не захопяпъ перебитъ двадцать тысячъ безоружныхъ, окоспенѣлыхъ, безчувспенныхъ людей, кошорые не думали и не могли защищашся.

Тогда Маіоръ, гренадиръ, спарый Графъ и его жена оспались одни, въ нѣсколькихъ шагахъ ошъ мѣспа, гдѣ находился мостъ. Они спояли

на ногахъ всѣ чепверо, съ высохшими глазами, безмолвные, окруженные громадой холодныхъ пруповъ.

Нѣсколько крѣпкихъ солдатъ и офицеровъ, коимъ крайность возвратила всю энергію, собрались вокругъ. Они образовали изъ себя группу человѣкъ въ пятьдесятъ. Маіоръ примѣпилъ въ двухъ шагахъ шагахъ обломки большаго парома, копорый за два дня былъ разломанъ.

»Сдѣлаемъ площъ!« вскричалъ онъ.

Едва произнесъ онъ сіи слова, какъ шолпа бросилась къ обломкамъ. Тридцать человѣкъ принялись за спройку. Двадцать другіе пуспились собирать желѣзные крючья, искашь деревянныхъ брусевъ, веревокъ и другихъ нужныхъ маперіаловъ. Нѣсколько вооруженныхъ солдатъ и офицеровъ соспавляли спражу, командуемую Маіоромъ, для прикрытія работавшихъ опъ нападеній, на копорья могла покуситься опчаянная шолпа, угадавъ ихъ намѣреніе. Чувство свободы, одушевляющее узниковъ и заспавляющее ихъ дѣлашь чудеса, не можешъ сравнишься съ шѣмъ, копорое оживляло несчастныхъ Французовъ.

— Вошь Русскіе!.. вошь Русскіе!.. кричали шѣ, кои прикрывали работавшихъ.

Между шѣмъ дерево шрещало; площъ росъ въ ширину, въ вышину и въ глубину. Генера-

лы, солдапы, полковники, сгибались подъ пляжесью колесъ, веревокъ, желѣза и досокъ: это было насоящее изображеніе спроенія ковчега!

Молодая Графиня, сидя подлѣ своего мужа, смопрѣла на сіе зрѣлище съ сожалѣніемъ, чпо не могла учаспвовашь въ общей работѣ. По крайней мѣрѣ она помогала вязашь узлы, чпобъ укрѣпипь веревочныя снаспи.

Наконецъ плошъ былъ окончанъ. Сорокъ чеповѣкъ сбросили его въ рѣку, между пѣмъ какъ чеповѣкъ десяшъ солдапъ ппанули веревки, которыя должны были держашь его у берега.

Какъ скоро спроепшели увидѣли, чпо ихъ судно плавало по Березинѣ, немедленно ринулись въ него опромешью, съ неисповымъ эгоизмомъ.

Въ одну минушу плошъ былъ покрыпъ людьми.

Маіоръ, спрашашь буйной яроспи перваго движенія, держалъ за руки Юлію и Графа: но онъ запрепешалъ, когда увидѣлъ плошъ, весь почернѣвшій людьми, кои пѣснились на немъ, какъ зрпшели въ парперѣ пшапра.

— » Грубіаны! « .. вскричалъ онъ. » Не я ли первый подалъ вамъ мысль? .. я вашъ спаспшель, а мнѣ нѣшъ и мѣспа! « ..

Смупный шумъ былъ ему опвѣпомъ... Люди, споявшіе на краю плоша съ шеспами, упер-

лись изъ всѣхъ силъ въ берегъ, чпобъ перебросить его на ту сторону, сквозь груды льдинъ и пруповъ.

— Бездѣльники! вскричалъ гренадиръ ужаснымъ голосомъ: я васъ брошу всѣхъ въ воду, если вы не примете Маіора и двухъ его спутниковъ! . .

И, поднявъ саблю, онъ воспрепятствовалъ опправленію; попомъ, не смотря на ужасной крикъ, велѣлъ спѣснить ряды.

— »Упаду! Падаю!« кричали со всѣхъ сторонъ. »Бдемъ! Пошоль!«

Маіоръ смотрѣлъ изсохшими глазами на Юлію, которая подняла взоры свои къ небу съ чувствомъ высокой покорности.

»Умереть съ побойю!« . . сказала она.

Между тѣмъ положеніе людей, набившихся на плотъ, представляло нѣчто комическое. Всѣ кричали; но никто не смѣлъ перечить гренадиру: ибо видѣли, что это былъ человекъ, который могъ сбросить весь народъ въ рѣку, опрокинувъ одного. Въ сей опасности, одинъ Полковникъ попытался столкнуть самого гренадира; но лукавый солдатъ, замѣшивъ непріязненное движеніе офицера, схватилъ его и кинулъ въ воду, примолвивъ:

»А! а! гусь! вѣрно захопѣлъ напишься... такъ подижь!« . .

»Вошь два мѣспа!« вскричалъ онъ пюпомъ. »Ну, Маіоръ! бросай красавицу и иди самъ. Кинь на берегу эшу спарую вепошь, копорая завпра околѣеть!«

— Проворнѣй! вскричали спо голосовъ въ одинъ голосъ.

»Гей, Маіоръ! Они ворчатъ—и по дѣломъ!.. Ну же, скорѣ!«..

Графъ де Вандьеръ высвободился изъ подъ шубъ, кошорыми былъ окушанъ, и показался въ своемъ Генеральскомъ мундирѣ.

— »Надобно спаси Графа!« сказалъ Филиппъ. »Эпо вашъ долгъ!«

Юлія сжала руку своего друга. Она бросилась къ нему на шею и обняла его. То было ужасное объятіе!

»Прощай!« сказала она.

Они поняли другъ друга.

Графъ де Вандьеръ нашель силы и присупсвие духа, чпобъ соскочипъ на площъ. Юлія слѣдовала за нимъ, бросивъ послѣдній взглядъ на Филиппа.

»Маіоръ!.. Хоппше ли заняшь мое мѣспо!.. я плюю на жизнь!« вскричалъ гренадиръ. »У меня нѣтъ ни жены, ни дѣпей, ни мапери.«..

— »Я поручаю шебъ ихъ!« кричалъ Маіоръ, указывая на Графа и его жену.

»Будшежь покойны... я ихъ спану беречь, какъ глазъ.«..

Площъ былъ брошенъ съ шакою силою на берегъ, пропивоположный шому, гдѣ Филиппъ оспался неподвижный, чшо прикосновеніе къ землѣ ужасно попрясло его. Графъ былъ на краю и свалился въ воду; въ шу минушу, какъ онъ падалъ, льдина опшперла ему голову и опбросила далеко по волнамъ, какъ шаръ.

» Гей!.. Маіоръ! « .. кричалъ гренадиръ.

— Прощай!.. кричала женщина.

Филиппъ де Сюси упалъ, пораженный ужасомъ, изможденный холодомъ, сожалѣніемъ, успалоспью и скорбью

(окончаніе слѣдуетъ).

IV.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

ЖИТЕЛЕЙ ОКЕАНИ.

(БАЛЬБИ).

Разсмаширивая общеспвенное соспояніе безчисленныхъ поколѣній жипелей Океаніи, прежде всего мы видимъ, что они предспавляющъ, спакъ сказащъ, двѣ главныя опрасли самобытной образованности, опрасли совершенно различныя между собою. Первая опрасль, содержащая великіе народы Индійскаго Архипелага, кажепся; заимспвуешъ свое произхождение опъ народа неизвѣспнаго, копорый, по мнѣнію Г. Крауфурда, говорилъ языкомъ Велико-Полинезійскимъ; сей расадникъ народовъ мы назовемъ Явано-Малайскимъ; ибо Яванцы и Малайцы безспорно сушъ первобытныя жипели, независимо опъ всякаго вліянія иносспраннаго спавшіе очень высоко на лѣспвицѣ образованныхъ народовъ сей часпи свѣспа. Вшорая опрасль, заключающая всѣхъ прочихъ жипелей Океаніи, предспавляешъ образованность несравненно ниже первой. Въ ней можно видѣшъ при главные опспѣнка, кой можно назващъ спрема расадниками, Авспральскимъ, Королинскимъ и Полинезійскимъ, по именамъ спранъ, содержащихъ наибольшее число огражданспвовавшихся поколѣній.

Тонкія и ученія изслѣдованія Г. Крауфурда касательно разсадника Явано-Малайскаго доказываютъ, что въ Малезіи гражданская образованность развилась безъ соучастія Спараго и Новаго Мира. Сія образованность во многовѣковомъ развитіи своемъ приняла ходъ совершенно особый и разпространилась отъ Мадагаскара къ восточнымъ берегамъ Африки и до острова Пасхи къ берегамъ Америки. Здѣсь, равно какъ и на старомъ материкѣ, вездѣ видны слѣды древняго поколѣнія, сильно изображающагося въ языкѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ гражданскихъ, такъ и священныхъ, во нравахъ и обычаяхъ великаго множества народовъ, коихъ нельзя опредѣлить точной эпохи существованія его и указать мѣсто его колыбели. Сія гражданская самобытная образованность, основаніе общественнаго состоянія, въ коемъ находящіяся безчисленныя поколѣнія Малайскаго, и слѣды коего видны въ народахъ, разсѣянныхъ на двухъ прешахъ шара земнаго, безспорно принадлежатъ народу, какъ думаютъ ученые филологи Марзденъ и Крауфурдъ, говорившему Велико-Полинезійскимъ языкомъ: феноменъ единственный въ исторіи челоука, особенно если мы подумаемъ, сколь мало средствъ имѣлъ сей народъ къ распространенію своихъ колоній на пространныхъ споль безпредѣльномъ. Изслѣдованіе языковъ, коими говорятъ безчисленныя поко-

лѣнія Малайскаго на споль обширномъ пространствѣ, сравненіе ихъ нравовъ, обычаевъ, ихъ учрежденій, полипическихъ и священныхъ ихъ сказаній и преданій народныхъ: все указываетъ очевиднымъ образомъ на разсадникъ самобытной образованности, къ коему, шакъ сказашъ, привипа послѣ шого образованность иноспранная, въ разныя эпохи занесенная Индусами, Арабами, Кишайцами и наконецъ Европейцами.

Сіи основанія ведутъ насъ къ заключенію, чшо сей народъ неизвѣспный, но въ сущесствованіи копораго нельзя сомнѣваться, съ незапамтныхъ временъ безъ всякаго иноземнаго вліянія сдѣлалъ успѣхи въ земледѣліи; зналъ употребленіе желѣза, золота и олова, умѣлъ обрабатывать мепалмы, владѣлъ искусствомъ ткашъ матеріи изъ волокнистой часпи одного шуземнаго распенія; сдѣлалъ ручными буйвола и корову и употреблялъ ихъ для земледѣлія и для перевозу; выкормливалъ курицу, утку и свинью, для умноженія средствъ къ продовольствію; далъ себѣ 'правильный образъ правленія; учредилъ ярмарки и рынки, производившія въ определенное время; имѣлъ у себя календаръ гражданскій и земледѣльческій; имѣлъ ариемепику, довольно обширную, и даже сподъ возвысился, чшо избрѣлъ азбуку. Сіи доказательства подтверждаютъ предположеніе Крауфурда, чшо на оспровѣ Явѣ развилось сущесствование сего неизвѣсп-

наго народа и слѣдовательно здѣсь должно искать колыбели всей самобытной образованности Морского Мира.

Главные народы, принадлежащіе къ разсаднику Явано-Малайскому, суть Яванцы и Малайцы, собственно такъ называемые, горные жители, населяющіе часть Явы, именуемую Сундою, Баппасы, Ахинеи, оспровишяне Бали, Сумбавскіе Бимы, Богуи и Макасары Целебескіе, Тагалы, Бисаюсы, Сулусы и Минданао Филиппинскаго Архипелага.

Опличительная черта, болѣе всего опдѣляющая опъ образованности всѣхъ народовъ образованность сего разсадника, есть чрезвычайное разнообразіе азбукъ, упопробительныхъ между ними, хотя обспоятельность совершенно не могли благопріятствовать легкости и даже необходимости ихъ изобрѣшенія. Баппасы, Редьянги и Лампонги говорятъ языками не только различными между собой, какъ на пр. языки Французской, Испанской и Ипадіанской, и все прее живутъ на одномъ оспровѣ; однакожь для выраженія своихъ мыслей упопробляютъ буквы совершенно различныя, какъ будто бы языки ихъ совершенно различны между собою. Тотъ же феноменъ, единственный въ испоріи челоука, повпоряется при сравненіи языковъ Сунды, Тагаловъ, Богуевъ и Яванцевъ, принадлежащихъ къ одному корню.

Разсадники Авспральской, Каролинской и Полинезийской, въ развитіи своемъ предспавляющъ ходъ, не споль скорый, какъ разсадникъ Явано-Малайскій; можно даже сказащъ, чпо онъ давно оспановился. Но какъ ни мала сія образованность въ сравненіи съ Малайской, все она достойна примѣчанія; особливо когда предспавимъ себъ неблагопріяшныя обспояшпельсхва для людей въ сей странѣ, чпобъ выдши изъ дикаго соспоянія. Липенные помощи домашнихъ живошныхъ, не зная упопробленія мепалловъ самыхъ полезныхъ, разсѣянные по безпредѣльному морю, они занимающся земледѣліемъ; соединены подъ спройнымъ правленіемъ; раздѣляющся на касшы, имѣющія особенныя права; повинующся ученію религіозному и въ опношеніи къ наслѣдспвеннымъ власпямъ сохраннымъ чинность, копорая по спрогоспи своей и подробностямъ можетъ сравнящся съ юговоспочною Азіяшскою чинностью. Вдали отъ народовъ образованныхъ, сіи оспровишпяне спроящъ хижины, весьма удобны по мѣспнымъ обспояшпельсхвамъ, одѣвающся или наспоящими маперіями, или циновками, искуссно пригошпвленными; воздвигаютъ нѣкопорые грубые памяшники; наконецъ съ удивительнымъ шщаніемъ спроящъ пироги—удивленіе мореплавателей—на коихъ, руководспвуясь небесными свѣшпилами и познаніемъ вѣспровъ, по вѣмъ на

правленіямъ спранспвуютъ по обширному океану.

Чтобы соединить главныя черпы, служившія намъ къ проведенію разграничивающей линіи между сими према рассадниками самобытной образованности, и каждому народу назначить принадлежащее, можно распредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ.

Авспральній рассадникъ можетъ заключать въ себѣ Негровъ, менѣе грубыхъ и дикихъ. Хотя доселѣ извѣсны очень не многіе народы, сюда принадлежащіе; но впереди всѣхъ ихъ должно пославить оспровилянъ Новой Ирландіи, новой Брешани, Санша - Круца, нѣкопорыхъ оспрововъ Соломонова Архипелага и Папуазіи или Новой Гвинеи. Сіи народы знаютъ употребленіе лука и спирѣлъ, неизвѣстное народамъ опрасли Королинской и Полинезійской; нѣкопорые умѣютъ дѣлать глиняную посуду; и вообще всѣ имѣютъ много вкуса и ловкости въ изваяніяхъ, коими украшаютъ свои пироги и воропа домовъ. Здѣсь мы должны замѣтить двѣ особенності, принадлежація сему народу, свѣденіемъ коихъ обязаны мы Г. Лессону. Сей натуралистъ примѣтилъ, что у оспровилянъ Вегу и Дори употребляются деревянныя изголовья, выдѣланныя съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, предспавляющія пару сфинксовыхъ головъ — Египешскую принадлежность!

Многія изъ нихъ во Франціи были сравниваемы съ изголовьями Египетскихъ мумій, и между шѣми и другими не найдено большой разности. Въ приспани Праслинской попже ученый слышалъ музыку жипелей на маленькомъ шпинепѣ съ прерядами спрунъ и на Пановой флейпѣ или свирѣли раздѣленной на восемь нощъ, изъ коихъ пяпъ принадлежатъ къ гаммѣ, а при повпоряющся въ верхней окпавѣ. Одинъ опличный музыканпъ приписываетъ изобрѣпеніе сего инспруменпа самымъ опдаленнымъ вѣкамъ.

Разсадникъ Каролинской можетъ заключать не только всѣ народы Малайскаго племени на Архипелагѣ Каролинскомъ, но и спародавнѣйшихъ жипелей Архипелага Маріанскаго, оспровипянь Палао и группы оспрововъ, извѣспныхъ подъ именемъ Центральнаго Архипелага. Всѣ сіи народы соспавляютъ опрасль, копорую Лессонъ называетъ Монголо-Пелажскою. Многія особенныя черпты опличаютъ сихъ оспровипянь опъ прочихъ жипелей Океаніи. Вопервыхъ они совершенно не имѣютъ обрядовъ богослуженія: хопя еспъ у нихъ ушѣшипельное ученіе о другой жизни, но нѣтъ ни храмовъ, ни идоловъ. Они не слѣдуютъ позорному обычаю Полинезійцевъ безчеспить дочерей и невольницъ, похищенныхъ изъ нѣдръ своихъ семейспвъ. Ревнивые къ своимъ супругамъ, они въ шочности соблюдаютъ непорочность брач-

наго ложа и бояпся обращенія своихъ женъ съ иноспранцами. » Ихъ пироги « — говоришь Г. Лессонъ — » уже давно славятся своимъ спроенiемъ и ни въ чемъ не походяшь на пироги другихъ Полинезийцевъ. Они опличные мореплавапели, наблюдающъ печенiе свѣспиль небесныхъ, имѣющъ у себя родъ компаса, копорый, какъ извѣспно, давно сущеспвуешъ въ Кипаѣ и Японiи, хопя жиппели сижъ послѣднихъ спранъ и шеперь не могушь назвапьяся искусными мореплавапелями. Теченiе ихъ пироговъ, выкрашенныхъ красною краскою и напсрпныхъ вещеспвами, дающими имъ видъ лакированныхъ, испинно примѣчапельно; хопя впрочемъ далеко опъ шого, чшо говоряптъ о немъ нѣкопорые мореплавапели, особливо Ансонъ; въ часъ они пропывающъ пяпъ и шеспъ миль слишкомъ. Съ какою ловкостiю сiи оспровипяне поворачивающъ свои пироги проспымъ оборопомъ паруса! И сiи слабыя судна посспроены одинаковымъ образомъ на всѣхъ оспровахъ, гдѣ шолько мы имѣли случай видѣшь ихъ на сижъ длинныхъ грядахъ Архипелаговъ. Преданные войнѣ, къ коей челоувѣкъ здѣсь расположенъ опъ природы, Каролинцы сохранили или избрѣли множеспво убiйспвенныхъ орудiй. Впрочемъ мы не видали у нихъ ни лука, ни спрѣль, упопробляемыхъ Неграми, ни дубинокъ, ни длинныхъ дропиковъ особенно упопробипель-

ныхъ у Полинезійцевъ. Пращи, камни, заво-спренные колья съ наконечниками изъ рыбьей кости, попоры изъ раковинъ—вопъ обыкновенныя и всегда упошребипельныя ихъ оружія!»

Промышленность, свойственная симъ народамъ, состоитъ въ выдѣлываніи матерій. Австралийцы и Полинезійцы, болѣе образованные, для одежды своей упошребляютъ кору хлѣбнаго дерева, обмолоченную и вымашую. Каролинцы напрошивъ изъ шелковистыхъ нипокъ банаана, окрашенныхъ желтымъ, чернымъ, краснымъ цвѣтомъ, шкушъ прекрасныя матеріи, посредшвомъ инструментомъ, очень похожихъ на Европейскіе. »Смотря на сіи шкани, со вкусомъ украшенные рисунками« — говоритъ сей напуралисть — »не дѣя не опнеспи начало сего усовершенствованнаго искусства къ поколѣнію, издревле образованному, и давно уже сосшавившемся въ народное шѣло. Иначе почему бы Каролинцамъ не взяпсья за хлѣбное дерево, шполь обыкновенное на большей части ихъ ошрововъ, которое слѣдовало бы шолько обмолочить, и шакимъ образомъ превращипъ въ матерію? Опъ того, что по преданію сохранили они искусство, болѣе усовершенствованное въ первошшномъ ихъ опечешивѣ, и промышленность ихъ умѣла извлечь изъ того свою пользу.«

»Любопытно«—говоритъ Г. Жюль де Блосс-

севиль—»занимательно описываютъ подробноспи ткацкаго искусства у народа Океаніи, которьй полько съ одними своими средствами почпи за-спавляешъ насъзабышъ прекрасныя коровья по-лошна Гавандевъ и Апагипянь, понкія циновки Ропумскія, шелковыя плащи Новой Зеландіи и знаменишыя покровы Мадагаскарскіе. Сія занимашельносшь увеличивается, при мысли, чпо въ Спаромъ Свъшъ обрабопываніе тканий шеряешся въ глубокой древноспи; но въ Америкъ и на всъхъ оспровахъ Полинезіи изобръшеніе се-го искусства въше соспоянія умспвенныхъ ихъ силъ. Конечно разносшь великая между лепучимъ челнокомъ и механическими способами тканья; но чудеса нашей промышленноспи уже не споль-ко удивительны въ глазахъ шого, кпо увидишъ , до какой спепени совершенсшва, до какого изя-щесшва прудолгобивые оспровипяне, не знае-мые на земномъ шаръ, дошли безъ образцевъ и самыми просшыми средствами.»

Разсадникъ Полинезійскій можетъ заключаеш не полько Архипелагъ Тонга (Друзей), Гамоа (Мореходцевъ), Куковъ, Апаиши (Товарищесшва), Мендана (Маркизовъ), Гаваи (Сандвичевъ), и Спора-ды, принадлежаціе племени Малайскому, но и оспровипянь Тасманіи (Новой Зеландіи) и Нег-ровъ, населяющихъ Архипелагъ Виши. Между сими народами Апаипяне, Тонга и Гаваши сдъла-ли болъе успъховъ въ образованноспи до при-

бышя Европейцевъ. Всѣ образованныя поколѣнія, заключающіяся въ семь опдѣленій, вырабатываютъ шпонкія маперіи изъ коры *ауте* (*brongsonelia raryrifera*) и грубыя долопна изъ коры хлѣбнаго дерева. Они выдѣлываютъ ихъ чешвероспороннимъ моложомъ, со всѣхъ чешырехъ споронъ зубчатымъ, ударяя по корѣ размягченной и напишанной клеємъ. У всѣхъ одинъ и пошже способъ вырабатыванія, равно какъ и искусство покрываць ихъ кау-чукомъ для непроницаемости. Такія соображенія произошли не отъ случая, но отъ ремесль, издавна производимыхъ предками сихъ народовъ. Всѣ Полинезійцы пригошвляютъ и варящъ себѣ пищу въ подземныхъ печахъ съ помощію раскаленныхъ камней; для своихъ различныхъ нуждъ они употребляютъ лисья распеній; они обрацають плодъ хлѣбнаго дерева, коко, шаро, въ супъ; пьютъ *каву* или *аву*, сокъ изъ мака, упоевающій и развеселяющій.

До прибышя Европейцевъ къ ихъ оспровамъ, сіи народы были рабами ужаснаго суевѣрія, называемаго по ихъ *табу*, налагавшаго на нихъ множество лишеній и спойвнаго жизни безчисленнымъ невиннымъ жершвамъ. Сей законъ подъ смерпною казнію запрещалъ женщинамъ ѣспъ свинину, бананы и кокосы, пользоващя огнемъ, засвѣченнымъ отъ мущины, и входилъ шуда, гдѣ ѣдятъ мущины. Предшеспвенникъ знаме-

нишаго Тамегамеги I былъ до шакой спепени *табу*, что во время дня никшо не долженъ былъ смопрѣшь на него, и шого безъ пощады казнили смершю, кшо бы взглянулъ на него, хоща не нарочно.

— » Безъ сомнѣнiя « — говоритъ Г. Дюрвилъ въ своемъ разсужденiи о *табу* Ново-Зеландцевъ—»первоначальная цѣль сего усшановленiя была ша, чтобъ укрошишь гнѣвъ божешва, умилосшивишь его, налагая на себя произвольное лишенiе, сообразное съ важностiю преступленiя и мнимаго гнѣва Божiя. Одно слово жреца, сонъ, или какое нибудь невольное предчувствiе, можешь убѣдишь жипеля, что Богъ на него прогнѣвался; и вдругъ налагаешъ онъ *табу* на свой домъ, на поля, на пироги и пр. шо ешь, лишаешъ себя добровольно упошребленiя сихъ предметовъ, не смопря на запрудненiя и бѣдешвiя, въ кои должно привести его сiе лишенiе.«

»Иногда *табу* бываешъ совершенный и проспираешся на всѣхъ людей; шогда ничшо не можешь приближашь къ предметамъ запрещеннымъ, не подвергаясь жесточайшему наказанiю. Иногда *табу* бываешъ только частный и касаешся одного или нѣкопорыхъ людей. Человѣкъ, лично подвергающiйся дѣйствiю *табу*, исключается опъ всякаго сообщенiя съ соопечешвенниками и не смѣешъ даже брашь пицу своими руками. Если онъ принадлежишь

къ благородному классу, по нѣсколько служителей назначаются раздѣляя съ нимъ его за-
прещеніе; если онъ человекъ проспой, по
рпомъ на подобіе живописныхъ долженъ при-
нимать свою пищу. «

»Очевидно, что *табу* бываетъ пѣмъ порже-
спвеннѣе и важнѣе, чѣмъ значительнѣе особа,
подвергающаяся ему. Проспой человекъ, подвер-
гаясь всѣмъ *табу* разныхъ начальниковъ сво-
его колѣна, самъ можетъ налагать его только на
себя одного. Рангопира (начальникъ), по чину
своему, можетъ подвергать *табу* всѣхъ не-
посредственно зависящихъ отъ его власпи. На-
конецъ все племя слѣпо уважаетъ *табу*, нало-
женное главнымъ начальникомъ. Изъ сего видно,
какую выгоду могутъ получать начальники изъ
сего обыкновенія, какъ они могутъ сохраняя
права свои и заславляя уважать свою волю. Эпо
родъ *veto*, безпредѣльно обширный, коего сила
освящена набожными предразсудками человѣче-
ской природы. Въ Европѣ, во времена невѣже-
ства, духовные перуны Вапиканскіе не имѣли
споль быспраго, споль безусловнаго дѣйствія
на совѣсть робкихъ Хрисціанъ, и Папскія опре-
дѣленія не вспрѣчали шакого повиновенія, какое
оказываютъ къ *табу* въ Новой Зеландіи. «

»При недоспапкѣ положипельныхъ законовъ къ
утвержденію своей власпи и положипельныхъ

средствъ къ подкрѣпленію своихъ повелѣній, начальники не имѣють другаго обезпеченія, кромѣ *табу*. Если начальникъ боится недоспашка въ свиняхъ, въ рыбѣ, въ раковинахъ и пр. по причинѣ неумѣреннаго и преждевременнаго пошребленія со стороны подданныхъ; то онъ налагаетъ на нихъ *табу*, и на сколько времени, какъ ему разсудится. Если онъ хочетъ удалить скучныхъ сосѣдей отъ своего дома и отъ полей, то накладываетъ *табу* на свой домъ и на поля. Если онъ хочетъ присвоить себѣ монополію съ кораблемъ, приславшимъ къ его землѣ, то частное *табу* удаляетъ всѣхъ, съ коими не хочетъ онъ раздѣлять выгодной торговли. Если онъ недоволенъ капитаномъ корабля и рѣшился лишить его свѣжихъ запасовъ всякаго рода; то всеобщій *табу* никому изъ его колѣна не позволено приближаться къ кораблю. Съ помощію сего шайнспвеннаго и опаснаго оружія, благоразумно пользуясь имъ, начальникъ можетъ привестъ своихъ подданныхъ къ спирапельному повиновенію. Начальники и арики или жрецы, разумѣется, всегда дѣйствуютъ за одно, чтобы доставить своему *табу* всю важность. Припомъ начальники часто сами бываютъ ариками или по крайней мѣрѣ арики бываютъ соединены съ ними узами крови или другими связями. И пакъ взаимныя ихъ выгоды преобладаютъ того, чтобы поддерживать другъ

друга. Кшо проспираешъ свящопашспвенную руку на запрещенный предметъ, шопъ призы- ваешъ на себя гнѣвъ Бога (Atoua), кошорый не- премѣнно накажешъ его. Но чаще начальники и жрецы, предупреждая дѣйспвіе небеснаго гнѣва, сами спрого наказываюшъ виновнаго. Если онъ принадлежишъ къ высшему классу, шо лицаешся своей собспвенности и чина и переводишся въ самый низшій классъ общеспва. Проспой же человекъ и невольникъ одною смертію омыва- ешъ свое преспупленіе.»

Въ Океаніи почпи нѣшъ ничего, напоминаю- щаго Америку; но нѣкошорыя живошныя и ра- спшенія, полезныя человекъу, религіозныя идеи и преданія, игры и забавы, многіе обычаи и нѣко- шорыя искусствва, даже аналогія въ граммаши- ческихъ формахъ языковъ, коими говоряшъ ея образованнѣшше народы, показываюшъ про- изхожденіе Азіяшическое и сообщенія, кои въ различныя времена Океаническіе народы имѣли съ народами Азіяшскими.

Индусы, и особенно Телинги, Аравияне и Ки- пайцы, сущъ шри народа, содѣйспвовавшие обра- зованности Западной Океаніи (Архипелага Индій- скаго): первые два посредспвомъ своего фанашпи- зма, Кипайцы своею неупомимою промышлен- ностію. Величеспвенныя развалины, коими, пакъ сказашъ, усѣяна восшочная спорона Явы; *кави* или древній письменный языкъ Яванцевъ, еще

упопрєбипельный на оспровѣ Бали; религiи Брамь и Будды, еще господспвующiя на семь послѣднемъ оспровѣ и въ нѣкопорыхъ гори-спыхъ канпонахъ оспрововѣ Явы и Мадурь; названiя мѣди, серебра и другихъ полезныхъ предметовъ, шакже высшихъ числъ, супъ очевидные слѣды раннихъ опношенiй между образованными народами Малайскими и Индiйцами. Магомешанизмъ, исповѣдуемый почпи всѣми образованными Малайскими народами, многiе законы гражданскiе и уголовные, азбука упопрєбипельная у Малайцевъ, собспвенно шакъ называемыхъ, большая часпъ нацiональной липерашурь и великое число опвлеченныхъ шерминовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ нарѣчiямъ, доказывающъ влiянiе Аравишянъ на образованность сей часпи Океанiи. Нѣкопорые обычаи и великое число Кипайцевъ, поселившихся почпи на всѣхъ главныхъ оспровахъ сего великаго Архипелага, супъ неоспоримое доказашельспво древнихъ и продолжающихся доселѣ сношенiй шорговыхъ между ихъ жипелами и Кипайцами.

Разсмашривая влiянiе Европейцевъ на образованность народовъ Океанiи, должно согласишься, что сiи пришельцы не шолько не улучшили учаспи сихъ народовъ введенiемъ новыхъ искусствъ и усовершенспвованiемъ шѣхъ, кои здѣсь нашли; напропивъ, по крайней мѣрѣ до начала девашнадцашаго вѣка, вредили имъ

въ проякомъ отношеніи: къ богатству, могуществу и образованности. Англичане, говоритъ Г. Крауфурдъ, кажутся, менѣе другихъ Европейцевъ имѣли вліяніе на нравы Малайцевъ, среди коихъ поселились. У природныхъ жителей нѣтъ никакого признака, чтобы Англичане жили между ними; между тѣмъ во всѣхъ прочихъ странахъ замѣтно вліяніе Португальцевъ, Испанцевъ и Голландцевъ:

Обозрѣвая общественное состояніе, въ копоромъ находятся образованные народы разныхъ частей Морскаго Міра, нельзя не подивиться, что Малайцы, сдѣлавшіе такіе успѣхи въ образованности и возвысившіеся даже до изобрѣтенія азбуки, почти совершенно не имѣютъ никакого вкуса въ архипеллагурѣ. Во всей Океаніи не найдешь слѣда тѣхъ величественныхъ памятниковъ, коими усѣяна вся южная Азія и длинная долина Нильская и копорые находятся у Мексиканцевъ, Гвапимальцевъ и Перувианцевъ, хотя сіи послѣдніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже, чѣмъ жители Западной Океаніи; ибо у нихъ не было азбуки. Какое неизмѣримое разстояніе между грубыми памятниками Тиніана и Сайпана, колоссальными и безобразными статуями Острова Пасхи, оштрапительными идолами капищъ Полинезійскихъ, и между изваяніями Прудунга, Кало-Бенинга, Брамбанана, прекрасными колоссальными статуями Сингазари, Кобудалама, Шанд-Се-

ву, Пенатавы, и великолѣпными храмами Брамбанана, Боро-Бодо, Сингазари, Прудунга, и другими! Но жипелямъ Океаніи основательно можно приписатьъ только первые памятники: ибо коспюмы, фізіономіи, эмблемы, распенія и живошныя, предспавляемья на впорыхъ, споль превосходныя предъ первыми по ошдѣлкѣ, по числу и по размѣрамъ, очевидно показывающъ произхожденіе иноспранное. Съ эпой почки зрѣнія, оспровъ Ява, особенно воспочная часпъ его, въ опношеніи къ Океаніи, спуже, чпо спраны Нила и Апласа въ опношеніи къ Африкѣ, съ спѣмъ различіемъ, чпо большая часпъ гордыхъ памятниковъ Египша безспорно принадлежишъ природнымъ жипелямъ, а памятники Яванскіе носяшъ на себѣ очевидные слѣды Азіяшкаго произхожденія.

Родъ украшенія, вообще упопрѣбительный между Полинезійцами и Ново-Зеландцами, накальванье шѣла разными узорами, заслуживаетъ вниманіе. Сіи узоры, накальываемые неизгладимымъ образомъ, и скрывающіе, пакъ сказапъ, нагошу его, кажешся, чужды поколѣнію Негровъ, кошорые упопрѣбляющъ его очень рѣдко и припомъ грубо и несовершенно, и замѣняющъ его болѣзненными рубцами конической формы, производящими опъ насѣчекъ. Сія операція, у каждаго народа имѣющая свое названіе, упопрѣбляешся не только, какъ гіероглифическое и фан-

паспическое украшеніе; но служипъ вмѣспѣ къ означенію классовъ или чиновъ. Оспровипяне Помопуса (Нижнихъ Оспрововъ) покрываюшъ все шѣло сими узорами; сосѣди ихъ Таипьяне не шакъ много упошребляюшъ ихъ, особливо на лицѣ совсѣмъ не носяшъ, а вмѣспѣ съ жишелями Тонги, проводяшъ по немъ слегка нѣкошорыя чершы, какъ-шо: круги и звѣзды; между шѣмъ жишели Сандвичева Архипелага, все народонаселеніе Менданы и Новой Зеландіи, совершенно покрываюшъ все лице чершами по правиламъ приняшымъ и знаменашельнымъ.

Машери, на Сандвичевомъ Архипелагѣ, говорипшъ Г. Морино, сами узоряшъ своихъ дѣшпей. Узоренъе въ семъ возрастѣ имѣешъ цѣлю показашъ произхожденіе каждаго. Сіи знаки, для насъ спранные, показываюшъ, къ какому племени и какому семейшву дшпя принадлежипшъ. Со временемъ другія фигуры служашъ воспоминаніемъ какого - либо знаменшпаго дѣла или другаго произшесшвія. Упошребишельнѣйшіе признаки сушъ полоски, накальваемыя зиг-загами на рукахъ и на ногахъ. Люди средняго возраста носяшъ на груди или на рукѣ имя Тамегамеги. Женщшны всѣ имѣюшъ кругъ около правой ноги; очень часшо на ладони у нихъ изображающся звѣзды, кольца, луна; у многихъ языкъ бываешъ исколонъ. Изображеніе козь играешъ великую роль въ новѣйшемъ способѣ накальванья. Многіе

Индійцы имѣютъ рисунки на всѣхъ частяхъ шѣла, даже на лбу, на щекахъ и на носу. Впрочемъ сіе обыкновеніе уже исчезаетъ: Король не узорился вовсе, а придворные его щолько слегка.

Женщины въ Новой Зеландіи, равно какъ на Архипелагѣ Менданскомъ, накалываютъ себѣ рисунки между бровями, при разрѣзѣ губъ и часпо на подбородкѣ. Въ Таипи узоренье, если не бываетъ проспымъ украшеніемъ, предспавляетъ рисунки, особенно принадлежащіе каждому изъ семи классовъ Арреойсовъ, и напоминаетъ событія испорическія. Часпо на ногахъ изображается кокосовое дерево, а на груди сраженія, экзерциціи, собираніе плодовъ, оружіе, живошныя, челоѡческія жерпвоприношенія. Вообще узоренье у народовъ, принадлежащихъ къ центру образованія Полинезійскаго, соспоиптъ изъ круговъ и полукруговъ, обнесенныхъ кружевными бордюрами, кои похожи на безконечный кругъ Индійской Мифологіи. Узоренье у жищелѣй Ропумы совершенно различно: у нихъ верхнія часпи шѣла покрываются нѣжными рисунками, черпями легкими, рыбами и другими предметами, а на брюхѣ, спинѣ и лядвяхъ, изображаются массы сбивчивыя и смѣшанныя. Узоренье у народовъ центра Каролинскаго образованія опличается оптъ, узоренья прочихъ Полинезійцевъ шѣмъ, что массы его гораздо шире на шѣлѣ, и у многихъ

все шуловище имъ покрывпо. Такимъ образомъ производишь родъ одежды не исплѣвающей, но въ подробностяхъ весьма произвольной.

Недоспапокъ большихъ равнинъ, покрытыхъ распеніями, не позволяешъ жителямъ Океаніи предаваться паспущеской жизни. Жители Морскаго Міра, менѣе образованные, занимаюся охотою и рыбною ловлею. Мѣспопребываніе необходимо дѣлаешъ ихъ неуспращимыми мореплавателями и пловцами, самыми искусными въ свѣпѣ. Здѣсь пироги замѣняютъ лошадей и верблюдовъ кочующихъ народовъ Спараго Свѣша; и люшые корсеры Сумапры, Целебеса, Борнео, Сулу и Минданао, на Индійскомъ Архипелагѣ играютъ ту же роль, какую въ Азіи и въ Африкѣ Аравишяне, Бедуины, Мавры, Калмыки, Монголы, Курды.

Въ Морскомъ Мірѣ народы поколѣнія Малайскаго, въ отношеніи къ черной породѣ Океаніи, сушь шоже, что народы бѣлой породы въ Спаромѣ и Новомъ Свѣпѣ, въ отношеніи къ черному Африканскому и бронзовому поколѣнію. Вездѣ бѣлые сохраняюшь и развиваюшь образованность; вездѣ имѣюшь они чрезвычайное преимущесство надъ чернымъ и бронзовымъ поколѣніемъ, побѣждаюшь ихъ и спѣсняюшь въ лѣсахъ и въ горахъ. Равнымъ образомъ народы

Малайскіе, бѣлые Морскаго Міра, вездѣ искоренили или поработили поколѣніе черное и загнали его въ лѣса и въ мѣспа самыя неприступныя. Сіи народы уже совершенно исчезли изъ Явы; на Сумапрѣ же и Целебесѣ оспались въ самомъ маломъ количествѣ. Въ Борнео, Минданао и Люсонѣ, они удалились во внушрренность страны и уступаютъ берега новымъ пришельцамъ. Можно считать Центральную Океанію единственнымъ мѣспомъ, коимъ владѣетъ сіе поколѣніе, которое въ другихъ мѣспахъ почти вездѣ находится на послѣдней степени униженія нравственнаго и ослабленія физическаго и коего общественное соспояніе чрезвычайно пропавуположно, кромѣ малыхъ исключеній, соспоянію всѣхъ народовъ Малайскихъ.

Людоѣство нигдѣ пакъ не распространено, какъ въ Морскомъ Мірѣ. Не только можно сказать, что всѣ народы Полинезійскіе людоѣды, равно какъ поколѣнія Малайскія, Негры Западной Океаніи и Океаніи Центральной; но должно прибавить, что сей обычай вкорененъ даже между народами образованными и у иныхъ сопровождается такими обшпояпельствами, кои дѣлаютъ его еще ужаснѣе. Въ числѣ людоѣдовъ назовемъ въ Малезіи жителей острова Омбея, черныя поколѣнія Тимора, Даяковъ Борнейскихъ, Гарафоровъ Минданосскихъ и Вапшасовъ Сумапрскихъ. Жители

Нусса-Лауша, въ группѣ острововъ Амбоинскихъ, были людодѣлами еще въ началѣ послѣдняго вѣка. Не рѣдко случается видѣшь, говоритъ Крауфурдъ, что Целебесцы и даже Яванцы ѣдятъ сердце непріятелей; онъ прибавляетъ, что едва ли можно найсти одного военнаго между первыми, копорый бы не оповѣдалъ сего ужаснаго яства, при какомъ нибудь обшпояшельствѣ своей жизни.

Вопъ имена народовъ Центральной Океаніи, кои наиболѣе преданы людодѣству: еще дикіе первобытныя жилища около Порш-Весперна, живущіе у Синижъ Горъ и въ другихъ мѣстахъ Австральнаго материка, многочисленныя племена Тасманіи, черныя народы Новой Каледоніи и Архипелага Соломонова и Куйросова. Въ Полинезіи самыя лютейшія Каннибалы суть жители Архипелага Виши, особливо острова Навиги-Леву и жилища Архипелага Гамоа и Менданы. На семъ послѣднемъ жилища Нукачивы не только пожираютъ своихъ плѣнныхъ, но что особенно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ извѣстныхъ людодѣловъ, во время недоспадка пищи сѣдаютъ своихъ преспарѣлыхъ родственниковъ, дѣтей и даже женъ! Жители Малильгопопа на восточной сторонѣ Каролинскихъ Острововъ, жилища Репиш-Урура и Паллизера, въ Архипелагѣ Рурик-Радакскомъ и Опасномъ, также людодѣды, равно какъ и жилища Архипелага Палао-

скаго (Друзей). Г. Жюль Блоссевиль замѣчаетъ, что на Оспровахъ Товарищества еще не давно найдены досповѣрныя доказательсва людодсва.

Ужасное суевѣріе, заспавляющее человека для угожденія божесву приносиль своихъ ближнихъ на жерпву, суевѣріе, доказанное испорическими памянниками, долго сохранялось на Спаромъ Маперикъ у народовъ образованныхъ. Оно господсвуешъ шеперь между народами шрехъ великихъ опдѣлений Морскаго Міра: особенно въ Полинези оно шребуешъ многихъ жерпвъ и болѣе всего въ Архипелагахъ Тонги, Сандвичевомъ и Таипи. Къ счастью, Хрисіансво прекрапило сіи ужасы на двухъ послѣднихъ. Прежде въ королевсвѣ Зоннебая на Тиморѣ сущеспвовало обыкновение, въ гробницѣ вмѣсшъ съ умершимъ Королемъ заключапъ двухъ живыхъ невольниковъ. Еще не давно на помъ же оспровѣ Короли Купангскіе, по возшеспвіи своемъ на пресполъ, въ жерпву собирающимся у береговъ крокодиламъ, коихъ дѣшпми себя называли они, приносили молодую невольницу, убранную цвѣшами и другими украшеніями, выспавляя ее на берегъ морской, гдѣ она скоро дѣлалась добычею сихъ чудовищъ. На оспровѣ Бали варварское обыкновение сожигашъ вдовъ на погребальномъ коспрѣ супруговъ проспираешся до крайности, неизвѣспной даже въ шой землѣ, гдѣ оно имѣло свое начало. Тоже обыкновение еще

сущеспвуепть на оспровѣ Ломбокѣ. У нѣкопрыхъ народовъ на оспровѣ Целебесѣ приносяпть въ жерспву молодую дѣвушку на гробѣ Радьи, когда, чрезъ мѣсяцъ послѣ его погребенія, жена его оспавляепть домъ, ближайшій къ гробу, въ коппоромъ живепть по сіе время. Въ Архипелагѣ Вапи часпо при погребеніи супруга жена добровольно предаепть себя смерспи; на оспровѣ Тонгапабуа, въ Архипелагѣ Тонгскомъ, семейспво Тоуайспнга подвержено пакомужъ жерспвоприношенію.

Можепть быпть, нигдѣ люди не предспавляюпть пакого спраннаго смѣшенія образованноспи съ обычаями нелѣпыми, нравовъ кропкихъ съ жеспокими. Мы описали варварскіе законы пабу, еще господспвующаго у большей часпи народовъ Океаніи. По другому обыкновенію, не меньше варварскому, коппоре къ счаспію прекрапилось въ Архипелагѣ Гавайскомъ, но къ несчаспію еще сущеспвуепть въ другихъ часпяхъ Морскаго Міра, еспъ семейспва проспюдиновъ, въ коихъ нѣсколько человекъ должны убивашъ себя, какъ скоро умрешъ кпо нибудь изъ Королевской фамиліи или даже изъ фамиліи начальника. Одинъ изъ начальниковъ Соломоновыхъ Оспрововъ безжалоспно казнипть смерспию всякаго подданнаго, наспупившаго на пѣнь его. Въ безчеспномъ общеспвѣ Арреойсовъ, въ Архипелагѣ Товарищеспва, когда женщины дѣлающя беремен-

ными, по душамъ младенца при рожденіи, дабы не прерывають своихъ распущенствъ. Сіе отвращительное обыкновеніе, равно какъ и жертвоприношенія человѣческія, уничтожены со введеніемъ Христіанства.

Дѣпоубійство обыкновенно между многими поколѣніями. У кропкихъ обитательей хребта Радакскаго; мать безъ жалости убиваетъ свое дѣтище, копорое производитъ на свѣтъ, если имѣешь уже прехъ дѣшей; такимъ же образомъ сбываетъ она всѣхъ, кои родятся слабыми или нескладными. Сіе жестокое обыкновеніе, происходящее отъ недоспащка, копорый претерпѣвають на сихъ островахъ, неизвѣстно на хребтѣ Ралика, ибо плодородіе земли дѣлаетъ его ненужнымъ. Жители Тикопи, по свидѣтельству Капитана Дильона, отличаются кропостію своихъ нравовъ и своею людскостію; душамъ при рожденіи всѣхъ дѣшей мужескаго пола, исключая двухъ старшихъ. Сію жестокость они оправдываютъ тѣмъ, что народонаселеніе на островахъ ихъ слишкомъ велико и безъ сей мѣры недоспащнобъ было средство къ пропитанію жителей. Звѣрскія поколѣнія изъ окрестностей Бопани-Бея зарываютъ въ гробъ съ матерью живаго младенца, копорого она кормила грудью. Мудрый Тамегамега I своими руками задушилъ двухъ сыновей своихъ, влюбившихся въ Кагоману, фаворитку

его. Многія поколѣнія Малайскія и между ними Биссаюсы, Филиппинцы, Папуасы или Иголопы изъ провинці Пангазинанъ на оспровѣ Люсонѣ, часпо продають своихъ дѣпей. Тиморьены пакже иногда продають ихъ, чпобы умножишь число своихъ женъ.

Можно сказаць, чпо многоженство господствуетъ или терпимо во всей Океаніи, хопя только одни богатые предаются ему. Въ Явѣ, Суматрѣ, Целебесѣ и во всей Полинезіи, имѣють по одной женѣ. Цѣлыя націи совсѣмъ не допускають многоженства, какъ напримѣръ жипели оспрововъ Нассау или Погги и Саву, Гарафорасы изъ внушренныхъ спранъ Минданао, жеспокіе Алфоресы Церамскіе и многіе народы Филиппинскихъ Оспрововъ, независимые опъ ига Испанскаго. Въ архипелагѣ Менданскомъ многомужіе обыкновенно у всѣхъ богатыхъ семей: ибо каждая богатая жена имѣеть по два мужа, изъ копорыхъ одинъ замѣняетъ опсупствіе другаго; но сей подспавный мужъ въ самомъ дѣлѣ естъ только первый слуга. По древнимъ преданіямъ, въ обществѣ Арреойсовъ и Урюповъ, соспоящемъ изъ великаго числа благородныхъ людей обоого пола, женщины принадлежатъ всѣмъ мущинамъ и принуждены убивать своихъ дѣпей при рожденіи.

Океанія, болѣе нежели другая какая-либо часть свѣта, предспавляетъ великое разнообразіе

зіе спранныхъ обычаевъ опноспельно брака и обхожденія съ женщицами. Сумапряне и особливо Редьянгсы, кажешся, испоцили всѣ спосо- бы, коими союзъ сей можешь заключащься. У послѣднихъ еспь при образа женишьбы. Въ первомъ, называемомъ *журжуръ*, мужъ поку- паешъ свою жену; погда она дѣлаешся его собспвенноспію или рабынею; онъ можешь продашь ее и располагашъ ею. Во впоромъ способѣ, называемомъ *амбеланакъ*, мужъ усы- новляешся опномъ и женою его; онъ рабо- шаешъ вмѣсно его, вмѣспѣ съ половиною сво- его оспаешся подѣ власпю своего теспца, и съ дѣпшми своими дѣлаешся собспвенноспію оп- ца семейспва. Въ прешьемъ образѣ, называе- момъ *симандо*, мужъ даешъ и принимаешъ; же- на въ семъ случаѣ на равной ногѣ съ мужемъ; но сей способъ соединенія, похожій на Европей- скіе обычаи, къ несчастію очень рѣдокъ. Обы- чай служишь нѣсколько времени или приносишь богатшыя дары опцу своей невѣспы, вспрѣчае- мый у житпелей Филиппинскихъ и другихъ на- родовъ Малайскаго племени, еще сущеспвуешъ у Тагамовъ и Биссаіосовъ, принявшихъ Хреспіан- скую вѣру. Сей обычай напоминаешъ обѣ Іудей- скихъ обычаяхъ. Молодые люди изъ племени Баджусовъ или Даяковъ, изъ Гарафоровъ и Ида- новъ Борнейскихъ, не могуць женишься, не оп- рѣзавъ головы или дѣшпородныхъ часпей у не-

пріятели своего. Въ колѣнѣ Алфорезовъ Серамскихъ женихъ долженъ принести къ ногамъ невѣсты, въ залогъ любви своей, пяць или шестъ головъ непріятельскихъ. Эпо ужасное обыкновение господствуетъ также у Гарафаровъ или Алфорезовъ нѣкопорохъ Молукскихъ Осипрововъ и у Гарафаровъ Минданаоскихъ, кои въ семь поколѣннй меньше всѣхъ прочихъ дики.

Между многими Авспральскими народами браки совершаются посредствомъ похищенія; между дикими народами Южнаго Новаго Валлиса, юноши, чпобы получить руку женщины, подсперегаютъ ее на дорогѣ и, палочными ударами поваливши на землю, приводятъ облищую кровью къ своему племени, и тамъ совершаютъ брачный обрядъ. Сии дикіе народы, подобно звѣрскимъ ордамъ другихъ частей свѣта, презираютъ своихъ женъ и возлагаютъ на нихъ самыя тяжкія работы. Во время походовъ жены несутъ за ними посуду и дѣшей своихъ за спиною, между тѣмъ какъ мужъ идетъ съ легкимъ дропикомъ въ рукѣ. Жены приготавлиютъ пищу своимъ мужьямъ, а сами ѣдятъ оспатки, брошенные сыплыми. Почти у всѣхъ народовъ Полинезійскаго образованія жены считаются нечислыми существами, и потому имъ не позволено ѣсть въ присущствіи мужчинъ; однакожъ онѣ пользуются и уваженіемъ; иногда наследуютъ своимъ мужьямъ и дѣти

пѣмъ болѣе имѣюшъ уваженія, чѣмъ выше и древнѣе чинъ или благородство со стороны маперри. Прекрасные мушцины Лагунскіе, въ Архипелагѣ Помопу, хорошо обходяпся съ своими женами; также поступающъ жипели Уалановъ и другихъ оспрововъ въ Архипелагѣ Каролинскомъ.

Кромъ просвѣщеннѣйшихъ Европейскихъ оспранъ, нигдѣ женщины не пользуются такими преимуществами, какія имъ даюпся законами и обычаями у многихъ Малайскихъ племенъ Океаніи, особенно у Ругюйцевъ и Макасаровъ. Въ государствѣ Вадохъ въ Целебесѣ, онѣ принимающъ очень сильное участіе въ дѣлахъ общественныхъ и пользуются правами равнѣ съ мушчинами. Государства Лоунъ и Липукози на помъ же оспровѣ управляющъ двумя женщинами. Въ нѣкопорыхъ королевствахъ Тимора и особенно въ королевствѣ Амаконгскомъ, женщины за недоспапкомъ мужескаго пола могушъ восходипъ на пронъ. Знаменипая Бапара - Тоя, въ 1714 году провозглашенная царицею Бони - Целебеса, успушила корону своему брапу; когда сей лишенъ былъ престола и снова избрана была Бапара, по она во впорой разъ успушила его другому брапу. Въ 1628 году знаменипая Вандан-Сари, дочь Султана Маппарама, одѣвшись воиномъ, говорила рѣчь войску и, предводившъ оное, своимъ мужескомъ и примѣромъ много содѣйствовала

взятію Жиро, города, предъ копорымъ былъ разбитъ ея мужъ. Въ Бали, въ Явѣ и на другихъ оспровахъ, женщины пользуются уваженіемъ, необыкновеннымъ въ спранахъ, гдѣ господствуетъ многоженство; онѣ имѣюшъ великую свободу и Магомешанскіе Принцы Архипелага Индійскаго, не согласные въ семъ случаѣ съ единовѣрцами своими, Азіяцскими, Африканскими и Европейскими, позволяюшъ знаменитымъ иноспранцамъ посѣщанъ ихъ женъ въ гаремахъ. Жеспокіе Даяки Борнейскіе, Алфорезы Серамскіе, люпые морскіе разбойники Сулу и Минданао, воинспвенные жипели Архипелага Тонго, кропко обходяшя съ своими женами; между пѣмъ какъ у Баппасовъ, Тагаловъ, Биссаіосовъ Филиппинскихъ, у жипелей Архипелаговъ Сандвичева, Менданы, Гамоа, Випи, онѣ обременены работами и служапъ мужьямъ своимъ вмѣсто невольницъ. Жены у жипелей хребпа Радаксакаго, въ Центральномъ Архинелагѣ, идупъ за мужьями своими и любовниками на войну и, споя сзади ихъ, бросаюпъ камнями въ непріятелей.

Таковы главныя черпы, опличающія различныхъ жипелей Океаніи, конечно, опъ всѣхъ народовъ шара земнаго и предспавляющія рѣзкую пропивоположностъ въ нравахъ, обыкновеніяхъ и привычкахъ. Раздѣленные другъ опъ друга рукавами неизмѣримыхъ морей, сіи на-

роды въ пѣхъ мѣсцахъ, гдѣ поспавило ихъ Провидѣніе, создали себѣ особую образованность, особые нравы, кои часпо болѣе различающся другъ опъ друга, чѣмъ нравы Испанскіе опъ Русскихъ. Хоня съ перваго взгляда кажешся, что причину спранныхъ несходствъ, коими они опличающся, должно приписать топографическому положенію ихъ; не смопря на по, ан-пропологиспу здѣсь очень много работы. Среди ужаснаго множесства прошиворѣчащихъ повѣствованій, съ конца пятнадцатаго вѣка выходившихъ о различныхъ Архипелагахъ, соспавляющихъ Морской Міръ, только съ помощію великаго шруда, спрогой и почной кришки, можно будепъ наконецъ опличить истину опъ лжи. Но когда будепъ признана подлинность рассказываемыхъ фактовъ, оспанешся еше сдѣлать классификацію между сими разными поколѣніями, смопря по спепени образованности, копорой онѣ достигли: классификацію пѣмъ шруднѣйшую, что оппѣнки сей образованности не успановились или по крайней мѣрѣ не рѣзко различающся между собою.

ПЕРЕВ. В. ОБОЛЕНСКІЙ.

Л Ы Т О П И С Я

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— РУССКІЙ ЖИЗНЬЯЗЪ. ПОХОЖДЕНІЕ АЛЕКСАНДРА СИБИРЯКОВА ИЛИ ШКОЛА ЖИЗНИ. *Сочиненіе Геннадія Симоновскаго. Двѣ Части. Москва, въ типогр. С. Селивановскаго, 1832.*

— СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ, СЕМЕЙНОЙ И ОДИНОКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ. *Шестъ Частей. Москва, въ типогр. А. Семена, 1832.*

Разсуждая вообще о романахъ а), мы видѣли, что современныя событія и нравы лежатъ внѣ области романа, понимаемаго въ широкій смыслъ, какой дается ему теперь всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ. Следовательно сіи два произведенія нашей словесности, въ коихъ предполагалось изобразить современную Русскую жизнь, не должно судить по идеѣ и преребваніямъ романа.

Въ чемъ же должно соспаять эстетическое достоинство сихъ и подобныхъ имъ нравоописательныхъ сочиненій?

Прошедшее спользіе завѣщало намъ два способа представлять современные нравы въ формѣ художественной, весьма близко подходящей къ формѣ романа и попому долго съ ней смѣшиваемой: первый

а) См. *Телеск. N. 14.* Спаясь сія не продолжается по причинамъ, оныхъ Издашеля не завѣщавшимъ. *Изд.*

Испанскій, прославленный Лесажемъ; другой Англійскій, коего предсавипелами должно счеспь Ричардсона и Фильдинга. Оба сіи способа имѣли множеспь во послѣдовапелей и репипелей.

Ле-Сажь, коего слава досель держипся *Жилблазомь*, не самъ изобрѣлъ форму своихъ правописпелныхъ романовъ: онъ шолько перенесъ во Францію и сдѣлалъ общепзвѣспнымъ давно сущеспивовапщій въ Испаніи, пакъ называемый, *бродяжпый* или *бездѣльпическій родъ* (del gusto picaresco), коего первымъ опыпомъ былъ *Лазариль Торжскій*, сочиненіе извѣспнаго Діега де Мендозы, Государспивеннаго Мужа, Полководца, Испорика и Поэта Карла V. Художеспвенная пкань произведеній, соспавляющихъ сей родъ, весьма проспа и пезапгѣлива. Выдумываюпть прощпца, бродягу, плуша, котораго заспавляюпть скипашься по бѣлу свѣпу, чрезъ всѣ спупени общеспвеннаго быпа, отъ креспьяпской хижины до королевскихъ палапъ, отъ цирюльни брадобрѣя до кабинспна миниспра, отъ презрѣпныхъ вертеповъ мошенничспва и разврапа до смиренной пуспыши опшпельника. Замѣпанія и разсказы, собранные подобнымъ скипальцемъ, во время спранспивованія по различнымъ слоямъ общества, сдѣпляютъ въ одно болѣ или менѣ общирное цѣлое, которое своимъ разнообразіемъ, песпропою изображеній и живостью карпинъ, можетъ щекопать воображеніе, занимать любопытспиво и даже укальвать нравспвенное чувство назидателными впечапльпямн. Смпь ограничивается вся художеспвенная ихъ обработка. Разу-

мѣшая, что, при такомъ сопавѣ, драматическая сосредоточенность инпереса въ единствѣ живаго дѣйствія, необходимая для романа въ собственномъ смыслѣ, невозможна. Лице главнаго героя въ подобныхъ произведеніяхъ не есть существенный центръ ихъ эстетическаго бытія, а произвольно придуманная ось, вокругъ коей вращается волшебный раекъ Кипайскихъ пѣней. Въ Испаніи эпика произвольность имѣла видъ естественности: ибо тамъ существуетъ дѣйствительно, какъ національный идиомизмъ, классъ бродягъ и прощельцовъ, подобныхъ Лазарилу Тормскому и Жилблазу де Саншиллана. Но когда, по примѣру Ле-Сажа, въ другихъ Европейскихъ націяхъ, гдѣ гражданская жизнь болѣе усроена и пѣснѣе сжата въ рамкахъ общественнаго порядка, явились *Новые Жилблазы*, ихъ неестественность и лживость должна была раньше или позже изобличиться. Посему родъ сей былъ наконецъ брошенъ. Во Франціи хотѣли замѣнить его *Пустынниками*, кои съ легкой руки Жуи быспро расплодился и пустили было оппрыски во всѣ Евроцейскія литературы. Здѣсь комическая маска *Жилблаза* приходила замѣнилась спещеннымъ лицомъ холоднаго наблюдателя, всмапривающагося изъ за угла въ песпрыя карпины общественной жизни. Но кромѣ того, что сей способъ зрѣнія по необходимости долженъ былъ ограничиваться одними внѣшними, пакъ сказаць, науличными движеніями общества, не проникая въ завѣщныя пайны домашняго очага; очерки, сопавляемые холодною наблюдательностью *Пустынниковъ*, естественно имѣли гораздо болѣе сухости и гораздо

менѣ жизни, чѣмъ фаншасмагорическія похождения удалыхъ *Жилблазовъ*.

У насъ первый опытъ *Русскаго Жилблаза* предпринялъ былъ *Нартъжыма*. Его вышло только при часпи; и, какъ всѣ произведенія *Нартъжнаго*, онъ опличаюся слишкомъ грубою жесткостью красокъ, не рѣдко вредящею самой истинѣ изображеній. Покойный *Выжигинъ* былъ также нѣчто въ родѣ *Жилблаза*: не будемъ превозиниъ праха его! Новый *Русскій Жилблазъ* не лучше прежнихъ. Въ предувѣдомленіи опъ издашеля говорится, что «преждевременная и внезапная смерть автора сей книги лишила сіе сочиненіе того достоинства, которагобы можно было ожидать отъ опышнаго и дарованія сочиншеля.» Мы охотно вѣримъ, что оно моглобы много выиграть въ опдѣлкѣ и окончанности изложения: но не болѣе! Въ самой идѣ подобныхъ произведеній заключается существенный ихъ недостатокъ, котораго исправить не можетъ никакое искусство. Хотя въ *Александрѣ Сибиряковѣ*, играющемъ здѣсь роль *Жилблаза*, душа и сердце не *выжжены* до пла, все однако, въ Русскомъ нарядѣ, онъ не имѣетъ той естественности и живости, кои опличаютъ первообразъ его, подѣ Испанской эпанчей, въ за-Пиринейской атмосферѣ.

Способъ нравоописанія, который мы назвали Англійскимъ, въ честь Ричардсона и Фильдинга, гораздо общѣ и меньше имѣетъ національной исключительности, чѣмъ *Жилблазныи*. Здѣсь природа человеческая, въ костюмѣ извѣстной справки и вѣка, представляется въ картинѣ спройной и цѣльной, имѣю-

щей припязанія на единство, пребуемое существенными условіями романа. Произведенія Ричардсона и Фильдинга съ ихъ безчисленными подражаніями имѣютъ видъ біографіи сердца. Но имъ не доспаетъ того, что составляетъ важнѣйшую черту настоящаго романа, дѣйствія и жизни. Сіи правоописательныя повѣствованія составлены изъ болѣе или менѣе занимательныхъ ситуацій, въ коихъ представляются съ болѣею или менѣею полною и вѣрностью различныя положенія сердца, различныя фазы общественныхъ нравовъ, но безъ органической связи, безъ элекприческаго движенія, которое есть основа жизни. Отсюда ихъ сухость, принужденность и холодность, кою никакъ не можетъ согрѣть чашная, мѣсная, шакъ сказать, шеплопа различныхъ сценъ. Ричардсонъ и Фильдингъ опличались другъ опъ друга почками, съ коихъ видѣли и представляли жизнь. Первый съ серьезностію, проспировавшеюся до педантизма, смотрѣлъ только на спешенную, нравственную спорную жизнь: послѣдній любилъ глѣдѣть на нее подъ комическимъ угломъ зрѣнія. Въ послѣдствіи обѣ сіи почки не рѣдко соединялись: и эпо благоприятствовало полнотъ сихъ правоописательныхъ картинъ, не возводя однако ихъ до дѣйственной, органической жизни романа.

Къ сей уже избытой и устарѣлой формѣ правоописаній принадлежитъ *Семейство Холмскихъ*. Произведеніе сіе нельзя назвать явленіемъ совершенно лишнимъ, бесполезнымъ въ нашей литературѣ: его можно прочесть на досугъ, кому есть время чинать и.кого природа снабдила долгопернѣіемъ, могущимъ

одолеешь без ропота шесть полских книг. Мы сами победоносно прочли его не без некопорого вознагражденія: но, признаемся, повпорили съ Пирромъ, что придется погибнуть, если должно будетъ одерживать другую подобную побѣду!

Семейство Холмскихъ соспоиптъ изъ безчисленнаго множества порпретовъ и очерковъ, по забавныхъ, по жалкихъ, иногда занимательныхъ и не рѣдко операципельныхъ. Всѣ они сняты съ напуры. Это бытъ Русскаго дворянсва въ лицахъ! Но въ какихъ лицахъ? Это восковыя, безцвѣпныя, безжизненные фигуры! Въ нихъ есть вѣрность и истина маперіальная. Даже сдается, что многія изъ нихъ просто слѣплены съ извѣстныхъ недѣлимыхъ. Но это послѣднее достоинство, весьма дорого цѣнимое любопытною догадливостью, для эстетическаго чувства, свободнаго отъ всѣхъ споронныхъ интересовъ, не только не имѣетъ никакой цѣны, даже явно вредитъ наслажденію. Отъ искусства пребуемъ мы не маперіальныхъ слѣпковъ, а карпины идеальной. Если извѣстные недѣлимые находятъ въ ней мѣспю, по ихъ должно спавиптъ такъ, чтобы ихъ часпныя фізіономіи не задерживали собственнo на себя вниманія, а содѣспвовали бы выраженію общей идеи карпины. Что мнѣ нужды, если я не буду умѣть назвать ихъ собственными именами? Лишь бы видѣлись ихъ характериспическія черпы, изъ коихъ должна слагаться фізіономія цѣлаго представленія! Я хочу видѣть Русское дворянство, а не *Удушевыхъ* и *Столицыныхъ*, не *Продигиныхъ* и *Змѣйкиныхъ*, кошорыхъ въ напурѣ могу видѣть ближе и

угодно часъ и начните чипать: вы падаете на сцену, на поршреть, копорый займетъ васъ, копорый захочетъ дочестъ; копорый раздражитъ ваше любопыспво и заманитъ далѣе . . . Но бойшесь успушпшь искушенію: черезъ нѣсколькo спраниць васъ одолѣетъ смертная скука: вы увидите себя какъ будто въ одномъ изъ пѣхъ длинныхъ, безконечныхъ ходовъ, кои плянутъ въ капакомбахъ, обспавленные съ обѣихъ споронъ муміями. Причина очевидна! Только живыя существа могутъ свиваться въ живую, органическую цѣпь: изъ мершвыхъ пруповъ образуется мершвая гряда! Въ *Семействѣ Холмскихъ* ни одно лице не связывается съ другимъ, ни одна сцена не держится за другую союзомъ общей жизни. Все сцѣвлено механически; и потому расплывается собешвенною тяжестію, копорой чрезмѣрная обширность произведенія только что больше придаетъ грузу. Швы, коими предполагалось укрѣпить сію несвязную массу, изумляютъ своею ничпожностью. Такъ н. п. одинъ вдепъ въ госпи къ пріятелю и находипъ у него незнакомыя лица; ему хочетъ знать ихъ; и вопъ цѣлый рядъ поршретьновъ и описаній! Въ слѣдствіе подобныхъ вспрѣтъ, къ концу произведенія накопилось пакое множество разныхъ именъ, что изъ одной ихъ переключки соспавился довольно длинный эпилогъ. Коротко сказапъ, въ *Семействѣ Холмскихъ*, вѣпъ ни пѣни художественнаго успройства.

Тоже должно сказапъ и объ изложеніи. Оно опичается упоминательною, скучною вялоспью. Длинный, безконечный расказъ плянется медленнымъ, од-

пообразнымъ шагомъ, не оживляемъ ни игрою воображенія, ни теплотою чувства. Описанія испорченскія пускмы и безцвѣтны: движенія сердца ограничиваются общими мѣстами риторическихъ восклицаній, не рѣдко переходящими въ припорное нѣжничанье пошлой сантиментальности. Это особенно странно потому, что *разговоръ, приложенный вмѣсто предисловія къ Семейству Холмскихъ*, написанъ довольно живо, не безъ некоей игры остроумія. Спало бытъ, тогожь можно было надѣяться и опъ всего произведенія. Вышло иначе—и не безъ причины! Безжизненность содержанія должна была выпечататься на изложеніи!

Оспается сказать еще слово о моральномъ достоинствѣ *Семейства Холмскихъ*. Сіе произведеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, кои, по извѣстной поговоркѣ, *мать можетъ безопасно давать дочери*. Въ немъ нѣтъ ни романической мечтательности, развращающей воображеніе, ни сильныхъ спраспей, изпуряющихъ сердце. . . Пусть такъ! Но эта дѣтская невинность для дѣтей только и пригодна. Азбучная нравственность, какъ ни разкрашивай ее для взрослыхъ, не только не можетъ приносить никакой пользы, но даже обращается во вредъ; поелику, неумѣнно напверживаемая, рждаетъ скуку и отвращеніе. Спирогідъ моралистскіи, подобныя *Свѣтской*, суть самыя опасныя непріятельницы нравственности; ибо внушаютъ къ ней боязнь, а не любовь. Подъ ихъ руководствомъ могутъ образоваться только педантизмъ, подобныя *Соболь Холмской*, кои, своею холодною добродѣтелью, бываютъ пугалами, а не украшеніями

общества. Наука жизни должна состоять въ полномъ и вѣрномъ ея изображеніи! Конечно, не все можно, не все должно показывать *догери*: но благоразумная *мать* лучше не должна вовсе позволять касаться до запрещеннаго древа познанія добра и зла, чѣмъ касаться только въ половину.

Заключимъ: ни *Семейство Холмскихъ*, ни *Русскій Жилбазъ*, не удовлетворяютъ нисколько современнымъ требованіямъ народнаго самопознанія. Не слишкомъ съспеваемъ мы на ихъ явленіе: но дай Богъ, чпобъ оно какъ можно рѣже возобновлялось въ нашей словесности! Излишество безполезнаго прозябенія хуже безплодія!

VI.

ПРОЦЕССЪ

ФРИДРИХА БЕНУА

ВЪ ПАРИЖѢ.

(окончаніе)

Іюня 11 начались пренія, въ слѣдствіе двойнаго обвиненія Бенуа, при многочисленномъ спеченіи зрителей. Ввели обвиняемаго. Онъ одѣтъ былъ въ синій сюршукъ, довольно опрятно и чисто. Передъ судейскимъ споломъ разложены были всѣ улики преступленія: канане, обипое желтымъ Упрехспскимъ бархапомъ, на кошоромъ умерщвленъ Формажъ въ Версали; подушка, еще окровавленная, и посверхъ

мѣшокъ съ плапьемъ убишаго. На сполѣ лежали зон-
пикн обоихъ молодыхъ людей, ночевавшихъ въ Вер-
сали 21 Юля 1831 года. Фридрихъ запрепалъ,
при семъ видѣ, и закрылъ лице плапкомъ, копорый
держалъ въ рукахъ. На вопросы, сдѣланные ему по
обыкновенной формѣ, отвѣчалъ онъ слабымъ и дро-
жащимъ голосомъ, что называется Николай-Теодоръ-
Фридрихъ Бенуа, опъ роду имѣеть двадцать одинъ
годъ, по званію писецъ попаріуса, родился въ Вузье,
въ Арденскомъ Департаментѣ, и во время своего
арестованія пребываніе имѣлъ въ Парижѣ.

Опецъ и спаршій братъ обвиняемаго сидѣли на
скамьѣ адвокаповъ, подлѣ Г. Кремье, копорый вмѣ-
стѣ съ Г. Викпоромъ Анжѣ, долженъ былъ защи-
щать Фридриха. Лабовъ, не давно вышедшій изъ
Клервосской шюрмы, и опецъ Формажа, сидѣли на
другой скамьѣ, не подалеку опъ Г. Ше-д'Эсп-Анжа,
адвокапа ихъ, какъ испщевъ.

Пока Г. Дюшень, письменоводитель Уголовнаго Суда
Сенскаго Департаментша, читалъ актъ обвиненія,
Фридрихъ споялъ съ закрытыми глазами и, казалось,
находился въ сильномъ волненіи.

Первыя пренія начались между адвокапами обѣихъ
споронъ о правѣ Лабова бытъ допущеннымъ въ ка-
чествѣ испща. Судъ, по выслушаніи обоихъ, призналъ
право Лабова законнымъ. Тогда призванные свидѣтели
удалились въ особо назначенныя для нихъ залы; и Г.
Гардуэнъ, Президентъ Суда, началъ допросъ обвиня-
емаго, изъ коего помѣщаемъ здѣсь наиболѣе замѣча-
тельные пункты:

В. Въ Ноябрь 1829 года вы жили въ опцовскомъ домѣ, въ Вузѣ, бывъ прежде въ Реймской Семинаріи; сколько лѣтъ прешло, какъ вы шуда воропились?

О. Чешыре года.

В. Кто оспавался при вашей мапери 8 Ноября?

О. Только я и моя двоюродная сеспра, племянница мапушки.

В. Эпа двоюродная сеспра, Луиза Фёшеръ, копорая вмѣспѣ была служанкою дома, спала весьма не далеко опъ вѣшей мапери?

О. Такъ, сударь! но я спалъ вверху, въ первомъ этажѣ.

В. Когда легли у васъ спать 8 Ноября?

О. Я легъ въ восемь часовъ съ половиною, мапушка пакже, а Луиза Фёшеръ не много позже.

В. Вы вспавали въ десять часовъ?

О. Въ десять часовъ я вспавалъ, попому что мнѣ не спалось, и ходилъ грѣшь воду, чпобъ напишься съ сахаромъ. Луиза Фёшеръ тогда еще не ложилась и я просилъ у ней ключа опъ шкапа.

В. Попомъ вы опяпъ легли спать: когдажъ вы проснулись?

О. Въ полночь я услышалъ глухой шумъ въ комнату у мапушки и подумалъ, чпо ей почно; я надѣлъ исподнее плашье и пошелъ къ ней. Но увидѣвъ бѣлье, разбросанное по полу, шощасъ подумалъ, чпо насъ обкрадываютъ, и побѣжалъ увѣдомить нашего сосѣда, Г. Доссера.

В. Очень спранно, что вы въ тужь минупу не вошли въ комнату вашей мапери. Она найдена уби-

пою почно пакже, какъ и молодой Формажъ; ударъ нанесенъ былъ ей оспрымъ орудіемъ; все показываесть, что оба пресупленія совершены были однимъ способомъ.

Обвиняемый не отвѣчалъ.

Президентъ началъ предлагать другіе вопросы, клонившіеся къ доказательству невозможности, чтобы пресупникъ снаружи опперъ спавень окна и вошелъ въ комнату.

О. Споемо только просунуть палець въ скважину и тогда легко было подиятъ крючокъ. Пресупленіе должно бытъ совершено людьми, знавшими нашъ домъ.

В. Въ эпошъ день въ Вузѣ былъ праздникъ; время было дождливое; и однако въ комнату не нашли грязи, ни другихъ слѣдовъ, чтобы входилъ кто-нибудь со двора. Сверхъ того, никто изъ чужихъ не зналъ, гдѣ опецъ вашъ пряпалъ свои деньги; эпо знали только ваши домашніе, мапъ, брапья, сеспры—и вы.

О. Да, сударь, я зналъ.

В. Вы взяли въ шкапу сахаръ и забыли ключъ, пакъ что убійца долженъ былъ уловить именно пу минупу, когда вы ушли, чтобы взять деньги, находившіяся въ ящикѣ, внизу именно того шкапа, опъ копорого вы забыли ключъ. Наконецъ, надобно допустить, что пресупникъ вошелъ безъ огня въ комнату, гдѣ находился эпошъ шкапъ, укралъ деньги и потомъ пошелъ убить мапъ вашу въ кабинетъ, гдѣ она спала; все эпо должно было происходить безъ огня; ибо не нашли никакого слѣда зажженной свѣчи.

О. Ночь была очень мѣсячная.

В. Какимъ образомъ случилось, что пресступникъ зарѣзалъ вашу мать, укравъ уже деньги? Къ чему это бесполезное убійство, когда ему оставалось только бѣжать?

О. Это вещи, копорыхъ я не умѣю объяснить.

В. Убійца оставилъ 2,000 франковъ серебромъ, посуду серебряную и другія вещи, копорыя также могъ бы унести.

О. Безъ сомнѣнiя онъ спѣшилъ войти въ другую комнату и, если не унесъ этихъ 2,000 франковъ, то потому, что услышалъ мои шаги.

В. Видѣли ли вы кого-нибудь бѣгущаго?

О. При выходѣ изъ дому мнѣ показалось, что женщина или кто-то, въ бѣломъ на головѣ, мелькнулъ за угломъ дома Манике.

В. Никто изъ свидѣтелей, прибѣжавшихъ на вашъ крикъ, не видалъ этой женщины, и съ другой стороны Луиза Фѣшеръ, спавшая только въ девяти фушахъ отъ постели вашей матери, не была испугана никакимъ шумомъ.

О. Дверь кухни, гдѣ спала Луиза Фѣшеръ, была заперта, а я спалъ почти надъ самою спальнею ма-мушки; оставивъ дверь не заворенною, я могъ легко слышать.

В. Свидѣтель Доссеро, осматривая послѣ происшествiя постель Луизы Фѣшеръ, удивился, что она

не была нисколько смята. Онъ сказалъ ей: »такъ вы еще не ложились?« Въмѣсто отвѣта, Луиза, поднявъ руки вверхъ, закричала: »пешушка! бѣдная пешушка! «

О. Она уже легла, когда я вспавалъ въ десять часовъ; ибо, чпобъ зажечь мнѣ свѣчу, надѣвала свою юбку.

В. Вы не входили совсѣмъ въ комнату своей матери; и, когда у сосѣда Доссера, васъ утѣшали, чпо она еще жива, вмѣсто того чпобъ пожелать ее видѣть, вы сказали только: »разведите хорошій огонь! согрѣйте ее! «

О. Я просился у свидѣтелей видѣть ее. Если они утверждаютъ прошивное, то вѣрно по какой-нибудь ошибкѣ.

През. Все доказываетъ, чпо вы убили свою мать, чпобъ обокрасить ее.

Бенуа (съ горькими слезами). Какая нужда мнѣ убивать ее, чпобъ обокрасить? Можно ли этому повѣривъ?

В. Но не признались ли вы сами, чпо, послѣ смерти матери, обокрали вашего отца?

О. Такъ, сударь! Черезъ нѣсколько дней, бапюшка приказалъ мнѣ посмотрѣть, не оспалось ли у маиушки денегъ, спряпаныхъ по шкапамъ; я нашель 250 франковъ золопомъ и всѣ ихъ опдалъ. Спусти уже долго послѣ, я нашель еще 1,500 франковъ золопомъ, копорые упайлъ. Еслибъ я нашель ихъ въ первый день, то также бы опдалъ всѣ бапюшкѣ, какъ и первые 250 франковъ.

В. За чѣмъ же вы упайли эти 1,500 франковъ?

О. За тѣмъ, что меня собирались отправить въ Нанси, въ писцы къ Нопариусу.

В. Опець вашъ присылалъ ли вамъ денегъ, когда вы жили въ Парижѣ?

О. Присылалъ до 1,000 экю золопомъ.

В. Это не вѣроятно. Свидѣтели показываютъ, что опець вашъ всѣ расходы держалъ серебромъ, а золото всегда опкладывалъ и копилъ. Послѣ умерщвленія Формажа, обыскивая вашу кварпиру, въ го-спинницѣ Ж. Ж. Руссо, у васъ нашли въ комодѣ 2,500 франковъ золопомъ. Они лежали въ мѣшкѣ, въ сверпкахъ по 500 франковъ. Какъ могла оспапья у васъ такая значительная сумма изъ 1,500 фр., копорые вы ушпали опъ опца, когда доказано, что вы, будучи писцемъ въ Реймсѣ, всѣ ваши расходы держали золопомъ и въ Парижѣ плапили порпному спакже золопомъ?

О. Это золото опъ бапюшки; сверхъ того я игралъ и выигрывалъ.

В. Вы заплапили за Брегеповскіе часы 180 франковъ золопомъ; покупали другія вещи пою же монепю; съ Формажемъ, на разныя поѣздки, вы издержали 1,800 фр. Въ Нанси вы заказывали свой порпрешъ, приказывали съ него сняпъ нѣсколко копій, и заплапили за по 90 фр. Наконецъ, чтообъ похваспапья своими расходами, вы купили себѣ попугая за 80 фр. По собственному вашему показанію, вы имѣли входъ полько въ одинъ игорный домъ, въ Пале-Роялѣ подъ N 129. Очень хорошо. Тамъ показываютъ, что васъ знаютъ не болѣе года; что вы прежде никогда спамъ не бывали; а, есплбъ были, по они призналибъ

вась немедленно; попому что всѣ молодые люди вашихъ лѣтъ, посѣщающіе игорные дома, непременно записываются и имена ихъ сообщаются Префекту Полиціи. Играли вы только во время послѣдняго вашего пребыванія въ Парижѣ; только одинъ разъ вамъ удалось выиграть значительную сумму, 5 или 4,000 фр., копорые вы опять немедленно проиграли; въ другой разъ вы выиграли еще 30 лудировъ. Остальное время вы все проигрывали.

О. Золото, найденное у меня, было выигранное или полученное опъ бапюшки.

В. Луиза Фёшеръ воропилась въ Парижѣ, спустя нѣсколько времени, послѣ процесса Лабова въ Судѣ Мезьерскомъ: видались ли вы съ нею?

О. Видѣлся только одинъ разъ.

В. По показаніямъ свидѣтелей, Луиза вела въ Вузѣ безпорядочную жизнь. Прибывъ въ Парижѣ, она предавалась совершенно распущству. Когда, въ слѣдствіе болѣзни, опослали еѣ въ Маделонетъ, она, казалось, была снѣдаема глубокою тоскою. Тѣ, кои спали подлѣ ней, говорятъ, что ей видѣлись ужасные сны; и эти сны, по видимому, были внушаемы воспоминаемъ о убійствѣ ея пепки. Однажды, женщина, заключенная вмѣстѣ съ ней, копорая будеть пеперь допрошена, спросила у ней: »опъ чего ты такъ сокрушаешься? вѣдь ты сдѣлала не больше насъ!«—»Нѣтъ! я сдѣлала больше, опвѣчала Луиза: я несчастнѣе и виновнѣе васъ: сговорившись съ моимъ любовникомъ, я убила свою пепку, за 600 фр.« Эпо показаніе Луизы, копорая уже умерла, даешь подозрѣвать, что

она, вѣроятно обманулая вами, полагаала украденную у мапери вашей сумму въ 600 фр. вмѣсто 6,000?

О. Все это ложно.

В. Въ Нанси вы жили у Нопариуса Лашасса; когда съ вами говорили о смерти вашей мапери, вы казались всегда смущеннымъ: разъ, одинъ писецъ просилъ васъ расказаать подробно объ эпомъ приключеніи; вы расказали ему совершенно иначе, чѣмъ нынѣ. Когда васъ поспребовали, въ качествѣ свидѣтеля, къ процессу Лабова, вы смутились пакъ, что должны были выдти немедленно изъ конпоры.

О. Воспоминаніе о смерти мапушки меня распротало.

В. Вы провели годъ въ Семинаріи Реймской: васъ опшпуда выгнали?

О. Нѣтъ, сударь; я былъ высланъ полько на время; начальство сказало мнѣ, что я могу воропиться.

В. Вы были высланы за гнусный порокъ? ..

Молчаніе обвиняемаго.

В. Вы опсправились въ Парижъ съ однимъ, по имени Дюгепомъ, копорый былъ съ вами въ дурныхъ связяхъ; попомъ завели подобныя опношенія съ Формажемъ, копорому было семнадцать лѣтъ опъ роду? Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

О. Однажды, онъ вошелъ въ Пале-Рояль и, обратившись ко мнѣ, чпобъ завести рѣчь, спросилъ: «не видалъ ли я, не помню, кого-то?» «Такимъ образомъ мы познакомились.

В. Вы говорили Формажу, что, если его потеряете, по убьете сами себя!

О. Никогда.

В. Не говорилили вы еще въ другой разъ, что онъ погибнешь не иначе, какъ опъ вашей руки?

О. Никогда не говаривалъ.

В. Вы опсовѣщывали ему писаць къ вамъ?

О. Да. Потому что письма его могли попасться въ руки бапюшки и опкрышь нашу связь.

В. Однако, не смотря на ваше запрещеніе, онъ писалъ къ вамъ.

О. Я не получалъ писемъ, о копорыхъ говоряшь; я только получалъ письма опъ его брата, офицера въ Камбре.

В. Формажъ имѣлъ привычку писаць два или три раза на черно свои письма. Г. Валье, книгопродавецъ, у копораго напималъ онъ кварширу на улицъ Монполонъ, нашелъ, послѣ смерти его, два черныя письма, изъ копорыхъ вопъ первое:

»Чтобъ не было писемъ! особенно писемъ! говорилъ пы мнѣ; и однако вопъ пѣбъ еще одно! Я никакъ не могу сообразовашься съ закономъ, копорый пы мнѣ предписалъ. Не знаю почему, мнѣ очень пріятно извѣщашь пѣбя о себѣ; да и пы самъ, помню, говорилъ мнѣ, *что если ты меня потеряешь, то убьешь себя.* Я не люблю самоубійць; боюсь, чтобъ пы не считалъ меня поперяннымъ. Не знаю, почему пы такъ медлишь со мною увидѣшься. И пакъ прошу пѣбя навѣспишь меня по адресу. Если пы поперялъ его, пакъ вопъ онъ: на улицъ Монполонъ, въ Анпенскомъ предмѣспці, N 13. Дружески обнимаю пѣбя. Формажъ меньшій. «

Другое письмо опъ 2 Юля адресовано было къ вамъ въ Вузье, въ пошъ самый день, какъ вы оппуда уѣхали:

»Не смотря на формальное запрещеніе писаць къ шебъ, я принужденъ не послушапись; крайность, въ копорой я нахожусь, меня вынуждаеть. Я почпи должень кинушь мѣсто, копорое занимаю, по немънью плащя. Чшобы оспапись на немъ, смѣю надѣяпись, что пы меня не оспавишь. Въ пакомъ случаѣ пы исполнишь свой долгъ; и шакъ какъ пы довелъ меня до крайности, въ копорой я шеперь нахожусь, по бесполезно повшоряпись, что родспвенники швои не хошяпись меня видѣпись и обязывапись, попому что знають связь швою со мною. И шакъ пы не опкажешь мнѣ въ эпой услугъ. Пяпидесятью экою я могу исправипсь. Пришлижь мнѣ ихъ черезъ недѣлю; *ибо иначе я самъ приѣду къ тебѣ и открою родственникамъ твоимъ тайну, которую безъ сомнѣнія тебѣ нужно скрывать.* Ничто не удержипись меня, если черезъ недѣлю деньги, копорыхъ я у шебя прошу, не будутъ присланы; я приѣду и заставлю тебѣ признатсь въ преступлени не только родственникамъ твоимъ, но и встѣмъ знакомымъ. Ты обезчестилъ меня; я буду умѣпись шебъ опимспипь, если пы, не загладишь свой проспупокъ присылкою шого, въ чемъ я имѣю нужду. Положись на мою признапельность и искреннюю дружбу. Твой Александръ Формажь. «

Бенуа! вы знаете почервъ Формажа?

О. Нѣшь, сударь! я не получалъ никогда опъ него писемъ и не видывалъ его руки.

В. Письма сіи будущъ показаны родспвенникамъ Формажа и свидѣтелямъ, знающимъ его почеркъ. Изъ нихъ видно, что вы повѣрили Формажу пайну вашего злодѣянія, что онъ пользовался сею довѣренностью, чтобы браться у васъ деньги, и что вы, дабы опивязаться опять него, завели его въ Версаль и лишили тамъ жизни.

О. Онъ писалъ эпо, для того чтобы запугать меня. Я боялся, чтобы мое семейство не узнало *дѣла*, что есть моихъ сношеній съ нимъ.

В. Сношенія сіи были уже извѣсны вашему семейству. Просно Формажъ просилъ у васъ денегъ безпрещанно; и вы рѣшились опдѣлаться опять него въ Версали.

О. Я не способенъ къ подобнымъ вещамъ.

Здѣсь Президентъ напомнилъ показанія Г. Тиріона, Гжи Рено и книгопродавца Валье, изъ коихъ видно, что Формажъ имѣлъ съ обвиняемымъ свиданіе, 21 Юля 1831 года, въ Пале-Рояль, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Версаль.

О. Я не видалъ Формажа въ послѣдній прїездъ мой въ Парижъ.

В. Вы не ночевали дома въ ночи съ 21 на 22 Юля. Гжа Лашо, хозяйка ваша, показываесть, что именно эпу одну ночь вы не ночевали въ своей кварпирѣ.

О. Эшу ночь провелъ я съ однимъ неизвѣстнымъ мнѣ молодымъ человекомъ, съ коимъ ходилъ въ ше-апръ; послѣ предспавленія мы заходили въ кофейную, а попомъ гуляли до 5 часовъ ушра.

В. Сначала вы сказали Полицейскому Коммисару, что провели ночь у женщины, копорой жилища не замѣнили; эту женщину называли вы Юліей; и вопшь почему. Полицейскій, желая васъ узнать, явился въ шпакпирѣ вашемъ, съ письмомъ опть женщины, за подписью Юліи П***, въ копоромъ назначалось вамъ свиданіе. Когда увидѣлъ онъ, что приврапникъ вамъ опдалъ записку и что вы ее развернули, по немедленно аресповалъ васъ. Попомъ когда вы спали разсказывапъ басню о женщинѣ, называющейсѣ Юліей, онъ сказалъ вамъ: »вы попались въ обманъ къ Полиціи; имя Юліи еспъ выдумка, на копорую васъ поймали.« Тогда уже вы опвѣчали ему, что припворяпсья болѣе не зачѣмъ, что въ ночи, съ 21 на 22 Іюля, вы гуляли съ молодымъ человекомъ.

О. Я и теперь поже говорю.

В. Невозможно, чтообъ Формажъ самъ себя убиль: у него на шеѣ семнадцать ранъ, копорыя по свидѣпельспву медиковъ, долженъ былъ онъ наноспть себѣ попеременно, по лѣвой, по правой рукой. Хопя по причинѣ преспяченія дыхапельнаго горла онъ не могъ кричапъ, но былъ еще въ соспояннїи дойти до двери, съ намѣреніемъ выдти. Сверхъ того, еспл бы онъ самъ себя зарѣзалъ, по было бы найдено орудіе, имъ на по упопреленное; но орудія сего не нашли, хопя двери обѣ были заперпы; найдена полько бумага, въ копорой по видимому былъ завернупъ брипвенной фушляръ; у васъ оказалсѣ шакой же фушляръ; въ немъ нашли полько одну брипву; гдѣжъ другая?

О. Она изломаласѣ еще въ Вузѣ.

В. Формажа никто не зналъ въ Версали. Когдажъ его привезли въ Парижъ, по Полиціи. объ имепи его и жилищѣ было объявлено безыменнымъ письмомъ.

Бенуа, снова заливаясь слезами. Я неспособенъ къ эпому. Какая мнѣ пужда убивать Формажа? Если бы онъ зналъ, что я убилъ мать мою, то не пошелъ бы со мною въ Версаль!

През. Въ обвиненіи, по именно и утверждаетсѣ, что вы хотѣли предупредить Формажа, дабы онъ не исполнилъ угрозы своей, обнаруживъ вашу шайну. Многіе свидѣтели показываютъ, что вы изъявляли къ Формажу странную ревность. Сіе послѣднее замѣчаніе долженъ я былъ вамъ сдѣлать для вашей же пользы, дабы вы могли опвѣстивовать на многочисленныя улики, пропивъ васъ предспавленныя.

О. Какъ можно думать, чтобъ я завелъ Фармажа убить въ Версаль, въ такой домъ, гдѣ меня знаютъ, гдѣ я провелъ однажды ночь съ Дюгепомъ?

За симъ приспустили къ допросу свидѣтелей. Г. Гинеръ, лѣкарь въ Вузье, объяснилъ о свойствѣ раны, нанесенной Гжѣ Бенуа.

През. Кого подозрѣвали сначала?

Гинеръ. Подозрѣвали брата Фридрихова, Августа; но въ послѣдствіи доказано, что въ день убійства онъ находился въ Реймсѣ.

През. Что слышно было о поведеніи Августа?

Гинеръ. Его обвиняли въ худомъ поведеніи, но не упрекали ни въ чемъ, кромѣ сношеній съ женщинами.

Г. Кремье. Правда ли, что Фридрихъ послѣ операции, учиненной въ слѣдствіе опасной на головѣ раны, не принималъ ни опъ кого лѣкарства, кромѣ мапери?

Гинеръ. Я эпгаго не знаю; но при сей операциі Гжа Бенуа весьма содѣйствовала намъ, сохраняя присупствіе духа. Она оказывала сыну своему всѣ возможные попеченія.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Какихъ лѣпъ была Гжа Бенуа?

Гинеръ. Около пятидесяти; но здоровье ея было въ весьма хорошемъ сословіи.

Г. Сен-Клодъ, хирургъ въ Вузье, объяснилъ разныя обстоятельство, послѣдовавшія за убійствомъ, и по, что убійца долженъ былъ хорошо знать мѣстность дома.

През. Видѣли ли вы деньги и серебро, разсыпанныя по полу?

Свидѣтель. Я не обрапилъ на по вниманія, ибо былъ занятъ убипою особою.

През. Слѣдственнно вы имѣли менѣ присупствія духа, чѣмъ Фридрихъ, который не занимался маперию своей, а думалъ только о похищеніи денегъ.

Г. Роландъ, адвокатъ Мецкаго Суда, служившій прежде при Полициі въ Вузье, изложилъ обстоятельство, изъ коихъ также открывалось, что убійца долженъ весьма хорошо знать мѣстность.

През. Не по эптому ли подозрѣвали Августіа Бенуа?

Роландъ. Нѣтъ. Но отецъ его, прогуливаясь со мною за нѣсколько предъ нѣмъ дней, говорилъ мнѣ:

опъ Августа все можешь спашься; я ловиль его нѣсколько разъ въ воровспивѣ; онъ билъ меня и мапъ; съ нимъ я наживу большія бѣды. По сему первому впечатлѣнію было производимо дѣло.

През. Почему не подозрѣвали Луизы Фёшеръ?

Роландъ. Сначала находили спраннымъ, какъ она не проснулась опъ шуму; но попомъ разсудили, что въ ея лѣша сонъ бываетъ крѣпокъ.

През. Не говорилъ ли обвиняемый, что онъ видѣлъ бѣжавшую женщину, или переодѣшаго мужчину?

Роландъ. Говориль: но какъ слова его были очень безсвязны, по мы не обрапили на нихъ вниманія; ибо думали, что умъ его разспроенъ, по причинѣ операциі, учиненной надъ нимъ за 8 или 10 мѣсяцовъ предъ шѣмъ.

Г. Доссеро, Г. Лагульеръ и другіе свидѣтели изъ Вузье показали почпи поже.

На другой день, 13 Юня, спеченіе было пакже многочисленно. Особенно много было дамъ. Кромѣ опца и спаршаго брапа обвиняемаго присупспивовали еще два его зяпя, Нотаріусы Депаршаментна Арденскаго, изъ коихъ одинъ украшенъ орденомъ Почешнаго Легіона, полученнымъ за оплчіе при Ваграмъ.

Лабовъ сидѣлъ подлѣ Г. Ше-д'Эсп-Анжа, а на другой скамѣ находились опецъ и мапъ Формажа.

Начали допрашивапъ свидѣтелей, предъ коими проговаривалась Луиза Фёшеръ, во время содержанія ея въ шкорьмѣ Маделонешъ.

Г. Жакмень, хирургъ. Я льчилъ ее. Она казалась весьма печальною. На вопросъ мой о причинѣ ея глубокой горести, мнѣ отвѣчали, что она дѣйствительно претерпѣла великія несчастія. Болѣе я не спрашивалъ.

Розалія Діопъ, двадцатипятилѣтняя швея, показала слѣдующее: »Я находилась съ Луизою Фёшеръ въ Маделонетахъ. Она сказывала мнѣ, что шепка ея зарѣзана въ своемъ домѣ, что съ ней погда была она Луиза и двоюродной братьей ея, а дядя находился въ деревнѣ. Она прибавила, что убійца былъ не братьей ея двоюродной, а одинъ человекъ изъ окрестностей.

През. Не объясняла ли она вамъ какихъ либо подробностей?

Розалія. Нѣтъ. Она не сказывала мнѣ даже имени сего человека.

През. Не говорила ли она чегонибудь объ украденномъ серебрѣ или золотѣ?

Розалія. Нѣтъ.

През. Знаете ли вы, опчего она была печальна?

Розалія. Она сказывала мнѣ, что ее огорчила встрѣча въ Парижѣ съ однимъ *знакомымъ*.

Фелисите Даміень, сидѣлка въ Маделонетахъ, состоявшая попомъ въ тойже должностии при Больницѣ Св. Лазаря, показала, что Луиза плакала день и ночь и, умирая у ней на рукахъ, призналась, что по согласію съ любовникомъ своимъ убила свою шепку, дабы взять у ней 600 франковъ.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Я желалъ бы знать, говорила ли Луиза Фёшеръ свидѣтельница о томъ, кто былъ сей любовникъ?

Фелисите Даміень. Нѣтъ.

През. Фридрихъ Бенуа, слышали ли вы сіе показаніе?

Бенуа. Слышалъ.

През. Вы слышали, что Луиза Фёшеръ обвиняла себя и любовника своего, въ убійствѣ своей шепки!

Бенуа. Не знаю, почему это: она была не виновата.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Имѣли ли вы коропкія связи съ сей дѣвицей?

Бенуа. Никакихъ.

Эме-Досье, другая свидѣтельница, объявила также, что Луиза, предаваясь горести, признавалась ей, что причиною оной было воспоминаніе объ убійствѣ ея шепки, зарѣзанной челомъкомъ, копорый ее саму обвинялъ, но былъ осужденъ за то къ уплатѣ убытковъ и пропорей.

Другіе свидѣтельница, именно: Гжа Тьерсъ съ сестрою, Адель Герино и Сусанна Эсперъ, молодая, прекрасная дѣвочка, двадцати одного года, крайне смѣшавшаяся при объявленіи, что находилась вмѣстѣ съ Луизою въ Маделонспахъ, показали, что Луиза предавалась задумчивости и весьма часно говорила о смерти шепки своей, но ничего на счетъ Фридриха Бенуа.

Нотаріусъ города Нанси Лашассъ, у котораго Фридрихъ жилъ въ качествѣ писца, сообщилъ, что онъ рассказывалъ ему о смерти мапери своей вышеобъясненныя въ обвинительномъ актѣ обстоятель-

спва. Но Грегуаръ, писецъ Лашасса, объявилъ напропивъ, что ему Фридрихъ рассказывалъ о смерти мапери своей обстоятельспва чрезвычайныя и совершенно неправдоподобныя.

През. За чѣмъ говорили вы такую ложь?

Бенуа. Чпобъ опвязапсья опъ вопросовъ, коими мнѣ надоѣдали.

Шлегель, другой писецъ, объявилъ, что Бенуа спарался обрапипъ подозрѣнїя на Лабова, при коемъ, говорилъ онъ, мапъ моя имѣла неоспорожностп класпъ золопо въ ящикъ. Онъ прибавилъ, что въ пѣлѣ мапери его нашли вопкнупой ножъ, необыкновенной формы.

Бенуа. Я говорилъ только, что Лабовъ опдавалъ, не за долго предъ умерщвлениемъ мапери моей, почпъ ножъ, копорога послѣ у него не нашли.

Сверхъ того, Шлегель и Грегуаръ объявили, что Фридрихъ издерживалъ много золопыхъ денегъ; равно какъ Г. Дидье, часовщикъ, Гжа Моро порппреписка и Г. Банкъ сапожникъ изъ Нанси.

Г. Тасси, одинъ изъ наспопшелей игорнаго дома подъ N 129 въ Пале-Роялѣ объявилъ, что обвиненный выигралъ однажды 800 фр. а на другой день еще 4000, но тогда же опяпъ ихъ проигралъ, увеличивая куши.

Г. Мапе-Дюбрейлъ показалъ, что онъ продалъ Фридриху часы, 12 Юля 1831 года; а черезъ день или черезъ два попомъ видѣлъ его опяпъ и онъ сказалъ ему, что опсправляепся въ Версаль.

Бенуа. Я не ходилъ тогда въ Версаль.

Пренія относительно матерееубійства заключились показаніями многихъ свидѣтелей, предспавленныхъ Фридрихомъ для своего оправданія.

Г. Машье, Слѣдспвенный Судья, объявилъ, что имъ найденъ былъ деревянный крюкъ, посредспвомъ ко-его убійца могъ открьшь окно и проникнуть извъ въ домъ Гжи Бенуа.

Лабовъ вспаль и съ жаромъ началъ жаловашься, что ему не былъ показанъ крюкъ сей.

Г. Машье. Упверждаю, что всегда, когда имѣлъ я надобность говорить съ Лабовомъ, я упоминалъ объ этомъ крюкѣ.

Здѣсь Г. Кремье, защитникъ Фридриха, хотѣлъ завести преніе о характерѣ и поступкахъ Лабова, съ намѣреніемъ доказать, что онъ не достоинъ быть въ числѣ доносчиковъ и что свидѣтельспво его не заслуживаетъ вѣроятія; но Президентъ прекратилъ сіе преніе, какъ не принадлежащее къ настоящему дѣлу.

Когда свидѣтели касательно матерееубійства были допрошены, то Судь опложилъ до завтра допросъ свидѣтелей объ убійствѣ Формажа. На другой день, Г. Нобль, Докпоръ Медицины въ Версали, объявилъ о ранахъ, нанесенныхъ Формажу, о невозможности самоубійства, о слѣдахъ доказывающихъ, что убійца выщиралъ орудіе свое и мылъ руки; что у Фридриха оказалась на колѣнѣ царапина и когда его заспавили положить колѣна на диванъ, то царапина сія нашлась въ соопвѣспвенности съ перекладиной дивана; о бумагахъ, въ коппорой былъ завернутъ брип-

венной фушляръ, о порѣзахъ, оказавшихся на рукѣ обвиняемаго, и о прочемъ, что уже выше изложено.

Г. Ше-д'Эсп-Анжъ. Объяснилъ ли Бенуа, ошъ какихъ причинъ произошли порѣзы на рукахъ его?

Г. Нобль. Онъ сказалъ, что одинъ изъ нихъ получилъ, закрывая окно, а другой, садясь въ карешу.

Бенуа. Я сказалъ, что порѣзъ на большомъ пальцѣ былъ у меня еще въ Вузье, но я развередилъ его, опламывая желѣзо ошъ окна.

Г. Нобль. Мнѣ кажется это невѣроятно : края порѣза были очень ровны и происходили повидимому ошъ орудія весьма оспраго.

Одинъ изъ Присяжныхъ пожелалъ, чтобы у лекаря города Вузье, Г. Ганьера, спросили, могла ли Гжа Бенуа, когда ей нанесли ударъ, кричать.

Г. Ганьеръ. Дыхательное горло у ней было перерѣзано: она могла произвеспи только легкое хрипѣнье.

През. Могъ ли обвиняемый, ежели онъ спалъ, слышать сіе хрипѣнье ?

Г. Ганьеръ. Ежели спалъ, не могъ.

Бенуа. Я всегда говорилъ, что въ эпшу минушу я не спалъ.

Г. Ренаръ, Докпоръ Медицины въ Версали, объяснилъ поже, что и Г. Нобль.

През. Бенуа, узнаете ли вы сей диванъ?

Бенуа (поспѣшно, но съ швердостью). Нѣтъ.

На него надѣли редингопъ, жилетъ и галспукъ въ копорыхъ онъ былъ 21 Юля минувшаго года.

Когда онъ снова вошелъ въ залу присудствія, по Г. Шевре, винопродавецъ въ Версали, на улицѣ Помпѣ, объявилъ, что 21 Юля, въ 11 часовъ вечеромъ, пришли къ нему два молодые человека и просились ночевать. Онъ отвелъ ихъ къ Вуазеню; тогда былъ дождикъ: одинъ изъ молодыхъ людей ссудилъ его своимъ зонтикомъ.

През. Можете вы узнать сихъ молодыхъ людей?

Шевре. Одного узналъ я въ лицѣ убиваго въ госпитальницѣ Бани, другой—(указывая на Фридриха)—вошь онъ!

Бенуа (съ живоспію и пвердымъ голосомъ). Нѣтъ не я!

Шевре. На немъ былъ жилетъ желтой, не пайкой, какъ теперь.

По приказанію Президента вынули изъ чемодана Фридрихова желтой жилетъ, который онъ пошчасъ надѣлъ.

Шевре. Это онъ самый.

Бенуа. Утверждаю, что вы ошибаетесь; я не былъ у васъ.

През. Узнаете ли вы его по голосу?

Шевре. Онъ говорилъ также громко, какъ и теперь.

Бенуа. Обыкновенно говорю я очень тихо, но теперь возвышаю не много голосъ.

Г. Кремье. Пили ли чтонибудь у васъ эти молодые люди?

Шевре. Пили вино.

Бенуа. Я никогда не пью вина.

Г. Кремье. Г. Ганьерь (лѣкаръ въ Вузье) вѣроятно помнитъ, что послѣ операціи, учиненной Фридриху, ему было запрещено вино.

Г. Ганьерь. Это правда: но я не знаю воздерживался ли обвиняемый.

Бенуа. Гг. Доссеро и Пинпаръ, думаю, не забыли, что я не пилъ никогда вина.

Гг. Доссеро и Пинпаръ, будучи спрошены, не объявили ничего на сей счетъ положительнаго.

Г. Кремье. Какаго цвѣта имѣлъ онъ волосы?

Шевре. Черные завишые.

Жена Шевре показала поже, что и мужъ ея, но она не такъ замѣтила молодыхъ людей, чтобъ могла узнать ихъ.

Буазень объявилъ, что къ нему приходили два молодые человекъ въ 11 часовъ вечера; онъ предложилъ имъ двѣ особенныя комнапы во вѣпоромъ эшажъ, но они пожелали лучше ночевать въ прѣпьемъ за 30 су. Одинъ изъ нихъ казалось не довѣрять другому и прѣбовалъ особенной комнапы. На другой день ушли они въ 7 часовъ утра.

През. Узнали ли вы того, котораго зарѣзали?

Буазень. Я узналъ его по плапью.

През. Узнаете ли вы обвиняемаго?

Буазень. Нѣтъ. Я съ нимъ почти не говорилъ.

Жена Буазеня показала поже.

Жоберь, хозяинъ госпинницы Бани, объявилъ, что узнаетъ обвиняемаго, что онъ опдыхалъ у него утромъ 22 Юля, вышедъ отъ Буазеня, у коего ему и его поварищу клопы прѣпяпспвовали спать.

През. Вы объявили сначала, что не узнаете его?

Жоберъ. Въ первой разъ, явившись къ Следственному Судью, былъ я очень разспроенъ, такъ что когда сошелъ выпить спаканъ воды, меня надлежало веспи. Въ другой разъ я узналъ его, но не сполько по плащю, какъ по голосу и лицу. Онъ былъ и прежде у меня и ночевалъ съ другимъ молодымъ человекомъ.

Бенуа. Эпо въ Маъ; я былъ почно съ Дюгепомъ.

Жоберъ. Я имью еще объяснишь одно обспояпельспво, о которомъ прежде забылъ: за пяшь или за шесшь дней предъ убійствомъ, обвиненный былъ у меня и пребовалъ комнапы; на ремъ былъ погда редингопъ, цвъпа губки, съ карманами на бокахъ.

Бенуа. У меня никогда не было редингопа съ карманами на бокахъ.

Жамберъ порпшой объявилъ, что онъ не шилъ для Бенуа никакого плащя, кромъ того, въ коемъ онъ явился къ суду.

Президентъ у жены Жобера. Узнаете ли вы обвиняемаго?

Жена Жоберъ. Я не узнаю его спереди, но сзади; ибо у него одно плечо выше.

През. Дѣйствительно доказано, что у него правое плечо выше лѣваго.

Маргарита Буланъ, приврапница въ госпинницѣ Бани, рассказала извѣспныя уже обспояпельспва пребыванія молодыхъ людей въ Версали. Она прибавила, что узнаешь Бенуа, но что волосы у него погда не были такъ черны, какъ теперь; они были шемнорусые, и онъ завивалъ ихъ безпреспанно пальцами, что показалось ей очень смѣшно.

През. Замѣтила ли ты, что у него одно плечо выше?

Маргарита. Нѣтъ, я помню только, что редингопъ былъ на немъ застегнутъ до верху.

През. Следственный Судья свидѣльствуетъ, что при верхній пуговицы редингопа, въ кошоромъ теперь обвиняемый, никогда не застегались.

Маргар. Утверждаю, что редингопъ былъ застегнутъ до верху.

Кремье. Не долгіе ли волосы имѣлъ молодой человекъ?

Маргар. Очень долгіе.

Сомме, слуга изъ гостиницы Бани, объявилъ, что не узнаетъ обвиняемаго.

Элеонора Буланъ, прачка гостиницы Бани, узнала Бенуа; онъ былъ по словамъ ея въ эпоху гостиницы 26 Мая съ Дюгепомъ; волосы у него были не черные, а шемнорусые, весьма густые.

Бенуа. У меня волосы всегда были черные.

Г. Кремье. Это семейственный цвѣтъ. (Дѣйстви-тельно замѣтили, что у старшаго брата Фридрикова, волосы были ярко-черные).

През. Бенуа! изъ следствія явствуетъ, что вы водили Дюгепа въ улицу Вивіенъ къ парикмахеру, кошорый красилъ ему волосы въ черной цвѣтъ?

Бенуа. Но парикмахеръ объявилъ, что мои волосы не были крашены.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Надлежало бы спросить у парикмахера, можно ли красить черные волосы въ русые.

Генерал - Адвокатъ. Онъ объявилъ, что это совершенно невозможно; но обвиняемый могъ надѣсть парикъ.

Элеонора. Не замѣтно было, чтобы на немъ былъ парикъ.

През. Бенуа, вы иногда переодѣвались; у васъ найдены поддѣльные усы?

Бенуа. Я носилъ ихъ, чтобы казаться сипарѣ; ибо по причинѣ молодости меня не пускали въ игорной домъ подъ N 113 въ Пале-Рояль.

Маленькой Левассеръ, служащій мальчикомъ у пирожника Древень, объявилъ, что, въ послѣднихъ числахъ Юля, Бенуа былъ у него въ лавкѣ; волосы его тогда были бѣлокураго цвѣта.

Г. Феликсъ Луазелье показалъ, что знаетъ Бенуа въ Реймской Семинаріи. Онъ видѣлъ его 23 Юля 1831 года вечеромъ, а 24 завтракалъ съ нимъ.

Ше-д'Эсп-Анжъ. Какаго характера былъ онъ въ Семинаріи?

Луазелье. Когда разсердясь грозилъ онъ поварищу прибить его, по можно было быть увѣрену, что сдержитъ свое слово.

Бенуа. Это ложь.

Луазелье. Однажды вы продали за 13 су одному ученику ящикъ красокъ, который вамъ стоилъ 12 су; когда онъ не хотѣлъ платить, по вы его прибили.

Прочіе свидѣтели, въ помѣ числѣ мапъ Формажа, дали показанія опчаспи не касающіяся сущности дѣла, опчаспи уже извѣспныя.

Юня 15, выпребованы были для опобранія пояснительныхъ свѣденій, Г. Мишалонъ парикмахеръ, и знаменитый Докпоръ Орфила.

Начались распросы съ Мишалона.

През. Извѣспны ли вамъ способы подкрашивать волосы различными цвѣтами?

Г. Миш. Извѣспны многіе.

През. Можно ли волосы совершенно черные перекрасить въ бѣлокурые или въ кашпановые?

Г. Миш. Нѣтъ, сударь! Я никогда не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ. Можно сдѣлать черные волосы нѣсколько рыжеватыми. Бѣлокурые волосы легко перекрасить въ черные или въ свѣпло-кашпановые; но черные не могутъ совершенно перемѣнить цвѣта. Разсмапривая обвиняемаго, я нахожу, что его волосы можно сдѣлать еще шемнѣе, но свѣшлѣе, по моему, не возможно.

Г. де Берни, Совѣспникъ. Волосы обвиняемаго довольно густы. Не находите-ль вы возможнымъ надѣть ему парикъ шакъ искусно, что съ перваго взгляда можнѣе было счестъ эпопъ парикъ еспеспивенными волосами?

Г. Мишалонъ (посмопрѣвъ внимашельно на обвиняемаго). Эпо очень можно.

Явидся Г. Орфила.

През. Не знаете ли вы способа перемѣнять цвѣтъ волосъ?

Г. Орф. Знаю. Можно перекрашивать кашпановые и бѣлокурые волосы въ черные, равно какъ черные въ бѣлокурые, рыжіе и кашпановые.

През. Упопребляюся ли парикмахерами эми способы?

Г. Орф. Не знаю, упопребляюся ли: но они еспь. Способы сиі основываюся на химическихъ свѣденіяхъ, копорые парикмахерамъ едва ли извѣсны; но какъ я не дѣлаю шайны изъ дѣла науки, по гоповъ объяснишь, какъ можно эми дѣлать. Еспь для того два способа: одинъ, основанный на поняшіяхъ химическихъ; другой, на соспавъ самыхъ волосъ. Химическій способъ чернишь волосы соспоишь въ приведеніи ихъ въ соприкосновеніе съ распворомъ висмушнаго серебра, рпуши, или съ окислями сихъ металловъ. Эми окисли, соединенныя съ сѣрнымъ водородомъ, производяшь черный цвѣтъ. Можно пакже для сего упопребляшь помаду, называемую меленокомъ; она соспавляется изъ жира и Голландской сажи; ею можно намазывать волосы; но эми сопряжено съ шѣмъ неудобствомъ, что помада скоро расплываеся и мараеъ воропники сорочекъ и манишекъ. Чпо касаетя до способа превращашь черные волосы въ бѣлокурые, кашпановые или даже вовсе сѣдые, по онъ очень проспъ: споишь только упопребишь распворъ хлора, болѣе или менѣе распущеннаго въ водѣ. Чѣмъ гуще хлоръ, шѣмъ дѣйствіе будешъ скорѣе; только эми можешъ причинишь головную

боль. Если время перепишь, то должно хлоръ распустить въ водѣ какъ можно жиже: тогда, черезъ нѣсколько дней, волосы посвѣплѣють. Когда надобно рыжіе волосы окрасить въ бѣлокурые, то спонить проспо только вычесать ихъ гребнемъ, обмокнутымъ въ алкоголь. Рыжій цвѣтъ волосъ зависить отъ нѣкопорого рода масляности, копорую алкоголь уничтожаетъ. Уже пятнадцатъ лѣтъ занимаюсь я сими опытами, увѣренный, что могушь воспрыпиться дѣла, гдѣ подобные случаи будутъ имѣть мѣсто. Сегодня по утру, узнавъ изъ журналовъ предметъ, по которому я буду приглашенъ въ судъ, я запасся разными образчиками. Вотъ волосы, копорые были совершенно черные, а теперь сдѣлались каштановыми; на другомъ образчикѣ, они еще свѣплѣе; на третьемъ, еще свѣплѣе; и наконецъ вотъ, гдѣ сдѣлались совершенно бѣлыми.

През. Много ли поребно дней, чтообы чернымъ волосамъ, подкрашеннымъ такимъ образомъ, возвратить опять ихъ естественный цвѣтъ?

Г. Орф. Весьма не много; даже можно сдѣлать это въ одну минуту, наперши селипрокислымъ серебромъ, помадою изъ окисленнаго свинца или соспавовъ изъ мѣла и негашенной извести.

Г. Формажъ, офицеръ линейнаго полка, старшій братъ Александра, умерщвленнаго въ Версали, былъ выслушанъ послѣднимъ изъ свидѣтелей. Онъ показалъ, что, во время пребыванія его въ Камбре, братъ, прѣхавъ къ нему съ обвиняемымъ, обнаружилъ ему подозрѣнія на счетъ Бенуа, копорый, по сло-

вамъ его, видалъ по ночамъ спрашныя сны и говорилъ о убійствѣ своей мапери, какъ будпобъ онъ или кпо-нибудь изъ его семейсва былъ виновникомъ сего злодѣянiя.

През. Не можепе ли вы вспомнишь подробностей?

Г. Форм. Брапъ мой говорилъ мнѣ, что Бенуа спалъ очень безпокойно и во снѣ обвинялъ себя не рѣдко въ умерщвленiи мапери. Когда попъ послѣ изъяслялъ ему свое удивленiе, по получалъ въ отвѣтъ: »эпо шакъ—во снѣ!«

Бенуа. Я никогда эпого не говаривалъ.

Наконецъ Г. Ше-д'Эсп-Анжъ, адвокатъ испцевъ, началъ свою рѣчь. Онъ вошелъ въ маперiю изображенiемъ ужасной сцены, происшедшей въ Версали, 22 Юля. Перешедши попомъ къ взятiю Бенуа подъ спражу, онъ съ особенною силою обратился на безчувспенность, оказанную обвиняемымъ, когда онъ, приведенный на мѣсто, гдѣ дымилась еще кровь его друга, съ нееспешвеннымъ хладнокровiемъ просилъ пипъ и напился.

Здѣсь Президентъ замѣшилъ, что обстоятельство сіе не находится въ пропоколѣ слѣдспвія, дѣланнаго Полицейскимъ Комисаромъ, Г. Ноэлемъ. Послали за Комисаромъ. Между пѣмъ Г. Ше-д'Эсп-Анжъ предложилъ снова допросишь свидѣтелей. Хозяинъ, слуга и служанка госпинницы, гдѣ было совершено убійство, подтвердили сіе обстоятельство.

Адвокатъ спалъ продолжалъ свою рѣчь. Съ ясносiю, въ порядкѣ и съ жаромъ, онъ излагалъ всѣ подозрѣнiя, обвинявшiя Бенуа. Черновое письмо Формажа, гдѣ содержнися угроза открьшь шайну, привело его

къ умерщвленію Гжи Бенуа. Здѣсь онъ коснулся подозрѣній, павшихъ на Лабова, спараясь показати ихъ неосновательность и доказывая, что онъ были внушены и поддерживаемы недоброжелательствомъ къ нему, какъ либералу. Попомъ обрапился къ поведенію Бенуа въ ужасную ночь преспуленія. Кромѣ невозможности проникнуть убійць снаружи дома, онъ обрапилъ и здѣсь вниманіе на неспешивенную холодность, оказанную Бенуа въ это время. »Несчастный!« воскликнулъ онъ, обращаясь къ Бенуа: »умерщвленная мать его можетъ быть еще дышетъ. . . а онъ и не думаетъ ее видѣть!«

Бенуа, которій, во все продолженіе рѣчи, разливался въ слезахъ и испускалъ глухіе стоны, при сихъ словахъ зарыдалъ громко. Адвокатъ прервалъ свою рѣчь.

През. Бенуа! Я прекращаю аудіенцію!

Бенуа (испуская ужасные крики). Нѣтъ! я не виноватъ! Это не я!

Спаршій братъ его бросился къ нему, схватилъ его въ свои объятія и вскричалъ: Нѣтъ! это не онъ!

Бенуа опецъ (обнимая обоихъ сыновей и сжимая руки обвиняемаго). Успокойся, сынъ мой! Мы знаемъ, что ты невиненъ!

Бен. Нѣтъ! это не я.

Спаршій братъ. Это не онъ! Это не онъ!

Сцена была ужасная: у зрителей глаза наполнились слезами. Президентъ объявилъ аудіенцію прекращенною и приказалъ дать нужныя пособія Бенуа. Между тѣмъ явился Комисаръ Полиціи, Г. Ноэль, которій показалъ, что Бенуа почто просилъ пить

и напидся въ Версали, но не помнишь, въ кой ли именно комнашь, гдѣ совершилось убійство. Аудіенція возобновилась. Обвиняемый продолжалъ рыдать изрѣдка, закрывъ лице плапкомъ, съ судорожными поспрашеніями.

Адвокатъ продолжалъ свою рѣчь исчисленіемъ прочихъ обвиненій и заключилъ наконецъ обращеніемъ къ обвиняемому:

»Вы умертвили Формажа! Вы умертвили его, чптобы скрыть ваше первое злодѣяніе. Вопшь чпто долженъ былъ я обнаружить, не изъ поспыдной злобы или корыспи, а для шого, чптобы возспановишь чеспъ Лабова, шакъ несправедливо обвиненнаго, и обвиненнаго самымъ виновникомъ злодѣянія!»

»Вопшь обязанность, копорую принялъ я съ ужасомъ, но исподнилъ безъ шрепета!»

»Сіе ужасное зрѣлище содержишь въ себѣ урокъ для насъ важный и поучительный. Не только голось изсякаетъ повпоря сіи безчисленные расказы: они перзаюпшь, рвутъ сердце! Помышляя о убійцахъ, о кой безнаказанности, подъ коей они шакъ долго скрывались, о помъ ужасномъ предубѣжденіи, копорое, покровительспвуя виновнымъ, гошовой было разразишь надъ невиннымъ; видя сіе спрашное шоржеспво прешупленія, сію глубокую бездну уничтоженія человеческого, мудрено ли пагубному сомѣнію овладѣшь нашими душами, мудрено ли спупашпсь и преврашишь всѣмъ нашимъ понятіямъ о нравспвенности, о добродѣтели, о Провидѣніи?»

»Но не будемъ слышцами! Въ жребіи, предназначеномъ каждому изъ дѣйствовавшихъ въ сей ужасной драмѣ, признаемъ порожеспвенное знаменіе правосудія небеснаго!«

»Преслѣдуемый ужасными подозрѣніями, испытанный ужасными бѣдспвіями, Лабовъ наконецъ обрѣтаетъ правду: его невинность порожеспвуетъ!«

»Луиза увлеченная злодѣемъ, котораго любила, сдѣлалась орудіемъ спрашнаго преспуленія: она помогала совершенію маперубійспва. Говорятъ, что ея преспуленіе оспалось ненаказаннымъ! Ахъ! не забудьте ея медленной пыпки, ея ужасныхъ мукъ! Подумайте о ея спраданіяхъ, о дняхъ проводимыхъ безъ покоя, о ночахъ безъ упѣшипельнаго сна! Подумайте о спрашныхъ привидѣніяхъ, непреспанно окружавшихъ одръ ея! Какъ угрызения приводили въ препенъ самыхъ подругъ ея, бывшихъ свидѣтельницами послѣднихъ ея минутъ! Сія минуты были ужасны! Она умерла не на эшафопѣ, можетъ быть пошому, что была не сполько виновна, сколько слаба!«

»А Формажъ! Онъ пораженъ рукою имъ любимую, палъ жерпвою пагубной пайны, которая была ему довѣрена. Отець и мать! Вы шеперь плачете. Жизнь его не была безукоризненна: ибо онъ успунилъ оболщению порока. Но смерть поразила его за преспуленія, въ которыя разврапъ долженъ былъ вовлечь его раньше или позже. Онъ палъ жерпвою адскаго благоразумія челоуѣка, который въ послѣдствіи могъ бы обезпечить его молчаніе, не перерѣзавъ ему горло, а запынавъ его руки кровью, дабы вмѣспъ съ собою обречь эшафопу!«

»И пакъ, ММ. ГГ. не дерзнемъ обвиняпъ Провидѣнія, которое замедлило казнь пресступника, дабы, умноживъ свидѣтельствва его злодѣяній, представивъ пѣмъ поразительнѣйшій, пѣмъ ужаснѣйшій примѣръ правосуднаго возмездія!«

Г. Легоррекъ, Генерал-Адвокатъ, объявилъ, что послѣ краснорѣчивой рѣчи защитника испцевъ, ему не оспается ничего прибавивъ пропивъ обвиняемаго и что онъ предославляетъ себѣ отвѣчать на рѣчь, которая будетъ произнесена въ его защиту.

Тогда Г. Кремье, адвокатъ обвиняемаго, вышелъ на нѣсколько минутъ для приведенія въ порядокъ своихъ мыслей, возвратился сопровождаемый членами семейства Бенуа и объявилъ, что головъ разсѣялъ подозрѣнія, скопившіяся надъ его кліентомъ. Бенуа, въ продолженіе его рѣчи, находился въ глубочайшемъ изнеможеніи. Опрокинувшись на своей скамѣ, онъ лежалъ почти безчувственный, едва дыша, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ.

Г Кремье испоцилъ всѣ усилія доказать неимовѣрность столь ужаснаго злодѣянія, со стороны молодого человека девятнадцати лѣтъ, въ опноненіи къ матери, которая пишала его своимъ молокомъ и еще недавно съ такою попечительностью ходила за нимъ въ ужасной болѣзни. Попомъ спарался доказать основательность подозрѣній, возникшихъ пропивъ Лабова.

»Никогда« — говорилъ онъ — »никогда можетъ быть уголовное дѣло не сопровождалось уликами, болѣе важными, какъ дѣло Лабова въ Судѣ Мезьерскомъ. Умерщвленіе Гжи Бенуа совершено было орудіемъ оспрымъ, съ ужасною ловкостью. Но Лабовъ мясникъ

по ремеслу; за недѣлю до преспулненія, онъ выпочилъ ножъ длиною въ девять дюймовъ, который не извѣстно куда дѣвался. Лабовъ съ такимъ искусствомъ билъ скопину: онъ хвастался предъ свидѣтелями, что можешь рѣзать живописныхъ пакъ ловко и проворно, что кровь не брызнетъ и ножъ почти не замараенся кровью!»

—Говорятъ пеперь о невозможности проникнуть убійцѣ въ домъ Бенуа снаружи. Но въ продолженіе шести мѣсяцовъ думали совершенно прошивное, полагали достовѣрнымъ, что убійца не могъ находиться внѣдри дома. Посему присяжные Арденскаго Суда раздѣлились на равное число голосовъ; и Лабовъ сложилъ бы на шафопъ свою голову, еслибы седьмой присяжный, который сначала его осуждалъ, не перемѣнилъ своего мнѣнія. Эпопъ присяжный былъ семидесятилѣтній спарикъ, который въ послѣдній разъ исполнялъ сію тяжкую обязанность.»

Берни, Совѣтникъ. Вы не можете входить въ подобныя подробности.

През. Вы не должны открывать того, что могло происходить въ священицѣхъ присяжныхъ.

Адвокатъ дошелъ попомъ до прагической сцены въ Версали и спарался оправдать своего кліента прошиворѣчіемъ обвиненій, основываемыхъ по на его безчувственности, по на несвязности его рѣчей, какъ будто бы въ подобномъ положеніи легко сохранить голову и не поперяться.

—Лабовъ признается, и никакъ не находить того удивительнымъ, что онъ поперялъ голову во время процесса и что, въ слѣдствіе сей расперянности

ума, писалъ безимянныя нисѣма, сдѣлавшіяся для него такъ пагубными. Если вы допускаете подобное смущеніе въ Лабовѣ, то допустите его и въ Бенуа; и помимо, не противорѣчьте сами себѣ, упрекая его, что онъ въ другихъ обстоятельствѣхъ не показывалъ смущенія.»

Послѣ сихъ предварительныхъ понятій, Г. Кремье объявилъ, что не будетъ слѣдовать порядку своего противника, который превратилъ естественный ходъ обвиненія. Хронологическій порядокъ преbоавъ начать съ пресупленія совершеннаго въ Вузье, а не съ Версальскаго, которое случилось позже.

Здѣсь онъ вошелъ въ весьма пространныя объясненія: и разными остроумными соображеніями старался доказать не только слабость подозрѣній, возникшихъ противъ Бенуа, но даже совершенную ихъ неимовѣрность.

Засѣданіе было прекращено.

Юня 16, Г. Легоррекъ, Генерал-Адвокатъ, Помощникъ Генерал-Прокурора, открылъ послѣднее засѣданіе рѣчью, въ коей опровергнулъ всѣ защищенія обвиняемаго.

Бенуа, въ началѣ засѣданія сохранявшій спокойствіе, къ концу повергся снова въ изнеможеніе. Аудіенція была прервана. Старшій братъ обвиняемаго схватилъ его въ свои объятія, умоляя ободричься.

Г. Кремье снова оповѣщивалъ на рѣчь Генерал-Адвоката.

Засѣданіе продолжалось до глубокаго вечера. Наконецъ Президентъ изложилъ вкратцѣ содержаніе преній.

Въ одиннадцать часовъ вечера, присяжные объяви-

ли, по всѣмъ пунктамъ, Фридриха Бенуа виновнымъ въ мапереубійствѣ и убійствѣ.

Между тѣмъ какъ Судъ разсуждалъ о наказаніи и о назначеніи пропореи и убытковъ, пребуемыхъ родителами Формажа, обвиненный, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, кричалъ, поражая себя въ грудь:

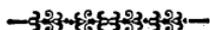
»Бапюшка! я не виновашъ! Господа присяжные! я не виновашъ!«

Четверо солдатъ едва могли выпашипъ его изъ залы, во время совѣщаній Суда. Въ сосѣдней комнапъ, онъ продолжалъ кричать:

»О мапушка! сойди съ неба и оправдай меня! Она знаетъ, что это не я!«

Судъ, черезъ четверть часа, велѣлъ ввести Бенуа и объявилъ, что онъ осуждается къ казни опцеубійцы, по еспъ, быпъ опведеннымъ на эшафонъ въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами и головою, покрыпшою чернымъ покрываломъ.

(J. d. D.)

VII.

ГЕРЦОГИНЯ БЕРРІЙСКАЯ.

Въ журналахъ Французскихъ повпоряется изрече-
ніе дѣвицы де Керсабъекъ, взяпой вмѣспъ съ Герцогинею Беррійскою, что *«еслибы Марія Луиза имгла въ половину предпріймливости и твердости противъ матери Генриха V, то Герцогъ Рейхштадскій не умеръ бы въ Шенбруннѣ.»*

Въ самомъ дѣлѣ, Герцогиня Беррійская во время спранспвованія своего по западу Франціи, показала столько опважноспи и самооптверженія, что нелѣ-

зя не опдашь справедливости ея характеру. Испорія ея, не совсѣмъ еще извѣстная, имѣеть всю прелесть романа.

По достовернымъ извѣстіямъ открыто, что Принцесса, оправившись изъ Массы, послѣ неудачнаго покушенія произвешъ воспаніе въ Марсели, вышла на берегъ въ Сіопапъ, съ Г. де Кергорме, Экс - Перомъ Франціи, и другими спутниками. Отсюда, въ сопровожденіи только прехъ особъ, она успѣла, избѣгая всѣхъ преслѣдовацій Полиціи, пробраться, чрезъ крупныя горы Департаментна Варскаго, по пшкомъ, по верхомъ на мулъ, до границъ Сардинскихъ, гдѣ таможенные приспавы, не зная ея, пропустили безъ всякаго затрудненія.

Вызванная снова во Францію письмами роялиствъ, Герцогиня возврапилась и скрывалась нѣсколько дней въ Верхнемъ Провансѣ, въ домѣ одного дворянина, приверженнаго къ старой династїи. Сей послѣдній, хопя былъ опщомъ многочисленнаго семейства, взялся бытъ ея проводникомъ по всей Южной Франціи, пока достигши Вандеи, погибъ наконецъ въ пожарѣ Пенисьерскомъ.

Подъ руководствомъ его и еще двухъ усердныхъ приверженцевъ, Герцогиня, переодѣтая молодымъ рыбакомъ Провансальскимъ, прибыла вскорѣ въ Департаментъ Успья Роны, гдѣ опдыхала два или три дня въ одномъ замкѣ близъ Арля. Здѣсь подъ предсѣдательствомъ Бурмона держанъ былъ совѣщъ, въ комъ рѣшено, чпобъ Принцесса опправила въ Вандею.

Отсюда Герцогиня продолжала свой путь съ большею смѣлостію, въ каретѣ, сопровождаемой двумя всадниками, въ плащѣ своего пола, только подѣ

большимъ зеленымъ покрываломъ. Такимъ образомъ она проѣхала Департаментъ Успья Роны, часть Департаментъ Гардскаго, и остановилась близъ Сомьера, въ окрестностяхъ Монпелье. Это было въ началъ Мая.

Смѣлость ея безпрестанно увеличивалась. Среди бѣлаго дня проѣхала она чрезъ Монпелье и, оставивъ вправо Тулузскую дорогу, снова остановилась въ деревушкѣ Вильнев-ле-Магелонъ, между моремъ и дорогою въ Сепъ. Отсюда она отправилась къ озеру То, переплыла чрезъ него въ рыбацкѣмъ челнокѣ и вышла на берегъ въ Мезъ, небольшой пристани Департаментъ Эро, населенной одними рыбаками. Здѣсь ожидала ее почтовая коляска, которая довела ее до Каркассона. О отдохнувъ не много въ сельскомъ домикѣ, неподалеку отъ города, она продолжала путь свой до Тулузы, гдѣ проведши нѣсколько дней, пустилась далѣе.

Такимъ образомъ, путешествуя, по большими дорогами, по проселкамъ, она проѣхала Гвиенну, Лимузень, Пуату, и должна была достигнуть окрестностей Нантъ въ послѣдней повозкѣ Мая.

Много романическихъ подробностей рассказываютъ о средствахъ, которыми она проникала въ Нантъ. Однажды, переодеваясь крестьянкою, въ сопровожденіи дамы, также переодевшейся, Герцогиня шла въ городъ босая, держа въ рукахъ свои шодстые башмаки, которые наперли ей ноги; на мосту встрѣпилась съ ними наспоящая крестьянка, которая просила ихъ помочь ей поднять корзину весьма тяжело нагруженную, что и было исполнено обѣими спранными, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія. Въ другой разъ, ее внесли въ городъ въ вязанкѣ сѣна. Разъ

одинъ Нанпскій жипель узналъ ее въ полпъ народа, въ плапъ Сеспры Милосердія, и сказалъ ей только: *»вы очень неосторожны!«*

Върояпно, пайна пребыванія ея въ окрестностяхъ Нанпа, хопя давно уже подозрѣваемая правипельз спвомъ, долго не обнаружилась бы безъ предапельсва. Она продана была Спепаномъ Гонзагомъ Дейцомъ, Жидомъ, родомъ изъ Кельна, креспившимся въ Римъ 1826 года. Жидъ сей, племянникъ Верховнаго Раввана, долго былъ агенпомъ Герцогини. Его шурина, по имени Дракъ, находился при особѣ Герцога Бордоскаго, что и доставило ему средспва пріобрѣспть довѣренность Герцогини. По ея порученіямъ, онъ ѣздилъ въ Франкфурпъ, въ Римъ и въ Лиссабонъ къ Дону-Миханду. Отсюда, съ письмами къ Герцогинѣ, онъ ворошился прямо въ Парижъ, гдѣ спорговался, какъ увѣряюпъ, за милліонъ, предапъ свою покровипельницу. Въ Нанпъ уже посланы были извѣспія о его измѣнѣ. Но Герцогиня не повѣрила имъ. Дейць былъ пріняпъ ею въ домѣ дѣвицы Дюгиньи и, пробывъ у ней нѣсколько минупъ, далъ знапъ Полициі, что *она садится за столъ.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чпобы по оппечатапін предспавлены были въ Ценсурный Комисепъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 17 дня, 1832 года.

Ценсоръ *Н. Лазаревъ.*

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

СОВРЕМЕННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Философiи а).

При нынѣшнемъ состоянiи вещей философія должна: или а) опказаться опъ независимости, подчиниться прежнему авторитету, возвратиться къ среднимъ вѣкамъ; или б) продолжая волноваться въ кругу прежнихъ системъ, взаимно друга друга разрушающихъ; или наконецъ в) опдѣлить все, что въ каждой изъ нихъ есть истиннаго и составить такимъ образомъ философію, которая возвышалась бы надъ

а) Служить сія служить предисловіемъ къ *Курзеву* переводу Исторiи Философiи Теннемана (Manuel de l'histoire de la Philosophie). Для Русской публики, начинающей заниматься философіей, она можетъ служить образцомъ настоящаго ея состоянiя во Франціи, гдѣ *Курзевъ* по справедливости долженъ быть признанъ современнымъ ея представителемъ. *Прим. Пер.*

всѣми системами, всѣ ихъ себѣ подчиняя, копорая не была бы какая либо особенная философія, но философія сама по себѣ, въ своей сущности и своемъ единствѣ.

Первое не возможно. Вопервыхъ по-тому, что философія естѣ только слѣдствие, а не причина. Независимоспѣ и, шакъ сказапѣ, круговращеніе мысли происходяпѣ ошѣ общаго духа независимоспи и круговращенія всѣхъ вещей, наукъ, искусствъ, промышленности. На семъ основаніи задача легко разрѣшается. Новѣйшее просвѣщеніе не можешѣ обратишѣ назадѣ, а слѣдственнo и философія, его предспавляющая. Здѣсь - по и оказываешѣ анахронизмѣ еокрапическаго ученія. Еокрапія естѣ законная колыбель возникающихъ общеспвѣ; но она не слѣдуешѣ за ними въ ихъ развитіи, развитіи необходимомѣ, произпекающемѣ изѣ природы вещей; а какѣ природа вещей не можешѣ быпѣ опдѣльною ошѣ намѣреній Промысла, по и слѣдуешѣ ошсюда, что всякая борьба съ оною естѣ борьба съ самимѣ Провидѣніемѣ; и потому намѣреніе оспановишѣ просвѣщеніе естѣ возспаніе прошивѣ самаго Бога,

гдѣ никакой въ мірѣ умъ не въ силахъ одержать побѣду. А вопорыхъ, чпò служилъ основаніемъ всей полемики еокраповъ пропивъ философіи? Нынѣ всѣмъ оно извѣстно: эпо паралогизмъ. Они разумомъ нападають на разумъ и пакимъ образомъ упопреляють шòшъ самый авпорипелъ, копорый опровергають и въ безсиліи копораго хопяшь убѣдиль. Нѣсколько спросости и послѣдовапельности привели еокрапическое ученіе къ опроверженію не какой либо сиспемы философической но къ опроверженію духа всѣхъ сиспемъ вообще, ш. е. къ опроверженію свободнаго мышленія, или, чпò все равно, самой философіи. Больше спросости и послѣдовапельности привели бы его къ безусловному скепшицизму, или возвратили бы его къ философіи. Безъ сомнѣнія послѣ великихъ движеній, въ послѣднее время споль глубоко и различно волновавшихъ общеспво, и мышленіе челоѳъческое, не будучи въ состояніи удовлетворить безпокойной надеждѣ людей, желającychъ посѣять и пожасть въ одинъ и шòшъ же день, безъ сомнѣнія; говорю, послѣ нихъ возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ и слѣпому авпорипелу могло прельспить

умы, ушомленные соблазнами нововведеній и ложнымъ видомъ спрогой послѣдовапельности. Отсюда опреченія опъ философіи, порожденные робоспью и опчаяніемъ, которыя ненаблюдапельному взору казались признакомъ ея упадка и возвращенія къ прежнему авпорипету. Но шеперь шайна опкрыта, миръ и невинность среднихъ вѣковъ извѣсны; доказано, что слѣпая вѣра въ побореніе разума самимъ разумомъ есть не что иное какъ малодушный паралогизмъ; и одна сія ишпина, будучи обнародована, шеперь доспапочно, чтобы покровишельспвовать философіи и удержи-
вать ея опспушниковъ.

Съ другой спороны опспавишь философію въ шомъ видѣ, въ какомъ девятнадцатое спольшіе възпріяло ее опъ вѣковъ ми-
нувшихъ, значишь мыслишь весьма неблаго-
разумно, значишь согласишь на опро-
верженіе философіи посредспвомъ ея самой,
значишь врагамъ ея и преслѣдующей ее
еокрапії предоспавишь самое опасное ору-
жіе: это не значишь боротсья съ духомъ
времени, но бышь ниже его. Дѣйспвитель-
но, качесшво, насъ опличающее, котора-
го мы наиболѣ ищемъ и которымъ наибо-

лѣе гордимся, еспѣ всеобъемлемость. Во всѣхъ часпяхъ : въ полишикѣ, въ искусстввахъ, въ липерашурѣ, мы спремимся къ цѣлому ; не допускаемъ себя осѣцляться одною спороною вещей, въ какомъ бы блескѣ она ни являлась, но хопимъ обозрѣшь ихъ послѣдовательно, чшобы соспавишь вѣрную и совершенную идею о предметѣ, нами разсмашриваемомъ. Эпо хорошо : но худо то, чшо у насъ недоспаетъ энпузізма и большой оргинальносши ; говорю большой, ибо мелочною мы изобилуемъ. Въ пакомъ общемъ расположеніи умовъ, какую перелесъ могутъ имѣшь обвешшалыя системы, порожденныя новѣйшею философіей при ея возникновеніи и кошорыя въ продолженіе двухъ спольшій были спо разъ ею воспроизводимы, не будучи ни одна въ соспояніи удержаться? Очевидно, чшо всѣ системы, завѣщанныя намъ семнадцашымъ и осьмнадцашымъ вѣками, несовершенно ложны, ибо могли сущесшвовать, и несовершенно испинны, ибо разрушились при разсвѣтѣ абсолютной испины, кошорая, еслибы появилась во всемъ блескѣ, шо покорила бы всѣ умы. Ни одна изъ нихъ не ускользнула ошь спрогой кришики. Нѣтъ ни одной, кошорая не была бы насквозь

проникнута, изобличена и убѣждена въ несперпимыхъ ошибкахъ. Пущь явился пеперь одно изъ началъ, кои въ свое время увлекали сполько умовъ; нѣтъ никого, кшобы потчасъ не представилъ ему цѣпи поспепенно имъ произведенныхъ послѣдствій, его изобличившихъ. Намѣрены ли вы изьяснить способности умспвенныя посредствомъ споль прославленаго ученія чувспвованій, которое еще въ недавнее время съ непреоборимою прелесью увлекало всѣхъ перомъ Локка и Кондильяка? Въ наше время безъ великой мудрости и діалектики, съ небольшою начипанностью, всякой усмопритъ возлѣ обольспительнаго начала его ужасныя послѣдствія, возлѣ Локка — Мандевиля и Коллина, возлѣ Кондильяка — Гольбаха и Ламепри и всѣ ужасныя сапурналіи маперіализма и аспеизма. Хошите ли вы всѣ знанія чловѣческія вывеспи изъ однихъ свойствъ духа, мышленія и его законовъ, чпдъ казалось бы довольно еспеспвеннымъ? Эшопъ благородный спиритуализмъ помрачается выспренними, химерическими опвлеченностями, къ коимъ онъ, будучи споль благоразумень въ своемъ началѣ, привелъ не одно знаменищое ученіе. Хошите ли вы

сомнѣвались? Ужасы скептицизма передъ вами. Желаете ли сосредоточиться во внутреннее чувство? Но кто жъ вамъ заранее не укажетъ склонность, которая увлечетъ васъ къ мистицизму? Такимъ образомъ ни въ началахъ, ни въ послѣдствіяхъ нѣтъ ничего не предвидѣннаго, слѣдственно ничего, что бы могло ввести въ заблужденіе; ибо — въ эпомъ не должно ошибаться — умъ, равно какъ и воображеніе гоняется, только за неизвѣстнымъ и безконечнымъ. А въ нынѣшнее время какая система имѣетъ сію прелесть? Достоинство человѣческаго разумѣнія не увлекается ничѣмъ, кромѣ истины, не говорю абсолютный, но по крайней мѣрѣ считаемой за такую; и въ наше время нѣтъ ни одного хорошо организованнаго ума, который бы не зналъ, что системы, порожденныя новѣйшей философію, по спрощающему анализу, суть только системы частныя, которыя могутъ содержать больше или меньше истиннаго, но которыя смѣшно было бы принимать за самыя истины.

Итакъ намъ остается избрать прешье. А исключивъ фанатизмъ къ какой либо особенной системѣ, фанатизмъ, порождаемый склонностью къ энтузіазму и одностороннимъ возрѣніемъ на вещи, который поч-

ши и невозможенъ опноспельно нашихъ качеспвъ и опноспельно нашихъ пороковъ, я не вижу для философіи, если она не хочеть подвергнушься игу еокрашіи, инаго способа, кромѣ правдивоспи, умѣренности, безприсраспія и мудроспи. Признаюсь, способъ опчаянный, но я не нахожу другаго. Спранно покажется, чпобъ одинъ шолько здравый смыслъ имѣлъ вліяніе на воображеніе людей. Но всѣ другія средспва уже обвешшали. Всѣ фанашическія роли въ философіи, всѣ роли несправедливоспи и безумія, словомъ всѣ роли, подчиненныя, похищены у девятнадцатаго спольшія вѣками предыдущими, и оно какъ бы приговорено къ новой роли, съ перваго взгляда болѣе скромной, но въ самомъ дѣлѣ лучшей и величайшей; эпа роль — бышь справедливымъ ко всѣмъ спшесемамъ, не увлекаясь ни копорою; изучаешь всѣ, и вмѣспо того, чпобы слѣдовашь за какой либо изъ нихъ, всѣ соединишь подъ свои знамена, и веспи ихъ пакимъ образомъ къ изысканію и покоренію испины. Эпо направленіе — не опвергаешь ни одной спспемы и ни одной совершено не слѣдовашь, оспавляешь одно, принимаешь другое, во всемъ избираешь шоль-

ко то , чпò истинно и изящно , а слѣд-
ственно и долговѣчно : однимъ словомъ
это — эклекцизмъ !

Эклекцизмъ ! Знаю , что одно сіе на-
званіе исключаетъ всякое частное ученіе,
Но можно ли удивляться , если мнѣніе ,
которое кажется нѣсколько новымъ , встрѣ-
чаетъ живое соприкосновеніе ? Особливо та-
кое мнѣніе , какъ эклекцизмъ . Предложите
парціямъ пожертвовать своими пиранни-
ческими требованіями общему служенію
опечесства . А всѣ исключительныя ученія
въ философіи суть по же , чпò въ государ-
ствѣ парціи . Эклекцизмъ имѣетъ цѣлю
противупоставить ихъ бурному и беспор-
ядочному дѣйствию твердое и умѣренное
направленіе , которое употребляетъ всѣ
силы , не исключая ни одной , но которое
ни одной изъ нихъ не жертвуетъ общему
пользю . Предположите , что между сими
мнѣніями , спреямищимися къ безусловному
преобладанію , есть одно , которое болѣе
полу-вѣка имѣетъ общій и неоспоримый ав-
торитетъ , привыкло получать почести
и бытъ почищаемымъ , какъ бы нѣкая ре-
лигія . Дерзните оспаривать владычество
себѣ всеобщаго идола , предложите ему
сойщи съ своего престола , покажитесь

въ полпу, посреди оной заспавивъ почи-
павъ права свои, бывъ просто мнѣніемъ,
какъ и всѣ другія, какъ всѣ другія заклю-
чавъ въ себѣ истинное и ложное, при-
нимаемое одними, опровергаемое другими, сло-
вомъ сказать: предложите ему почтѣйшее
ислѣдованіе — и вы увидите, что раз-
разился ужасная буря. По сему и я ожи-
далъ жаркой полемики; но надѣялся, что
она будетъ основательною. Въспо возра-
женій встрѣпилъ восклицанія и обвиненія.
Дѣйствительно мнѣ казалось, что ученіе
сенсуалистовъ сильнѣе. Но, еслибъ по бы-
ло въ моей власпи, то опнюдъ не ослаб-
лая, я напрошивъ усилилъ бы его, далъ
бы ему представителя благоразумнаго и
достойнаго; ибо оно содержитъ высокія
истины, и я въ самомъ дѣлѣ почишаю не-
счастіемъ жалкое состояніе, до котораго
оно дошло у насъ. Искренно сожалею,
что Г. де Траси, обезоруженный лѣшами,
не можетъ всушить въ состязаніе съ но-
вѣйшею философіею. Такой противникъ не
спаль бы искалъ оружія въ арсеналѣ Іезуи-
товъ: онъ нашель бы его въ глубокомъ
изученіи философіи, въ анализѣ и строгой
логикѣ, коей онъ показалъ столько примѣ-
ровъ; и тогда могла бы произойти закон-

ная и ученая полемика. Мы первые спанемъ пребовапъ ея, ревнуя общей пользѣ науки. Между пѣмъ ни я, ни друзья мои не шакъ слабы, чпобы оспановипъся при видѣ препяпшпвѣй, около насъ посѣвае-мыхъ. Мы не для того вступили на поцрище, чпобы собирашъ легкомысленныя похвалы, но чпобы дѣйспвовапъ въ пользу философіи. ЧпѠ касается до меня, шо изучивъ болѣе, нежели одно ученіе, дабы дапъ себѣ опчешъ въ прелеспяхъ каждаго изъ нихъ и въ достоинспвѣ, копорое совершенно различныя сиспемы, какъ на примѣръ Кондильяка и Рейда, имѣюпъ въ глазахъ лучшихъ мыслипелей и знаминпшѣйшихъ писапелей, Ларомигьера и Ройе-Колара, коихъ наспавленіями самъ я пользовался: давно увидѣлъ я, чпо авпо-ришешъ сихъ различныхъ сиспемъ производилъ опъ того, чпо всѣ онѣ имѣюпъ нѣчпо испинное и хорошее; я подозрѣвалъ, чпо онѣ въ самомъ дѣлѣ не споль прошивуположны другъ другу, какъ кажущся; увѣрился, чпо всѣ онѣ, при нѣкопорыхъ условіяхъ, могупъ другъ съ другомъ сблизипъся, и предложилъ имъ мирный договоръ на основаніи ихъ взаимныхъ соотношеній. И шогда я произнесъ слово: экле-

пизмъ. Ежели оно не нравится, то я добровольно опъ него опказываюсь, лишь бы только мнѣ оставили самое дѣло. Одно сіе слово, само по себѣ почное, уже употребленное пѣми, копорые въ продолженіе вѣковъ имѣли почти одинаковую идею, вообще принятое въ языкѣ Философической Исторіи кажется мнѣ пакъ прекраснымъ, какъ только можеть быть названіе, и я не вижу никакой причины его опвергать. Вразсужденіи же самага предпріятія, размышленіе и ученіе болѣе и болѣе меня къ нему привлекаюпъ. Самый видъ фанатизма, къ копорому можешъ привеспи какое либо исключительное ученіе, болѣе и болѣе заспавляетъ меня слѣдовапъ умѣренности и благоразумію; и пошому мое искреннее желаніе и, смѣю сказапъ, надежда состоишъ въ томъ, чшобы во Франціи эклекцизмъ девятнадцатаго спольшія руководспвовалъ философію.

съ Франц. Н. Огаревъ,

II.

М І Р О З Д А Н І Е

по монгольскимъ понятіямъ а).

— „Сначала былъ хаосъ.“ — Смѣлье!
 Ну, что-жь? Сначала былъ хаосъ. —
 „Тамъ въ немъ движеніе родилось.“...
 — Да это что за ахинея?
 Однако-жь дальше, продолжай! —
 — „И шо начальное движеніе
 Произошло опъ духовенья.“...
 — Ты не хлѣбнулъ-ли черезъ край?

Такъ разговаривалъ я не очень давно
 съ однимъ Забайкалскимъ Ламою, моимъ
 хорошимъ пріятелемъ. Человѣкъ онъ ка-
 жется дѣльный и начипанный.

А какъ забывчивъ, думалъ я,
 И что-же вышло на повѣрку? —
 Что намъ другихъ судить нельзя
 На нашу собственную мѣрку . . .

Онъ очень хорошо помнилъ наизусть
 свое Шагя-Мунианское писаніе. Теперь, ког-

а) Ошрывокъ изъ *Расказовъ Сиблярка*, въ конѣ шуп-
 ливымъ, юмористическимъ пономъ излагаются религіоз-
 ныя понятія Монголовъ или ученіе Шагя-Муни. *Расказы*
 сіи приготовлены къ печати, и скоро выдутъ въ свѣтъ.
 Изд.

да я навелъ справку объ эпомъ предметъ въ моей драгоценной шепрадкѣ: я увидѣлъ, что и въ ней, ни дашь, ни взяшь, по-же самое; и такъ я продолжаю за него.

Опъ движенія дуновенья соспавилось облако; изъ облака родились воды;

Попомъ изъ водъ — земля и камень;
 Попомъ опъ шренья сихъ началъ
 Во шмѣ хаоса просіялъ
 Неугасимый, яркій пламень.

Наконецъ, по ли изъ грубаго вещества, по ли изъ пѣны, какъ говорятъ иные, соспавилась величайшая гора Сюммэръ. Она видна только до половины, но и этого довольно съ насъ грѣшныхъ. Вообразите себѣ, что опъ поверхности воды до вершины этой горы, Монголы счишаютъ ровно 640,000 верстъ. Дистанція огромнаго размѣра, сказалъ бы почтенный Скалозубъ, еслибы ему удалось насъ подслушать. Другая половина Сюммэра находится въ водѣ и лежитъ своимъ основаніемъ на необъяпной злапоцвѣпной черепахѣ.

Въ по же время около Сюммэра образовались чепыре великихъ міра: одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ, шрепій на западѣ, и чешверный, разумѣпся, на востопокъ.

— „Скажише же мнѣ , господинъ разскащикъ , копорый изъ нихъ наша земля , какъ ее зовушь по Монгольски , и въ копорой она споронѣ ? Да полько пожалуйста покороче !“ —

Ахъ ! прелеспная Капинька ,

Какъ въ васъ порывиспы желанья !
 Какъ о землѣ сказашъ вамъ вдругъ ,
 Чшо Самбу-Тибъ ея названье
 И чшо лежишь она на Югъ ?

Согласишесь , чшо эшо довольно шрудно ; но передъ вами уничшожающся всѣ препяшствія... Вамъ споишъ захошѣшь.... попросишь.....

Нѣшъ ! вы приказывайте смѣло !
 И вопъ , для пробы хошъ одной ,
 Скажише мнѣ : „будъ мужъ шы мой !“
 И шощасъ будешъ въ шляпѣ дѣло.

Однакожъ , послѣ шакой волшебной силы вашихъ словъ , мнѣ какъ-шо невольню хочешся

Поразпросишь васъ кой о чемъ....
 Пусъ мы , на эшой грязной глыбѣ ,
 За грѣшныя дѣла живемъ :
 Но вы зачѣмъ на Самбу-Тибъ ?
 Для васъ бы могъ Шагя-Мунѣ
 Отвесъ на Сюммарѣ кварширу ,

Гдѣ бы, блистая, ваши дни
 Текли, какъ звѣзды, по вѣиру;
 Васъ осѣнялъ бы вѣчный свѣтъ,
 Вы бѣ наслажденьями дышали,
 И только ими, числа лѣтъ
 Въ прелестной думѣ повѣряли.
 Порой, бышь можете; съ той горы
 Взглянувъ на грѣшниковъ съ учасьемъ;
 Вы бѣ насъ знакомили со счастьемъ.
 А! . . . понимаю! . . . вы добры:
 Вамъ спало жалко насъ спрадальцовъ,
 О нашемъ благѣ вы пеклись,
 И изъ далека принеслись
 Земныхъ ушѣшишь поспояльцовъ.

Но вы можете бышь, спросите меня
 о фигурѣ нашего Самбу-Тиба; или вы мо-
 жете бышь скажете: „Да это ужъ извѣ-
 стно, что онъ шарообразенъ, что онъ
 сжатъ у полюсовъ и возвышенъ подъ эква-
 поромъ.“ — Заблужденіе, прелестная Ка-
 шинька! . . . весь нашъ ученый міръ въ
 спрашномъ заблужденіи. . . . Какіе шупъ
 полюсы? и что шакой за эквапоръ? . . .
 Земля наша есть просто приугольникъ. . . .
 вы не вѣрите? Такъ загляните же въ любую
 миеологическую Монгольскую книгу, и вы
 увидите, что это самая неприкосновенная
 истина.

Я думаю , когда Шагя-Мунй
 Ошкрыль , чшо мйръ нашъ преуголень ,
 Навърно сряду онъ шри дни
 Собой ужасно былъ доволень ,
 Да , разсудя по моему ,
 Съ нимъ не могло и бышь иначе :
 Онъ слѣпо ввѣрился уму —
 Такъ спало вѣроваль удачь .

Но въ спорону сомнѣнйя : эшо спашья
 уже рѣшенная . Всѣмъ извѣспно , чшо по сре-
 динѣ вселенной находйшя высочайшая гора
 Сюммэръ ; чшо на югъ опъ ней лежйшъ
 нашъ преугольный Самбу-Тибъ ; на воспокъ
 круглый Улюмджи - Бйишу - Тибъ , шо ешь
 земля прекрасныхъ лицъ .

Ужъ вы , мой ангель , на Самбу
 Не гостья ли съ Бйиша-Тиба ,
 Тогда , благодаря судьбу ,
 Я бъ ей сказалъ за васъ спасибо
 Вошь хорошо ! я и забыль ,
 Чшо люди шамъ аршиновъ въ восемь ;
 Ай , да Шагя ! покорно просимъ ,
 Какъ онъ ихъ роспомъ наградилъ !

На западъ опъ Сюммэра , прешй мйръ ,
 имбющй видъ полумбсяца , называешя :
 Укэръ-Эддекчи-Тибъ , шо ешь земля , при-
 вольная для рогашаго скоша .

Чшо если , Господи проси !
 Шагя придумаль , для примѣра ,
 ТЕЛЕСК. Ч. ХІ.

На тучныхъ пастбищахъ Экора
 Всѣ лбы рогатые пасши ?
 Тогда , по смерти , безъ сомнѣнья ,
 Какъ многихъ не увижу я
 Изъ васъ , знакомцы и друзья ,
 Коль самъ умру безъ украшенья.

Квадратный Модушу-Тибъ , есть четвертый міръ , находящійся на Сѣверѣ. Здѣсь , и по сію пору шридцати двухъ аршинные великаны живутъ по десяти сполъшій. Вотъ жизнь — шакъ жизнь !

Наконецъ я вамъ долженъ сказать , что у каждаго изъ этихъ чешырехъ главныхъ Тибовъ , есть по два маленькихъ спушника ; спало бытъ вся система состоить изъ двенадцати разнокалиберныхъ міровъ..... Люблю за это: и уютно , и покойно !.... Однакожъ , вѣрно Шагя-Муни думалъ и о попомснвѣ : онъ разлилъ вокругъ Сюммэра чешыре океана: къ сѣверу желшый , къ югу синій , къ востоку бѣлый и къ западу красный. Такимъ образомъ ,

Создавши новую природу ,
 Чшобъ избѣжашъ провѣрки словъ ,
 Онъ всѣ концы своихъ міровъ
 Благополучно спряшалъ въ воду.

Окружность вселенной проспирается до 30,000,000 верспъ , разумѣется , выключо-

чая солнце, луну и звѣзды, копорыя со-
творены послѣ и по по особенному случаю;
я вамъ расскажу объ немъ въ другое время,
а шеперь поговоримше о Сюммэрѣ.

На нижней полосѣ апой горы живупъ
злые духи. Они но вамъ спрашно, Ка-
пинька? — подыместя на середину. . . .
Видите ли вы Ассурі?.. Это существа,
среднія между челоуькомъ и демономъ: шо
естъ они сбиваюпъ и на шого, и на
другаго. . . . Однакожъ, посмошрите . . .
прокляпныя начинаюпъ волочипься за ва-
ми — полешимше пожалуста на верхъ. . .
Какъ шупъ все хорошо! Какое разнообра-
зіе въ великолѣпїи и красопахъ! Какія не-
объяпныя, блиспапельныя карпины! . . .
Мнѣ чрезвычайно прїяпно, чпо все это
шакъ занимаешъ васъ. . . .

Прекрасное во всемъ любя,
Вы рады каждой здѣсь бездѣлкѣ:
Вы здѣсь какъ дома у себя; —
А я шакъ не въ своей шарелкѣ;
Въ спранѣ невыразимыхъ благъ,
Вездѣ вамъ ровная дорога;
Я спощыкаюсь каждый шагъ —
Мнѣ какъ-шо совѣспно немного. . . .

Въ эшакомъ случаѣ всего лучше смо-
шрѣшь вверхъ: будпо чему-шо удивляе-
мся. . . . а чему шупъ удивляпшься?

Есть ли у васъ, мой прелестный ангелъ, какая нибудь любимая звѣздочка?.. вѣрно есть!... эшо и въ модѣ, и къ шомуже, не знаю опъ чего, всегда, какъ шолько увидишь ее, на сердць дѣлаешся шакъ тепло, шакъ весело!... Намъ надобно еще взглянуть на самую вершину Сюммэра, и пошому пошрудитесь вообразитъ, что вы опыскиваете свѣплую свою любимицу...

Закиньте вверхъ свою головку....

Какъ вы въ приемахъ хороши!

Но мнѣ васъ жалко опъ души:

Вамъ эшакъ, можешъ бытъ, не ловко?

— „Нѣтъ, ничего!“ — Я очень радъ!

Взгляните-же, какъ онъ парадень;

Ну, что? каковъ собой на взглядъ?

— „Изрядень.“ — Только что изрядень?

Спранно!... Такъ вамъ не понравил-ся Шагя-Муни?... Боже мой! вѣдь я и позабылъ, что онъ передъ смершью поспился пяшдесятъ два года: до красопы-ли шупъ?...

Да! не ворошится она,

Хопъ онъ и сѣлъ на пыщномъ шронѣ;

За шо, какъ будшо на ладош.

Ему вселенная видна:

Опшуда судитъ онъ и рядитъ

Своихъ Монголовъ и Буряшъ;

И около себя сподрядъ

За выслугу и службу садишь.

— „По этому у него можно выслуживаешься?“ —

По этому можно; только я никакъ не могу говорить обо всемъ въ одно и по-же время. . . . Сперва узнайше понятія Монгольцовъ о минувшемъ и будущемъ, относительно природы.

Если міры когда-то сославились, говорятъ Шагя-Муніанскіе мудрецы, то они непременно должны когда нибудь и разрушиться. Все, что имѣеть начало, имѣеть и конецъ. . . . Дѣло! . . . Но эпошь неизбежный, бѣдспвенный случай, рассказанъ у нихъ еще замысловаще, нежели процессъ созданія.

Вотъ какъ случился эшо чудо:

Не вѣдомо когда, откуда,

Зачѣмъ, и почему, и какъ,

Вдругъ солнце, (сверху безъ сомнѣнья),

Какъ злобный демонъ разрушенья,

На всѣ міры съ размаха — брякъ.

— „Оки и разлешаща спало?“ —

Нѣшь, одного шолчка имъ мало,

Имъ такъ доспанешся, что страхъ,

За то что крѣпки на ногахъ.

Послѣ эшого первого солнца упадешъ другое побольше, шамъ прешше еще больше, наконецъ седьмое доконаешъ вселенную.

Другіе рассказываютъ объ этомъ произшествіи совершенно иначе.

Они, въ оспраспку для народа,
 Безъ умолку швердяшъ ему,
 Чшо онъ по сердцу и уму
 Все будешъ хуже годъ опъ года;
 Чшо ждешъ его конецъ одинъ;
 Чшо онъ и роспомъ меньше спанешъ,
 И хорошо, когда допянешъ,
 Чшобъ бышъ ему хошя съ аршинъ.
 А жизнь? — умора да и шолько!
 Какъ десяпъ лѣшъ? . . . вѣдь курамъ смѣхъ!
 Хошъ-бы прибавили для всѣхъ
 Еще-бы шолько, да полшолько;
 И чшо допомъ, какъ родъ людской
 Дойдешъ соѣсѣмъ до развращенья,
 Тогда, предшечей разрушенья,
 Прольешся голодъ надъ землей.
 Семъ лѣшъ продлишся испышанье,
 Попомъ въ послѣдніе семь дней,
 Слешяшъ на землю семь мечей, —
 И все живущее созданье,
 И весь людской грѣховной родъ,
 Подъ эпой казню умрѣшъ.

На каждомъ изъ опуспошенныхъ міровъ оспанешся шолько по одному добродѣшельному семейспву. По окончаніи кушеремы они выйдутъ на бѣлый свѣшъ, и спанутъ себѣ жишъ, да поживашъ. Лѣша ихъ жизни будутъ посшеченно увели-

чиваешься, попомъ опяшь уменьшаешься. и наконецъ снова ша-же испорія. Весь эпошъ промежушокъ опъ одного разрушенія до другаго называется Гал-Абъ; 56 Гал-Абовъ соспавипъ Гал-Абъ-Эргиху, по еспъ всеобщее разрушеніе самыхъ міровъ.

На ряду съ подобными гипопезами, вы вспрѣшите у нихъ понятія о безначальности и безконечности; но эпоаго еще мало. Въ слѣдующемъ предположеніи они развиваютъ идею, что въ проспранспвѣ не можешъ бышь пуспошы. Какъ созданіе сущеспвующихъ нынѣ міровъ было не первое, по и разрушеніе ихъ будешъ не последнее: въ цѣлой безконечности одно спанешъ замѣняшья другимъ. Запѣйливо сказано, но впрочемъ

Я эшу мысль не принимаю,
 Она нелѣпая мечша,
 И я, по опышу я знаю,
 Чшо еспъ въ проспранспвѣ пуспоша.
 Въ немъ важно мѣспо занимаа
 Торчипъ иная голова,
 И умной кажешся сперва,
 А вѣдь какая ужъ пуспая!
 Во всемъ собаку съѣлъ иной,
 А смопришь — сохнешъ и худѣешъ,
 За шѣмъ; чшо съ полной головой,
 Пуспой желудокъ онъ имѣешъ;

Иной вездѣ нашель обманъ,
 Не удаеся все иному,
 И онъ хлопочешъ по пуспому,
 Запѣмъ чшо пуспъ его карманъ....
 Да! спранно племя все людское!
 Нашъ пушъ житейскій спрахъ смѣшонъ!
 Какъ ни смотри: со всѣхъ споронъ
 Льюшъ изъ порожняго въ пуспое.

Спанемше продолжашъ. Послѣ великой
 мысли о возобновленіи міровъ.... Какъ
 вы думаете, чшо вы найдете послѣ эпои
 мысли?.... Чшо вмѣспъ съ мірами бу-
 дущъ перемѣнячъся и боги.... О Шагя-
 Муні! Шагя-Муні!

Твоя система управленья
 Въ накладъ шоварищамъ швоимъ,
 И послѣ свѣшопресшавленья
 Гдѣ дашь шы мѣспо опсшавнымъ?

Но эпо ужъ его дѣло... а мнѣ оспаешъ
 шолько сказапъ вамъ, чшо въ слѣдспвіе
 шакого порядка вещей и самые верховные
 существа, судя по времени, имѣюшъ осо-
 бенныя названія. Такимъ образомъ всѣ бо-
 ги, копорые управляли мірами, существо-
 вавшими прежде, называющъся: О-Ме-То-Фо;
 шо, копорое управляетъ нынѣшними —
 еспъ: Ши-Кеа-Фо; а всѣ шѣ божеспва, ко-
 порые будущъ владычеспвовапъ надъ но-

выми вселенными, называющіяся шеперь Ме-Ли-Фо.

Въ настоящее время Шагя-Муни, какъ Ши-Кеа-Фо нашей вселенной, сосредотошивъ въ себѣ всю возможность власши общаго управленія надъ сущесствующими шеперь мірами, пріятельски подѣлился съ другими Бурханами, опносительно часпей. Такъ на примѣръ Бурхану Мандари и будущему преемнику его Мандзошири, онъ препоручилъ наблюдать, чшобы все въ мірѣ шло своимъ порядкомъ; Бурханъ Хурмуспа долженъ хлопотать о благѣ всѣхъ шварей; грѣшники сдаются на руки Эрлык-Номун-Хану; Очирбани завѣдываетъ бурями, метелями, ураганами и п. д.

У Бурхановъ, копорые начальспвуютъ надъ водою во всѣхъ возможныхъ ея измѣненіяхъ, соспоятъ въ распоряженіи ужасные драконы. Ошъ нечето дѣлають водяные цари позволяють имъ гуляють по поднебесью: шуть-шо пирь горой!... Эши чудища лешають шакъ быспро, чшо слѣдомъ за ними вспыхиваетъ огонь, а намъ кажется, чшо это зарница или молнія;

Когда-же разыгравшись часомъ,
Въ пошмахъ, въ разгульи дождевомъ,

Они *ау* запынупъ басомъ —
Мы думаемъ , что эшо громъ.

Дно океана еспъ зимнiя кварпиры
эпихъ чудовищъ. Благополучно царспвую-
ще нынъ Богдо-Ханы Манжуйской , Дан-
чинской (п. е. воинспвенной) динаспiи ,
признали изображенiя ихъ своимъ гербомъ.
Адъ....

В. Соколовскiй.

II.

ПЕРЕПРАВА ЧРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(о к о н ч а н i e)

— „Моя бѣдная племянница сошла съ
ума“ : примолвилъ медикъ послѣ минушы
молчанiя.

— „Ахъ ! сударь !“ продолжалъ онъ ,
схвативъ руку Г. д' Альбона : „какую жизнь
вела эша женщина , шакъ молодая , шакъ
чувспвишпельная ! Въ Вильнѣ , неслыхан-
нымъ несчастiемъ , она была разлучена съ
великодушнымъ гренадиромъ гвардiи , ко-
порого звали Флерiо . Тогда она въ про-
долженiе двухъ лѣтъ , принуждена была
оставашься при армiи , забавою и игруш-
кою негодяевъ . Миѣ сказывали , что она ,

скипаясь босая, оборванная, оставалась цѣлые мѣсяцы безъ всякаго призора, безъ пищи; по держали ее въ госпиталяхъ, по гоняли, какъ безмысленное живописное! Богу одному извѣсна жизнь несчастной. Она пережила сполько бѣдспвій! . . . Наконецъ ее заперли въ сумасшедшій домъ, въ одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ городкѣ, между шѣмъ какъ родспвенники ея здѣсь раздѣлили все ея имѣніе, счишая ее мерпвою.

— „Въ 1816 году, гренадиръ Флеріо узналъ ее въ одномъ Спразбургскомъ пракшпѣ, куда она пришла, бѣжавъ изъ своего започенія. Нѣкоторые поселяне увѣряли Флеріо, чпо Графиня цѣлый мѣсяць жила въ лѣсу и чпо они гонялись за ней, чпобъ поймашъ ее, но безуспѣшно.

— „Я былъ тогда въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Спразбурга. Услыхавъ о дикой женщинѣ, захошѣлъ я лично удостовѣришъся въ нелѣпыхъ басняхъ, копорыя объ ней ходили. Чпд спалось со мной, когда я узналъ Графиню? . . . Флеріо расказалъ мнѣ все, чпд зналъ изъ ея плачевной испоріи. Я увезъ его съ племянницей своей въ Овернь. По несчастію, скоро лишился я эшого добраго челоуѣка. Онъ имѣлъ нѣкопорую власпъ надъ Гжею де Вандерь. Одинъ онъ

могъ принудить ея одѣваться. . . — „*Прощай!*“ эшо слово, которое составляеть весь ея языкъ, прежде произносила она рѣдко; Флеріо хотѣлъ пробудить въ ней нѣкоторыя идеи посредствомъ эсихъ двухъ слоговъ: но старанія его были безуспѣшны; онъ только приучилъ ея чаще выговаривать эшо печальное слово. Гренадиръ умѣлъ играть съ ней; онъ умѣлъ . . . я надѣялся при помощи его . . . но.“ . .

Г. Фанжа, такъ назывался дядя Юліи, умолкъ на минушу.

— „Здѣсь“ — продолжалъ онъ — „нашла она другое существо, съ которымъ, кажется, сдружилась. Эшо дурочка крестьянка, которая, не смотря на свое безобразіе и глупость, полюбила одного каменщика. Каменщикъ хотѣлъ на ней жениться, потому что у ней было нѣсколько учасковъ земли. Бѣдная Женевьева, въ продолженіе цѣлаго года, была счастливѣйшимъ созданіемъ въ свѣтѣ. Она шанцовала по воскресеньямъ съ Далью, наряжалась, понимала любовь; въ ея сердцѣ и смыслѣ нашлось мѣстечко для чувства. Но Далью поразмыслилъ; нашелъ другую молодую дѣвушку, у которой земли было двумя учасками больше, чѣмъ у Женевьевы,

и копорая была не дура. Тогда бросиль онъ Женевьеву; и бѣдное швореніе пошеряло послѣднюю искру смысла, копорую любовь въ ней раздула; она пеперь негодишся ни на что, кромѣ паспи корову и рвашь праву. Эпи двѣ несчастныя какъ будпо соединены невидимою цѣпью ихъ общей судьбы, чувспвомъ, копорое было причиною ихъ сумасшеспвія! . .

— „Посмоприте, посмоприте!“ . . сказалъ Г. Фанжа, подводя Г. д' Альбона къ окну.

Въ самомъ дѣлѣ, Судья увидѣль прекрасную Графиню, сидѣвшую на землѣ, въ ногахъ у Женевьевы. Креспьянка, вооруженная большимъ коспянымъ гребнемъ, съ глубокимъ вниманіемъ разчесывала длинныя черныя волосы Юліи. Сія послѣдняя позволяла ей эпо охопно. Она испускала слабыя крики, копорые болѣе означали удовольспвіе, чѣмъ опвращеніе.

Г. д'Альбонъ содрогнулся, замѣшивъ безпечность, рѣшишельно скопскую, въ положеніи Графини, избличавшемъ совершенное опсущспвіе души.

„Филиппъ! Филиппъ!“ вскричалъ онъ.
„Прошедшія несчастія швои ничпо!“

„Ипакъ нѣтъ никакой надежды?“ спросилъ онъ у Г. Фанжа.

Спарый врачъ поднялъ глаза къ небу.

„Прощайте, сударь!“ сказалъ Г. д'Альбонъ, сжавъ руку спарика. „Другъ мой ждетъ меня: вы скоро его увидите!“ ..

— „Такъ эпо она?“ .. вскричалъ Г. де Сюси, выслушавъ первыя слова Маркиза. „О! я еще сомнѣвался!“ ..

И нѣсколько слезъ выкапилось изъ его черныхъ глазъ, коихъ выраженіе обыкновено было шакъ сурово.

„Да! эпо Графиня де Вандьеръ!“ .. опвѣчалъ Судья.

Полковникъ вскочилъ и бросился одѣваться.

„Что съ побою, Филиппъ?“ .. сказалъ изумленный Маркизь. „Не съ ума ли ты сошелъ!“ ..

— „Но — я уже больше не спрадаю!“ .. опвѣчалъ Полковникъ. „Эта новоспъ упишила всѣ мои скорби. . . И. . . какую новую груспъ могу я чувспвовашь въ присущспвіи Юли. . сумасшедшей? . . иду шуда. . . видѣшь ее, говоришь съ ней, вылѣчишь ее. . . Она теперь свободна. . . Счаспіе вѣрно улыбнешся намъ, или. . . Но ты думаешь, что эша

несчастливая можешь слышать меня и не образумишься!“ ..

„Она уже видѣла шебя и не узнала“ ... опвѣчалъ кропко Судья, который, замѣчая испуленную надежду въ своемъ другѣ и сомнѣваясь въ успѣхѣ, спарался внушить ему спасительныя сомнѣнія.

Полковникъ задрожалъ: но потомъ улыбулся, сдѣлавъ легкое движеніе недоувѣрчивости.

Никпо не смѣлъ пропивишься намѣренію Г. де Сюси. Въ нѣсколько часовъ, онъ уже расположился въ спаромъ пріорспвѣ, подлѣ медика, подѣ одною кровлею съ Графинею де Вандьеръ.

— „Гдѣжь она?“ .. вскричалъ онъ, пріѣхавъ.

„Гс!“ опвѣчалъ ему дядя Юли. „Она спитъ. Смошрипе, вопъ она!“

Слѣдуя за Г. Фанжа, Полковникъ увидѣлъ несчастную сумасшедшую, лежавшую ничъ на скамейкѣ, пропивъ солнца. Голова ея прикрывалась опъ зноя, густымъ лѣсомъ волосъ, разбросанныхъ по лицу; руки прелесшно висѣли до земли; шѣло распротперто въ прекрасномъ положеніи опдыхающей серны; ноги подогнуты безъ всякаго принужденія; грудь колыха-

лась правильными, равномерными движениями; цвѣтъ кожи ея блиспаль фарфоровою, прозрачною бѣлизною, кошорой мы шакъ любуемся въ младенцахъ.

Неподвижно подлѣ ней Женевьева спояла, съ пополевой вѣшкой въ рукѣ, кошорую Юлія безъ сомнѣнія сломила на самой верхушкѣ дерева, и махала ею шихонько надъ своею спящею подругою, чшобъ опгоняшь мухъ и освѣжашь воздухъ. Дурочка взглянула на Г. Фанжа и Полковника; попомъ, какъ живошное, знающее своего господина, медленно оборопила голову къ Юліи и продолжала надзирашь за ея сномъ, не показавъ ни малѣйшаго признака удивленія или смысла.

Ашмосфера дышала палящимъ зноемъ. Каменная скамья, казалось, сверкала яркими блеспками; и лугъ возносилъ къ небесамъ дымчашые пары, кои, подобно волшебнымъ пѣнямъ, кружились и блеспѣли надъ правою, какъ золопая пыль; но Женевьева, по видимому, не чувспвовала зноя.

Полковникъ сжалъ сильно обѣ руки Г. Фанжа. Слезы, брызнувшія изъ глазъ воина, покашились вдоль суровыхъ щекъ его и оросили праву у ногъ Юліи.

„Государь мой!“ сказалъ дядя: „вошь уже два года, какъ сердце мое разрывается ежедневно... Вскорѣ и съ вами будете поже... Вы не спанете плакать: но ваша скорбь будетъ гораздо глубже.“ ..

— „Вы ходили за ней!“ .. сказалъ Полковникъ, глаза коего выражали сколько благодарности, сколько и ревности.

Они оба поняли другъ друга; и, снова пожавъ крѣпко другъ другу руку, оспались недвижимы, разсмапривая удивительное спокойствіе, проливаемое солнцемъ на сіе прелестное созданіе. Время опъ времени, Юлія испускала вздохи; и каждый изъ нихъ, имѣя всѣ признаки чувствительности, заставлялъ шрешашь опъ радости несчастнаго Полковника.

„Увы!“ .. сказалъ ему крошко Г. Фанжа. „Не обманывайшесь, сударь! Вы теперь видите ее во всемъ ея разумъ!“ ..

Тѣ, кои проводили цѣлые часы, наслаждаясь созерцаніемъ сна нѣжно любимой особы, коей взоры должны улыбнуться имъ при пробужденіи, поймутъ сладкое и вмѣстѣ ужасное чувство, волновавшее душу Филиппа: ибо для него эшошь сонъ былъ обольщеніе, а пробужденіе должен-

сповало бытъ смерпью, ужаснѣйшею всѣхъ смерпей!

Вдругъ молодая коза въ при прыжка подскочила къ Юліи и начала ее обнюхивать. Этопъ шумъ пробудилъ ее. Она быспро вскочила на ноги, не причинивъ ни малѣйшаго испуга прихопливому живошному: но, когда примѣпила Филиппа, бросилась прочь, сопровождаемая своею чепвероногою подругою, и опбѣжала къ шпалернику, изъ бузинныхъ кустовъ. Попомъ, испустила легкій крикъ, подобный писку испуганной пшицы, копорый Полковникъ слышалъ уже у рѣшешки, гдѣ Графиня въ первый разъ явилась Г. д'Альбону. Наконецъ, вскарабкавшись на ракишовое дерево и усѣвшись въ его зеленыхъ вѣшвахъ, начала смотрѣшь на новое лице, со всѣмъ любопытнымъ вниманіемъ дикаго соловья роши.

— Прощай, прощай, прощай! повпоряла она, безъ всякаго выраженія души и смысла.

Это была безчувспенность пшицы, высвиспывающей свою природную пѣсню!

— „Она не узнаешъ меня!“ вскричалъ Полковникъ въ опчаяніи. . . „Юлія! Юлія! Это я . . . Филиппъ . . . пвой Филиппъ.“ . .

И бѣдный воинъ пошелъ къ дереву.

Когда онъ былъ шагахъ въ прехъ опъ ракишы, Графиня взглянула на него, какъ будто желая подразнить, не смотря на выраженіе боязни, изобличавшееся въ ея взорахъ; потомъ, однимъ прыжкомъ, перескочила съ ракишы на акацію, опшуда на близъ споявшую сосну, гдѣ, перепрыгивая съ сука на сукъ, съ неимовѣрной легкостью, добралась до вершины и спала на ней качаться.

„Не преслѣдуйте ея!“ сказалъ Г. Фанжа Полковнику. „Иначе вы можете поселить въ ней опвращеніе, которое можетъ сдѣлаться непреодолимымъ. Я помогу вамъ свыкнуться съ ней и приучить ея къ себѣ. . . Подите на эту скамью. Если вы не станете обращать на нее вниманія . . . то увидите, что она сама нечувствительно приблизится къ вамъ, чтобы разглядѣть васъ.“ . .

— „Юлія меня не узнаетъ . . . бѣжитъ меня!“ . . повпорялъ Полковникъ, садясь.

Онъ прислонился спиной къ дереву, коего листья осѣняли просшую садовую скамью, и голова его склонилась на грудь.

Г. Фанжа хранилъ молчаніе.

Вскорѣ Графиня спустилась тихо съ вершины сосны, порхая какъ блудящій огонекъ и увлекаясь колебаніями, кои въпрѣь сообщалъ дереву. Она оспанавливалась на каждомъ сучкѣ, чпобъ высмапривать незнакомца; но, видя его неподвижнымъ, соскочила наконецъ на праву, и пошла къ нему медленно по луку.

Когда она оспановилась подъ деревомъ, шагахъ въ десяти отъ скамьи, Г. Фанжа сказалъ тихо Полковнику.

„Возмите поискунѣ у меня въ карманѣ нѣсколько кусочковъ сахару. Покажите попомъ ей... Она придепъ къ вамъ... Ради васъ, я охотно опказываюсь отъ удовольствія давать ей лакомства. Сахаромъ вы можете сдѣлать изъ ней все, чпбъ угодно... Она до него спрашная охотница.“ ...

— „Ахъ!“ отвѣчалъ печально Филиппъ: „когда она была женщиной, у ней не было этой спраши.“ ...

Полковникъ взялъ промежъ большаго и указательнаго пальца правой руки кусочекъ сахару и показалъ его Юліи: она испустила снова дикой крикъ и бросилась спремительно къ Филиппу; но вдругъ оспановилась, удерживаемая ин-

спинкпуальнымъ чувспвомъ боязни, копорую внушало ей незнакомое лице. То посмапривала она на сахаръ, по отворачивала голову, какъ несчастныя собаки, коимъ господа запрещають прикасаться къ корму, пока онъ не кончатъ до послѣдней буквы алфавита, медленно повпоряемаго. Наконецъ живошная спраспъ воспоржеспвовала надъ спражомъ: Юлія бросилась къ Филиппу. Она боязливо пропянула свою миленькую ручку, чпобъ схвашипъ добычу, и должна была коснушья руки Филиппа. Попомъ схватила кусокъ и убъжала.

Эта ужасная сцена довершила опчаяніе Филиппа. Онъ залился слезами и убъжалъ самъ въ залу пріорспва.

„Неужели любовь будеспъ имѣспъ меньше бодрости и мужеспва, чѣмъ дружба?“ сказалъ ему Г. Фанжа, копорый за нимъ послѣдовалъ. „Я не перяю надежды, Г. Баронъ!.. Моя бѣдная племянница была гораздо въ худшемъ положеніи!“ ..

— „Въ худшемъ!“ вскричалъ Филиппъ.

„Да!“ опввчалъ медикъ. „Она ходила нагая!“ ..

Полковникъ сдѣлалъ движеніе ужаса и поблѣднѣлъ. Г. Фанжа, принявъ сію блѣдность за дурной признакъ, пощупалъ у

него пульсъ. Сильная горячка пылала во всемъ его составѣ. Медикъ добился опъ него, чпобъ онъ легъ, и пригосовиль ему легкій приѣмъ опиума, дабы доспавишь сонъ, сколько возможно спокойный и чуждый болѣзненныхъ призраковъ.

Прошло около осьми дней, въ продолженіе коихъ Баронъ де Сюси часпо былъ жерпвою люпѣйшихъ мукъ: но вскорѣ въ глазахъ его не спало слезъ, и сердце, которое безпреспанно рвалось, не умѣя привыкнупъ къ плачевному зрѣлищу сумаспешвія Графини, наконецъ какъ будпо помирилось съ симъ ужаснымъ положеніемъ. Онъ нашель опраду своей скорби: спрадалъ болѣе или менѣе, но все спрадалъ. Его героизмъ не зналъ никакихъ предѣловъ. Онъ имѣлъ мужество приучишь къ себѣ Юлію, выбирая ей самыя лучшія лакомспва съ распочительной щедростью. Наконецъ, употребляя всевозможныя ласки и нѣжнспи, дабы овладѣшь посшепенно симъ живошнымъ инспинкшомъ, послѣднимъ лоскушнкомъ смысла несчастной Графини, онъ умѣлъ сдѣлать ее болѣе *рушною*, чѣмъ была она когда-либо въ насшоящемъ плачевномъ сосшояніи.

Когда Полковникъ сходилъ пошпру въ паркъ и искалъ напрасно Юлію, не зная,

на какомъ деревѣ она прохлаждалась, съ какой ппичкою или съ какимъ звѣркомъ играла, на какой кровлѣ гнѣздилась, онъ насвистывалъ извѣстную Французскую пѣсню: *Partant pour la Syrie!* съ коею соединялось воспоминаніе объ одной прогашельной сценѣ ихъ прежней любви: и тогда Юлія немедленно прибѣгала къ нему съ быспрошою молодой лани.

Вскорѣ Филиппъ приучилъ ее садиться къ себѣ на колѣна, обвиваешь свои гибкія, бѣлыя руки вокругъ его шеи: и въ семь положеніи, споль драгоцѣнномъ для любящихся, кормилъ ее всякими сахарными сластями. Юлія наконецъ совершенно призналась и привыкла къ Барону. Она болѣе не боялась его. Часпо, поѣвши весь сахаръ, она обыскивала, съ комическимъ любопытствомъ, всѣ карманы своего друга; и ея жесты имѣли всю механическую быспропу движеній обезьяны. Когда наконецъ удостовѣрялась, что ничего больше не было, то смопрѣла на Филиппа глазами прозрачными, безъ мысли, безъ чувства, и играла съ нимъ: то пыпалась сняшь съ него сапогъ, чтообъ видѣшь его ногу; то рвала перчатки его; то надѣвала шляпу. Она позволяла ему расчесывать пальцами

ея длинныя волосы, брашь ее въ свои объ-
япія; принимала опть него безъ всякаго удо-
вольствія пламенные поцѣлуи и безмолвно
глядѣла на него, когда онъ проливалъ слезы.
Она понимала очень хорошо свиспѣ пѣсни:
Partant pour la Syrie! но Полковникъ по-
перялъ напрасно шруды, спараясь выучишь
ее произносишь собственное свое имя:
Юлія!..

Надежда, поддерживавшая его въ сихъ
ужасныхъ спраданіяхъ, не исчезала. Если,
въ прекрасное осеннее утро, онъ видѣлъ
Графиню, спокойно сидѣвшую на скамьѣ,
подъ сѣнію поблекшаго тополя, то ложил-
ся у ея ногъ и смотрѣлъ ей въ глаза, до
пѣхъ поръ пока она позволяла себя видѣшь.
Тогда онъ спорожилъ внимательнѣе живой
блескъ, сверкавшій изъ ея зѣницъ, все на-
дѣясь, что это зеркало перестанетъ бышь
безчувственнымъ и что пламя сіе наконецъ
загорится смысломъ. Иногда, обманывая
себя, онъ увѣрялся, что сіи швердые, не-
подвижныя лучи, снова сопрясались, умяг-
чались и оживали; тогда вскрикивалъ онъ:
— „Юлія!.. Юлія!.. Ты меня пони-
маешь... Ты меня видишь!“..

Но Графиня слушала эти восклицанія,
какъ шумъ, какъ усиліе вѣпра, кольцаща-

го деревья , какъ мычаніе коровы , на копорую часто взлзала ; и Полковникъ ломаль руки въ опчаяніи , кошорое возобновлялось безпреспанно . Время и сіи щещныя покушенія полько чпо умножали его скорбь .

Однажды вечеромъ , когда небо было пихо , посреди воцаряющейся пишины и безмолвія , Г. Фанжа замѣпилъ Барона , заряжающаго писполепъ . Спарый врачъ поняль , чпо Филиппъ потеряль всякую надежду . Онъ почувспвоваль , чпо кровь хлынула къ его сердцу , и , если смогъ воспрошивишься круженію , кошорое овладѣвало имъ , по попому чпо охопнѣ желаль видѣшь племянницу свою живою и сумасшедшею , чѣмъ мерпвою . Онъ побѣжалъ къ Барону .

„Чпд вы дѣлаеше ?“ сказалъ онъ .

— „Эпо для меня“ — опвѣчаль Полковникъ , показывая ему на скамьѣ уже заряженный писполепъ — „а эпо — для ней .“ . . прибавиль онъ , вколопивъ пыжь въ другой , кошорый находилсѣ у него въ рукахъ .

Графиня валялась по землѣ , играя пулями , играя смерпьюс .

„Ишакъ вы не знаете“ — перервалъ хладнокровно медикъ, спараясь скрышь свой ужась — „что нынѣшнею ночью, во снѣ, она промолвила: „Филиппъ!“ ..

— „Она выговорила мое имя!“ вскричалъ Баронъ, уронивъ пистолепъ, копорый Юлія пошчасъ подхвапила.

Тогда, вырвавъ съ ужасомъ изъ рукъ Графини смерпоносное оружіе, онъ схвапилъ со скамьи заряженный пистолепъ и бросился бѣжашъ.

— „Бѣдная! Несчастная!“ вскричалъ медикъ, радуясь успѣху своей хипроспи.

Онъ прижалъ сумасшедшую къ своей груди и продолжалъ:

„Онъ хошѣлъ шебя убишь... Эгоиспъ!.. Онъ хошѣлъ шебя видѣшь мерпвою, попому что спрадаешъ... Онъ не умѣелъ шебя любишь ради шебя, бѣдное дия!.. Мы ему прощаемъ, не правда ли?.. Онъ безумень, а пы?.. пы полько сумасшедшая... Такъ! Одинъ Богъ долженъ шебя воззвашъ къ себѣ... Мы счишаемъ шебя несчастною, попому что пы не раздѣляешъ нашихъ бѣдспвій... О какъ мы глупы!“ ..

Пошомъ, посадивъ ее на свои колѣна, примолвилъ:

„Напрошивъ пы счастлива! Ничпо не принуждаешъ шебя; пы живешъ , какъ вольная пшичка , какъ рѣзвая серна.“ ..

Она бросилась на овсянку , которая прыгала по лугу , схватила ее , и , повшоривъ нѣсколько разъ крикъ удовольствія , задушила пшичку и бросила къ корню дерева , не думая о ней больше.

На другой день , едва разсвѣло , Г. де Сюси вышелъ въ садъ и искалъ вездѣ Юлію. Онъ предавался надеждѣ , вѣрилъ счастью. Не находя ее долго , онъ свиснулъ. Когда Графиня явилась , взялъ онъ ее за руку ; и въ первый разъ вмѣстѣ пошли они оба подъ сѣнь поблекшихъ деревьевъ , коихъ лисья безъ всякаго спрошивленія обрывались дыханіемъ ушренняго вѣперка. Полковникъ сълъ : Юлія сама по себѣ спала передъ нимъ. Филиппъ шрепепаль ошъ радосши.

— „Юлія!“ сказалъ онъ , осыпая руки Графини пламенными поцѣлуями. „Юлія! я Филиппъ!“ ..

Она взглянула на него съ любопытшвомъ.

— „Поди ко мнѣ!“ продолжалъ онъ , сжимая ее въ своихъ объашіяхъ. „Чувспвуешь ли пы біеніе моего сердца? .. Оно би-

лось только для себя... Я все люблю тебя!.. Филиппъ не умерь!.. Онъ здѣсь... подлѣ себя... Ты Юлія, а я Филиппъ!“ ..

„Прощай!“ говорила она: „прощай!“

Полковникъ задрожалъ: ему показалось, что онъ сообщилъ несчастной свое испуганіе. Раздирающій крикъ, возбужденный надеждою, послѣднее усиліе вѣчной любви, неугасимо кипящей спраспи, должно было найпи опзывѣ въ его подругѣ.

— „О моя Юлія! . . Мы будемъ счастливы!“ . .

Она испустила крикъ радости и щеки ея оцвѣпились неопредѣленнымъ мерцаніемъ смысла. . .

— „Юлія! . . Она узнаешь меня! . Юлія! . .

Полковникъ чувспивовалъ, что сердце его надмѣвалось, глаза взмокли. Но вдругъ онъ увидѣлъ, что Графиня показывала ему маленькой кусочекъ сахару, копорый нашла, обшаривая его, когда онъ говорилъ. Эпи поиски и эша находка была причиною его заблужденія; онъ принялъ за человѣческой смыслъ эпу низшую степень разума, эпу лукавую смѣпливоспѣ обезьяны.

Филиппъ упалъ безъ памяти.

Г. Фанжа нашель Графиню сидѣвшую подлѣ своего друга. Безчувственно грызла она сахаръ, дѣлая разныя гримасы удовольствія, коимъ можнобъ было подивиться, еслибъ она была въ своемъ разумѣ, и копорыми она весьма забавно передразнивала попугая и маленькаго копенка, бывшихъ предметами особенной ея любви.

— „Ахъ! другъ мой!“ вскричалъ Филиппъ, пришедши съ себя: „я умираю всякой день, всякую минушу! . . . Я слишкомъ люблю ее. . . Мнѣ бы легко было перенести все, еслибъ, въ сумасшествіи своемъ, она сохранила хотя сколько нибудь женскаго, человѣческаго. . . Но видѣшь ее упрямившею всякой спыдъ . . . видѣшь одичавшею до такой степени.“ . .

„Такъ вамъ надобно оперное, театральное сумасшествіе?“ . . . сказалъ спрого Г. Фанжа. „Ваша спрасъ, ваше самоопверженіе, покорены предразсудкамъ? Эхъ, сударь! Для васъ опказался я опъ печальнаго удовольствія кормить мою бѣдную племянницу; вамъ успушилъ наслажденіе играть съ ней; опсавилъ себѣ шолько самаыя шягосшныя обязанности. . . Когда вы спите, я надѣ ней бодрствую. . . Спупайте, сударь, покиньте ее! Опсавьте эту

печальную пустынь! Я умью жить съ эшимъ несчастнымъ, прелестнымъ швореніемъ; я понимаю ея сумасшествіе, разумью ея движенія, раздѣляю всѣ ея тайны. . . Когда-нибудь вы будете мнѣ благодарны!“ . . .

— „Прощайте!“ вскричалъ Филиппъ.

Полковникъ оставилъ аббатство и не возвращался болѣе.

Г. Фанжа былъ испуганъ дѣйствіемъ, которое произвелъ на своего гостя. Онъ полюбилъ его наравнѣ съ своей племянницей. Если изъ двухъ любовниковъ кто-нибудь заслуживалъ сожалѣніе, то безъ сомнѣнія это былъ Филиппъ: не одинъ ли онъ несъ всю тяжесть ужаснѣйшей скорби! . . .

Медикъ старался провѣдать о Полковникѣ и узналъ, что несчастный удался въ помѣстье, которое имѣлъ близъ Сен-Жермена.

Увлечшись послѣднею мечшею опчаяніемъ, Баронъ придумалъ средство возвращенія Графинѣ ея разумъ: и безъ вѣдома доктора, провелъ весь осенію осени въ приготовленіяхъ къ исполненію своего плана.

Небольшая рѣчка протекла въ его паркѣ. Зимой она разливалась большимъ болопомъ, которое опчаспи походило на заводъ, простиравшуюся вдоль лѣваго берега Березины. Полковникъ употребилъ множество работниковъ, чшобъ выкопашъ каналъ, который могъ бы представилъ пагубную рѣку, поглотившую сокровища Франціи, Наполеона и великую армію.

Вспомоществуемый своими воспомина-ніями, Филиппъ успѣлъ скопировашъ въ своемъ паркѣ обрывистый берегъ, на которомъ Генераль Эбле успроилъ мосты. Онъ набилъ свай и опалилъ ихъ, такъ чшо они имѣли видъ черныхъ полу-сожженныхъ сошекъ, кои, торча у обоихъ береговъ Березины, удостовѣряли опспавшихъ, чшо дорога во Францію имъ пресѣчена. Полковникъ велѣлъ нанестъ обломковъ, подобныхъ щѣмъ, изъ которыхъ поварищи его бѣдспвій построили себѣ площъ. Наконецъ, онъ разорилъ свой паркъ, чшобы довершишъ обольщеніе, на которомъ основывалъ послѣднюю свою надежду. Онъ заказалъ мундиры и оборванные костюмы, въ кой одѣлъ опъ семи до осьми сотъ крестьянъ; наспроилъ шалашей, бивуаковъ, бапарей, которыя сжегъ, не забывая ни-

чего, чпобъ воспроизвестъ весь ужасъ сцены; и — достигъ своей цѣли.

Около первыхъ чиселъ Декабря, когда снѣгъ пріодѣлъ землю полспымъ бѣлымъ покрываломъ, онъ призналъ Березину. Россія предспавлялась въ его паркѣ во всемъ ужасѣ истины. Онъ позвалъ нѣсколькихъ свидѣтелей роковаго опспупленія, копорые запрепшали, при видѣ сей спрашной карпины ихъ прежнихъ бѣдспвій. Ничшо не было опущено, даже до деревни В***, копорая, находясь на возвышеніи, каймила сію ужасную сцену, подобно какъ Спуденка облегала равнину Березинскую. Семь или восемь сопъ рабошниковъ, въ числѣ коихъ было нѣсколко спарыхъ солдапъ, повшоряли свои роли довольно умцо и вѣрно: они, казалось, не выходили изъ обыкновенной своей жизни, играя несчаспиемъ, голодомъ и холодомъ. Г. де Сюси хранилъ во глубинѣ своего сердца шайну сего прагическаго предспавленія, о копоромъ, въ шу пору, во многихъ Парижскихъ общеспвахъ говорили, какъ о сумасшеспвій.

Въ началѣ Января, 1820 года, Г. де Сюси сѣлъ въ карешу, подобную шой, въ коей Г. и Гжа де Вандерь ѣхали изъ Моск-

вы до Спуденки, и опсправился въ Иль-Адамскій лѣсъ. Въ карепу были запряжены лошади, похожія на пѣхъ, которыхъ съ опасноспію жизни доспаль онъ на Русскихъ аванпоспахъ. Самъ онъ былъ въ запачканномъ, безобразномъ нарядѣ, вооруженный и убранный почно шакже, какъ былъ 29 Ноября 1812 года, даже опспустивъ себѣ бороду и волосы, замаравъ лице грязью, дабы ничего не было опущено для совершеннаго предспавленія ужасной испины.

„Я угадываю васъ!“ вскричалъ Г. Фанжа, увидѣвъ Полковника, выходящаго изъ карепы.

Оба друга обнялись.

„Если вы хошите, чпобъ планъ вашъ былъ успѣшенъ, не показывайтесь въ этомъ нарядѣ и экипажѣ. Сегодня вечеромъ, я дамъ ей небольшой приѣмъ опиума; попомъ, во время сна, мы одѣнемъ ее, какъ она была одѣта подѣ Спуденкою, и положимъ ее въ карепу. . . Я самъ поведу за вами въ берлинъ.“ . .

Около двухъ часовъ упра, Графиня была перенесена въ карепу. Два или три креспьянина освѣщали это спранное похищеніе. Юлію уложили на подушкахъ, окупали грубымъ одѣяломъ; и, по прика-

занію Полковника, начали бросать снѣгъ на карету, какъ вдругъ пронзительный крикъ раздался въ тишинѣ ночи. Филиппъ и медикъ увидѣли Женевьеву, которая выскочила полу-нагая изъ нижней комнапы, гдѣ спала. Дурочка только что проснулась. Ея бѣлые волосы были распрепаны; она заливалась горячими слезами.

— Прости! .. прости! .. все конечно! .. прости! .. кричала она.

„Что ты, Женевьева! что съ тобою?“ .. сказалъ ей Г. Фанжа.

Женевьева махнула головой съ выраженіемъ опчаянія, подняла глаза къ небу, взглянула на карету, испустила дикой продолжительной визгъ, обнаруживавшій глубокой ужасъ, и ворошилась назадъ, безмолвная.

— „Это благоприятное предвѣщаніе!“ .. вскричалъ Полковникъ. „Дурочка жалѣешь, что у ней не будетъ подруги. .. Она можетъ быть *видитъ*, что Юлія возвратитъ разумъ.“ ..

„Дай Боже!“ .. опвѣчалъ Г. Фанжа изъ глубины сердца.

По расчисленію Полковника, Юлія должна была въ десять часовъ упря въѣхать на берега вымышленной Березины... Она разбу-

жена была взрывомъ пороховаго ящика, шагахъ во сна опъ сцены. То былъ сигналъ.

Тысяча креспьянъ испустили ужасный крикъ, подобный пому опчаянному ура, копорое поразило самихъ Русскихъ, когда двадцать пысячь несчастныхъ увидѣли себя преданными въ добычу смерти или плѣна.

При семъ крикъ, при семъ взрывѣ, Графиня выскочила изъ кареты. Съ бѣшенымъ неистовствомъ побѣжала она по снѣжной равнинѣ, увидѣла сожженные бивуаки и роковой плоть, копорый бросали въ полузамерзшую рѣку. Маіоръ Филиппъ былъ здѣсь, сверкая саблею надъ мяшущеюся толпою. Юлія испустила крикъ, копорый оледенилъ воѣ сердца. Она спала предъ Г. де Сюси, копорый прятаясь всѣмъ плѣгомъ — и, какъ будпо, вошла въ себя. Сначала взглянула она блуждающимъ, неопредѣленнымъ взоромъ на эту спрашную каршину. Съ минушу глаза ея сверкали шѣмъ безмысленнымъ блескомъ, коему дивимся мы въ яркой зѣницѣ хищной пшицы; но попомъ положила себя на лобъ руку, съ явнымъ выраженіемъ человѣческаго размышленія, всмопрѣлась въ это живое воспоминаніе, въ эту прошедшую жизнь, предъ ней воскресенную, обернулась быспро къ Филиппу

и — увидѣла его! Ужасное безмолвіе царствовало. Полковникъ едва переводилъ духъ и не смѣлъ произнести ни слова. Г. Фанжа рыдалъ. Прекрасное лице Юліи оцвѣтилось легкимъ румянцемъ; попомъ, разгараясь болѣе и болѣе, заиграло всею огненною свѣжестію юности, покрылось яркимъ пурпуромъ. Кровь, жизнь, одушевленные вспыхнувшимъ смысломъ, разливались, какъ пламя пожара. Судорожное сопряженіе проникло весь составъ ея, до глубины сердца. Наконецъ, сіи явленія, возникшія въ одно мгновеніе, какъ будто слились въ одинъ фокусъ, когда очи Юліи сверкнули небеснымъ лучемъ, разумнымъ пламенемъ. Она ожила, она опамятовалась... все шло ея содрогнулось... Самъ Богъ впорично разрѣшилъ эпошъ оцвѣтившій языкъ и возжегъ свой огонь въ эпошъ погасшей душѣ. Воля пробудилась...

— „Юлія! Юлія!“... вскричалъ Полковникъ.

— Ахъ! эпо Филиппъ! промолвила несчастная Графиня.

Она бросилась въ препенуція объятія, крѣи Полковникъ просперь къ ней; и сладостное объятіе двухъ любящихся даже успрашило, зрипелей. Юлія заливалась слезами.

Вдругъ она ошпановилась и сказала слабымъ голосомъ :

— Прости, Филиппъ!.. Я люблю тебя!.. Прости!..

— „Ахъ! Она умерла!“ вскричалъ Филиппъ, открывая свои объятія.

Спарый врачъ принялъ въ свои руки бездушное тѣло Графини; и, схвативъ ее съ силою юноши, упалилъ на близъ лежавшій косперь дровъ. Здѣсь онъ съль и взглянулъ, положивъ на сердце ея слабую, судорожно препенущую руку.

Сердце уже не билось.

„Такъ это правда!“ вскричалъ онъ, смотря попеременно по на неподвижно споявшаго Полковника, по на лице Юліи, которое смерть окружила блиспапельнымъ сіяніемъ красоты, залогомъ свѣшлага, блаженнаго безсмертія.

„Да! Она умерла!“..

— „Ахъ! эта улыбка!“ вскричалъ Филиппъ. „Посмотрите на эту улыбку! Можешъ ли это бышь?“..

„Она уже охладѣла!“.. отвѣчалъ Г. Фанжа.

Г. де Сюси сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чшобъ опорвашъ себя ошъ ужаснаго зрѣ-

лица . . . но остановился . . . начал на-
свиссывать арию, кощорую понимала су-
масшедшая . . . и, не видя Юлии бѣгущей
къ нему по обыкновенію, какъ прежде, уда-
лился колеблющимися шагами, словно пья-
ной, продолжая свиссать, но уже не обо-
рачиваясь болѣе . . .

Генераль Филиппъ де Сюси считался
въ свѣтѣ человѣкомъ весьма любезнымъ и
особенно очень веселымъ. Назадъ пому нѣ-
сколько дней, одна дама сдѣлала ему лест-
ный комплиментъ на счетъ его пріятнаго
права и всегдашней ровности характера.

— „Ахъ, сударыня!“ сказалъ онъ ей:
„я очень дорого плачу за свою веселость,
вечерами, когда бываю одинъ.“ . .

„Развѣ вы бываете одни?“ . .

— „О нѣтъ!“ ошвѣчалъ онъ, улы-
баясь.

Еслибы опытный знапокъ природы че-
ловѣческой могъ видѣть иногда выраженіе
лица Графа де Сюси, онъ бы конечно со-
дрогнулся.

„Зачѣмъ вы не женились?“ продол-
жала даже дама, у кощорой было много
дочерей въ пансіонѣ. „Вы шакъ богаты,

знашны ; происхожденіе ваше пакъ благородно ; у васъ сполько паланшовъ , пакая богатая будущность . . . все вамъ улыбаешся.“ . . .

— „Такъ !“ опѣвчалъ онъ ; „но эша улыбка меня умерщвляетъ !“

На другой день дама узнала съ изумленіемъ , что Графъ де Сюси застрѣлился ночью.

Въ обществѣ ходили разные толки объ эшомъ необыкновенномъ приключеніи. Каждый искалъ угадать причину его , по своему образу мыслей. Одни приписывали игръ , другіе любви , прешьи чесполобію , иные пайному распушсшву , сію ужасную капаспрофу , послѣднюю сцену драмы , начавшейся въ 1812 году , на берегахъ Березины.

Только два человекъ , Судья и Медикъ , знали , что Графъ де Сюси былъ одинъ изъ пѣхъ могущеспвенныхъ людей , коимъ Богъ даетъ несчастную силу выходить ежедневно побѣдителями изъ ужасной борьбы съ чудовищемъ , ихъ грызущимъ , но которые , если Онъ , хопя на мгновение , опыметъ опъ нихъ Свою всеильную десницу , неизбѣжно погибають ! . . .

IV.

ВЪКЪ РЫЦАРСТВА.

(изъ вильмена)

Въ Романской липерашурѣ заключа-
лось сполькожь испины, сколько и басно-
словія. Подъ спранными и безобразными
разказами, напoлняющими большую часть
спихопворныхъ романовъ XII и XIII спо-
лѣтій скрывается рѣзкое изображеніе со-
временной жизни. Говорятъ, что рыцар-
ство есть совершенная выдумка: вымыш-
ленные принадлежности, приписанныя ему
въ новѣйшее время, заставили сомнѣваться
въ дѣйствительномъ существованіи его.
Но рыцарство было настоящимъ историче-
скимъ фактомъ, великимъ учрежденіемъ
среднихъ вѣковъ. Образъ его проявляется
въ романахъ, напoлненныхъ чародѣями и
великанами. Нравы, одежда, образъ жизни,
самыя приключенія и все, что въ нихъ
находится естественнаго, человѣческаго,
носитъ на себѣ оппечашокъ шогдашняго
времени. Въ семъ отношеніи рыцарскіе
романы можно назваъ хроникой сред-
нихъ вѣковъ, спольже справедливою, какъ
и хроника Сен-Дени.

Хотя имя поэта означаетъ сочинителя, хотя названіе прубадуръ или прувера соименно изобрѣшашелю; но мы уже сказали, что поэтъ изобрѣшаетъ или шворитъ идеалы изъ однихъ только произшествій и господствующихъ идей своего вѣка. Воображеніе есть не что иное, какъ живое воспоминаніе; оно рисуетъ иногда одни только несовершенные образы. Ему удивляющся, когда шворческая сила его осуществилъ оныя. Что есть рыцарство? Рыцарство есть олицетворенная жизнь среднихъ вѣковъ; оно есть почешная спража феодализма. Невозможно предсавить феодальной системы безъ сей толпы воиновъ, копорые поддерживали оную, безъ сихъ спрашей, безъ сихъ понятій о чести, безъ сего энтузіазма, копорые, оживляли и украшали ее; посему-то ученый Сенц - Пале, желая опредѣлитъ опличительныя черты рыцарства, какъ воинственнаго и религіознаго учрежденія, искалъ ихъ въ романахъ среднихъ вѣковъ, и въ семъ случаѣ не ошибся. Сочинители рыцарскихъ романовъ среди чудовищныхъ вымысловъ предсавляли вѣрное изображеніе обрядовъ, свойственныхъ рыцарству. Со-

ображаясь съ ихъ свидѣтельствомъ , онъ разсмаприваль жизнь рыцарей.

Когда у какого-нибудь дворянина рождался сынъ и съ возрастомъ показываль живоспъ и ловкоспъ , шо по прошеспвѣи семи лѣтъ , брали его изъ рукъ нянюшекъ ; и съ шого времени онъ исключительнo упражнялся въ бѣганіи , прыганіи , борбѣ ; попомъ дѣлали его опрокомъ , варлешомъ или пажемъ , двѣ обязанности , похожія другъ на друга , смѣшиваемыя и различаемыя въ разныя времена. Тогда удаляли его изъ дома родипельскаго и опдавали какому нибудъ сильному барону или сосѣдспвенному вельможѣ. Онъ прислуживаль господину или госпожѣ замка , сопровождадая ихъ или развозя ихъ письма , если они умѣли писашъ. Онъ также завѣдываль всѣми военными и охошническими снарядами , спускаль и скликаль соколовъ , еражался копьемъ и мечемъ , освоивался со всѣми шрудами и опасными предпріятіями , всего жъ болѣе занимался воинскими упражненіями.

Споловая служила для конюшихъ и рыцарей школою , въ копорой , по словамъ Фруассара , образовывались молодые пажи , слушаая разговоры о воинскихъ подвигахъ и любви.

Среди шаковыхъ упражненій, копорья несравненно занимательнѣе Греческихъ и Лашинскихъ уроковъ нашего времени, пажъ доспигаль до чепырнадцапи или пиапнадцапи лѣтъ: Послѣ того онъ дѣлался конюшимъ (есуег). Были различныя спене-ни конюшаго: почешный конюшій, копорый сопроддалъ рыцаря или госпожу замка, конюшій кравчій, конюшій виночерпій и проч. Вы знаете, чшо сообразно съ обычаями дикой Германіи, а, можешъ бытъ, Греческой Имперіи, нѣкопорья домашнія должности сдѣлались шишулами и почешными названіями. Молодой человекъ, производи-мый въ конюшіе, былъ вводи-мый въ храмъ; здѣсь совершаемо было надъ нимъ начало религіозныхъ обрядовъ, часпо возобновляе-мыхъ въ послѣдствіи; ибо въ рыцарствѣ соединялись два предмета, соспавлявшіе преимущественное занятіе среднихъ вѣковъ: религія и война. Молодой конюшій заим-споваль образованіе болѣе изъ обращенія и пракшики, нежели изъ систематиче-скаго ученія. Преимущеспвенно воинское воопишаніе было совершаемо, со всею спрогоспію и производило чудеса, подоб-ныхъ коимъ не возможно найдши въ древ-носпи. Рыцарь во всемъ вооруженіи бѣгалъ и перепрыгиваль рвы.

Когда среди шаковыхъ упражненій молодой дворянинъ достигалъ до двадцать перваго года, тогда наспуало время произвести его въ рыцари. Замѣтимъ, что въ понятіяхъ тогдашняго времени, въ которое дикая свобода соединялась съ величайшимъ самоопроверженіемъ, подобный обрядъ считался таинствомъ. Производимый въ рыцари, долженъ былъ провести нѣсколько ночей на спражѣ предъ церковію. Его сопровождали къ алтарю отецъ и мать или родоспвенники, которые несли въ рукахъ восковыя свѣчи. Священнослужитель, по совершеніи литургіи, бралъ съ жерпвенника мечъ и перевязь и препоясывалъ имъ рыцаря. Сему предшествовало множество символическихъ обрядовъ: омовеніе, облеченіе въ бѣлую льняную одежду, всенародная исповѣдь, причащеніе, присяга, въ которой излагались всѣ обязанности и добродѣтели рыцаря. Наконецъ подводили къ церкви боеваго коня; юный рыцарь прыгалъ отъ радости, вскакивалъ на него во всемъ вооруженіи, заспавлялъ его дѣлать различные прыжки; и всякой признавалъ въ немъ добраго христіанина и отличнаго рыцаря.

Нѣтъ сомнѣнія, что все различіе между дѣйствіями настоящаго рыцаря и повѣспію

о Триспанъ Леонскомъ или Гюонъ Бордосскомъ заключаешся шполько въ чудесномъ. Они подвергались шпакowymъ же испышаніямъ; они были вооружены шочно шпакже. Религія, война и любовь , съ одинакою силою занимали всѣ ихъ мысли. Кшо усумнился въ чрезвычайномъ вліяніи рыцарства на средніе вѣки? Никшо! Рыцарство сосшавляло иногда опору государей, иногда оплошь независимости бароновъ. Оно поддерживало огромное зданіе феодализма , шягопѣвшее надъ народомъ. Рыцарство сохраняло свои предразсудки съ непоняшнымъ упорствомъ, даже на полѣ сраженія. Такъ, въ одномъ дошпошамяшномъ сраженіи, гдѣ возмущившійся народъ вооружился дубинами и вилами, блишпашпельные опряды рыцарей , покрытыхъ лапами , рѣшилисъ лучше умереть безъ защиты, нежели извлечь мечи прошивъ безоружной черни. Эшо былъ предразсудокъ, надъ кошорымъ смѣялся Сервантесъ, и кошорый казался шпакъ спраннымъ для Санхо, когда били его погонщики муловъ и когда Дон - Кихотъ , слѣдуя ему , не хотѣлъ защитить своего оруженосца отъ сихъ обидчиковъ. Въ семъ карикашурномъ изображеніи предшавлено съ величайшею справедливостію поняшіе рыцарей о чести.

Пораженіе многихъ рыцарей служило пому доказательствомъ.

Наконецъ, чтобы сократить и дополнить историческія подробности сего времени, приведемъ стихотворную сказку XII столѣтія: въ ней увидите въ точное изображеніе рыцарства въ описаніи Крестовыхъ Походовъ. Сіи произшествія современны: въ то самое время какъ политическія учрежденія развивали рыцарство, священная война на востокъ открывала ему обширнѣйшее поле и исполняла воображеніе мечтами о сихъ опдаленныхъ и чудесныхъ странахъ. Завоеванія имперій и царствъ, составляющія содержаніе тогдашнихъ романовъ, взяли изъ произшествій дѣйствительныхъ: Маркизь Монпферратъ сдѣлался Королемъ Сициліи; Бодуинъ Императоромъ Греческимъ. Но возвратимся къ нашей стихотворной сказкѣ, какъ историческому свидѣтельству. Въ ней говорится, что Саладинъ былъ сдѣланъ рыцаремъ. Сіе произшествіе покажется страннымъ съ перваго взгляда; оно по видимому есть анахронизмъ, свойственный всѣмъ писателямъ среднихъ вѣковъ. Саладинъ, герой Ислама, разрушитель Христіанскаго Царства въ Палестинѣ,

подвергающійся всѣмъ набожнымъ обрядамъ рыцарства! Это не понятно! Между шѣмъ Лапинскія хроники свидѣтельствуютъ, что одинъ Французъ сдѣлалъ Саладина рыцаремъ, по его требованію.

Изъ сего анекдота прубадуръ соспавилъ сказку, копорую нельзя почестъ образцовымъ поэтическимъ произведеніемъ, но въ копорой весьма почно изображены обряды, соблюдаемые при вступленіи въ рыцарство.

„Я намѣренъ переложить въ списки „повѣсть объ одномъ языческомъ Государѣ, „копорый нѣкогда былъ очень сильнымъ „Монархомъ и добрымъ Сарациномъ. Его „звали Саладинъ. Онъ былъ жестокъ, „многократно наносилъ зло нашей вѣрѣ, „своею гордостію и насиліями причи- „нялъ великій вредъ нашей націи. Въ одно „время случился на сраженіи Князь Гуго „Табари; съ нимъ находилось множество „Хрисціанскихъ рыцарей, его подданныхъ. „Онъ учинилъ множество знаменитыхъ „подвиговъ; но Царю славы не угодно „было даровать намъ побѣду. Князь Гуго „былъ взятъ въ плѣнъ. Его повели къ Са- „ладину, копорый привѣтствовалъ рыца- „ря по Лапыни: ибо хорошо зналъ Ла-

„пинской языкъ: — „Клянусь Могометомъ,
 „сказаль Король, мнѣ весьма пріятно
 „имѣть тебя въ своей власти, и я отдаю
 „тебѣ на выборъ: хочешь умереть или
 „дашь мнѣ большой выкупъ?“ Гуго отвѣ-
 „чалъ: — „Государь, вы предоставили мнѣ
 „выборъ: я избираю выкупъ, ежели въ силахъ
 „буду заплачивать его.“ — „Можешь, оп-
 „вѣчалъ Государь: я шребую 100,000 бе-
 „зановъ.“ — „Государь я не могу сего зап-
 „лачивать, продавши даже все мое Княже-
 „ство.“ — „Ты легко можешь исполнишь
 „се.“ — „Какимъ образомъ Государь? —
 „Ты весьма храбръ и воинственъ; ни
 „одинъ рыцарь не откажетъ тебѣ въ зна-
 „чительномъ подаркѣ, если ты его по-
 „шребуешь для выкупа; такимъ образомъ ты
 „заплачиваешь самъ за себя.“ — „Но какимъ
 „образомъ я освобожусь отсюда?“ — Са-
 „ладинъ отвѣчалъ ему: „Гуго, ты дай мнѣ
 „честное слово, что ровно чрезъ два го-
 „да пришлешь за себя выкупъ или возвра-
 „тишься въ темницу. Такимъ образомъ ты
 „можешь ѣхать.“ — „Благодарю, Государь, и
 „обѣщаю исполнишь ваше шребованіе.“ —
 „Тогда просилъ онъ оппуска и хотѣлъ уда-
 „лишься въ свое государство; но Царь
 „взялъ его за руку повелъ въ свою комна-

„пу и шихо началъ просишь его: „Гуго,
 „заключаю тебя Богомъ, котораго ты
 „исповѣдуешь, научи меня, какимъ обра-
 „зомъ спавяшь въ рыцари.“ — „Великій Го-
 „сударь, сказалъ Гуго: я не могу одѣлать
 „этого. Свяшый Орденъ рыцарства вамъ
 „совсѣмъ не приличенъ: ибо вы держишесь
 „закона ложнаго, не имѣете вѣры ис-
 „пинной, не омыты Крещеніемъ; и я пос-
 „пустилъ бы несмысленно, покрывая грязь
 „пшканью шелковой; я нанесъ бы Ордену
 „поруганіе, когда бы допустилъ въ него не-
 „чѣрнаго; я подвергнусь за сіе самъ презрѣ-
 „нію.“ — „Нѣтъ, для тебя это не будешь
 „безчестіемъ, ты только будешь исполни-
 „телемъ воли моей; ибо ты невольникъ
 „мой.“ — „Государь! вижу, что не въ мо-
 „ей волѣ отказаться; и я готовъ приспу-
 „пить немедленно.“ Рыцарь началъ показы-
 „вать что надлежитъ дѣлать Саладину.
 „Онъ приказываетъ убрать волосы, боро-
 „ду и лице Саладина, по обыкновенію ново-
 „избираемыхъ рыцарей, заспавляетъ взой-
 „пи въ ванну. Когда Саладинъ спросилъ его:
 „что это значить?“ Гуго Табари отвѣ-
 „чалъ ему: „Государь! ванна, въ которую по-
 „гружаешься, означаетъ, что вы, подобно
 „младенцу, выходящему изъ купѣли чистымъ

„опть первороднаго грѣха, должны выйпи
„безъ всякой скверны, и принявъ по-
„мазаніе чесши, любезности и добро-
„шы.“ — „Клянусь Богомъ, воскликнулъ Ко-
„роль, прекрасное начало!“ — Выйдя изъ ван-
„ны; онъ возлегъ на великолѣпное ложе. —
„Гуго скажи мнѣ истинное значеніе сего
„ложга?“ — „Ложе означаетъ, что посредсп-
„вомъ рыцарства надлежитъ приобрѣсть
„мѣсто въ раю, которое Богъ уготовалъ
„любящимъ Его. Это будетъ мѣсто по-
„кой; шопъ будетъ глупъ, кто не приоб-
„рѣшетъ его.“ — Спустиа нѣсколько времени
„онъ вспаль съ ложа и былъ облеченъ въ
„бѣлое льняное плашье. Тогда Гуго сказаъ
„ему по-Лашыни:“ Государь, не презирайте
„сей бѣлой одежды, она будетъ напоми-
„нанъ вамъ; что рыцарь долженъ соблю-
„дать чистоту плесную, ежели хочепъ уго-
„дишь Богу.“ — Послѣ сего надѣлъ на него
„пурпуровую ризу. Саладинъ удивился по-
„му. — „Гуго, что значить риза сіа?“ —
„Государь, риза сіа означаетъ, что вы долж-
„ны проливать кровь свою, защищая церковь
„отъ враговъ: ибо рыцарь долженъ дѣлать все
„дабы угодить Богу.“ — Попомъ онъ надѣлъ
„на него башмаки изъ черной шкани и сказаъ:
„Государь, сіа черная обувь будетъ напоми-

„Напѣ вамъ о смерти на землѣ, по копорой вы пресмыкаетесь, изъ копорой вы взяли и въ копорую возвратитесь. Вы должны сморгнуть на нее, дабы не возгордились: ибо гордость не должна обладать рыцаремъ: онъ долженъ спрестись къ простотѣ.“ — „Пріятно слышать сіе, и мнѣ все это нравится.“ — Послѣ того онъ препоясалъ Саладина бѣлою перевязью, надѣлъ на ноги его шпоры и сказалъ: „Государь! поражая лошадь шпорами, вы возбуждаете ее къ бѣгу; посему, онъ означаетъ, что вы должны всю жизнь спрестись отъ всего сердца служить Богу.“ — Послѣ сего препоясалъ его мечемъ и проч.

Я представилъ вамъ только крашкое извлеченіе. Символическіе обряды продолжающіяся и наконецъ Гуго говоритъ:

„Я шеперь вамъ другъ и занимаю у васъ на мой выкупъ.“

Пяпдесятъ эмировъ сдѣлались рыцарями. Они на перерывъ способствуютъ къ его выкупу. Гуго пріемлетъ подарки, подноситъ ихъ Саладину и Саладинъ даруетъ ему свободу и всѣ деньги назначенныя за выкупъ.

Вы видите, какимъ образомъ прубадуръ изображали обычаи рыцарства и воспоминанія о Крестовыхъ Походахъ. Въ нихъ непри-

мѣшно ни искры поэтическаго воображенія и шаланца ; нѣтъ ниодного Германскаго звука : но вы вспрѣшите рѣдкое простодушіе , удивительную и даже мѣлочную вѣрность въ описаніи подробностей погдашней жизни , съ примѣсю чудесъ изъ Крестовыхъ Походовъ или волшебства.

Богаца ли , разнообразна ли была сія личерашура ? Тысячи манускрипшовъ , написанныхъ въ средніе вѣки , находящіяся въ Королевской Библіошекѣ. Въ нихъ видна вся жизнь погдашняго времени. Пошребно шолько шерпѣніе , чшобы слѣщизъ изъ сихъ оспашковъ истинный образъ прошекшаго. Но шо , чшбъ должно сосшавишь предметъ изслѣдованій испорическихъ , не войдешъ въ наше личерашурное обзорніе.

Мы не будемъ разбирашь сей громады неизданныхъ произведеній. Только укажемъ на огромное число памяшниковъ , обнаруживающихъ великую дѣяшельность духа и направленіе , имъ полученное.

Фоме, писатель XVI столѣтія, сосшавиль біографію Французскихъ поэшовъ, жившихъ прежде 1300 года. Онъ насчипываетъ ихъ болѣе спа. Хрисшіанъ де Труа, плодовищѣйшій изъ нихъ , сочиниль нѣ-

сколько рыцарскихъ романовъ, заключавшихъ опъ десяти до двадцати пысячь стиховъ. Множество другихъ поэтовъ были современниками Христіана де Труа. Хопя они были помрачены его славою, однакожь имѣли успѣхъ и были принимаемы при дворахъ государей. Гордый и учпивый Филиппъ-Августъ былъ покровителемъ наукъ и художествъ. Въ свое время спольже роскошный, какъ и Людовикъ XIV, онъ любилъ по своему душевныя наслажденія. Такимъ образомъ послѣ турнировъ онъ приглашалъ въ огромную дворцовую залу поэтовъ и пѣвцовъ. Стихи Христіана де Труа принимаемы были съ рукоплесканіями. Всѣ восхищались шулками фигляровъ. У государя былъ любимый поэтъ; онъ назывался Гелинашъ и получалъ пансіонъ. Болѣе ничего я не могъ узнать о немъ.

Впрочемъ онъ былъ споль уважаемъ, что имя его, по непоняпному анахронизму помѣщено въ Александриадѣ. Онъ произноситъ пѣснь при споль Александра. Въ томъ же произведеніи, Королева Изабелла, супруга Филиппа-Августа, вышиваетъ палашку для Персіадскаго Царя Дарія. Кромъ сихъ огромныхъ поэмъ, коихъ чудовищные вымыслы восхищали дворъ, читали не споль обшир-

ныя произведенія труверовъ. Сіи люди были подобны спранспвующимъ комедіаншамъ. Они приглашаемы были нѣсколько разъ во дворець и въ замки, рассказывали рыцарскіе романы, и представляли спихопворныя басни; иногда пародировали самыя священнѣйшіе обряды религіи. Они сочинили спранную повѣспь подъ названіемъ: *Исторія Лисицы*. Лисица проложила себѣ удивительную дорогу: она была Епископомъ, Архіепископомъ, Папою. Сія шутовская піеса была представляема и возбуждала хохопъ въ придворныхъ рыцаряхъ и дамахъ Филиппа-Августа.

Все сіе изложено съ великимъ искусствомъ въ новѣйшей исторіи Филиппа-Августа, сочиненіи оспроумномъ и глубокомысленномъ, въ кошоромъ со всею занимательностію новоспи опразился духъ спаринныхъ временъ. Впрочемъ, нѣпъ сомнѣнія, что царспвованіе Филиппа-Августа не ознаменовалось испинными успѣхами просвѣщенія. Сіи длинныя и скучныя поэмы, сей самый не взыскашельный дворець, былъ каналомъ развитія Французскаго духа. Прежде Филиппа - Августа Французской дворець былъ необразованъ и грубъ. Мы не говоримъ

здѣсь о дворѣ Карла Великаго. Еще при семь монархѣ сдѣланы были первыя попышки, но попышки преждевременныя и попому бесполезныя. Только со времени Ф.-Августа дворѣ почувствовалъ вкусъ къ липературѣ; и умственныя наслажденія, каковы ни были, сославили часть его увеселеній. Но до Людовика Святаго произведенія Французскія, любопытныя подобно древнимъ медалямъ, не представляющъ ничего значительнаго для вкуса. Только со времени сего государя языкъ началъ образоваться и опредѣляться опъ Провансальскаго, освобождаясь припомъ опъ Англо-Нормандской жесткости первыхъ Французскихъ поэтовъ, Роберта Васа и сочинителя романа Брушъ. Онъ принялъ образованіе, свойственное нынѣшнему Французскому языку, отбросивъ всю грубость языковъ сѣверныхъ. Людовикъ сославляетъ доспомянутую эпоху въ исторіи развитія національнаго духа. Вліяніе сего государя, котораго умъ былъ споль возвышенъ и образованъ съ такимъ тщаніемъ, не подвержено сомнѣнію. Онъ былъ благочестивѣйшій человекъ своего времени и не смотря на то умѣлъ пропи-ваться Римскому двору. Благочестіе не ослабило, а цолько освятило его. Въ немъ соеди-

нено было все, что въображеніе можетъ представить самаго изящнаго и величественнаго. Постановленія Св. Людовика, собраніе законовъ его, слишкомъ строгаго разобранное Монпескё, пребудутъ удивительнымъ памятникомъ XIII вѣка. Людовикъ былъ также весьма искусенъ въ государственнымъ управленіи. Въ исторіи можно видѣть, какимъ образомъ сей государь въ нѣсколько времени поправилъ зло, причиненное Франціи Крестовыми Походами. Наконецъ его благочестіе, непоколебимое въ борьбѣ съ Папами, сподобило его возвышеннымъ на полѣ сраженія. Не смотря на то, что разумъ оуждаетъ его рыцарскія походы, которые не были необходимы для защиты Христіанства, и воспрепятствовали ему сдѣлать государству все, возможное для него, благо; нельзя не удивляться героизму, который показалъ онъ во время Египетской экспедиціи. Лейбницъ замѣтилъ, съ какою политическою дальновидностію сей государь избралъ Египетъ средопочіемъ всѣхъ военныхъ дѣйствій на востокъ. Второй Крестовый Походъ, сдѣлавшійся неудачнымъ отъ своекорыстнаго эгоизма его брата, обнаруживаетъ въ немъ такое величіе, такое мужество и

такое самоопроверженіе при смерти, что, мы забывая безразсудность его предпріятій, невольно ему удивляемся. Онъ болѣе оспавиль по себѣ памяти какъ человекъ, нежели какъ Король: пробужденіе душевной дѣятельности въ своемъ народѣ — вопль важнѣйшая, но никѣмъ не замѣченная услуга сего государя! Этого не возможно схватить и подтвердить какимъ-либо частнымъ произшествіемъ. Но разсмотрѣвъ Францію до Людовика IX и послѣ него, вы увидите уже другихъ людей, умы болѣе возвышенныя. Со времени сего государя начала развиваться Французская образованность, и національный духъ, предсѣлавшій народнаго усовершенствованія, раскрылся и ввелъ языкъ и произведенія Французскія въ общую сокровищницу Европейскаго генія.

Если, пробѣжавъ стихотворныя повѣсти XII столѣтія, вы возьмете Жуанвила, вамъ покажется, что цѣлыя вѣки раздѣляютъ сіи произведенія. Но между ими мелькнулъ одинъ только великій человекъ и, возбуждая умственную дѣятельность, произвелъ сію перемену.

Нужно ли опъ сихъ историческихъ воспоминаній возвращаться къ подробностямъ грамматическимъ? Нужно ли искать въ языкъ слѣдовъ сего переворота? Для сего

довольно замѣтить, что, при совершенномъ: опдѣленіи оупъ южнаго нарѣчія, Французскій языкъ получилъ совершенно особенный идиѳиизмъ и характеръ. Сочиненія сего времени писаны по-Французски: ихъ не нужно переводить. Вопъ различіе, которое съ перваго взгляда замѣчается между Жуанвилемъ и Вилль-Гардуиномъ. Послѣ Вилль-Гардуина и Хроники Сен-Дени начинающіяся памяшники національной исторіи на языкъ проспонародномъ. Сіи памяшники несравненно вѣрнѣе Лапинскихъ хроникъ: ибо выраженіе въ оныхъ соспавляетъ, такъ сказать, часть самыхъ произшествій. Въ Вилль-Гардуинѣ, несравненномъ живописцѣ нравовъ и подробностей, характеръ Французскаго нарѣчія мало развернутъ. Еслибы кому вздумалось показатъ, сколь пѣсно были соединены сѣверныя и южныя нарѣчія языка Романскаго, ему надлежало бы для того избратъ Вилль-Гардуина: въ немъ еще встрѣчающіяся звучныя слоги и оспатки Лапинизма, свойственныя спихопвореніямъ Провансальскимъ. Впрочемъ, какъ живо изображены въ нихъ средніе вѣки съ ихъ великими, единственными предпріятіями! Нигдѣ лучше не опразилось пождеспво современныхъ произшествій съ вымыслами вѣка.

Что заключаетъ въ сочиненіи Вилль-Гардуина? Повѣствованіе о побѣдѣ, случайно пріобрѣтенной Французскими вельможами, которые сдѣлались крестоносцами на турнирѣ въ Шампаніи, переплыли море для возведенія на престолъ Конспаншинопольскій низверженнаго Императора, вооружились противъ сего послѣдняго, завоевали Царь-Градъ и основали различныя государства и княжества въ Греціи и Азіи. Сіе сочиненіе есть вмѣстѣ и хроника и рыцарскій романъ. Изъ него вы увидите, что турниръ былъ сборнымъ мѣстомъ — вѣчемъ рыцарей. Буйная независимость феодализма, напыщенная гордость Бароновъ обнаружилась здѣсь въ полной мѣрѣ. Не испросивъ позволенія у своего Монарха, по одному мановенію Папы, они отправляются и пріѣзжаютъ въ Конспаншинополь. Преждевременная образованность Испанскихъ городовъ, противоположная дикой храбрости феодальныхъ вельможъ, способствовала сему предпріятію. Имѣя коней, копья, мечи, Французскіе Бароны принуждены были прибѣгнуть къ торговому городу Венеціи, съ просьбою о корабляхъ. Прибывъ къ Конспаншинополью, они возводятъ новаго Императора, восхищаясь своимъ

дѣйствіемъ. Наконецъ , осмопрѣвъ сей огромный и великолѣпный городъ , въ копоромъ было шакое множество прекрасныхъ храмовъ, они думаютъ, что гораздо лучше взять его себѣ, нежели подарить другому, и покоряютъ Конспанпинополь. Бодуинъ сдѣлался Конспанпинопольскимъ Императоромъ и получилъ прекрасную добычу. Но сіи Бароны , сіи рыцари , довольные тѣмъ что произвели Императора , съ неперпнѣемъ ожидаютъ , пріобрѣсть на свою долю , какое нибудь княжество. Жофруа Виль-Гардуинъ, послѣ многихъ походовъ, получилъ на свою часть , городъ Месиполь въ Фессаліи ; здѣсь онъ умеръ около 1313 года , и его фамилія , вслушавшая въ родство въ Конспанпинопольскими Императорами , существовала долгое время на воспокѣ и обладала Коринѣомъ и Аргосомъ. Такимъ образомъ въ началѣ XIII столѣтія система феодальнаго правленія перенесена была въ Грецію. Многие Французскіе вельможи по примѣру Виль-Гардуина заставили уснуть себѣ замки и земли. Эта побѣдоносная колонія принесла съ собой свои обыкновенія. Опрѣки, пажи изъ Цикардіи и Туреня , стремились для воспитанія въ Грецію: покореніе Мореи Виль-

гелмомъ Шамплетомъ увеличило сіе вліяніе. Писатели того времени ушверждають, что въ Морей также хорошо и также прилично говорили по - Французски, какъ въ Парижѣ. Все сіе составляло часть картины среднихъ вѣковъ, въ коихъ предприимчивость безпокойной дѣятельности мѣшалась съ невѣжествомъ и неопытностію. Если вы углубитесь въ сочиненія тогдашняго времени, то увидите, что сношенія между людьми были рѣдки и затруднительны. Было множество жиделъ, которые, не выѣзжая изъ своихъ городовъ, думали, что предѣлы міра находятся на концѣ ихъ полей. Они не имѣли понятія о разстояніяхъ и мѣстахъ. Въ началѣ XII столѣтія, монахи Фердьерскіе въ Сенской Епархіи не знали, что есть во Фландріи городъ Турне. Можно собрать множество мелкихъ анекдотовъ подобнаго рода. Парижскій мѣщанинъ, опираясь въ Амьенъ, дѣлалъ духовную. Такъ опасны были дороги, споль много было хищныхъ рыцарей, безсовѣстныхъ правителей, которые нарушали свои клятвы и грабили несчастныхъ путешественниковъ. Но смѣлость шѣхъ, которые презирали нѣгу жизни, которые не боялись приключеній,

не имѣла предѣловъ. Они ѣздили въ Вавилонъ, предлагали свои услуги Королю Солунскому. Не зная, гдѣ лежитъ Солунъ, рыцари, въ числѣ двадцати и тридцати человекъ пускались въ дорогу. Венеціане, которые были несравненно разсудительнѣе, которые посредствомъ торговли и оборотливости приобрѣли распространность, доставляющую имъ превосходство надъ другими; предлагали услуги свои рыцарямъ пвердой земли. Они доставляли имъ корабли и брали съ нихъ за проѣздъ. Надлежало расплачиваться съ ними посредствомъ войны. Опъ сего-то, набожные спранники, которые опправились изъ Франціи для освобожденія Гроба Господня, окончили свои предпріятія взятіемъ Конспаннинополя и разграбленіемъ Храма Св. Софіи.

Послѣ романовъ Круглаго Спала, переложенныхъ на Французское нарѣчіе Англо-Нордманами, около половины XII столѣтія, повѣсть Вилль-Гардуина есть древнѣйшій помятникъ Французской прозы. Въ семъ отношеніи она достойна величайшаго вниманія. Здѣсь языкъ гораздо виднѣе, чѣмъ въ рифмованныхъ отрывкахъ прuverовъ. Она гораздо занимательнѣе послѣднихъ по живости и правдивости разказа: эпо не испорикъ; эпо

человѣкъ , которъй разсказываетъ съ величайшею простотою все , что видѣлъ и дѣлалъ и какимъ образомъ сіе происходило. Вся книга его есть непрерывное изображеніе дѣйствительности. Еслибы гениальный талантъ вздумалъ подражать ему въ наше время , въ самомъ счастливомъ изображеніи пошчасъ замѣшили бы поддѣльное. Непрудно узнать оспроумца XIX вѣка подъ просподушными выраженіями повѣствователя XIII столѣтія. Въ писателѣ XIII вѣка вы найдете истину не только въ цѣломъ повѣствованіи , но въ каждомъ словѣ ; вы увидите поржесство сочинителя , времени и произведенія.

Откройте повѣсть Вилль-Гардуину , и вамъ представится свяшой мужъ по имени Фулька Нессли. Онъ былъ священникомъ въ семь приходѣ. Фулкъ началъ проповѣдывать Бога во Франціи и въ другихъ земляхъ. Римскій Папа Иннокентій III приказываетъ ему проповѣдывать Крестовый Походъ. Въ слѣдующій годъ , по его гласу ; на одномъ турнирѣ въ Шампаніи , множество рыцарей вспустило въ Крестоносцы. Нужны были корабли. Шестъ крестоносцевъ отправились для сего въ Венецію. Вилль-Гардуинъ былъ въ числѣ ихъ. Они представились Дожу Дандоло , человѣку благо-

разумному и храброму, который принялъ ихъ благосклонно. Историкъ даже не замѣшилъ, что сему Дожу, пламенному любившему великихъ предпріяшій, было тогда девяносто лѣтъ. Но послѣдуемъ за Вилль-Гардуиномъ во дворець Дожа, въ Совѣтъ и въ народное собраніе, въ прекраснѣйшую въ мірѣ церковь Св. Марка. Вамъ представляющія сцены удивительныя. Прежде всего Вилль-Гардуинъ и его поварищи ведутъ переговоры съ Дожемъ и знатнѣйшими членами Сенапа; потомъ заспаваютъ ихъ опнесцисъ съ прозбою къ народу; ибо въ Венеціи было тогда демократическое правленіе. (Какое зрѣлище для феодальныхъ вельможъ среднихъ вѣковъ!). Жофруа Вилль-Гардуинъ, Маршалъ Шампаніи, начинаетъ рѣчь: „Высокомощные Господа! „могущественные Бароны! Франція прислала насъ сюда для возбужденія въ душахъ „вашихъ сожалѣнія къ Іерусалиму, который находится въ рабствѣ у Турковъ, и „заклинаетъ васъ именемъ Бога, чтобы вы „помогли опомсшишь за Іисуса Христа. „Васъ избрала она на дѣло сіе: ибо знаете, что вы на морѣ могущественнѣе „всѣхъ народовъ въ мірѣ. Повелѣла намъ „повергнувшись къ стопамъ вашимъ и не

„вспаваши до полѣ, до колѣ вы не дадите
„объщанія вступишься За Св. землю, ле-
„жащую за моремъ.“

Шестъ посланниковъ со слезами по-
верглись на колѣна: Дождь и все собраніе,
воздѣвъ руки къ небу, воскликнули въ
одинъ голосъ: Согласны, согласны! Земля
поколебалась отъ шума и крика.

Въ сей рѣчи, въ семъ повѣствованіи,
произшествіе представлено съ такою яс-
носною, копорой никакое новѣйшее искус-
ство подражать не въ силахъ. Вилль-
Гардуинъ продолжаетъ подробно рассказы-
вать о медлительныхъ приговореніяхъ къ
Крестовому Походу. Тибо, Графъ Шампан-
скій, копорому надлежало бытъ пред-
водителемъ, преждевременно умеръ; по
смерти его обратились къ Герцогу Бур-
гонскому, къ Графу Бар-ле-Дюку и на-
онецъ къ Маркизу Мон-Ферраискому. Баро-
ны и поклонники со всѣхъ сторонъ спека-
лись въ Венецію; отсюда надлежало выпу-
стить войску. Тогда-то преспарфиль, слѣпый
девяноспольный Дождь, созвавши народъ въ
церковь Св. Марка, объявилъ, что онъ при-
емлетъ крестъ и хочетъ умереть съ пу-
шешествениками къ Граду Господню. На-
онецъ флотъ опплылъ въ Корфу. Трудно-

спи мореплаванія , зависшь и раздоры надменныхъ предводителей предсшавлены живо, просподушно и чиспосердечно. Хотя испорикъ учаспвуешь во всѣхъ предпріятіяхъ, но онъ о себѣ говоритъ очень мало и припомъ съ величайшею искренностію. „Я Жофруа, маршалъ Шампаніи, написавши сіе повѣспвованіе, подшверждаю оное.“ Сей драгоцѣнный памятникъ Французской національной испоріи можешъ бышь занимательнымъ въ различныхъ опношеніяхъ. Захочешъ ли кпо изучать въ немъ свойспва языка : онъ найдешъ здѣсь сходспво его съ южнымъ Романскимъ нарѣчіемъ , увидишь справедливосшь замѣчаній и правилъ ученаго Ренаура ; здѣсь встрѣчаешся много южныхъ окончаній: *seignor, tremor, emperlor; vos, dolorous*. Опущеніе буквы *s* во множеспвенномъ числѣ сохранено повсюду ; словосочиненіе проспо и правильно ; выраженіе крапко и живописно.

Но величайшая занимательность сей книги заключаешся въ испорической живописи. Это сближеніе Грековъ и Франковъ, прошивоположныхъ другъ другу и соединенныхъ въ одномъ повѣспвованіи. Ни чпо не можешъ предспавишь споль необычайнаго зрѣлища, какъ сближеніе Констаншинопольскихъ Грековъ , сихъ одряхлѣвшихъ

выродковъ западной Имперіи, съ юнымъ поколѣніемъ Франкскихъ воиновъ. Хипроспъ и робоспъ Греческаго двора, обуреваемого непрерывными заговорами; грубая и заносчивая надмѣнность Креспоносцевъ: все это описано весьма живо. Едва новый Императоръ, Алексій, былъ возведенъ Лапинцами на пресполь, какъ вознамѣрился удалить сихъ опасныхъ госпей и отправить въ Кресповой Походъ. Но они не поропились оспавить свою добычу. Взаимныя жалобы и переговоры умножались: наконецъ вспыхнула война. Греки сожгли корабли Лапинянь. Алексій погибъ опъ измѣны; мѣсто его заспунилъ одинъ вельможа двора его. Тогда-то союзники ополчились всею своею силою. Конспаншинополь былъ взятъ и разграбленъ въ Вербное Воскресенье: радоспъ побѣдипелей была неизъяснима, когда они нашли множеспво серебра, посуды, драгоцѣнныхъ камней, шелковыхъ шканей и горноспаевъ. Важный испорикъ повпоряешъ при семъ случаѣ любимое свое выраженіе: „Я Жофрау, Маршалъ Шампаніи, свидѣпельспвую съ полною увѣренноспію въ истинѣ, что опъ начала міра, ни въ одномъ городѣ не взяпо такого множеспва богашспвъ.“ Бѣдное и грубое войско овладѣло

сими богашспвами. Всякой занялъ домъ , копорый ему понравился ; но ихъ еще оспалось много. Такимъ образомъ войны провели Вербное Воскресенье и Пасху , въ удовольспвіи и радости , кои даровалъ имъ Господь ; но вскорѣ , подѣ опасеніемъ оплученія опъ церкви , великая часть добычи принесена была въ общее казнахранилище. Предводисели войска приспунили къ избранію Имперашора. Бодуинъ , Графъ Фландріи , предпочтенъ былъ Маркизу Мон-Феррашскому , копорый удовольспвовался Солунскимъ Королевспвомъ. Такое множеспво предпріашій не возможно было совершисъ безъ частныхъ совѣщаній. Вилль-Гардуинъ часпо произносилъ въ нихъ рѣчи съ важностію и благоразуміемъ. Эшо соспавляетъ одинъ изъ опличительныхъ признаковъ его книги. Здѣсь испорія не смопря на проспекту выраженія пріемлетъ характеръ политическій. Вы видите въ ней сеймы Лапинянъ ; вы усматриваете , какъ изгошопляется и какъ оправдывается сей необычайный оборотъ , по копорому оружіе , назначенное для освобожденія Иерусалима , обращается прощиву Христіанскаго Государспва. Основаніе новой Имперіи , смерпъ Бодуина , возшеспвіе на пресполь брата его Генриха , из-

браннаго Французскими Баронами, составляющъ весьма занимательную повѣсть; и мы сожалѣемъ, что онъ не продолжалъ ее далѣе. Въ самомъ дѣлѣ Вилль-Гардуинъ оспановился по смерти Маркиза Мон-Феррашскаго, въ 1207 году; и мы должны искашь въ Византійскихъ историкахъ продолженіе, въ коемъ описывается царствованіе иноземной династїи въ Константинополѣ. Вліяніе сихъ завоевателей было кратковременно и не оспановило упадка Греціи. Константинополь, подѣ правленіемъ грубыхъ обладателей, сохранилъ свой языкъ и свое вѣроисповѣданіе. Франки предоставили себѣ только рыцарскія игры и воинскія упражненія. Они согнали Грековъ съ ипподрома и давали на немъ турниры. Между тѣмъ сіи раболѣпные льстецы заимствовали нѣкоторыя преданія у своихъ власнителей. Въ семъ отношеніи можно найши въ Византійскихъ историкахъ любопытныя черпы, только не столь просподушныя; хотя Византійцы были также не просвѣщенны, какъ и Лапины. Западные рыцарскіе романы съ описаніемъ Европейскихъ обычаевъ были приняты ими за подлинныя исторіи. Спустя пятьдесятъ лѣтъ, когда прекратилась Французская династїя, и когда возобновилось слабое существованіе Греческой Им-

періи , многіе Конспаншинопольскіе вельможи гордились пѣмъ , чпо были въ родствѣ съ Роландомъ и Ренодомъ. Безпримѣрное заблужденіе , показывающее сильное вліяніе рыцарскихъ романовъ , споль сообразныхъ съ бродяжническою жизнію погдашняго времени !

Я оканчиваю здѣсь разборъ книги, доспойной особеннаго изслѣдованія и вниманія. Сочинитель ея, бывшій важнѣйшею особою того времени, осуществляетъ предъ нами въ своихъ дѣйствіяхъ рыцарство, котораго идеаль находится въ романахъ среднихъ вѣковъ. Воинъ и полищикъ, онъ обнаруживаетъ благородіе , праводушіе и честность, среди самыхъ безразсудныхъ и несправедливыхъ предпріяній. Онъ сообщаетъ намъ понятіе о спрогихъ и непреклонныхъ характерахъ рыцарей, подобныхъ спали, ихъ покрывавшей.

У

Л Ъ Т О П И С И

О Т Е Ч Е С Т В Е Н Н О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы .

— СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕНИСА ДАВЫДОВА. *Москва, въ тип. А. Семена, 1852.*

— ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕКРОЛОГІЮ Н. Н. РАЕВСКАГО, *изданную при Инвалидѣ 1829 года. Съ прибав-*

леніемъ его собственныхъ записокъ на некоторыя событія 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ. *Сочиненіе Дениса Давыдова. Москва; въ тип. А. Семена, 1852.*

Имя *Давыдова* сопряжено съ незабвенными воспоминаніями 1812 года. Въ сей величественной эпопеѣ Русскаго героизма, его удаляя наѣздничества, провожавшія враговъ, испинно по-Русски, изъ предѣловъ оскорбленной опчины, соспавляли блисшательный эпизодъ! Онъ явился тогда поэтомъ не слова, а дѣла: сыпалъ огонь, а не рифмы; рубилъ саблею, а не цезурою! Но, когда умолкъ шумъ брани, когда Русской мечъ, увидшій лаврами, опочилъ въ своихъ ножнахъ, поэзія души его, не привычной къ прозаическому бездѣйствію, должна была пробить себѣ другой источникъ, обнаружиться въ словѣ; сабля уступила мѣсто перу, и —

Давыдовъ, пламенный боець,
Оставя бой кровавый,
Сталъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Любви, вина и славы! . .

Спихопворенія *Давыдова* ловили съ жадностью при ихъ появленіи. Нѣкопорыя изъ нихъ вѣрялись крыльямъ періодическихъ листковъ; другія, въ завѣсныхъ рукописныхъ лоскуткахъ, переходили изъ рукъ въ руки, ушѣхою молодежи и соблазномъ спешенниковъ. Теперь они собраны вмѣстѣ и соспавили небольшую книжечку.

Въ липерашурѣ весьма часто печать бываетъ шѣмъ же для рукописи, чѣмъ, по общему повѣрью, Гименей для Амура — ложемъ смерти. Опъ пого ли, чпо съ рукописью сопряжена

всегда прелестъ пайны, не всѣмъ извѣстной, или ошъ того, что печашь, сообщая характеръ окончанности произведенію, даешъ право бытъ къ нему внимательнѣе и спроеже: какъ бы то ни было, но многочисленныя опыты доказали, что подъ гнѣшомъ типографическаго спанка сглаживающся многія долготѣлннн репушціи, прикованныя общимъ мнѣніемъ къ манускриптамъ. Тоже можно сказашь о нѣкопорыхъ спихопвореніяхъ *Давыдова*. Вылившисъ, или лучше сказашь, выбрызнувъ изъ его кипящей души, онѣ сверкающъ, подобно пѣнѣ шипучаго ай: но ихъ искромешный газъ испаряется, какъ скоро лепучіе брызги уляжущся спокойно въ кристаллъ. Посему, для пользы и чести поэша, мы не желали бы видѣшь преданными писненію всѣ доскушки, исписанныя въ веселыя минушы разгульнаго вдохновенія. Таково н. п. слѣдующее спихопворепище, напечатанное въ собраніи, подъ именемъ *Ръшительнаго Вечера*:

Сегодня вечеромъ увижусь я съ шобою;
Сегодня предъ опшомъ въ словахъ не лицемѣрь,
Иль руку съедиши мою съ своей рукою,
Иль ея покажи мнѣ дверь!

Тогда я съ горести, какъ зюзя, напянуса,
На шройкъ ухорской спрѣлою полечу;
Прославшисъ до Твери, въ Твери ошашъ нашьюся,
И пьяный въ Пешербургѣ на пьянство прыскачу.

Но если счастье назначено судьбою
Тому, кто цѣлый вѣкъ со счастьемъ не знакомъ,
Я, по пословицѣ, напьюсь свинья свиньею,
И съ радости прощю прогоны съ кошелькомъ.

Здѣсь конечно есть одушевленіе, есть поэзія: но одушевленіе, которое не должно выходить за предѣлы веселаго круга пирующихъ друзей, гдѣ оно и рождается; поэтическій соръ, котораго не слѣдуетъ выносить изъ дому. Еще менѣе слѣдовало бы предавать писанію пѣ забубенныя вспышки гусарскаго вдохновенія, гдѣ для печатнаго выраженія многихъ словъ не нашлось буквъ въ типографической азбукѣ, а поставлены только начальныя литеры съ шотками. Оспавашьсябъ имъ счастливо въ поршфейляхъ или въ памяти любилей, не оскорбляя своею полу-прозрачношью шѣхъ, коимъ гусарская техника не до душѣ, не по сердцу!

Но, сдѣлавъ сіе безприспращное замѣчаніе, относительнo нѣкоторыхъ поэтическихъ шалостей *Давыдова*, считаемъ пріятною обязанношю, опдашь должную справедливосшь прочимъ его спихопвореніямъ. Въ нихъ плещеть и разливаешся истинная жизнь: онѣ кипящъ неподдѣльною поэзіею. По спранному, хошя и еспешвенному, совмѣщенію крайноспей, въ нихъ соединяешся пылъ буйнаго изсшупленія съ дѣшскою просшосердечною искренношю. Нерѣдко сія искренносшь сверкаешъ молнійными спруями яркихъ, сильныхъ мыслей. Возьмемъ въ примѣръ масперской очеркъ, гдѣ поэтъ изобразилъ самъ себя, въ костюмѣ *полу-солдата*:

Нѣшть, брашцы, нѣшть: полу-солдащъ
 Тощъ, у кого есть печь съ лежанкой,
 Жена, полдюжины ребящъ,
 Да щи, да чарка съ запекалкой!

Вы видѣли: я не боюсь
Ни пуль, ни дрошика Куршица;
Лечу спремглавъ, не дую въ усъ,
На ножъ и шашку Кабардинца,

Все шакъ — но прекрапился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохощъ обуваль шолпой,
И клики вшоряшся горами,

И все кипишь, и все гремишь;
А я, межъ вами одинокой,
Нѣмою грустию убишь,
Душой и мыслию далѣко!

Я не внимаю спужу чашъ
И спорамъ, вкругъ солдатской каши;
Улыбки нѣшь на хохощъ вашъ,
Нѣшь взгляда на проказы ваши.

Таковъ ли былъ я въ вѣкъ злашой
На буйной Вислѣ, на Балкаѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ.

Бывало слово: другъ, явись!
И ужъ Денисъ съ копя слѣзаетъ;
Лишь чашей спужнуешь — и Денисъ
Какъ шушь, и чашу осушаетъ.

На скачку, на борьбу готовъ,
И чпимый *выродкомъ* глушцами,
Онъ, распочинель оспрыхъ словъ,
Имъ клецещъ прозой и стихами.

Пль въ каршы бьется до упра,
Раскпнувшись на горской буркѣ;

Или вокруг свѣтлаго коспра
Танцуешь съ дѣвками мазурки.

Нѣшь , брашцы , нѣшь : полу-солдашъ
Топъ , у кого ешь печь съ лежанкой ,
Жена , полюжины ребяшъ ,
Да щи , да чакра въ запеканкой !

Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ ;
Ошоранный судьбы велѣньемъ
Опъ крова мирнаго въ шалашъ ,
На сѣчи , къ пламеннымъ сраженьямъ.
Араксъ шумишъ , Араксъ шумишъ ,
Араксу вшоришъ ключъ нагорный ,
И Алагъезъ , нахмурясь , спишъ ,
И шонешъ въ влагѣ доль узорный ;
И вѣшъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ воспочнымъ аромашомъ ;
И сквозь сребрисныхъ облаковъ
Луна плывешъ надъ Арарашомъ.

Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края . . .
Съ Кавказа глазъ не сводишъ опъ ,
Гдѣ подпираешъ небосклонъ
Казбека груда свѣговая . . .
На немъ знакомый вихрь , на немъ громады льда ,
И надъ челомъ его , въ шуманѣ мушномъ ,
Какъ Русь свяшая , недоспушномъ ,
Горишъ родимая звѣзда !

Коротко сказашъ , повзiя стихопворенiй *Дави-
дова* предшавляешъ непрерывный огнедышущiй
днеирамбъ , или лучше , говоря собшвенными его
словами ,

. . . вся чувшво , вся воспоргъ
Какъ Пицдара спроча живая ! . . .

Иногда поэтъ-наѣздникъ, оспавляя шумъ бранный предается нѣгѣ чувства. Этого переходъ весьма естественъ и давно угаданъ древнею Греческою поэзію, изображавшею Арея въ объятіяхъ Афродиты. *Давыдовъ* самъ весьма наивно предсавляетъ сіе дружеское соединеніе лавра и мирша, хотя (мимоходомъ сказать) съ нѣкошорыми грамматическими промахами:

Въ насъ сердце не всегда *желаетъ*
 Лишь ужасъ, стонъ, кровавый бой;
 Ахъ! часо и гусаръ вздыхаешь,
 И въ киверѣ его весной
 Голубка гнѣздышко свиваетъ. . .

Но вообще должно сказать, что поэтъ лучше умѣетъ воспѣвать раздолье гусарской жизни, чѣмъ паять въ нѣжныхъ мечпаніяхъ. Вошь его общенное признаніе:

На вьюкѣ, въ порокахъ цѣвницу я паскаю;
 Она и подъ локшемъ, она подъ головой;
 Межь конскихъ ногъ позабываю
 Въ пыли, на влагѣ дождевой. . .
 Такъ мнѣ ли ударить въ разлаженные струны
 И пѣть любовь, луну, кусты душистыхъ розъ?
 Пусть загремятъ войны перуны,
 Я въ эшой пѣснѣ виртуозъ!

Не лзя не замѣтить еще особенной характеристической черты, опличающей поэзію *Давыдова*. Это нѣкошорый родъ живаго веселаго юморизма, чуждаго саркастической желчи, но распвореннаго какимъ-шо безпечнымъ, просходушнымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ презрѣніемъ къ мѣлочнымъ суешамъ прозаической жизни. Такое расположеніе весьма естественно въ душѣ воина, привыкшаго играть жизнью. Для примѣра выпишемъ нѣ-

сколько стиховъ изъ одного посланія къ *Бурцову*,
прославленному повѣщическою пріязнiю *Давыдова*:

Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пресѣчешя жизнь моя!
Пусть я буду Генераломъ,
Какъ ихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣдень, болзливъ:
А въ собраніи героевъ
Оспрь, опваженъ, говорливъ!
Пусть мой усъ, краса природы,
Чернобурый, въ завипкахъ,
Изсѣчешя въ юны годы
И исчезнешъ, яко прахъ!
Пусть фортуна, для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,
Даспъ мнѣ чинъ. . . .
И Георгья за совѣшь!
Пусть я буду вѣкъ въ забошахъ,
Членомъ въ Мемельскихъ расчешахъ,
Нль . . . пожарный Кашипанъ!
Пусть . . . но полная лохань
Ужъ сухая оспаешя!

Или прочтемъ его *Гусарскую Исповѣдь*:

Я каюся! Я гусаръ давно, всегда гусаръ,
И съ просьдью усовъ, все рабъ молодой привычки:
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ,
И громогласныя Шампанскаго опшычки.
Отъ юности моей врагъ чопорныхъ ушѣхъ,
Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки.
Давай мнѣ хоръ цыганъ! Давай мнѣ споръ и смѣхъ
И дымъ сполбомъ отъ прубочной зашляжки!

Бѣгу вѣкъ сборища, гдѣ жизнь въ однихъ ногахъ,
Гдѣ благосклонности передающя вѣсомъ,
Гдѣ опкровенность въ кандалахъ,

Гдѣ шло и душа подъ прессомъ ;
 Гдѣ спесь до подлоспи — вельможа да холопъ ;
 Гдѣ заслоняюшъ намъ вихрь панцевъ эполепы ,

 Гдѣ сполько лузъ зашянушо въ корсеты ! . .

Очевидно, эпо юморизмъ не Гораціанскій. Царедворецъ Августа брезговаль жизнью опъ пресыщенія: нашъ поэтъ напрошивъ опъ непривычки къ душевой шѣсношѣ жизни прозаической, опъ шоски бездѣйствія, слишкомъ шягоспнаго для души, привыкшей въ вольному воздуху бивуака. Опсюда его ироническая насмѣшливость гораздо искреннѣе и наивнѣе, даже самая вакхическая жажда упоенія, въ коемъ любилъ онъ попопляшъ свое негодование на скуку непривычной жизни, гораздо ешесшвеннѣе и извинительнѣе, чѣмъ въ брызгливомъ эпикурейцѣ, пропивающемъ съ досадой жизнь, коей истинной цѣны никогда не имѣлъ случая извѣдать. Но, повторимъ снова, шо не извинительно въ нашемъ поэтѣ, что онъ, забывался, позволяешъ себѣ слишкомъ явное оскорбленіе всякаго приличія въ выраженіяхъ, которое въ Гораціѣ могла сносить шолько безнравственность драхлаго Рима. Въ приведенной выше ширадѣ мы должны были пропуститъ цѣлый стихъ, въ коемъ неприличіе послѣдняго слова слишкомъ скорбительно выглядываешъ изъ за почекъ.

Таково наше мнѣніе о *Давыдовѣ*, какъ о поэтѣ. Признаемъ, мы пожалѣли, что онъ не писалъ, не пишешъ больше ! Чшо касается до прозаическихъ его *Замыганій на Некрологію Н. Н. Раевскаго*, шо долгъ безприсрасшія засшавляешъ насъ желашъ, чшобъ онъ шакою прозою писалъ меньше. Опдаемъ полную справедли-

воспѣ его намѣренію и не входимъ въ изслѣдованіе испорическаго достоинства сей брошюрки: но относительнаго изложенія и языка замѣтимъ, что она слишкомъ ниже славнаго имени *Давыдова*. Спирогая крипика, съ однимъ граммашическимъ дозоромъ, моглабы найши въ ней много грѣховъ, кои, изъ уваженія къ поэту, покрываемъ молчаніемъ.

Впроче́мъ эту граммашическую несостоятельность не должно спавишь въ большую вину *Давыдову*. Вопъ что повѣспвуешия въ автобіографіи, приложенной къ его *Стихотвореніямъ*, кошорая, не смошря на недоспашокъ мѣры и рифмъ, дышешь поэшической жизнію:

„Розга обрашила его (*Давыдова*) къ ученію. Но какъ шогда учили? Наширали ребяшь наружнымъ блескомъ, гошова ихъ для удовольствія, а не для пользы обществя, учили лепешашъ по-Французски, шанцовашъ, рисовашъ и музыкъ; шому-же училса и Давыдовъ до шринадцати-лѣшняго своего возраста. Тушь поря было думашъ о будущности: онъ сѣлъ на коня, захопаль арапникомъ, полешѣлъ со спашею гончихъ собакъ по лѣсамъ и болошамъ — и шѣлъ заключилъ свое воспшаніе.“

„Между *порошами* и *брызгами*, жизя въ Москвѣ безъ заняшій, онъ познакомилса съ нѣкошорыми молодыми людьми, воспшывавшимися шогда въ Университетскомъ Пансіонѣ. Они доспавили ему случай прочишашъ Аониды, полуперіодическое собраніе стиховъ, издаваемое шогда Н. М. Карамзинимъ. Имена знакомыхъ своихъ, напечатанная подъ нѣкошорыми спансами и пѣсенками, помѣщенными въ Аонидахъ, зажгли его

чесполубіе. Онъ спалъ писашь; мысли пѣснились, но какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Ошъ неперпѣнія своего онъ думалъ побѣдишь препяшспвія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья — но не шупъ-шо было! Тогда онъ обратился къ переводамъ, и вопъ первый опышь его спихошворенія:

„Пасшущка Лиза, пошерявъ
 Вчера свою овечку,
 Грусшила и аху говорила
 Свою печаль, чшо ахо повшорило:
 „О милая овечка! Когда я думала, чшо ты меня
 „Завсегда будешь любиншь,
 „Увы! по моему сердцу судя,
 „Я не думала, чшо другу можно измѣнишь!“

Вопъ съ чего началъ *Давыдовъ!* И шакъ вмѣсто того чшобъ привязывашься къ нему, подивимся лучше силъ его генія, копорый, безъ всѣхъ пособій мешодическаго образования, умѣлъ вырабощашъ изъ себя повша и, начавъ *пастушкой Лизой*, наконецъ изобразилъ *Юньскій Вечеръ* въ слѣдующихъ прекрасныхъ спихахъ:

Томшпельный, палящій день
 Сгорѣлъ; полупрозрачна шѣнь
 Пѣмага сумрака пріосѣдила дали;
 Зарницы бѣгали за синею горой,
 И окропленные росой,
 Луга и лѣсъ благоухали.
 Луна во всей красѣ плыла на высоту,
 Таиншвеннымъ лучемъ мечшанія пишала,
 И прислонясь къ лавровому кусту,
 Дышала роза молодая! . .

VI

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

ПИСЬМО КЪ Г. ВАЗЕНЮ.

Цера, 1 Скътября, 1830.

Чтобы видѣть Константинополь во всей его обширности и окинуть однимъ взглядомъ, я всходилъ нѣсколько разъ на башню Сераскира. Дѣспница въ сей башнѣ, построеной на шрешьемъ холмѣ, имѣетъ 85 ступеней. Оттуда весь городъ представляется такъ, какъ мы видѣли его за нѣсколько лѣтъ въ панорамахъ. Я могъ бы вамъ называть всѣ мѣста, которыя видны въ отдаленности, какъ на примѣръ: Босфоръ Эракійскій, Мраморное и Черное Море и проч. Но будучи не въ состояннн представить сн мѣста съ точностию и показатъ такъ, какъ я ихъ вижу, избавляю васъ отъ моей географн, гдѣ вы нашли бы только однѣ названн, которыя не дадутъ нищн ни уму ни воображенн.

Столица Оттоманской Имперн не походитъ ни на одну столицу Европы; она едва имѣетъ видъ большаго города. Кажется, видишь обширное поле, покрытое мѣстечками и деревнями, соединяющимися между собою; дѣмы, окрашенные краснымъ, зеленымъ и бѣлымъ цвѣтомъ, кладбища усаженные кипарисами, большня пространства, на которыхъ видны только закоптѣлыя развалины, одинокиа стѣны, почернѣвшн отъ пожаровъ, минарешы, возвышающнся въ воз-

духъ подобно нашимъ колокольнямъ , сады и необработанныя земли вокругъ великолѣпныхъ зданій : все это предсавляетъ зрѣлище , о которомъ я не могъ бы составить себѣ понятія , еслибъ не имѣлъ его шеперь предъ глазами . Прибавьте къ сей каршинѣ движеніе на пространствѣ , занимающемъ семь холмовъ , обширную приспань , покрытую кораблями всѣхъ націй , море съ шрехъ шпоронъ и ясное восточное небо . Вошъ что возбуждаетъ удивленіе и чего не могушъ разрушить ни время , ни Турки ! Ишакъ Конспаншинополь обязанъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ мѣсположенію , солнцу , которое его освѣщаетъ , окрестностямъ и омывающимъ его водамъ : это чудеса , которыхъ не въ силахъ произвестъ геній человѣческій ; здѣсь не видно произведеній рукъ , передвигающихъ или сглаживающихъ камень ; видны шолько чудеса природы и шворенія !

Въ сей безпорядочной кучѣ зданій и домовъ немного найдешся шакихъ спроеній , которыхъ бы могли возбудить особенное вниманіе зрителя . Величіе въ цѣломъ и въ разнообразіи предметовъ ! Если вы идете по улицѣ , шо увидите , что она худо вымощена и грязна , лавки шѣсны и не опряшны , дома худо поспроены : вы не встрѣшите ни одного памяшника , который бы привлекъ ваши взоры , исключая мечешей и прекрасныхъ фоншановъ . Но станьте на возвышенномъ и открытомъ мѣспѣ : вы увидите восхительныя каршины . Кто хочетъ насладиться видомъ Конспаншинополя , шопъ не долженъ шомрѣшь вокругъ себя . Если вы въ Перѣ , шо должны шомрѣшь на Сераль и берегъ Скушари . Если вы въ Им-

ператорскомъ городѣ, смотрише на кварталъ Галашы, на колонны Свяш. Димитрія, Эюба, на оживленный каналъ Босфорскій! Всѣ мѣста, представляющіяся въ нѣкоторомъ опдаленіи, привлекають вниманіе; куда бы вы ни пошли, виды разнообразятся; новыя сцены представляются глазамъ вашимъ; всякую минушу вы перемѣняете горизонтъ. Посреди шликаго множества оппическихъ обмановъ, красоты ихъ всегда новы и никогда не прискучають, ибо ихъ нельзя видѣть вблизи. Когда вы подходите къ картинѣ, кошорая васъ привлекла, она замѣняется другими, показывающимися въ опдаленности и также васъ очаровывающими. Всѣ сіи чудеса, составляющія украшеніе города варварскаго, исчезающія, когда къ нимъ приблизишься, не имѣють ли нѣкотораго сходства съ надеждою, кошорая убѣгаетъ въ будущность и улыбаешся намъ издали среди бѣдности настоящаго? Или не образъ ли это небесныхъ роць, фаншасическихъ садовъ и Турецкаго рая, въ нашемъ грубомъ мѣрѣ? Видите, любезный другъ, какъ я философствую; думаю, что въ семъ расположеніи духа, вы узнаете первое впечатлѣніе прекраснаго зрѣлища, кошорое шеперь предъ моими глазами.

Путешественники, прѣхавъ въ Константинополь, прежде всего осматривають Св. Софію. Симъ начали мы прогулки свои по Императорскому городу. Церковь Св. Софіи была описана штысячу разъ. Воздвигнушый Константинъ, сожженный фанашической секшою во времена Анаспасія и вновь сооруженный Юстини-

аномъ, знаменитый храмъ сей попеременно принадлежалъ Каполикамъ, Грекамъ и наконецъ поклонникамъ Аравійскаго Пророка. Опъ частыхъ передѣлокъ, прибавленій и перемѣнъ, наружность его имѣеть въ себѣ нѣчто грубое и тяжелое: почему я не могъ открыть въ немъ тѣхъ изящныхъ и воздушныхъ формъ, кои приписываются ему историками и антикваріями. Мы хотѣли-было посмотреть внутренность зданія: но шуда ни кого не пускають безъ фирмановъ Верховнаго Владыки, а сіи фирманы не охотно даются, особливо послѣ последней войны. Это дѣлается изъ угожденія народу, который не заботится о томъ, что завоевываютъ предѣлы Опшоманскіе; но не хочеть, чтобы преддверія мечешей осквернялись стопами невѣрныхъ. Впрочемъ Турки имѣють предчувствіе, что Св. Софія нѣкогда опять достанется Христіанамъ; и сіе предчувствіе или предсказаніе еще болѣе увеличиваетъ ихъ мрачный и ненавистный нравъ. Ишакъ надлежало опказать опъ любопытства или ожидать пока предсказаніе исполнится. До тѣхъ поръ прочту многопомныя сочиненія, оставленныя намъ Пешромъ Грело и другими учеными путешественниками.

Поговорю съ вами о другомъ зданіи, въ которое иностранцы также не могутъ проникнуть: принадлежація къ нему строенія покрайней мѣрѣ доступны и достойны любопытства: я говорю о сералѣ Верховнаго Владыки. Сераль есть самый замѣтный пунктъ въ Константинополѣ; на него обращаются всѣ взоры по прїѣздѣ въ столицу Османовъ; къ нему спрелятся всѣ мысли, когда дѣло идетъ о Турціи и Опшоман-

ской Имперіи. Сераль Сулшана не есть полько жилище Императора : его можно почестъ за городъ среди большого города ; онъ имѣетъ свои законы , свои обычаи и свое правленіе.

Вошь мы подходимъ къ Императорскимъ Воропамъ или къ Высокой - Порпъ (Баби - Гумаюнъ). Обороняемая двумя старинными башнями и безъ всякаго наружнаго украшенія , онъ имѣюшь видъ совершенно не соопвѣспвующій своему названію. Прежде вспуаюшь на дворъ неправильнаго вида , немощный , довольно похожій на шъ , кои находящяся при нашихъ замкахъ среднихъ вѣковъ. Влѣво отъ воропъ показали намъ древнюю церковь Св. Ирины. Теперь эта церковь служить кладовою древнаго оружія ; Турки храняшь въ ней шлемы , копы и щипы , принадлежавшіе Христіанскимъ воинамъ. Нѣкоторые путешественники говорятъ , что въ сей кладовой хранятся машины , употреблявшіяся при осадѣ Никеи , во время перваго Кресповаго похода. Машины сіи были присланы Императоромъ Алексіемъ , кошорый велѣлъ возвращишь ихъ въ Констаншинополь , когда Никея отворила ему воропы. Мы полагаемъ , что сіе древнее оружіе проспирася до времяъ Грековъ , сохранено и умножено Турками. Я весьма жадлю , что не могъ проникнушь въ сіе мѣсто , гдѣ бы могъ видѣшь лашы , мечи , луки и знамена древнихъ нашихъ рыцарей , смѣшанные съ варварскими. Церковь Св. Ирины предсшавила бы мнѣ вмѣспѣ и памятникъ Греческой Имперіи и любопышную главу изъ лѣшописей военнаго искусства. Во всякомъ другомъ государствѣ старались бы по-

казывать оспашки побѣжденныхъ народовъ; но Османь почитаютъ за правило все скрывать ошъ иноспранцевъ, даже собспвенную славу.

Мы вошли въ довольно обширное, но худо расположенное зданіе, близъ церкви Св. Ирины. Тамъ чеканятъ или лучше скажутъ передѣлываютъ серебряную монету, на которой начертывается слово *адли*, что значитъ *правосудіе*. Эша передѣлка монеты естъ одно изъ величайшихъ бѣдспвій Имперіи; и зло сіе беспреспанно увеличивается. Турецкіе піаспры, копорые пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ стояли нашихъ 3 франка, едвали равняются теперь 6 су. Монеты Императорской фабрики имѣютъ шакое низкое достоинство, что имъ предпочитаютъ поддѣльныя. Управление монетнымъ дворомъ, много сгубило головъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ шрое Армянъ, братья Доос - Оглу, коимъ было поручено сіе выгодное и вмѣстѣ опасное управление, были повѣшены у воротъ своего дома въ Босфорѣ; двое другихъ Армянъ, копорые заспунили мѣсто первыхъ, раздѣлались шолько своимъ имѣніемъ и ссылкой; принявшій ихъ должность Кассас Арсинъ шакже принадлежитъ къ Армянской націи. Говорятъ, что онъ раздѣляетъ со всѣми зажиточными людьми прибыль ошъ передѣлки монеты. Эша предосторожность не ошвращаетъ ожидающей его участи. Но будетъ ли ошъ того лучше? Султанская монета будетъ ли высшей пробы? Можно весьма часто дѣлать замѣчанія Туркамъ, что спрогоситъ и наказанія у нихъ ни къ чему не служатъ. Принимаются за людей

и никогда за самую вещь; въ день правосудія или лучше сказаць гнѣва, головы лепящъ, а злоупотребленія оспаюцца.

За монетнымъ дворомъ, со стороны моря, есть другое зданіе, котораго одно названіе родитъ печальныя мысли и которое можно почесть принадлежащимъ къ Императорскимъ финансамъ. Здѣсь также *бьютъ монету*, какъ нѣкто выразился: я говорю о шюрмѣ Боспанджи-Баши, гдѣ предаются пышкамъ несчастныя осужденныя, которыхъ сокровища хопящъ присвоить. Правда, что Султанъ Махмудъ фирманомъ уничтожилъ конфискаціи; но фирманъ Его Высочества исключилъ *богатства худо пріобрѣтенныя*. Не нужно кажется сказывать, что можно дѣлать при подобномъ исключеніи, подъ такимъ правленіемъ и въ такомъ государствѣ?

Войдя въ другія воропы, вы увидите на сводѣ знамена и профей. Сія знаки побѣды должны бы возбуждать въ Туркахъ ласкныя воспоминанія для ихъ націи; но другія воспоминанія омрачаютъ ихъ мысли, когда подъ сими мрачными сводами они встрѣчаютъ, такъ называемую *аджеллад-ода*, комнашу палачей. Здѣсь совершаютъ казнь даже надъ вельможами, заслужившими немилость государя. Публицисты полагаютъ главною пружиною деспотизма Султановъ страхъ; очень естественно, что святилище его находится близъ Серая и что онъ нѣкоторымъ образомъ исправляетъ должность спража. Занятый размышленіями объ Олпоманскомъ правосудіи, я обыскивалъ мѣсто, гдѣ высѣвляющіяся головы, опсѣченныя по пове-

лѣнію Сулпана, именуемаго *Тънью Божества*. Насъ повели ко внушренной спѣнѣ Сераля, на копорой выспавляюшся головы и даже шрупы пораженныхъ Императорскимъ правосудіемъ. *Чиау* присущшвуешь при сей выставкѣ, имѣя въ рукѣ бѣлую палочку; на всякой головѣ находимся *яфта* или надпись, изъясняющая причину, по копорой она опсѣчена. Сіи яфты обыкновенно бываюшъ весьма лаконически и не всегда положительно изъясняюшъ дѣло. Я помню шаковую на головѣ Галеда-Эфенди; сей любимецъ Махмуда былъ безъ всякаго основанія обвиненъ во многихъ присупленіяхъ: что будшо подъ личиною вѣрности и добродѣтели развращалъ Мусульманъ и поселялъ между ними раздоръ. На головѣ его было написано въ родѣ постш-скрипшума: *вотъ голова злодья, удавленнаго въ ссылкѣ*. Такое обвиненіе часто бываетъ однимъ доказательствомъ процесса и Турецкая публика имъ довольна; ибо увѣрена, что умирающіе по волѣ Государя всегда виновны и что самъ Богъ исключилъ ихъ изъ книги жизни. Головамъ Визирей, Пашей или Миниспровъ оказываюшъ честь, выставляя ихъ на каменномъ или мраморномъ столбѣ, на деревянномъ или серебряномъ блюдѣ. Съ головами простолудиновъ посщупаюшъ безъ церемоніи иногда выпыкаюшъ на коль или просто бросаюшъ наземъ. Всѣ сіи головы принадлежатъ Сулпану или Джелладу (палачу). Сей послѣдній отдаешъ или продаешъ ихъ семейшвамъ обезглавленныхъ, а иногда и иностранцамъ. Голова Али-Паши Янинскаго была прежде шпоргована однимъ Англичаниномъ, пошомъ продана Дервишу, копорый схоронилъ ее

близь воротъ Селиврійскихъ. Голова несчастнаго Галеда-Еффенди, предметъ народной ярости, была брошена въ море; ее вынули изъ воды, чшобы опдашь дервишамъ Мевлеви въ Перѣ; попомъ снли съ мавзолея; если кшо хочешь знашь, гдѣ она шеперь находишья, долженъ спросишь у ангеловъ смерти.

Я замѣшилъ, что мѣсто, назначенное для ужасныхъ выспапокъ, начало заросташь правою; сопровождавшіе меня сказали, что уже нѣсколько мѣсяцевъ не выславляюшь головъ въ Сералѣ. Въ эпомъ должно опдашь справедливосшь умѣренности Махмуда. Къ несчастію умѣренносшь не такъ легко водворяешя въ Турціи. Не думайше, что правосудіе, кошорое для насъ такъ ужасно, производишь подобное дѣйствіе на Турковъ. Оно чувствительнo впрочемъ для людей должностныхъ, кошорые, по проспородному выраженію *ьдятъ хльбъ Султана* и вступивъ однажды въ его службу уже *не илыютъ ни головы, ни имущества*. Многіе изъ нихъ во зло упошребляюшь его довѣренносшь, или могущесшво, и служашь ненавистными орудіями деспотизма; въ семъ случаѣ деспотизмъ вооружаешя прошивъ самаго себя и самъ удовлетворяешъ народъ имъ упѣсняемый. Должно прибавишь сюда, что причиною спросности Султана очень часто бываюшь народныя спрасши; народъ при всякомъ возстаніи шребуешъ головъ, такъ что часто власшь находишья въ рукахъ толпы. Послѣ сего не кричите о варварсшвѣ Турковъ: ибо шеперь и у васъ въ Парижѣ толпа шочно шакже шребуешъ головъ Ми-

ниспровъ , и радость ея была бы также велика , еслибъ она увидѣла весь Королевскій Совѣтъ на деревянномъ или серебряномъ блюдѣ.

Но возвращимся въ Сэраль. За вѣпорымъ дворомъ естъ прѣпши воропы , которыя называются ворошами блаженства *баб - ус - скадетъ* : за ними множество дворцовъ , дворецъ Султана , Принцессъ , который называется клѣпкою , и дворецъ *Галекассъ* или Султаншъ. Не буду вамъ говорить объ Императорской Библиотекѣ , одной изъ тайнъ Сераля , которой не видалъ ни одинъ путешественникъ. Вы знаете , что шамъ еще надѣюся найши Тита - Ливія и многія другія изящныя шворенія , упраченныя нашими Европейскими учеными и можешъ бышь сохраненныя Турками.

Кто любить прошивуположности , пому стоишь только посмошрѣшь на Сэраль. Съ одной стороны варварства , заславляющія шрешашь ошъ ужаса ; съ другой прелестныя сады и очаровашельное жилище сладостраспія. Исторія разсказала намъ , что происходишь на первыхъ дворахъ ; оспальное до сихъ поръ относилось къ вѣденію поэшовъ и романишовъ. Однако нѣкоторыя путешественники имѣли возможность проникнушь во внутренность садовъ ; они видѣли шамъ кипарисныя аллеи , мозаическія дорожки , позлащенныя рѣшетки , цвѣшники обсаженныя буковыми деревьями , пеплицы , водометы , зимній и лѣшній гаремы , великолѣпный кіоскъ , въ которомъ Султанъ проводишь лучшее время года. Здѣсь вы моглибы ожидашь ошъ меня новыхъ подробностей , очаровашельныхъ для воображенія ;

но я долженъ вамъ признашья, что едва осмѣливался спрашивать, что происходить въ семь мѣсцѣ, окруженномъ страхами. То увлекаемый любопытствомъ, то удерживаемый боязнію, я могу примѣнить къ себѣ слова знаменитаго нашего поэта :

Je brule de savoir et crains d'interroger.

Скажу вамъ только, основываясь на достоверности, что одинъ Шведскій дворянинъ а) недавно примѣшилъ здѣсь трехъ или четырехъ Грузинокъ, прекрасныхъ какъ Гурія, кои скрывались въ хижинѣ садовника Нѣмца и подобно Галатеѣ Виргилія убѣжали за деревья, такъ что ихъ могли видѣть. Еще скажу вамъ, также по достоверному свидѣтельству, что одинъ Англійскій путешественникъ видѣлъ въ лѣпнемъ гаремѣ нѣсколько стекляночекъ съ ярлычками, на которыхъ было написано *Андайская водка*, *Данцигская водка*. Докпоръ Кларкъ въ своемъ путешествіи на Востокъ, хвалился, что видѣлъ также много чудесъ, между прочимъ спальню ода лисокъ и желшья шуфли Султаншъ. Для бѣго онъ подвергалъ жизнь свою опасности. Что касается до меня, то я не такъ любопытенъ: для меня доспапочно было посмотреть на прекрасные Серальскіе сады, нарисованные Меллингомъ; совѣшую и вамъ сдѣлашь тоже. Я охотно вѣрю всему, что говорящъ; но еще не совѣмъ то, что я желалъ бы знашь. Мнѣ хотѣлось бы имѣть понятіе о нравахъ гарема, о ревности, интригахъ и спраспахъ,

а) Въ сіи подробности задостовершенно рассказываютъ многіе Англійскіе путешественники.

одушевляющихъ сіе шайнственное жилище. Вѣрояшно, ни кто не знаетъ о томъ ничего положительнаго : развѣ начальникъ черныхъ евнуховъ сдѣлаешь величайшую нескромность, или не вздумается ли какой нибудь прекрасной одалискѣ подарить насъ *Записками Современницы!* Вообще въ Константинополѣ думаютъ, что Махмудъ начинаетъ имѣть обращеніе къ Сералю и къ однообразію его упѣхъ; по крайней мѣрѣ вѣрояшно, что онъ ищетъ наслажденій и въ другихъ мѣстахъ.

Осмотрѣвъ все, что позволено видѣть въ Св. Софійи и Серали, пойдѣмъ къ такъ называемому *Ат-Мейдану* : это древній Ипподромъ. Здѣсь народъ, увлеченный спрашями, часто угрожалъ спокойствію Имперіи, предаваясь паршій зеленыхъ или синихъ. Здѣсь, когда умъ выраждался, шепряясь въ геологическихъ шонкоспяхъ, героизмъ и храбрость истощались въ борьбахъ дирка и бѣгахъ колесницъ. Удивительная нація, существовавшая десяти вѣковъ съ зародышемъ смертной болѣзни внутри и, въ своемъ паденіи или лучше сказать въ нравственныхъ мукахъ, пережившая мраморные и мѣдные свои памятники! Ипподромъ потерялъ обширность и форму, которую имѣлъ во времена Грековъ. Сіе споль знаменитое мѣсто нѣкогда вмѣщало въ себѣ изящныя произведенія скульпшуры; можно безъ преувеличенія сказать, что во времена Никиши въ немъ было болѣе каменныхъ и бронзовыхъ бютовъ и героевъ, чѣмъ шеперь жилищей. Большая часть памятниковъ, украшавшихъ Ипподромъ, испреблены завоеваніемъ Лашиновъ въ

1204 году. Бронзовыя статуи Августа и многих Императоровъ, статуи Дианы, Юноны, Паллады, Елены, предъавленной во всемъ блестя красоны, Геркулеса, въ положеніи показывающемъ силу, Париса, подающаго яблоко Венерѣ, и многія другія произведенія древнихъ, были брошены въ плавильную печь, обращены въ грубую монету а). Таково было варварство крестоносной шолпы, пришедшей изъ прекрасныхъ странъ Франціи и Испаліи; одно время могло произвешти такую противоположность, что искусства и *худеса* въ нихъ процвѣтающія, служатъ теперь предметомъ всеобщаго удивленія.

На одной сторонѣ Ап-Мейдана находилсѣ Мечеть Ахмета, а на другой только развалившіеся дома, не заслуживающіе даже имени развалинъ. Изъ всѣхъ древнихъ памятниковъ, которые тамъ находились, осталось только три. Скажу вамъ прежде оobeliskѣ, ниспровергнутомъ землетрясеніемъ и возстановленномъ въ царствованіе Θεодосія б); еслибъ могли разобрать героглифы, начертанные на чешырехъ его бокахъ, шо узнали бы къ какой династїи царей онъ принадлежалъ и гдѣ украшалъ площадь, въ Фивахъ, Мемфисѣ, или Герополисѣ. Замѣчено, что сей

а) Никшна дѣлаешъ поэтическое описаніе всѣхъ памятниковъ, украшавшихъ Ипподромъ; сіе описаніе помѣщено въ III томѣ Библиошеки Крестовыхъ Походовъ.

б) Пешръ Гиллиусъ видѣлъ дваobeliska въ Константинополѣ: одинъ въ среднѣ Ипподрома — шомъ, который и мы видѣли — другой лежащій на землѣ близъ жилища Султановъ. Сей послѣдній былъ купленъ однимъ Венеціанцемъ для украшения площади Св. Стефана въ Венеціи.

памятникъ соспавленъ изъ двухъ часпей и въ одно время предспавляешъ характеръ и геній двухъ народовъ. Разспашривая величеспвенную огромность обелиска, на кошоромъ начершаны какіе-шо непоняшныя знаки, нельзя не признашъ величія и шаинспвенной мудрости древняго Египша : взглянувь на піэдеспаль со множеспвомъ шрофеевъ и надписей, кто не узнаешъ шщеспавія Грековъ Восшочной Имперіи ! Внизу колонны изображенъ механизмъ машины, съ помощью кошорой она была поспавлена Прокуломъ. Тушь можно подивишься генію изобръшателя. Но оспашешся узнашь самое чудеспное : какимъ образомъ сія огромная масса перешла сюда изъ Верхняго Египша или даже изъ Мемфиса ? Могляли она плышь по Нилу ? Какъ провезена чрезъ Архипелагъ и Пропоншиду ? Какимъ образомъ очутилась въ Ипподромъ ? Вошь чшо намъ нужно было бы знашь, особенно шеперь, когда на площади Парижа ожидаюшь иголокъ Клеопашры и Люксорскихъ обелисковъ и пріискиваюшь средспва перевести сія массы граниша чрезъ Средиземное Море !

Въ шо время, когда мы оспашривали обелискъ, мимо насъ шроходило нъскольکو Грековъ изъ Фанары или Перы : мы сдѣлали имъ вопросъ о памятникѣ . . . никакого ошвѣша . . . Спрашиваю у одного духовнаго, въ какое время сей обелискъ воздвигнушь : въ шо время, когда люди были гораздо сильнѣе, нежели шеперь — вошь все, чего я могъ добишься. Я часшо оплакиваю сіе глубокое невѣжешво Грековъ въ собспвенной ихъ ишпоріи. Ишакъ приходишь время, когда величайшія націи бываюшь подобны развалинамъ, скрышымъ въ шравѣ! . . Низ-

вергнушые или полуразвалившіеся памятники имѣюшъ еще шу выгоду , что говорятъ намъ о своемъ происхожденіи и славѣ ; народы исчезающіе едва знаютъ , что они были !

Два другіе памятника , которые еще находятся въ Ап-Мейданѣ , суть колонны *Змѣиная* и *Историческая*. Последняя показывала *разстояніе* въ бѣгѣ колесницъ. Исторія говоритъ намъ , что Константинъ велѣлъ обить сію колонну мѣдными листами. Греческая надпись внизу сравниваетъ ее съ знаменитымъ Колоссомъ Родосскимъ : но ничто такъ не повреждаетъ памятниковъ , какъ мешаллическія украшенія. Эта колонна представляетъ уже развалившуюся массу , паденіемъ своимъ угрожающую раздавить прохожихъ. Что касается до колонны *Змѣиной* , она находилась въ храмѣ Дельфійскомъ , гдѣ употреблялась для поддерживанія славнаго золотого шреножника , посвященнаго Аполлону послѣ побѣды при Пламѣхъ : верхъ колонны , составленной изъ шрехъ змѣй , вьющихся спирально , образовали головы сихъ пресмыкающихся ; на нихъ спавился шреножникъ : шеперь уже сіи головы не существуютъ. Первое поврежденіе сего памятника приписываютъ Магомешу II , который срубилъ одну изъ шрехъ змѣиныхъ головъ своею сѣкирою : что сдѣлалось съ другими , исторія не упоминаетъ. Могу только сказать , что древніе воспочные памятники , должны спрашиться шрехъ непріятелей : времени , Турковъ и любительей.

Впрочемъ Сшамбульское правительство совсемъ не заботится о сихъ памятникахъ и Ос-

маны всякой день бывающъ въ Ипподромѣ, не обращающа вниманія ни на Историческую, ни на Змѣиную колонны, ни на обелискъ. Сіи оспашки древности не имѣющъ для нихъ ничего національнаго; ничто не воспламеняетъ ихъ воображенія и патріотизма. Я долженъ присовокупить здѣсь общее замѣчаніе, что Турки никогда не воздвигаютъ монументовъ на публичныхъ мѣстахъ для украшенія ихъ городовъ: они не знаютъ ни обелисковъ, ни колоннъ, а еще менѣе изображеній людей или звѣрей на мшалахъ или на камнѣ. Только иногда вздумается имъ украсить урну или фоншанъ: и шакого рода памятники, послѣ мечешей и надгробныхъ камней, суть единственныя украшенія, копорыя можно замѣтить въ городахъ воспока.

Нѣкогда Турецкая молодежь упражнялась въ джеридѣ на Ап-Мейданѣ; тамъ собиралось множество зритель, особливо женщинъ, копорыя приходили дивиться быстротѣ Арабскихъ или Тапарскихъ коей и ловкости молодыхъ *узоглановъ* (пажей); но съ шѣхъ поръ какъ стали заниматься преобразованиемъ военной силы, джеридъ вышелъ изъ моды: онъ уничтожился совершенно, подобно бѣгу колесницъ и играмъ цирка. Въ Ап-Мейданѣ видишь теперь только новообразованныхъ солдатъ, выросшихъ въ шеренги и дѣлающихъ приемы на Европейскій образецъ.

Прежде нежели оставлю Ипподромъ, я долженъ сказать вамъ нѣчто о мечеші Ахмета. Сперва входящъ на довольно обширный дворъ, усаженный прекрасными деревьями; такъ какъ еще дворъ проходной, то мѣлкіе торговцы

выспавляють шамъ свои подвижныя лавочки, какъ по дѣлается при нашихъ церквахъ; но здѣсь не увидишь бѣдныхъ, ибо запрещено просишь милосшыню близъ мечешей. Впорой дворъ окружень двумя рядами колоннъ, кошорыя, говорящъ, были похищены изъ развалинъ Эфеса и изъ древнихъ городовъ Трояды; въ срединѣ мраморный бассейнъ для омовеній. Взглянувъ на куполы сей наружной галлерей, я увидѣлъ спай голубей, кошорые сидѣли шамъ, какъ въ голубяшнѣ; дикое воркованіе ихъ смѣшивалось съ молишвою Мусульманъ. Я былъ во внушренности; она предсавляетъ величественную и важную проспошу Люперанскаго храма; чешыре огромныя сполба поддерживають огромный куполь; нѣтъ ни спульевъ, ни скамеекъ, ни алшарей. Ковры и Египетскія циновки покрывають полъ; на спѣнахъ естъ нѣсколько надписей золошыми буквами. Сквозъ цвѣшныя спекла проникаешъ шолько мрачное мерцаніе подъ сіи священные своды; всегда горящія лампы замѣняють свѣтъ солнца. Направо опъ впадины, куда кладешся Коранъ, показали мнѣ каедру, гдѣ спойшъ *Имамъ* во время молишвы (намаза); влѣвъ шакую же, гдѣ *Катибъ* каждую пяшницу произносишь *кеутбе* или молишву за Сулшана; недалеко опшуда возвышеніе за рѣшешкою, гдѣ Верховный Владыка присушсвуешъ самъ при богослуженіи. Въ мечеши Акмеша случилось великое происшешвіе въ наши времена: шамъ развернушо знамя Пророка пропивъ взбуншовавшихся янычаръ и въ присушствіи Улемовъ и всего собравшагося народа опредѣлено было уни-

чпоженіе сего споль долгое время спрашнаго войска.

Близъ мечеши покоишся прахъ Сулпана Ахмета и сына его Османа. У Турковъ нѣтъ особеннаго мѣста для погребенія Сулпановъ. Великій Солиманъ, Магомешъ II, Баязеть и многіе другіе Сулпаны погребены возлѣ мечешей, ими основанныхъ; и прекраснѣйшіе памяшники Сшамбула воздвигнушы подлѣ Императорскихъ гробницъ. *Имареть*, находящійся при мечеши, питаешъ множесшво бѣдныхъ; шакимъ образомъ религія первенсшвуешъ въ челошѣколюбивыхъ заведѣніяхъ, и домъ бѣдныхъ какъ бы зависишъ ошъ дома Божія. Такъ же ешъ заведенія для народнаго образованія; каждая большая мечешъ имѣешъ свой *медрессе* или училище и библиошешка его ошкрыта для всѣхъ. По Корану наука пріятна Божесшву; и распрощраняшъ просвѣщеніе между людьми значишъ распрощраняшъ благодѣанія Творца. Безъ сомнѣнія сіе правило прекрасно: но не всегда должно судишъ общесшво по правиламъ, кошорыя оно проповѣдуешъ.

Не подалеку ошъ Ап-Мейдана, на вшпромъ холмѣ видна колонна нѣкогда называвшася *Порфирною*, а шеперь *Обгорѣлою*. Множесшво торговыхъ лавокъ, присшроенныхъ къ ея пѣдесшалу, препяшсшвуютъ къ ней приближашься, и сіи лавки ошпанушся шамъ до перваго пожара. На Обгорѣлой Колоннѣ, воздвинушой въ Римѣ, спояла прекрасная сшатуя Аполлона, сдѣлавшася въ послѣдсшвіи сшатуею

Константина (а). Въ срединѣ XII вѣка ста-
 шуя была низвергнуша и разбиша ужасною бу-
 рею; случай сей показался несчастнымъ пред-
 знаменованіемъ; во времена язычества его при-
 писали бы гнѣву Аполлона. Мануиль Комнинъ ис-
 правилъ поврежденія молніи и въ сохранившейся
 надписи обращается къ Иисусу Христу, Хо-
 дашаю міра, умоляя его о покровительствѣ
 столицѣ Имперіи. Колонна составлена изъ кус-
 ковъ порфира, почернѣвшаго опъ огня, и оби-
 ша выпуклыми мѣдными обручами, которые
 скрываютъ связь камней (б). Сіи мѣдные обру-
 чи имѣютъ сходство съ цѣпами; и Аполлонова
 колонна показалась мнѣ издали образомъ генія,
 поработеннаго варварствомъ. Константинополь
 вмѣщаетъ въ себѣ еще другіе памятники или
 лучше сказашъ развалины, которыя довольно
 любопытны для исторіи искусствъ. Одна изъ
 сихъ развалинъ есть колонна Марціана: она сдѣ-
 лана изъ одного куска бѣлаго мрамора и выши-
 ною въ 75 фузовъ; капитель и основаніе ея чрез-
 вычайно повреждены; на ней замѣшны Римскіе
 орлы и почти сгладившееся изображеніе жен-
 щины, опъ чего Турки спали называшъ ее *Ко-
 лонною Дѣвы*. Нѣкогда она стояла въ саду, ог-
 ражденномъ со всѣхъ сторонъ стѣнами: шеперь
 на мѣстѣ открытомъ, гдѣ расщепъ крапи-
 ва и дикій проскурнякъ. Мы видѣли колонну

-
- а) Писатели говорятъ, что голова Императора была укра-
 шена нѣсколькими священными гвоздями, которые бы-
 ли употреблены при распятіи Спасителя.
- б) Связь камней нѣкогда была скрыта подъ ашпвами лав-
 ровъ, посвященныхъ Аполлону.

Аркадія; воздвигнушую на горѣ Заполусъ, прошивъ древней приспани галеръ; ее почитали соперницею колоннъ Траяна и Антониана; теперь ошъ ней осшалось шолько одно основаніе вышиною около 14 фушовъ, въ кошоромъ находится лѣспница, украшенная нѣсколькими барельефами. У сего шедеспала споишъ хижина бѣднаго Турка, кошорый пишается любопытшвомъ иношпранцевъ; въ сей часши города онъ одинъ шолько не удивляется, что всѣ ходяшъ смощрѣшъ эшу груду камней или лучше безобразную скалу, коей блескъ и цвѣшъ помраченъ пожаромъ. Съ вершины сей развалины ошкрывается довольно проспранный горизонтъ; мы видѣли, не въ далекъ ошъ Мармарнаго Моря, сіи знаменишья Злашья Враша, въ кошорья входили древніе примфашоры, и Семибашенный Замокъ, названный Пешромъ Грело Констаншинопольскою Башпилиею. Сей Французскій пушешеспвенникъ XVII сполѣшя видѣлъ колонну Аркадія еще споящю; окружавшіе ее шогда дома препяшспвовали къ ней подойши; не хотѣли даже, чтобы Хрисиане ее осмашпривали. Разъ одинъ пушешеспвенникъ осмѣлилса взойти на вершину колонны; явленія его было доспашочно, чтобы поселишъ неудовольспвіе въ сосѣдспвѣ (а). Одни приняли его за душу Греческаго Имперашора,

а) Пешръ Гилліусъ, кошорый шщачельно измѣрилъ всѣ камни во внушрениоспи колонны Аркадія, не имѣлъ смѣлоспи измѣришъ шакимъ же образомъ наружную частъ ея, изъ боязни лишпшса головы.

пришедшую занявъ прежнее мѣсто спашуи; другіе были увѣрены, что онъ взошелъ на колонну для того, чтобы видѣть происходившее въ гаремахъ. Неблагоразумный путешественникъ былъ взятъ и, окруженный яростною чернью, опшведенъ къ Су-Баши, гдѣ одно чудо могло избавить его ошъ палокъ. Теперь иноспранцы могутъ безъ опасенія видѣть ошашки древнихъ памятниковъ; но сіе удобство произвело равнодушіе; число любопытныхъ съ каждымъ днемъ уменьшается. Я вышелъ изъ внутренней лѣспницы пѣмъ же путемъ, кошорымъ вошелъ, проходя чрезъ хижину бѣднаго Мусульмана; онъ жаловался, что никшо не ходитъ смолрѣть колону и что уже при мѣсяца, какъ онъ ничего не получилъ, на что бы могъ закуришь свой *гибукъ*; его деревянная лодка совсѣмъ развалилась; онъ хотѣлъ, чтобы мы сжалились надъ его собственными развалинами и чтобы усердіе любитель помогло ему укрышься ошъ дожда и вѣпра.

Я хотѣлъ бы избавить васъ ошъ описанія сихъ Константинопольскихъ развалинъ; ибо онъ уже описаны другими путешественниками; но я полагаю, что не бесполезно будетъ представить вамъ нынѣшнее ихъ состояніе. Онъ измѣняющся, приходящъ въ упадокъ каждый день; уже многіе памятники, кошорые существовали въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, исчезли; пѣ, кошорые еще существуютъ, легко могутъ исчезнуть въ свою очередь, и можетъ быть я буду послѣдній путешественникъ, ко-

порый ихъ видѣль (а). Вотъ что происходишь съ дѣлами рукъ человѣческихъ! Грустно подумать. Но нашъ родъ человѣческой имѣетъ наклонность видѣть вещи съ одной хорошей спорной и, не думая о томъ, что время разрушило, всегда находить причину удивляться тому, что осмалось. Я думалъ, любезный другъ, что вы шакже сошворены, какъ и всѣ; почему хощѣль доставишь вамъ удовольствіе сими развалинами, пока еще время не унесло ихъ.

Я не видалъ древнихъ водопроводовъ Византіи; многіе изъ нихъ засыпаны; пошъ, кошорый Турки называютъ водопроводомъ *Тысячи Колоннъ*, заключаешь шеперь въ себѣ шелковую сѣтку. Сполиця снабжаешь водою посредствомъ водопроводовъ изъ Бѣлграда и Пиргоса. Османы сохранили водопроводы Греческихъ Императоровъ и достроили новые; я видѣль близъ Косвенныхъ Ворошъ (Этрикапу) главное водохранилище, куда спекаетъ вода и ошкуда берешся во всѣ части города. Нѣшъ ни одной мечеши, при кошорой бы не было бассейна съ прохладною водою, ни одной улицы безъ водомешовъ; Му-

^a) Пешъ Гиллиусъ, бывший въ Константинополѣ въ началѣ XVII столѣтія, и Бандури, ученый XVIII вѣка, упоминають о памятникахъ, кошорыхъ уже нѣшъ: на пр. о колоннѣ, воздвигнушой на шрепьемъ холмѣ, носившей имя Феодосія; двухъ другихъ колонахъ, на седьмомъ холмѣ; и Пирамидѣ Вѣтровъ, спольшей на мѣстѣ, называвшемся *Forum Pistorium*. На шедешалѣ сей Пирамиды Вѣтровъ были изображены живошныи, растенія, плоды, рѣзвациеся амуры, дѣши дующія въ мѣдные шрубы. Мѣдная шшца, вершищался кругомъ, показывала направление вѣтровъ.

сульманинъ въ какой бы часпи города ни находился, можетъ утолить жажду, смыть грязь съ своего шѣла или одежды. Часто желѣзная, мѣдная или деревянная чаша, привѣшенная на цѣпи у фоншана, служить къ большому удобству проходящихъ. По мнѣнію Турковъ вода есть одно изъ величайшихъ благодѣяній Творца; и, по человѣколюбію ихъ, никто въ ней не имѣетъ недоспапка.

Путешественникъ не можетъ забыть башенъ и наружныхъ стѣнъ Византіи; сіи стѣны, кои Никиша упрекаетъ за то, что онѣ уцѣлели послѣ завоеванія Лапиновъ, оспашками своими окружающъ еще городъ; я нѣсколько разъ ихъ осматривалъ, желая узнать съ какой почки Сарацины, Крестоносцы и Турки, осаждали городъ. То, что оспалось еще отъ Греческихъ укрѣпленій, особливо со стороны берега, представляетъ чрезвычайно живописные виды; тушь вѣчнозеленѣющій плющъ увивается вдоль вала и покрываетъ его зеленымъ ковромъ; далѣ расшенія и кустарники пробиваются сквозь связи камней; богатѣйшая жашва прозябаетъ на развалившейся стѣнѣ. Мы видѣли на вершинахъ башенъ деревья съ красными плодами, величиною почти съ наши Тюльерійскіе померанцы. Прогуливаясь однажды, я нарвалъ прекрасныхъ фигъ при входѣ въ проломъ, сдѣланный, какъ говорятъ пушкою Магомеша II. На многихъ воропахъ есть надписи въ честь Императоровъ, копорые ихъ построили. Время изрыло камни и желѣзныя доски, на копорыхъ онѣ были начершаны. Турки со времени завоеванія не прикасались къ стѣнамъ

Византіи; въ прошломъ 1829 году они не про-
нули ни одного камня для защиты себя отъ
Русскихъ. Какая бы ни была тому причина, дол-
жно однакожь благодарить ихъ за то, что они
щадышь сіи развалины, оставляя ихъ такими,
какъ время ихъ оставило.

Посѣдивъ осщатки древней Византіи, я во-
прошаю иногда древнихъ нашихъ лѣтописателей
священныхъ войскъ и въ разказахъ ихъ люблю на-
ходить протодушное удивленіе временъ минув-
шихъ. Многіе изъ нихъ видѣли Императорскій
городъ на пупи въ Іерусалимѣ. Посудите объ
энтузіазмѣ, который внушало имъ зрѣлище, споль
для нихъ новое. „О какой большой и прекрасный
городъ!“ восклицаетъ Фулькъ Шаршрскій: „сколь-
ко монастырей и дворцовъ! сколько чудесъ на
площадяхъ и на улицахъ!“ Видль-Гардуинъ изъ-
являетъ не меньше удивленія: „Тѣ, кои не ви-
дали еще сего великолѣпнаго города, спалц
его разсматривать, не вѣря, чтобы въ свѣтѣ
могъ существовать другой, такой прекрасной
и богатой; особенно когда увидѣли высокія
снѣжны и прекрасныя башни, кошорыя его со-
всѣхъ споронъ окружали, богатые и величе-
ственные дворцы, великолѣпныя церкви, ко-
шорыхъ такъ много, что еслибъ ихъ не вида-
ли, то не могли бъ и вообразить.“ Нельзя
изъявлять больше удивленія. Вѣроятно на-
ши оба лѣтописца описывали такимъ образомъ
Константинополь въ сравненіи съ западными го-
родами; съ удивленіемъ ихъ было сопряже-
но невѣжество. Я всегда жалю, что они огра-
ничивались только изъясненіемъ своего удив-

вленія и что рассказы ихъ заключающъ въ себѣ недословѣрные и неполныя сказанія о чудесахъ, копорыя они видѣли. Одонъ де Дель, сопровождавшій Людовика VII во второмъ Крестовомъ Походѣ, говоритъ о Византіи, какъ наблюдашель болѣе просвѣщенный. Онъ раздѣляетъ энтузіазмъ пилигримовъ; но не лѣнился описывать съ нѣкоторою подробностію то, что видѣлъ. Въ его только рассказѣ найдете вы сполнцу Грековъ шакою, какъ видѣли ее Крестоносцы. „Константинополь“ — говоритъ онъ — „слава Грековъ, богатый знаменишествомъ и всѣмъ, что въ немъ находится, имѣешь видъ триугольника; во внутреннемъ углу его Св. Софія и дворець Константишина. Городъ съ двухъ сторонъ омывается моремъ; подѣзжая, на право, видишь рукавъ Св. Георгія, налѣво при спань или Золотой Рогъ, копорый простирается почти на чешыре миль. Въ углубленіи дворець, называемый Влахернскій, построенный на низменномъ мѣстѣ, но замѣшный по своей пышности, архипешкшуръ и вышинъ; будучи разположенъ на прехъ рубежахъ, онъ предшавляетъ обшашпелямъ своимъ шроакій видъ: моря, полей и города. Тамъ повсюду блишашаетъ золото, смѣшиваясь съ пысячью цвѣшовъ; вездѣ мраморныя полы. На прешней сторонѣ триугольника видно поле: эша сторона укрѣплена шѣсною съ башнями, простирающеюся опъ моря до дворца на прешраншвѣ двухъ миль. Во многихъ мѣстахъ городъ лишенъ свѣша; богатые, зашпроевая улицы, предшавляютъ бѣднымъ и иносшранцамъ нечисшолу и мракъ; шамъ происходяшъ воровшва, убійшва и другія пре-

„спупленія, кошорымъ благопріятспвуетъ шем-
 „ноша. Такъ какъ правосудія нѣтъ въ семь
 „городѣ, гдѣ сполько царей, сколько бога-
 „чей, и сполько воровъ, сколько бѣдныхъ,
 „шо злодѣи не знаютъ здѣсь ни спраха, ни
 „спыда; пресупленіе не наказываешся ни ка-
 „кимъ закономъ и никшо объ ономъ не можешъ
 „узнашъ. Городъ сей слависся всѣмъ; если онъ
 „превосходишъ всѣ прочіе богащспвомъ, шо пре-
 „восходишъ шакже и пороками.“

Въ другомъ мѣспѣ своей книги, Милоспыне-
 раздавашель Людовика VII снова возвращасп-
 ся къ Констанцинополю. „Констанцинополь“ —
 говоришъ онъ — „гордящійся своими обманчивыми
 „богащспвами, развращенный, безъ религіи, дол-
 „женъ сполько же самъ спрашишся своихъ сокро-
 „вищъ, сколько спрашенъ другимъ своими злодѣй-
 „спвами безвѣріемъ. Еслибы онъ не былъ шакъ
 „развращенъ, шо его можно бѣ было предпочесшъ
 „всѣмъ мѣспамъ по шемперашурѣ воздуха, по
 „плодородію почвы и удобешву положенія для
 „распространенія вѣры. Рукавъ Св. Георгія, ко-
 „порый его орошаешъ, соленоспію воды и изо-
 „биліемъ рыбы походишъ на море, а удобешвомъ
 „переплыванья по семи или восьми разъ въ
 „день — на рѣку.“

Нельзя болѣе изъяснишъ удивленія къ городу
 Констанцина и вмѣспѣ опвращенія опъ его жите-
 лей; со всѣмъ шѣмъ должно полагаешъ, что описа-
 ніе Одона де Дѣля не совсѣмъ было чуждо истины въ
 XII вѣкѣ. Но съ шѣхъ поръ сколько произошло пере-
 мѣнъ! Еслибъ Одонъ де Дѣль могъ видѣшъ Констан-
 цинополь шакимъ, каковъ онъ шеперь, еслибъ онъ

прошелъ съ нами по всѣмъ улицамъ и площадямъ Сшамбула, по почти ничего бы не встрѣшилъ, что бѣ могло его порадовать или даже огорчить. Вообразише себѣ удивленіе монаха Св. Діонисія, вообразише его горестъ, когда бы онъ увидѣлъ минареты и мечети вмѣсто безчисленныхъ церквей во имя Угодниковъ и Св. Дѣвы, дворець и гаремъ Сулшана въ этомъ *внутреннемъ угль*, гдѣ обитало духовенство Св. Софій! На томъ мѣстѣ, гдѣ возвышались великолѣпные дворцы Константина, Вуколеонъ и Влахернъ, испорикъ впрочемъ Кресповаго Похода увидѣлъ бы только хижины, деревянные домишки и нѣсколько огромныхъ строеній, называемыхъ Турками *сера* или *конаки*, коихъ голыя стѣны, рѣшеччатые окна и уединенные дворы при первомъ взглядѣ представляють наружность монастырей или шюрмъ. Во время Кресповыхъ Походовъ, не видно было этихъ кипарисныхъ деревьевъ, посвященныхъ Мусульманами гробницамъ и расшущихъ на кладбищахъ внутри и вѣ города. Греки Восточной Имперіи не знали также этихъ богатыхъ базаровъ, кои составляютъ украшеніе нынѣшняго города. Прекрасный холмъ Перы, которая кажеіся намъ теперь другимъ городомъ, въ средніе вѣка былъ покрытъ фиговыми деревьями и виноградникомъ. Широкіе городскіе рвы, покровительствуемые долговременнымъ миромъ, прежде были садами, гдѣ произрастали всякаго рода расшенія и овощи и гдѣ Императоры держали иногда красныхъ звѣрей. Въ столицѣ Османовъ нѣтъ уже нѣхъ зашѣливыхъ зданій, кои закрывали улицы

мрачнымъ сводомъ и превращали ихъ въ подземныя галлерей; нѣтъ ни шого великолѣпія вельможъ, ни пошья вольности народа, кошорыя описаны шакъ живо Милосшынераздавашелемъ Людовика VII. Теперь другая роскошь, другой разврашъ, другое общесшво, другіе бѣдныя, другіе богачи, другая нищеша, другіе безпорядки, другія добродѣтели, другіе пороки! Чшобы вкратцѣ предсшавить сравненіе Констаншинополя въ различныхъ вѣкахъ, довольно сказать, что дома, публичныя зданія, улицы, правительсшво, религія, народъ, все перемѣнилось. Путешественникъ грядущихъ временъ узнаешъ Имперашорскій городъ шолько по географическому положенію, пріугольной фигурѣ, очаровашельнымъ окрешносшямъ, прелести климата, Золошому Рогу, похожему на море, и проливу Св. Георгія, похожему на большую рѣку.

Не буду болѣе оспанавливашься на оспашкахъ Визанши; ибо намѣреніе мое показашъ вамъ городъ шакимъ, каковъ онъ шеперь. Хочу разсуждашъ съ вами не о минувшихъ переворошакъ, но о шѣхъ, кошорыя случились въ наше время и кошорыхъ еще должно ожидашъ; оспавимъ поэзію древнихъ развалинъ, древнія надписи и медали, чшобы размошрѣшъ современные памяшники и живыя медали: я разумѣю подъ симъ законы, характеръ и фізіогномію насшоящаго вѣка. Ошнынѣ я буду занимашъся шѣмъ, чшд живешъ, дышешъ, а не шѣмъ, чшд мершво и не можешъ воскреснушъ. Если хошете, шо можете видѣшъ градъ Констаншина или градъ Кесарей въ Бандури, Дюканжѣ и особенно въ Пешрѣ Гилліусѣ,

копорый знаетъ объ немъ гораздо болѣе, чѣмъ я. Въ слѣдующихъ письмахъ буду говорить болѣе о городѣ Сулпановъ и нынѣшнемъ его народонаселеніи.

Мишо.

VII.

LE ROI S'AMUSE

(КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ),

ДРАМА

ВИКТОРА ГЮГО.

Послѣдніе Парижскіе журналы и газеты наполнены полками о новой драмѣ Виктора Гюго, разнорѣчящими другъ другу также, какъ ежедневные слухи объ экспедиціи и побѣдахъ Дона-Педро, разсѣваемые листками разныхъ двѣшовъ и паршій. Одни провозглашаютъ шоржесство поэша: другіе горько сѣшуютъ или злобно радуются его паденію. Не смолря на сіи разнорѣчя, очевидно, что шоржесство В. Гюго, на сей разъ, болѣе чѣмъ сомнишельно. Самые ревностнѣйшіе его паршизаны толькo что спараются заглушить шумъ его паденія. Помѣщаемъ здѣсь сужденіе *Журнала Преній*, кошорый, какъ въ полишикѣ, такъ и въ лишературѣ, держишся умѣренной средины и посему имѣетъ больше правъ на довѣренность.

„Произведеніе сіе не имѣло успѣха , хошя не лзя сказаць , чшобъ оно было больше осви-спано , чѣмъ осыпано рукоплесканіями. Аршил-лерія свиспковъ и рукоплесканій дѣйспвовала равными силами. Піеса шла до конца между двухъ противуположныхъ огней , шакъ чшо не лзя ушвердительно сказаць , былъ ли вызванъ авпоръ или нѣтъ. Но , чего не лзя скрыть и чшбъ наиболѣе повредило произведенію , еспъ со-вершенное опсушспвіе драматическаго инспреса: не было ни одного мѣста , которе бы поразило зршпелей , которе возбудилобъ въ ихъ душахъ глубокое сопрясеніе чувспва. Если публика оп-давала единодушную справедливоспъ нѣкопорымъ мѣстамъ , шо ея одобреніе опносплось къ красо-шѣ выраженія , къ достоинспву спховъ , а не къ спшуаціямъ , не къ событіямъ , не къ драмѣ.“

„Сіе паденіе не лзя опноспшь собственно къ произведенію Викспора-Гюго : эшо паденіе цѣ-лаго рода ! *Le Roi s'amuse* было плодомъ и выра-женіемъ всѣхъ блиспательныхъ теорій , кои съ нѣкопораго времени проповѣдуюшя смѣлыми но-вовводшпелями , опваживающшися преобразовать искусство. Здѣсь предполагалось шоржешспственнымъ опышомъ ушвердшшь навсегда владычешство новой *романтической* драмы , оплишой въ Шекспиров-скія формы , на развалинахъ древней *классической* драмы , созданной Корнелемъ и Расиномъ. Забав-ное должно было явшпся подлѣ серьезнаго , гро-шескѣ идши обруку съ пашепическимъ. Драма , говорили намъ , должна сдѣлаться наконецъ пол-нымъ изображеніемъ челошѣческой жизни , а не вымышленную карпшиною , не условнымъ и лжи-

вымъ предсавленіемъ челоуѣка и его спраспей. Мечпы энпузіасповъ , разсыпавшіяся въ прахъ , какъ скоро дошло до исполненія ихъ на самомъ дѣлѣ ! Жизнь челоуѣческая , въ сей новой всеобъемлющей формѣ , предсавилась не болѣе испинною , а шолько болѣе опвращительною. Если герои шаринной классической прагедіи были часпо слишкомъ выше челоуѣческой природы , шо герои новой романтической драмы слишкомъ ниже ея. Смѣшеніе високаго и шуповскаго , признанное существенною принадлежноспью сего рода предсавлений , сбивало и запушывало зришелей весьма непріятнымъ образомъ. Опсюда происходило , чшо забавное часпо казалось очень печальнымъ , а патетическое опзывалось гротескомъ.“

„Не смѣемъ надѣяться , чшо Гюго , вразумлеңный симъ жестокииъ урокомъ , опкажешся опъ своихъ любимыхъ системъ , конечно опспруминыхъ и обольспительныхъ , но неисполнимыхъ ; чшо возвратишся наконецъ къ шѣмъ вѣчнымъ законамъ вкуса , кои усшановлены не Аристотелемъ и Буало , а мудроспю и опышами тысячелѣпий. Тяжко опречешся опъ блестящихъ замысловъ преобразованія , спойвшихъ шоликихъ прудовъ и пожршвованій , опъ благородной надежды указашъ духу челоуѣческому новое невѣдомое поприще и нисровергнушъ шо , чшо цѣлые вѣки ушвердили по видимому на незыблемыхъ основаніяхъ ! Но пусть примѣръ его послужитъ въ пользу по крайней мѣрѣ шѣмъ , кои захошашъ идиши въ слѣдъ за нимъ , по шой же дорогѣ ! И онъ палъ , сей мужъ , одаренный воображеніемъ споль могущественнымъ и смѣлымъ , даромъ шворчеспва споль разнообраз-

разнымъ и неиспощимымъ! Онъ, шворецъ *Парижскаго Собора Богородицы*, пѣвецъ *Ориенталей!* Чшо жь будешь съ шѣми, кои захошашь ему подражашь и, какъ всѣ подражашели, шолько чшо шанушъ увеличивашъ его недоспашки, не обладая ни однимъ изъ доспоинствъ? Гдѣ погибъ училель, шамъ чего могушъ надѣяшся, чего не должны опасашся ученики?“ . .

„Войдемъ въ подробное разсмотрѣнiе содержанiя пiэсы: и увидимъ, лучше ли она удовлетворяешъ условiямъ шеатра, чѣмъ спаринныя трагедiи; съ большею ли вѣрностью предспавлены въ ней нравы, спрасши, иншерысы изображаемаго общества; коротко сказашъ, вѣрнѣли видень дворъ Франциска I въ *le Roi s'amuse*, чѣмъ дворъ Нерона въ *Британникъ* Расина?“

„Въ драмѣ В. Гюго басня вымышленная, но лица историческiя: ибо все дѣйствiе обращашся на Францискъ I и шушъ его Трибуле. Мы находимся въ Луврѣ; Король, какъ говаривали- тогда, даешъ балъ. Всѣмъ извѣшно, чшо балъ на шеатрѣ сдѣлался уже вещью довольно обыкновенною, изношенною. Мы видѣли балъ въ *Фiэско*, въ *Марино Фальэро*, конецъ бала въ *Гернани*; шеперь снова балъ въ *le Roi s'amuse*: признашся, шпо шановишся уже очень скучно. Ничего не можешъ бышь холоднѣе: ничего нѣшъ менѣе похожаго на балъ!“

„Францискъ I поручилъ Трибуле забавляшъ гостей своими разными дурачествами и выходками. Трибуле выполняешъ свою роль на счешъ всѣхъ вельможъ, Герцоговъ, Графовъ и Бароновъ, попадающихся ему на глаза. Всѣ зляшся на него: но какъ

опмстятъ шушу, и припомъ шушу Королевскому! Одинъ изъ нихъ, Г. де Симіанъ, придумываетъ средство; онъ знаетъ, что шушъ Трибуле любимъ красавицею, живущею близъ Поршде-Бюсси: похишимъ любовницу Трибуле, если она хороша, и опдадимъ ее Королю; тогда и Королю и намъ будетъ весело! Въ пошъ же вечеръ они собираются исполнитъ эшошъ благородный заговоръ. Всѣ сии пажескія шушки и зашѣи довольно понаскучили публикъ. Ея вниманіе одушевилось прекрасною сценою или лучше прекрасными стихами, кошорую произноситъ Г. де Сен-Вальеръ. Сей послѣдній узнаетъ о безчестіи своей дочери, знаменитой Діаны де Цуаше, и, не смопря на спражу и придворныхъ, проникаетъ въ Лувръ, являешся на балъ и горько упрекаетъ Короля за его безчестное, развратное поведеніе. Эшо еще довольно понятно: но чшобы Францискъ I, человекъ по характеру своему весьма неперпѣливый, цѣлую чепверть часа, могъ выслушивать, среди своихъ придворныхъ, самыя горькіе и оскорбительныя упреки, какіе подданный могъ когда-либо высказывать своему монарху, эшо не совсѣмъ понятно. Г. де Сен-Вальеръ оканчиваетъ свою рѣчь, проклиная Короля и шуша Трибула, поругавшагося его сѣдинамъ. Мы предполагали, что закланія и прокланія уничтожены новымъ повѣщескимъ кодексомъ; кажется, совсѣмъ напрошивъ. Впрочемъ Г. де Сен-Вальеръ есть лице совершенно эпизодическое: онъ являешся еще одинъ только разъ, для того чшобы опять сказать почти шже самое: его можно выпуститъ безъ всякаго ущерба дѣйствію драмы. Поэшу онъ подаетъ поль-

ко случай къ ширадѣ прекрасныхъ стиховъ. Не смѣемъ порицать его за это; ибо стихи, вложенные въ уста сему оскорбленному спарцу, дышущъ истинно высокою поэзіею: за шо и апплодировали имъ съ воспоргомъ. Впрочемъ это замѣчаніе идешь и ко всему предспавленію: вездѣ, гдѣ шолько авшоръ возвышался до истинной спраши, одушевлялъ діалогъ великою мыслию или глубокимъ чувствомъ, пробуждалась единодушная симпатія и всѣ лишературныя секшы отдавали ему справедливостъ; но какъ скоро впадалъ онъ въ шушовское, привіальное, низкое, шо вниманіе прекращалось и раждалось отвращеніе.“

„Во вшоромъ дѣйствіи, сцена раздѣляется на двѣ часши: съ одной спороны внушренностъ дома, съ другой улица. Много смѣялись надъ спариннымъ классическимъ единствомъ мѣста, въ силу коего шيرانъ и заговорщики собирались въ однихъ чертогахъ: не знаемъ, больше ли испины и даже больше ли обольщенія въ этомъ новомъ способѣ дѣлать театръ на клѣшки; думаемъ шолько, что единства гораздо меньше. Какъ бы шо ни было, это домъ Трибуле; передъ ворошами, одинъ удалецъ (brave), просшо наемный убійца, предлагаетъ ему свои услуги. Онъ беретъ не дорого и убиваетъ гдѣ угодно, на дому и въ городѣ; половину цѣны получаетъ впередъ наличными, а другую при выдачѣ трупя. Все это, положимъ, хорошо: но, по нашему мнѣнію, если уже пошло на злодѣянія, сцена, гдѣ Нарциссъ подспрекаетъ Мерона къ умерщвленію брата, кажется заключаетъ въ себѣ болѣе драматической сановитости, достойнѣ изящной сцены.“

„Трибуле, на всякой случай, берешь адресъ удалца и входишь въ домъ. Онъ находишь тамъ не любовницу, а дочь, прелестную Бланку, кошорую любишь всей душой и кошорая составляетъ для него единственнае упѣшеніе посреди всѣхъ бѣдствій. Самое огорчительное бѣдствіе для него то, что онъ сознаетъ свое униженіе; презираемый всѣми, и еще болѣе самимъ собой, въ объятіяхъ дочери, кошорая одна не вѣдаетъ поспыднаго ремесла, возлагаемаго на него. Королевскими прихотями, онъ наслаждается нѣсколькими минушами блаженства. Монологъ, въ коемъ Трибуле описываетъ всю горечь своей презрѣнной жизни, составляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ сценъ драмы.“

„Трибуле видишь свою дочь, говоришь съ ней языкомъ шогашельнѣйшей дружбы; но скоро долженъ ее покинуть; наступилъ часъ, когда ему должно забавлять Короля. Но Король уже безъ него промыслилъ себѣ забаву. Едва бѣдный отецъ оставилъ свою дочь, какъ подкупленная дуэнна вводишь къ ней переодѣшаго любовника: это Францискъ I, подъ именемъ Гоше Мейе, бѣднаго школьника, кошорый видѣлъ Бланку у обѣдни и мимоходомъ толкнулъ ея скамью. Онъ говоришь ей о любви, и какъ Король и какъ школьникъ; Бланка слушаетъ его съ удовольствіемъ, какъ вдругъ раздается у дверей шумъ; Францискъ I спасается заднею дверью.“

„Перейдемъ теперь въ другую половину сцены, на улицу, гдѣ происходитъ шумъ. Все Французское дворянство собралось тамъ: Г. де Коссе, Д. де Моншпеню, Г. де Пардальенъ,

Г. де Монморанси: всѣ, за пѣмъ чпобъ похищипъ любовницу Трибуле. Нѣжный ошець, безпокоймый родипельской ревностью, возвращаешся. Само собою разумѣшся, что его присущивіе смѣшало заговорщиковъ. Но одинъ изъ нихъ, именно Клеманъ Маро, кошорому въ пѣствъ дана самая глупая и самая жалкая роль, придумываешъ средшво: онъ увѣряешъ Трибуле, что дѣло идешъ о похищеніи одной женщины изъ палатъ де Коссе, сосѣднихъ съ его домомъ, просипъ его дозволишъ завязашъ себѣ глаза и подержашъ для нихъ лѣспницу. Трибуле соглашаешся; ему завязываюшъ глаза; онъ держипъ лѣспницу; похищеніе совершено; и бѣдный шущъ узнаешъ обманъ шогда, какъ поправишъ уже поздно. Можно поняшъ, какова яросшь его!“

„Въ шрешемъ аклѣ, похищипели, приведши Бланку въ Лувръ, разговариваюшъ между собою. Послѣ пшатральныхъ баловъ, мы не знаемъ ничего нелѣпѣе и скучнѣе эшой болшовни придворныхъ, гдѣ неизвѣстные господа, въ фуфайкахъ и съ длинными шпагами, называюшъ другъ друга славными именами Рошефуко, Монморанси, Бриссакъ, Морне, и сыплюшъ другъ другу пошлыя оспрошы. Подобной болшовни видали мы по крайней мѣрѣ до двадцати опышовъ: всегда она казалась намъ холодною и вялою, и всегда угощаюшъ насъ ею. Эшо, говоряшъ, печашъ мѣспности! Но Богъ съ нею, съ эшою мѣспностью, кошорая душишъ насъ несшерпимою скукою!“

„Пока они смѣюпся, являешся Король, одѣшый въ нѣкошорый родъ плафрока, кошорый шакже можешъ бышъ ознаменованъ печашью мѣсп-

носпи, но не смошря на то показался намъ очень смѣшнымъ. Они рассказываютъ свой ночной походъ Королю, кошорый смѣется въ свою очередь. Наконецъ онъ пребуешъ видѣшь красавицу: она приходитъ. Король переспашетъ смѣясь и приказываетъ удалиться. Здѣсь можно было ожидать сцены прелесшной, даже прогашельной; можно было предполагать, что школьникъ Гошье будетъ испрашивать прощениа Королю Французскому и что онъ сполько любитъ свою красавицу, что почтешъ ее своимъ уваженіемъ; ничего не бывало: онъ говоритъ какъ Король и какъ Король приказываетъ любитъ себя и повиноваться его волѣ. Мы знаемъ, что Францискъ I спочно не любилъ церемоній; что его благородство въ любовныхъ похожденияхъ споль же мало имѣетъ исторической истины, какъ и рыцарская честность; знаемъ, что онъ далъ вѣроломное исполкованіе условіямъ Мадридскимъ и что поносная смерть Рамбуле была наказаніемъ поноснаго распушства: но когда общее народное преданіе издревле придадо ему рельефъ благородства и любезности, то какъ прискорбно видѣшь себя разочарованнымъ на сценѣ, куда идешъ предаваться обольщенію, а не огорчаться? "

„Наконецъ Король говоритъ бѣдной Бланкѣ лзыкамъ спакъ яснымъ, спакъ положительнымъ, что бѣдная дѣвушка спасается бѣгствомъ; но, въ смущеній, она ищешъ убѣжища въ спальнѣ Королевской. Францискъ, менѣе смущенный, беретъ ключъ въ своемъ карманѣ, опираешъ дверь и снова запираешъ за собой. Надѣбно Королю позабавишься! "

„Тогда Трибуле входилъ вмѣстѣ съ придворными, которые шрунхъ и издѣвающа надъ нимъ; онъ знаетъ уже, что дочь его заперша въ сосѣдней комнатѣ съ Королемъ; и съ какимъ Королемъ? Хотелъ выломать дверь; но всѣ его опшалакивають. Ярось его не знаетъ предѣловъ; даже кажеша, что она заходитъ уже слишкомъ далеко. Такъ, когда онъ говоритъ симъ вельможамъ, споль надменнымъ своимъ происхожденіемъ:

Vos mères aux laquais se sont prostituées!

и когда сии послѣдніе шерпѣливо сносятъ это оскорбленіе, шущъ кажеша уже болѣе чѣмъ шущомъ, а вельможи менѣе чѣмъ вельможами. Только тогда, когда онъ бросаеша предъ ними на колѣна, когда опъ угрозы переходилъ къ мольбамъ, плачешъ, просилъ пощады своей дочери; тогда онъ испинно высокъ и глубоко шрогашелень.“

„Слѣдующая сцена удивительно какъ шранна и шротивна всѣмъ шребованіямъ искусства; непоняшно, какъ поэшъ могъ придумашъ ея. Бланка выходилъ изъ спальни Короля; ей бы слѣдовало произнестъ одно слово: „опецъ мой! я обезчещена!“ и бѣжашъ немедленно изъ мѣстъ, свидѣшелей ея позора: Ничего небывало: она ошашаеша; рассказываетъ опцу, какъ Король, скрывшисъ подъ именемъ школьника Гошье, встрѣшилъ ея въ церкви, какъ проникъ въ домъ ея, какъ наконецъ она сама полюбила его. Эшопъ длинный рассказъ тогда, какъ ей ошавалось шолько плакашъ, и плакашъ одной, возбудилъ чувствво, совершенно шротивоположное соболѣзнованію; выраженія цѣломудренныя подали поводъ къ соблазнительнымъ перешолковані-

ямъ; и люпѣйшая скорбь, какую полько можешъ испытывашъ благородная дѣвушка, возбудила смѣхъ въ зрипеляхъ.“

„Во вшоромъ актѣ, сцена была раздѣлена на двое; въ четвертомъ на шрое. Вправо на-бережная Нопр-Дамъ, на лѣво комнаша удалца, съ коимъ вспрѣшился Трибуле и у кошораго на всякой случай взялъ адресъ; потомъ еще надъ сею послѣднею комнашою родъ анпресолей, гдѣ живешъ сеспра убійцы. Молодецъ чиспишъ свою шпагу, сеспра вышиваешъ въ ожиданіи лучшаго занятія. Трибуле шолкаешъ въ дверь. Одинъ кавалеръ, говоритъ онъ удалцу, придетъ къ тебѣ сегодня вечеромъ; ты убьешъ его и положишъ въ мѣшокъ; вопъ десяпъ писполей въ задапокъ; еще десяпъ, когда получу опъ тебѣ мѣшокъ съ шрупомъ. До свиданія въ полночь!“

„Кавалеръ дѣйствительнo приходитъ: эпо Францискъ I полу-пьяный! Какимъ образомъ Король Французскій, въ шакую пору, является одинъ въ подобной берлогѣ, чшобъ не сказашъ еще хуже? Какъ Трибуле предузналъ эпо? Ничшо не объясняешъ сей шайвы. Впрочемъ публика огорчилась не одною шемношою дѣйствіемъ, не одною недоспапочносною пригошвишельныхъ средствъ. Другіе, болѣе важные, вопросы заняли ее. Такіе ли нравы искусствo должно выводишъ на сцену! Эполи цѣль, къ кошорой должны привести насъ сіи новыя хвасшливыя теоріи? Въ древнемъ шепарѣ, санъ царскій, гонимый бѣдшвіями, находилъ убѣжище при подошвѣ Киоерона, опираясь на рамена Аншигоны; у насъ шеперъ, царское дошпоинство, пьяное и развращенное, волочипся по

вершепамъ распущства и злодѣянія! Вотъ что называется успѣхомъ, совершенспованіемъ, реформовъ!“

„Если Король приходишь сюда весьма спранно, то уходишь еще спраннѣе. Магделона, сестра убійцы, находить Франциска себѣ по вкусу и хочеть спаси его. Братъ самъ на то согласенъ; но ему надобенъ шрупъ къ полночи; какъ честный человекъ, онъ хочеть сдержашь свое слово; но въ шакую позднюю пору, гдѣ промыслишь человека на убой? Жертва сама представляется. Это Бланка. Отецъ расказалъ ей все, даже доспавилъ возможность бышь свидѣтельницаю распущствъ Франциска. Это ничего для ней: она рѣшается пожертвовашь ему своею жизнію; въ полночь, переодѣвшись кавалеромъ, шолкается въ двери и падаетъ, [пораженная смертнымъ ударомъ. Такая развязка нисколько ни пронула зрительей. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему было жертвовашь собой развращнику, человеку, кошорый надъ ней шакъ жестоко упошребилъ во зло свою силу и могущество, кошорый обезчестилъ ее, шогда какъ бы долженъ былъ возвращишь ей честь и возвысишь ее въ собственнѣхъ своихъ глазахъ?“

„Здѣсь оканчивается дѣйствіе. Развязка была уже всѣми предугадана заранѣе. Трибуле приходишь въ полночь, доплачиваешь условленную цѣну и беретъ мѣшокъ съ шрупомъ. Слѣдуетъ длинный монологъ, кошорый, не смотря на возвышенность философическихъ идей, показался смертельно скучнымъ. Мысль: *вотъ Король, вотъ шутъ!* повшорялась безпрешанно въ разныхъ варіаціяхъ. Началась оглушительная война сви-

спковъ и рукоплесканій. И посреди шума, намъ едва удалось понять, что Трибуле, прежде чѣмъ бросилъ прупъ въ рѣку, хочеть видѣть лице развращника, обезчестившаго дочь его. Онъ распарываетъ мѣшокъ кинжаломъ и вмѣсто врага своего находишь умирающую дочь; хочеть возвратишь ее къ жизни, но щепшно; несчастная умираеть въ его объятіяхъ.“

„Такова сія драма, гдѣ, повпоряемъ, высокія поэтическія красоты соединены съ самыми безобразными нелѣпостями! По крайней мѣрѣ должно сознашь, что если В. Гюго упалъ, то не отъ скудости силъ и генія, а отъ существеннаго недоспапка своей системы: отъ того, что хотѣлъ живописать нравы, опвергаемые приличіемъ или, если угодно, лицемѣриемъ нашего вѣка; отъ того что считалъ себя въ правѣ и въ силѣ переходишь отъ одного рода къ другому или лучше смѣшиваешь всѣ роды. Тогда какъ онъ сознаеть свою ошибку и возвратишь къ спрогому, изящному величію древняго искусства, онъ займешь непререкаемо первое мѣсто между современными драматургами. Даже и эта піеса, какова ни ешь, могла бышь создана только его геніемъ!“

Не имѣя подъ руками драмы В. Гюго, мы не можемъ ничего прибавишь къ сужденію Парижскаго рецензента. Скажемъ только, что піеса сія, послѣ перваго представленія, оффициально запрещена въ самомъ Парижѣ, какъ оскорбительная для общественной нравственности. Avis aux lecteurs!

О Г Л А В Л Е Н І Е

О Д И Н Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Духи. * * *	45
Слезы. (<i>Н. Тепловоѣ</i>).	186
Куликово поле. (<i>В. Красова</i>).	809

ПРОЗА :

Испанскій Грандѣ. Повѣсть (<i>Бальзака</i>)	46
Переправа чрезъ Березину. (<i>Бальзака</i>)	186, 312 и 440
Рожденіе Наполена. Изъ Сценъ Военной Жизни (1769).	254
Мірозданіе, по Монгольскимъ понятіямъ. (<i>В. Соколовскаго</i>).	427

НАУКИ И ИСКУССТВА :

Римское Право. (<i>Ө. Морошкина</i>).	3 и 137
Божественная Комедія Данша. (Изъ <i>Вильмена</i>)	65 и 214
Новая Классификація Живошныхъ, основанная на организаціи ихъ Тѣла. (<i>Г. Фишера</i>).	127
Спашисписка Духовныхъ Учебныхъ Заведеній, за 1831 годъ.	266
Современный Духъ Анализа и Крипики	273
Современное Назначеніе Философіи. Перев. съ Франц. <i>Н. Огаревымъ</i>	416
Вѣкъ Рыцарства. (Изъ <i>Вильмена</i>)	470

КРИТИКА

- Повѣсти Михаила Погодина. *Три Части*
- Вечера на Хушорѣ близъ Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Вторая Книжка.*
- Андрей Безымянный. *Старинная Повѣсть.*
- Досуги Инвалида. *Часть Первая. I Мапушка-Мадамъ. II. Марихень.* 97
- Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ въ 1830 году: *Часть I и II.* 244
- Русскій Жилблазъ. Похожденіе Александра Сибирякова или Школа Жизни, соч. *Геннадія Симоновскаго. Двѣ Части.*
- Семейство Холмскихъ. Нѣкошорыя Черты Нравовъ и Образа Жизни, семейной и одинокой, Русскихъ Дворянъ. *Шестъ Частей.* 376
- Спихошворенія Дениса Давыдова
- Замѣчанія на Некрологію *Н. Н. Раевскаго*, изданную при Инвалидѣ 1829 года, съ прибавленіемъ Его Собственныхъ Записокъ на нѣкошорыя событія 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ, соч. *Дениса Давыдова.* 500

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ :

- Процессъ Фридриха Бенуа въ Парижѣ. (Іюнь 1832). 109 и 385
- Общественное Состояніе Жишелей Океаніи (*Бальби*) 244

Герцогиня Беррійская	422
Константинополь. Посьмо къ Г. Базеню. (<i>Мишо</i>).	511
Le Roi s'Amuse (Король Забавляется). Драма <i>Виктора Гюго</i>	53
Къ сей часпи приложенъ поршрешъ Герцогини Беррійской.	

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Т Е Л Е С К О П Ъ,

Ж У Р Н А Л Ъ

С О В Р Е М Е Н Н А Г О П Р О С В ѣ Щ Е Н І Я,

н а 1853 г о д ъ,

будеть издаваться, по тому же плану и съ той же обширностью, какъ въ прошлые два года. Издатель, признательный къ благосклонности публики, только усугубить свое усердіе къ доставленію ей полезнаго и пріятнаго чтенія во всѣхъ отношеніяхъ. Въ подтвержденіе сей ревности, не словами, а дѣломъ,

М О Л В А,

Г А З Е Т А

м о д ъ и н о в о с т е й,

выходящая при *Телескопѣ* въ видѣ особаго прибавленія, будетъ раздаваться, вмѣстѣ *двухъ*, по *три* раза въ недѣлю.

Распространенная такимъ образомъ *Молва* умножитъ и оразнообразитъ извѣстія, какъ опечесшвенныя, такъ и иностранныя, входящія въ составъ ея. Она доставитъ для себя обязанностью переда-

вашь немедленно всѣ занимательныя новостя, любопытныя явленія, замѣчательныя происшествія, изобрѣшенія и открытія по части наукъ и художествъ, современные анекдоты, слухи и шолки. Сверхъ того въ составъ ея будетъ входить библиографія всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгъ, съ подробными рецензіями, и ежегодная хроника. Лѣтописи модъ дополнятъ ея разнообразіемъ.

Въ свою очередь, *Телескопъ*, успувивъ *Молвъ* часть своего содержанія, получитъ возможность давать больше мѣста собственно занимательному чтенію или произведеніямъ Изыщной Словесности, коей кругъ доселѣ не могъ бытъ довольно обширенъ. Периодическое изданіе *Ученыхъ Записокъ* при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, въ составъ коихъ будетъ входить собственно *ученныя* статьи, облегчитъ *Телескопъ* опъ необходимости иногда жертвовать полезному занимательнымъ. Поэтому теперь содержаніе его будетъ преимущественно состояться изъ повѣстей и описаній, отрывковъ изъ лучшихъ произведеній современной литературы, біографій, характеристикъ и портретовъ знаменитыхъ представителей просвѣщенія, кар-

пинь современныхъ нравовъ. Крипическая часпъ *Телескопа*, опдавъ всъ библиографическія подробности *Молвы*, предоспавипъ себъ общія обозрѣнія современнаго просвѣщенія по всѣмъ опраслямъ наукъ и искусствъ. Въ нихъ извѣспія, сообщаемыя *Молвой*, будущъ возводипсь подъ одинъ совокупный взглядъ. Такимъ образомъ *Телескопъ* сдѣлаепся менѣе дробною, но болѣе полною лѣпописью современнаго просвѣщенія.

Для доспипженія сей цѣли, Издапель значиптельно умножилъ число выписываемыхъ имъ иноспранныхъ Газетъ и Журналовъ.

Полное изданіе, на 1833 годъ, будепъ соспояпъ изъ 24 книжекъ *Телескопа* и 156 лиспковъ *Молвы*, съ гравированными поршпрепями, каршинками модъ, мебелей, экипажей и другихъ модныхъ издѣлій, ношамп, очеркамп каршинъ и другими рисункамп и чершежамп.

Цѣна за годовое изданіе оспается паже: здѣсь въ Москвѣ 45 рублей, съ пересылкою въ другіе города 50 руб. асс. Опдѣльно ни *Телескопъ*, ни *Молва* не получаюпся.

Подписка принимается: въ Москвѣ: у Издапеля, живущаго у *Покрова въ Левшинѣ*,

въ домъ Г. Загоскина ; въ Университетской книжной лавкѣ ; въ Библиотекѣ для чтенія у Н. Глазунова ; въ книжныхъ лавкахъ А. и П. Глазуновыхъ ; въ СПБ. въ книжныхъ лавкахъ Сленина и И. и А. Глазуновыхъ. Гг. иногородные благоволяющъ адресоваться въ Газетную Экспедицію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Почтампа или къ самому Издашеля. Только въ семъ послѣднемъ случаѣ Издашеля беретъ вѣрность пересылки на свою отвѣтственность.

Н. НАДЕЖДИНЪ.

NN 21 и 22 *Телескопа* выдуть къ Новому Году ; остальные двѣ книжки въ первой половинѣ Января.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляр. Москва , Декабря 22 го дня 1832 года.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.